Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Петрозаводский государственный университет»

На правах рукописи

Каюмова Мадина Расуловна

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ЭКСПОЗИЦИЯХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ КАРЕЛИИ В 1950–1980–Е ГОДЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

Специальность 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, доцент
Александр Васильевич Антощенко

Петрозаводск–2026

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Репрезентация исторического прошлого в экспозициях Государственного историко-краеведческого музея КАССР в 1950–1980-е гг. 37

1.1. История Государственного историко-краеведческого музея КАССР и складывание системы постоянных экспозиций 37

1.2. Репрезентация исторического прошлого в экспозициях по истории дореволюционной Карелии 48

1.3. Репрезентация истории Советской Карелии в экспозициях Государственного историко-краеведческого музея КАССР (КФССР) 146

1.4. Восприятие экспозиций Государственного историко-краеведческого музея КАССР (КФССР) (по материалам книг отзывов посетителей) 234

Глава 2. Репрезентация исторического прошлого в постоянной экспозиции Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи» 240

2.1. Становление системы основной экспозиции музея «Кижи» (1940-е — 1966 гг.) 240

2.2. Реализация генерального плана развития музея (1966–1980-е гг.) 248

2.3. Репрезентация исторического прошлого в музее-заповеднике «Кижи» на примере секторов «Погост» и «Заонежская деревня» 257

Заключение 285

Список использованных источников и литературы 289

Введение

Актуальность исследования. Представление о том, что музей — это не только хранитель реликвий прошлого, но социальный институт, осуществляющий важную просветительскую функцию, окончательно утвердилось в XVIII–XIX вв. Уже в этот период активно применялся подход к экспонированию памятников истории в составе экспозиционных комплексов, где предметы сгруппированы таким образом, чтобы представлять исторические события и явления в их логическом развитии и в контексте породившей их эпохи. Исторические экспозиции должны были служить для интеллектуального, нравственного и эстетического воспитания посетителей музеев[1].

Подлинные памятники материальной культуры можно назвать уникальным ресурсом, ради приобщения к которому посетители покупают билеты в музей[2]. Музейные предметы обладают экспрессивностью, визуальной аттрактивностью, посетители музеев вполне способны сделать выводы о физических свойствах представленного на витрине материального объекта, подготовленный зритель определит эпоху создания предмета и сферу его бытования. Однако при создании экспозиции, помещая предметы в определенном порядке, включая их в экспозиционные комплексы, музейщики закладывают в них куда больше смыслов, чем те способны передать без сопроводительной этикетки. Идентичность музейного предмета, то есть его нарративная интерпретация, предшествует его индивидуальности или понятию о нем[3]. Иными словами, смысл музейных предметов раскрывается с помощью доминирующих интерпретационных теорий[4]. Музеи предстают не только в качестве институтов сохранения и распространения культурных ценностей, они являются создателями конструируемой в их стенах исторической репрезентации[5]. Музейная экспозиция может рассматриваться как своеобразный исторический нарратив, обладающий способностью фиксировать в современности и передавать в будущее ключевые аспекты идентичности того или иного общества[6].

---

[1] Герасимов Г. И. Музей как идеальное явление // Вопросы музеологии. 2020. Т. 11. Вып. 1. С. 122–123.
[2] Долак Я. Музейная экспозиция – музейная коммуникация // Вопросы музеологии. 2010. № 1. С. 109.
[3] Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003.С. 130.
[4] Hein H. S. The museums in transition: A philosophical perspective. Washington: Smithsonian Institution, 2000. P. 69.
[5] Hein H. S. Op. cit. P. 16.
[6] Линченко А. А. Проблема исторического сознания в философии и теории истории Йорна Рюзена // Известия Саратовского университета. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 22.

В России во второй половине XIX в. начала складываться сеть музеев, появились крупные музейные собрания — Третьяковская галерея, Исторический музей, Русский музей. Следуя общемировой практике экспонирования памятников истории и культуры, российские музеи утверждали представления о самобытности и древности русской культуры, они делали идею нации осязаемой для посетителей[7] и выступали инструментом формирования национальной идентичности. После революции политика уже нового Советского государства в отношении музеев значительно изменилась. Музеи, создаваемые и контролируемые государством, становились своего рода пропагандистами советского образа жизни, а также проводниками точки зрения коммунистической партии на события и явления настоящего и прошлого[8]. Музеи были встроены в советскую систему образования, идеологического воспитания и духовного производства, целью которой было утверждение унифицированной «советской» культуры. Единая культура должна была способствовать формированию определенного мировоззрения, образа жизни, идеалов и ценностей советских людей[9].

В официальных документах понятие «советский народ» описывалось как новая историческая общность людей, которую объединяли общая территория, марксистско-ленинская идеология, социалистическая экономика и культура, отношения дружбы и сотрудничества между народами и общая цель — построение коммунистического общества[10]. Важными качествами советского человека, которые должны были формироваться в процессе строительства коммунизма, являлись уважение к труду, научное и материалистическое мировоззрение, интернационализм, патриотизм, коллективизм[11]. Таким образом, в официальной риторике важными свойствами самоидентификации советского декларировались надэтничность и наднациональность, принадлежность не просто к государству или конкретному народу, а к особой исторической общности. При этом на практике, как отмечали исследователи, идентичность была сложной: она сосуществовала (в некоторых случаях вступала в конфронтацию) с этнической, региональной или профессиональной идентичностями[12].

---

[7] Лукина А. В. Социокультурные технологии формирования национальной идентичности (историко-методологический аспект): Автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / А. В. Лукина; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 26 с.

[8] Петрунина Л. Я. От традиционного музея к социальному институту // Вопросы музеологии. СПб.: Санкт-Петербургский госуниверситет, 2020. Т. 11. Вып. 1. С. 137.

[9] Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002.С. 439.

[10] См., напр.: Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК товарища Л. И. Брежнева // КПСС. Съезд XXIV. Стенографический отчет. 30 марта — 9 апреля 1971 г. В 2-х т. Т. 1. М.: Политиздат, 1971. С. 76 (26-132).

[11] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Гос политиздат, 1961. С. 62, 116, 119–120.

[12] В то же время в научной литературе встречаются представления о том, что идентичность гражданина СССР складывалась из двух идентичностей — национальной и советской. См., напр.: Барбашин М.Ю. Советская идентичность в этносоциальном пространстве: институциональные особенности // Теория и практика общественного развития. 2012. №7. С. 45–50; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 467; Татарко А. Н. Взаимосвязь множественных идентичностей и социального капитала на постсоветском пространстве: межпоколенный анализ / А. Н. Татарко, Н. В. Чуйкина // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17. № 4. С. 65–73 и др.

Содержание советских исторических музейных экспозиций, как будет показано далее, в большой степени находилось в зависимости от политической конъюнктуры и партийных документов: они задавали тон отношений государства и научного сообщества, к которому себя относили и музейщики, и предопределяли трактовку исторических тем. Исследование этих механизмов позволяет понять, как официальная идеология переводилась в конкретные экспозиционные решения, а также позволяет увидеть, как через подбор и интерпретацию предметов экспозиционеры целенаправленно выстраивали мировоззренческие и ценностные установки граждан.

Еще одним актором, который оказывал непосредственное влияние на содержание музейных экспозиций, можно назвать историческое сообщество. Актуальные исторические исследования советских историков ложились в основу музейного повествования, предлагая определенную структуру и проблематику показа подлинных памятников. Результаты исторических исследований оказывали влияние в том числе и на содержание конкретных экспозиционных комплексов. Кроме того, представители профессионального исторического сообщества, входили в состав музейных методических и ученых советов, непосредственно участвовали в обсуждении и экспертизе проектов экспозиций. Все это позволяет рассматривать взаимодействие советских исторической науки и музеев как одного из ключевых механизмов конструирования официального исторического образа, который затем использовался в культурно-просветительной деятельности музея, направленной на формирование идентичности советских граждан.

Современные исследователи нечасто обращаются к изучению экспозиций советского периода как исторических источников в контексте проблемы формирования идентичности, в то время как, например, школьные учебники по истории давно находятся в фокусе исследовательского внимания. Это создает заметный пробел в историографии и делает обращение к теме особенно востребованным. В Советском государстве музеи занимали значимое место в системе культурно-просветительных и образовательных учреждений, музейные экспозиции эффективно использовались в учебно-воспитательном процессе школы, играли значительную роль в процессе формирования мировоззрения своих посетителей[13]. О роли музея как фактора социализации и передачи советских кодов рассуждали и сами советские музейщики, называя музейные экспозиции эффективным средством пропаганды и коммунистического воспитания и ставя их в один ряд со школьными учебниками и официальными печатными органами[14]. Таким образом, применение исследовательских методов, используемых для изучения советских учебников истории, как например нарративного

[13] Коммунистическое воспитание трудящихся музейными средствами: Сборник научных трудов. М., 1983. С. 3–4.
[14] Юхневич М. Ю. Воздействие экспозиции краеведческого музея на учащуюся молодежь // Музей и посетитель: Актуальные проблемы музейного строительства. М.: НИИК, 1979. С. 31.

анализа, позволит раскрыть информационный потенциал исторических экспозиций как исторических источников.

Обращение к изучению музейных экспозиций, созданных в советское время, представляется актуальной исследовательской проблемой, так как ее решение позволит показать значение конструируемых в музеях исторических репрезентаций как эффективного инструмента, используемого государством для формирования исторической памяти общества.

Степень изученности темы. Научные работы, в которых затрагиваются обозначенные выше проблемы, можно условно разделить на несколько групп. К первой группе относятся музееведческие труды советского и постсоветского периода; в них рассматриваются вопросы репрезентации прошлого и конструирования музейного нарратива, отвечавшего целям и задачам, ставившимся перед советскими музеями. Ко второй группе можно отнести советские и современные исторические исследования, осмысляющие опыт репрезентации прошлого в советских музеях. Советские историки и музееведы обращались к теме экспозиционной деятельности исторических музеев в рамках истории советского музейного дела и деятельности конкретных музеев. В немногочисленных работах современного периода исследователи непосредственно обращаются к анализу экспозиций, как историческому источнику, изучают особенности конструирования музейных образов, соотносят их с определенной общественно-политической реальностью. Третья группа представляет собой труды как исторического так и междисциплинарного характера, посвященные формированию идентичности различных социальных групп посредством исторических музейных репрезентаций, в том числе созданных в советское время.

Первая группа представлена в основном трудами, которые носят научно-методический характер, так как в советском музееведении вопрос о том, как показывать прошлое в музеях, решался в практическом ключе. Начиная с 1950-х гг. издавались объемные методические пособия, в которых были представлены основные принципы организации музейного показа по истории СССР[15]. Советские музеи рассматривались как одно из средств пропаганды коммунистического мировоззрения. Экспозиционная работа музеев была направлена на достижение главной цели — воспитания нового поколения в духе патриотизма и «преданности социалистической Родине»[16]. Экспозиции должны были выстраиваться в соответствии

[15] См., например: Закс А. Б. Методика построения экспозиции по истории СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / М-во культуры РСФСР. Науч.-исслед. ин-т музееведения. М.: Госкультпросветиздат, 1957. 122 с.; Каспаринская С. А. Методика построения экспозиции по истории СССР: (Период капитализма 1861–1917 гг.). М., 1967. 142 с.; Линков Я. И. История социально-экономического развития России в музейной экспозиции. Вторая половина XVIII — первая половина XIX вв. М.: Госкультпросветиздат, 1957. 97 с.; Линков Я. И. Революционные и боевые традиции в музейной экспозиции: (научно-методическое пособие). М., 1960. 71 с.; Огризко З. А. Методика построения экспозиции по истории СССР: (Период феодализма) / М-во культуры РСФСР. Науч.-исслед. ин-т музееведения. М.: [б. и.], 1965. 88 с.

[16] Основы советского музееведения / М-во культуры РСФСР. Науч.-исслед. ин-т музееведения.

с представлением о последовательной смене общественно-экономических формаций, отвечать принципам идейности и партийности. Также в 1950–1960-е гг. издавались различные методические пособия по созданию экспозиций, посвященных определенной исторической тематике[17].

На долгие годы подход к построению музейных экспозиций, в том числе исторического профиля, определила монография «Основы советского музееведения», изданная в 1955 г. Коллектив авторов, специалистов центральных и региональных музеев СССР, в предисловии к изданию назвал его «пособием»[18], которое было призвано оказать помощь советским специалистам музейного дела на всех этапах создания экспозиций. Значительное место в монографии было уделено воспитательной работе, направленной, прежде всего, на молодежь, в которой центральное место должны занимать музейные экспозиции и экскурсии по ним.

Техника построения исторических экспозиций и реализация музеем воспитательных функций на основе исторических показов раскрывались в музееведческих работах в 1960-е гг.[19] В 1970–1980-е гг. в центре внимания советских музееведов были вопросы совершенствования музейных экспозиций, в том числе исторического профиля, и повышения их идейного уровня[20], кроме того, музейщиками стали проводиться социологические исследования аудитории, посещающей музеи[21]. Одним из основных выводов, связанных с изучением отношения посетителей музеев к историческим экспозициям, назывался широкий интерес музейной аудитории как к дореволюционному прошлому, так и к истории советского периода. Кроме того, отмечалось, что посетители обращают внимание в большей степени на репрезентации конкретных событий, процессов и явлений, характерных для истории их края[22].

В 1988 г. советскими музееведами совместно с коллегами из Германской Демократической Республики было подготовлено и издано учебное пособие для вузов по специальности

М.: Госкультпросветиздат, 1955. С. 3.

[17] Михайловская А. И. Местная история и краеведческий музей: Изучение и показ в краеведческом музее социально-экономических отношений второй половины XVIII — первой половины XIX в. / Под ред. К. Г. Митяева; М-во культуры РСФСР, Науч.-исслед. ин-т музееведения. М., 1960. 173 с.

[18] Основы советского музееведения. С. 6–8.

[19] См., например: Игнатьева В. И. Музееведение: Советские музеи (учебное пособие). М., 1968. 61 с.; Михайловская А. И. Музейная экспозиция: (Организация и техника) / Под ред. проф. Ф. Н. Петрова и проф. К. Г. Митяева. М.: Сов. Россия, 1964. 518 с.; Роль музеев в коммунистическом воспитании трудящихся / М-во культуры РСФСР, Науч.-исслед. ин-т музееведения; под ред. А. С. Королевой. М., 1966. 241 с.

[20] См., например: Музей и современность: Проблемы совершенствования экспозиций по истории советского общества / Науч. ред. А. Д. Тимрот; М-во культуры РСФСР. Науч.-исслед. ин-т культуры. М., 1975. 295 с.; Вопросы совершенствования музейных экспозиций: Отделы истории СССР дооктябрьского периода. М.: НИИ культуры, 1981. 164 с.; Музейное дело в СССР: Актуальные проблемы совершенствования музейных экспозиций. Сб. науч. тр. / Центр. музей революции СССР. М., 1982. 184 с.; Вопросы совершенствования научного содержания экспозиций краеведческих музеев. М., 1987. 40 с.; Всесоюзная научная конференция-семинар музейных сотрудников «Задачи совершенствования выставочной деятельности как одной из важнейших форм работы художественных музеев СССР», ноябрь 1985 г. / М-во культуры СССР, Академия художеств СССР. М., 1985. 237 с.

[21] Музей и посетитель / Сост. В. А. Пронин. Вып. 1. М., 1975. 123 с.; Вып. 2. М., 1976. 175 с.; Вып. 3. Вопросы социологического исследования в области музееведения. М., 1978. 149 с.; [Вып. 4.]: Актуальные проблемы музейного строительства / Сост. Д. А. Равикович. М., 1979. 158 с.

[22] Павлюченко Э. А. Посетитель музея и история края // Музей и посетитель. Вып. 2. 1976. С. 38–39.

«История» «Музееведение. Музеи исторического профиля». В нем представлены теоретические основы музееведения и научная методика построения исторических экспозиций[23]. Как и прежде, основным направлением деятельности музеев социалистических стран утверждались гражданское воспитание, пропаганда революционных, трудовых и культурных традиций своих народов[24]. Учебное пособие задумывалось как замена «Основ советского музееведения» (1955), однако авторы не предлагали принципиально новую концептуальную основу исторических экспозиций. Исторические музейные репрезентации должны были отражать прошлое на базе формационной теории «с позиций рабочего класса, с позиций демократии, борьбы за мир и содружества народов»[25], а ключевыми задачами музеев оставались пропаганда советского образа жизни и распространение коммунистического мировоззрения[26].

Помимо монографий и методических пособий техника и конкретные приемы построения исторических экспозиций предлагались в журнале «Советский музей», который издавался в 1983–1992 гг. В журнале освещались актуальные вопросы экспозиционной работы, реставрации, музейной педагогики, хранения коллекций и краеведения, публиковались обзоры выставок, материалы о музейных сокровищах и международном опыте. Издание способствовало консолидации профессионального сообщества, транслируя передовые методики и поддерживая связь между музеями разных регионов. В то же время, предлагаемые методики к построению исторических экспозиций не выходили за рамки подходов, уже обозначенных в ключевых трудах по советскому музееведению. В начале 1990-х гг. издание журнала прекратилось из-за финансовых трудностей и утраты государственной поддержки.

Таким образом, на протяжении 1950–1980-х гг. в СССР взгляды специалистов на репрезентацию исторического прошлого и построение исторических экспозиций не претерпевали значительных изменений. Несмотря на расширение музейных функций, формальном утверждение музеев в статусе научных учреждений, приоритетным направлением их деятельности оставались воспитание и пропаганда ценностей советского общества, а основным инструментом для достижения этих целей была историческая музейная экспозиция. Выделенная группа исследований в настоящей работе играет также значимую роль как историографический источник для изучения условий создания исторических музейных экспозиций и изменении этих условий.

Ко *второй группе* можно отнести советские и современные исторические исследования, осмысляющие опыт репрезентации прошлого в советских музеях.

С 1957 г. Научно-исследовательским институтом музееведения (с 1969 г. — Научно-

[23] Музееведение. Музеи исторического профиля: Учебное пособие для вузов по спец. «История» / Под. ред. К. Г. Левыкина, В. Хербста. М.: Высш. шк., 1988. 431 с.
[24] Там же. С. 3.
[25] Там же. С. 44.
[26] Там же. С. 47.

исследовательский институт культуры) была начата публикация сборников статей «Очерки истории музейного дела в СССР (России)». Всего в свет вышло семь выпусков, последний выпуск издан в 1971 г. В сборниках статей экспозиционная деятельность музеев раскрывалась на примере конкретных исторических периодов, отдельных музеев и музейной сети регионов, однако музеи послевоенного периода редко попадали в фокус внимания исследователей, так же как и реализация ими образовательной и воспитательной функций[27]. В то же время, несмотря на то что объектом исследования в большинстве своем выступали именно музеи исторического профиля, вопросы репрезентации прошлого зачастую отходили на второй план, уступая место конкретно-исторической проблематике.

Среди включенных в сборники материалов, в которых вопросы репрезентации прошлого находят отражение, можно назвать статью А. Б. Закс, посвященную развитию Государственного исторического музея в Москве в 1917–1941 гг. Автор показал, как складывалась экспозиция музея в этот период, какие постановления партии и правительства оказывали влияние на организацию музейного показа, какие причины привели к перепрофилированию музея. Также в статье затрагивались вопросы взаимодействия музея со школами, в 1930-е гг. музейную экспозицию начали предлагать педагогам и ученикам как наглядное пособие по истории Российского государства, соответствующее вновь установленным стандартам преподавания истории в школах[28].

Результатом деятельности большого коллектива авторов, объединившего историков и музееведов, стал двухтомник «Музей и власть», изданный в 1991 г. В нем в критическом ключе рассмотрена история развития дореволюционных и советских музеев в том числе в послевоенный период. В предисловии отмечалось, что обращение к изучению государственной музейной политики в период, когда «историческая наука начала постепенно освобождаться от догматических представлений»[29], становилось особенно актуальным, так как давало возможность ответить на вопрос о конкретных причинах тех или иных решений государства в области музейного дела, в том числе и влиявших на репрезентацию прошлого в музеях. Советскому периоду в истории музейного дела России была посвящена статья В. И. Златоустовой[30]. Автор выделил некоторые характерные черты музейного дела в рассматриваемый период. Отмечалось в частности, что советская государственная политика в сфере музейного дела обуславливалась устойчивой политизацией культуры, определявшей

---

[27] Разгон А. М. К вопросу об изучении истории музейного дела // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. VII. М.: Советская Россия, 1971. С. 8.

[28] Закс А. Б. Из истории Государственного исторического музея (1917–1941 гг.) // Очерки музейного дела в России. Вып. II. М.: Советская Россия, 1960. С. 300–378.

[29] Музей и власть: Сборник научных трудов / Отв. ред. С. А. Каспаринская. Ч. 1: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). М., 1991. С. 5.

[30] Златоустова В. И. Государственная политика в области музейного дела (1945-1985 гг.) // Музей и власть: Сборник научных трудов. Ч. 1. Государственная политика в области музейного дела (XVIII-XX вв.). М., 1991. С. 226–298.

восприятие музея преимущественно как культурно-просветительного учреждения, а отсутствие целостной концепции развития музейного дела предопределяло противоречивость и непоследовательность управленческих решений[31].

В 1990-е гг. в результате изменений общественно-политического характера идеологический контроль над музейной работой был практически нивелирован. Советские исторические экспозиции, переставшие отвечать запросу общества о репрезентации прошлого страны, демонтировались. Начался поиск новых форм взаимодействия истории и музея, одновременно в научной среде усилилось стремление к обобщению и рефлексии советского музейного опыта[32]. Научное осмысление взаимодействия музеев и исторической науки, а также новые подходы к репрезентации прошлого в музеях предлагали историки и специалисты в области музейного дела В. Ю. Дукельский[33] и Т. П. Поляков[34]. Анализируя опыт предыдущей эпохи и отмечая его негативные черты, они в своих статьях противопоставляли советский музей и музей будущего.

Проблема осмысления советского периода в истории российских музеев и опыта репрезентации исторического прошлого в экспозициях, созданных в музеях СССР, оставалась актуальной и в 2000-е гг. В монографии «Музеи в мировой культуре» историк Т. Ю. Юренева называет советские музеи «политико-просветительными комбинатами»[35]. Целью деятельности этих «комбинатов» была пропаганда определенного образа жизни и ценностей советского общества. По мнению автора, в советских музеях во главу угла ставилась идейная составляющая экспозиций, ради которой музейные работники жертвовали эстетикой и предметностью.

В настоящее время российские исследователи также обращаются к вопросам репрезентации прошлого в музеях: отдельных событий, целых эпох и исторических явлений, разрабатывают теоретические и практические подходы к их решению. Несмотря на то, что в качестве объектов изучения выступают в основном современные музеи и музейные экспозиции, советский экспозиционный опыт также попадает в орбиту исследовательского интереса.

Например, в сборнике «Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки», изданном в 2015 г., целый ряд статей посвящен анализу подходов к репрезентации

---

[31] Златоустова В. И. Указ. соч. С. 290–291.

[32] См., например: Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев: по материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле. М.: Гос. ист. музей, 2002. 294 с.

[33] Дукельский В. В поисках музейной концепции истории // Музейная экспозиция: Теория и практика. Искусство экспозиции. Новые сценарии и концепции: На пути к музею XXI века: Сб. трудов. М., 1997. С. 33–41.

[34] Поляков Т. П. Музейная экспозиция как художественная модель исторического процесса // Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции) / Т. П. Поляков. М., 1997. С. 56–57; Поляков Т. П. Семь дней в Святом городе: Сценарная концепция исторической экспозиции Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея (Тюменская область) // Музейные сценарии / Под. ред. Н. А. Никишина. М., 1997. С. 5.

[35] Юренева Т. Ю. СССР: От «храма науки» к «политико-просветительному комбинату» // Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре М.: Русское слово-РС, 2003. С. 378.

исторического прошлого в современных музеях, которые сравниваются с методами, характерными для музеев советского периода[36]. Авторы статей противопоставляют плюрализм в интерпретациях прошлого, утвердившийся на современном этапе как в исторической науке, так и в современных музейных экспозициях, монополии на историческое знание, существовавшей в советское время.

В сборнике статей «Политика аффекта: Музей как пространство публичной истории»[37] в фокусе оказываются вопросы использования эмоционального потенциала экспозиций для показа событий прошлого в том числе рассматриваются практики советских музеев[38].

Репрезентация прошлого в экспозициях советского периода является объектом исследования ряда современных российских историков Е. В. Аброськиной, Н. А. Гусарова, Е. И. Красильниковой и др.[39] Они обращаются к тексту советских экспозиций как историческому источнику, обозначают научный потенциал и перспективы разработки этого источника для исторических и историографических исследований, на конкретных экспозиционных материалах показывают, как в советском музее показывали те или иные исторические сюжеты, процессы, и даже целые эпохи. Хронологические рамки в основном охватывают период 1920–1930-х гг., то есть послевоенные экспозиции советских музеев становятся объектами исследования крайне редко.

Отдельные аспекты истории экспозиционной и культурно-просветительной деятельности

---

[36] Куприянов П. С. Историческая экспозиция глазами посетителя: к проблеме музейной реконструкции // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. Л. И. Бородкин, А. Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. С. 530–553; Маркова С. В. Образ врага в экспозиции провинциального музея (на примере Воронежского областного краеведческого музея). 1943–2013 гг. С. 615–624; Немчинов В. М. Проблемы и перспективы музейной репрезентации исторического сознания: опыт творческой коммуникации // Там же. С. 565–587; Лермонтова Е. Н. Музейная экспозиция в пространстве культуры и истории: границы инвариативности // Там же. С. 587–594; Альдибекова Т. Т. Репрезентация истории Казахстана в экспозиции Национального музея // Там же. С. 594–602.

[37] Политика аффекта: Музей как пространство публичной истории / Под ред. А. Завадского и др. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 400 с.

[38] Силина М. «Эмоциональное мышление» и «самоговорящие вещи»: к истории аффекта в советских музеях 1920–1930-х гг. // Там же. С. 151–173; Гаврилова С. Наследие советских теоретических и экспозиционных методов в современных краеведческих музеях // Политика аффекта. С. 174–194.

[39] Аброськина Е. В. Между молотом и серпом: Судьба репрезентации культуры корейцев Еврейской автономной области в Государственном музее этнографии в 1937 г. // Музей. Памятник. Наследие. 2020. № 2 (8). С. 92–103; Аброськина Е. В. «Рука помощи братским народам»: История «Славянского вопроса» в экспозициях Государственного музея этнографии в 1930–1950-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 1 (87). С. 1; Аброськина Е. В. «Свободные женщины Востока»: репрезентация советской политики в области женского вопроса в экспозициях Государственного музея этнографии в 1920–1930-е гг. // Музей. Памятник. Наследие. 2022. № 2 (12). С. 106–119; Гусаров Н. А. Интерпретация прошлого в экспозициях Артиллерийского исторического музея в 1930-е гг. // Вопросы музеологии. 2019. № 10 (1). С. 68–78; Красильникова Е. И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции Омского музея в 1920-е гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 91–103; Красильникова Е. И. Проблемы репрезентации коллективной памяти о прошлом в музейной экспозиции Государственного Западно-Сибирского краеведческого музея (1920-е — первая половина 1941 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 1. С. 91–103; Красильникова Е. И. Проблемы репрезентации исторического прошлого в экспозиции Омского краеведческого музея (1929 — первая половина 1941 г.) // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 4 (27). С. 51–58; Кузнецов А. А. Проблемы и преобразования в деятельности краеведческих музеев в СССР в 1930-е гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2026. № 1. С. 131–137.

государственных музеев, в том числе и в советский период, нашли свое отражение в научных работах историков и специалистов музейного дела Карелии. Среди ученых, разрабатывавших научные проблемы, связанные с историей музеев Карелии, можно отметить М. Л. Гольденберга, Б. А. Гущина, В. А. Гущину, Е. В. Дианову, Л. И. Капусту, С. Н. Филимончик[40]. Результаты исследований по истории карельских музеев публикуются также в периодических изданиях Национального музея Республики Карелия «Вестник Национального музея Республики Карелия» (до 2011 г. — «Вестник Карельского краеведческого музея: сборник научных трудов»), Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи» «Кижский вестник» и др.

Необходимо отметить, что в историографии музейного дела Карелии до сих пор отсутствует обобщающий труд, в котором бы системно раскрывались особенности развития музеев, музейной сети и специфика музейной практики в республике в советское время. Существующие исследования носят преимущественно локальный характер: в рамках статей рассматриваются отдельные хронологические отрезки, знаковые события музейной жизни или деятельность отдельных музейных руководителей и специалистов. Такой подход позволяет детально реконструировать частные сюжеты, но не дает целостной картины становления и эволюции музейного дела. В результате многие институциональные процессы, динамика экспозиционной работы, особенности взаимодействия музеев с органами власти и местной общественностью раскрыты лишь точечно и требуют дальнейшего научного осмысления.

Обратимся к *третьей группе* трудов, которая объединяет исследования исторического и междисциплинарного профиля, посвященные изучению политики памяти и формированию идентичности различных социальных групп посредством исторических музейных экспозиций.

В 1990-е — 2000-е гг. как российские, так и зарубежные исследователи стали активно обращаться к изучению вопросов формирования или конструирования различных идентичностей, в частности «советской идентичности». Музеи, как социальные институты, которые участвуют в процессе формирования представлений общества о самом себе, попали в фокус исследовательского внимания в 2000–2010-е гг. Роль музеев в формировании

[40] См., например: Гольденберг М. Л. История Марциальных Вод в постоянной экспозиции Национального музея Республики Карелия // Марциальные Воды в истории Карелии и России: материалы научной конференции (12-13 сентября 2019 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2019. С. 51–57; Гольденберг М. Л. Лабиринт Ивана Мулло // Вестник Национального музея Республики Карелия. Петрозаводск, 2016. Вып. 7. С. 3–7; Гущин Б. А. Из опыта реконструкции интерьера крестьянских жилищ в музее «Кижи»; Интерьер дома Бутина из деревни Пялозеро Пудожского района Республики Карелия // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 3–20; Гущина В. А. Наш опыт изучения памятников Кижского архитектурного ансамбля (1966–2015 гг.) / В. А. Гущина, Б. А. Гущин // Изучение и актуализация традиционной культуры: (к 50-летию музея-заповедника «Кижи»). Петрозаводск, 2016. С. 85–107; Дианова Е. В. Собрание предметов Карельского областного музея: приобретения и потери 1920-х годов // Вопросы музеологии. 2018. Т. 9. Вып. 2. С. 242–255; Дианова Е. В. Краеведческие музеи и кооперация Европейского Севера: опыт сотрудничества (первая четверть XX в.) // Вопросы музеологии. 2015. № 1 (11). С. 5–64; Капуста Л. И. Из истории музейного дела в Карелии // Краеведение и музей. Петрозаводск, 1992. С. 5–12; Филимончик С. Н. Музейное строительство // Филимончик С. Н. Карелия в период советской модернизации, 1920–1930-х гг. /. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2024. С. 783–792.

идентичности различных социальных групп: городского сообщества, жителей регионов и др. рассматривались, например, в статьях Е. А. Богатыревой[41] и А. А. Никоновой[42]. Авторы изучали экспозиционную деятельность и коммуникативные практики современных музеев, способствовавшие передаче ценностей общества, а также утверждению определенной коллективной идентичности посетителей музеев.

В настоящее время проблема формирования идентичности в музеях рассматривается учеными также в основном в контексте деятельности современных музейных учреждений. Авторы исследований анализируют способы построения исторических музейных показов и предметный ряд экспозиций, делают выводы о том, как музейные экспонаты воздействуют на посетителей, какой воспитательный эффект имеет приобщение к памятникам истории посредством музея[43]. Авторы показывают, какую роль играет историческая память, транслируемая посредством экспозиций, в процессе формирования коллективной идентичности[44]. Вопросы формирования этнической идентичности посредством ретроспективных, художественных, этнографических музейных экспозиций на примерах советского народа и немногочисленных этнических групп — немцев Поволжья, алтайцев, рассматриваются в работах Е. В. Болдыревой, Т. С. Киссер, Д. В. Маслова[45]. В диссертационном исследовании М. Л. Шуб современные музеи показаны как ключевые институции конструирования культурной памяти и актуализации исторических нарративов[46]. В работе

---

[41] Богатырева Е. А. Музей как фактор формирования духовно-культурной идентичности населения современного российского мегаполиса // Вестник МГУКИ. 2009. № 6. С. 86–91.

[42] Никонова А. А. Роль музея в формировании культурной идентичности // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 119–123.

[43] См., например: Буракова А. С. Отражение истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны в экспозициях музеев Витебской области // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. 2010. Т. 9. С. 100–105; Дугинец С. М. Деятельность музеев Ставрополья по сохранению наследия Великой Отечественной войны в 1941–1991 гг. // Военно-исторический журнал. 2019. № 8. С. 58–63; Скворцова Л. Г. История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в экспозициях школьных музеев г. Саранска // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2015. № 3(31). С. 38–41.

[44] См., например: Алмакучуков К. Исторический музей и его роль в формировании политики памяти и идентичности в современном Кыргызстане // Muzeum.kz. 2023. Т. 1. № 4. С. 1–6; Блинова А. Н. Идентичность через музей: трансляция культурного наследия немцев Омского региона / А. Н. Блинова, Е. А. Шлегель // Кунсткамера. 2020. № 2 (8). С. 7–18; Ворошин С. Д. Роль университетского музея в формировании культурной идентичности студенчества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17. № 1. С. 89–103; Геворгян Л. П. Роль культурно-образовательной деятельности этнографических музеев в формировании национальной идентичности // Артикульт. 2014. № 4 (16). С. 65–74; Фадеев П. В. Роль музеев Ханты-Мансийского Автономного округа в формировании идентичности посетителей // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 10 (136). С. 52–65; Шелегина О. Н. Роль музеев в формировании и трансляции позитивного имиджа Сибирского региона // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 74–80.

[45] Kisser T. S. Museum and the Russian Germans Identity // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2022. № 1 (11). С. 102–113; Болдырева Е. В. Традиции советских художественных музеев: роль в формировании национальной идентичности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 61. С. 58–65; Маслов Д. В. Локальные музеи и репрезентация этнической культуры алтайцев: Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.07 / РАН ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 2017. 41 с.

[46] Шуб М. Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве: дис. ... доктора культурологи: 24.00.01 / Челябинский гос. ин-т культуры.

анализируется полифония мемориальных стратегий современных музеев — их ориентация на диалог с разнородными аудиториями, учет множественных идентичностей, использование экспозиционерами интерактивных и медиатехнологий, а также степень вовлеченности музеев в конкурентное поле различных «политик памяти», отражающих разнообразие социальных, этнических и локальных нарративов.

Современные зарубежные исследователи также обращаются к изучению музейных экспозиций своих стран в контексте проблемы формирования идентичности. В фокусе их внимания оказываются как музейные показы прошлого[47], так и современные экспозиции[48]. Зарубежные авторы отмечают огромный потенциал музеев в утверждении представлений общества о самом себе. Методы, которыми пользуются музеи для конструирования и даже перестройки идентичности, изучаются на основе теории коллективной памяти.

Особое внимание музеям исторического профиля как институтам памяти уделяют ученые Германии. Музеи в их исследованиях рассматриваются как одно из средств формирования коллективной памяти, а также как формат исторической репрезентации. Общими местами в исследованиях немецких ученых являются следующие тезисы: музейные экспозиции создаются для определенных, в том числе идеологических и политических, целей и существуют внутри определенного политического дискурса. Для анализа экспозиций используется инструментарий исторического анализа дискурса. В рамках такого подхода исследуются дискурсы виктимизации и героизации, выявляются исторические фигуры, о которых сознательно умалчивается, и события, которые целенаправленно преданы забвению[49].

Одним из исследователей, обращающихся к изучению музейных экспозиций, можно назвать немецкого историка А. Ассман[50]. В своей монографии «Забвение истории» автор в некоторых главах прибегает к анализу музейных репрезентаций, созданных в музеях Германии 1970-х — 2000-х гг. Мотивы создания экспозиций соотносятся с конкретной общественно-политической ситуацией в Германии, сложившейся на момент работы над музейными показами, для того, чтобы ответить на вопрос, в какой мере эти выставки отвечали запросам общества о той или иной интерпретации исторического прошлого, в чем причины успеха или, наоборот, потери актуальности экспозиций. В отличие от советских музеев, которые должны были

Челябинск, 2018. 491 с.

[47] См., например: Coombes A. E. Museums and Formation of National and Cultural Identities // Grasping the World: The Idea of the Museum / Ed. by D. Preziosi, C. Farago. London: Routlege, 2004. P. 57–68.

[48] Zhang C. X. Politics of memories: Identity construction in museums / C. X. Zhang, H. Xiao, N. Morgan, T. P. Ly // Annals of Tourism Research. 2018. Vol. 73. P. 116–130; Ravasi D. The Stuff of Legend: History, Memory, and The Temporality of Organizational Identity Construction / D. Ravasi, V. Rindova, I. Stigliani // Academy of management Journal. 2019. Vol. 62. No 5. P. 1523–1555.

[49] Махотина Е. А. Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: новые направления memory studies в Германии // Методологические основы изучения политики памяти: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 82.

[50] См., например: Assmann A. Konstruktion von Geschichte in Museen // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2007. V. 49. P. 6–13; Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.

транслировать марксистско-ленинские взгляды на исторический процесс[51], многие выставки и даже музеи в Германии создавались по инициативе общественных организаций, выполняющих запрос определенных социальных групп на репрезентацию истории с их точки зрения. В результате появлялись конкурирующие за свою «правду» экспозиции, в которых рассказывалось об одних и тех же исторических событиях и явлениях с разных точек зрения[52]. Таким образом, анализ А. Ассман музейных репрезентаций в Германии демонстрирует, что формирование исторической памяти в музейном пространстве обусловлено общественно-политическим контекстом и конкуренцией различных трактовок прошлого, в отличие от идеологически детерминированного подхода советских музеев.

Шотландская исследовательница Ф. МакЛин в своих статьях разрабатывает проблему роли современных музеев в формировании национальной идентичности[53]. В качестве примеров Ф. МакЛин обращается к экспозициям музеев Шотландии, социологическим опросам посетителей музеев, практикам работы музейных специалистов. Музей рассматривается автором как агент социальной интеграции: обращение к историческому прошлому Шотландии и символам шотландского народа способствует формированию общей национальной идентичности у современных жителей Шотландии.

Обращение к работам зарубежных исследователей, предлагающих различные подходы к изучению музейных показов о прошлом, позволяет увидеть системные механизмы, характерные для исторических музейных репрезентаций, через которые прошлое работало на формирование идентичности.

Подводя итог, можно отметить, что степень изученности проблематики репрезентации прошлого в советских музеях носит фрагментарный и асимметричный характер. Существующая историография достаточно полно раскрывает нормативно-методическую базу советского музееведения, а также фиксирует общие идеологические установки, определявшие экспозиционную политику в советское время. Хорошо исследован ранний советский период (1920–1930-е гг.) — в нем историки выделяют экспериментальный характер экспозиционных практик и последующий переход к их унификации. В то же время послевоенный период (1950–1980-е гг.), несмотря на его значимость для окончательного закрепления и унификации исторического музейного нарратива, что отмечается в некоторых исследованиях, остается существенно менее проработанным. Экспозиции этого времени редко становятся

---

[51] Музееведение. Музеи исторического профиля. С. 47.

[52] Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 262.

[53] Mclean F. Constructing the Identity of a Nation: The Tourist Gaze at the Museum of Scotland / F. McLean, S. Cooke // Tourism Culture & Communication. 2003. Vol. 4. No 3. P. 153–162; McLean F. Introduction: Heritage and Identity // International Journal of Heritage Studies. 2006. Vol. 12. No 1. P. 3 7; McLean F. The Impact of Museums upon Identity / F. McLean, A. Newman // International Journal of Heritage Studies. 2006. Vol. 12. No. 1. P. 49–68.

самостоятельным предметом анализа, чаще выступая фоном для рассмотрения иных вопросов.

Формирование идентичности советских граждан посредством музейных экспозиций также не нашло достаточного отражения в научной литературе. Большинство исследователей затрагивают проблемы конструирования национальной идентичности, отмечая, тем не менее, что это лишь один аспект самоопределения советского человека.

Можно отметить также, что в современных исследованиях обозначен, но недостаточно раскрыт потенциал музейных экспозиций как исторического источника для изучения механизмов конструирования идентичности. Анализ экспозиционного текста как исторического нарратива позволит показать его роль в процессе социализации советских граждан.

Объектом исследования является содержание исторических репрезентаций, создаваемых в экспозициях советских музеев.

Предмет исследования — исторические музейные экспозиции государственных музеев Карельской АССР (далее — КАССР) (в 1940-1956 гг. — Карело-Финской ССР (далее — КФССР)) как фактор формирования идентичности советских граждан в 1950-1980-е гг.

Цель исследования — раскрыть влияние исторических музейных репрезентаций на формирование идентичности советских граждан на примере экспозиций государственных музеев Карелии — Государственного историко-краеведческого музея КАССР (в 1939–1956 гг. — Государственного историко-краеведческого музея КФССР) и Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Определить место советских музеев исторического профиля в системе идеологического воспитания и формирования мировоззрения советских граждан в 1950–1980-е гг.

2. Охарактеризовать процесс становления и развития Государственного историко-краеведческого музея КАССР и Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи» в 1950–1980-е гг. в контексте их экспозиционной деятельности.

3. Выявить динамику изменений исторического нарратива в экспозициях государственных музеев Карелии в связи с колебаниями общественно-политического курса на примере экспозиционных отделов «История дореволюционной Карелии» и «История Советской Карелии» Государственного историко-краеведческого музея КАССР и экспозиционных секторов «Погост» и «Заонежская деревня» Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи».

4. Определить основные формы взаимодействия музеев и исторического сообщества в рассматриваемый период, раскрыть влияние историографической ситуации на репрезентацию прошлого в экспозициях музеев, а также границы творческой самостоятельности экспозиционеров.

5. Раскрыть специфику конструирования исторического нарратива в Государственном историко-архитектурном и этнографическом музее-заповеднике «Кижи» через систему повторяющихся повествовательных мотивов.

6. Выявить особенности восприятия музейной аудиторией идейного содержания экспозиций и определить результативность воздействия экспозиционного нарратива на аудиторию.

Выбор **хронологических рамок** исследования определяется спецификой экспозиционной деятельности музеев Карелии, которая активизировалась в конце 1940-х — начале 1950-х гг. К этому времени относится становление системы основной экспозиции крупнейших музеев исторического профиля в регионе — Карельского государственного историко-краеведческого музея и Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи».

Выбор верхней границы хронологических рамок объясняется тем, что музейные выставки и экскурсии во второй половине 1980-х гг. стали своеобразным индикатором научных, творческих, художественных поисков музейных сотрудников. Устаревшие формы работы с посетителями, а также традиционное для советских музеев концептуальное содержание экспозиций перестали удовлетворять запросам общества. Одним из ключевых факторов, оказавших влияние на исторические музейные экспозиции в этот период, оказался кризис советской историографии, вызванный как институционально-политическими и социальными изменениями, так и внутренним концептуальным «тупиком»[54]. Советская историческая наука не могла более обеспечивать теоретическое наполнение музейного нарратива. После распада СССР, с 1990-х гг., начался новый период в развитии музейного дела в России, который характеризовался поиском новых форм взаимодействия истории и музея.

Теоретико-методологическая основа. Понятие «репрезентация» широко используется в современных научных исследованиях[55]. Применительно к историографии проблема взаимоотношения понятий «репрезентация» и «интерпретация» рассматривается, например, французским историком и философом П. Рикером[56]. Немецкий историк А. Ассман в своих работах использует понятие «репрезентация» в контексте проблемы взаимоотношения между

---

[54] Юдин К. А. «Критический поворот» в отечественной историографии на рубеже 1980-1990-х годов и перспективы организации исторического знания на постсоветском пространстве // На пути к гражданскому обществу. 2011. № 1-2. С. 22.

[55] См., напр.: Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание / Пер. с англ. И. Б. Новик, В. Н. Садовский. М.: Прогресс, 1988. С. 58; Зандкюлер Х. Й. Репрезентация, или Как реальность может быть понята философски // Вопросы философии. 2002. № 9. С. 88; Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С. 114–115.

[56] Рикер П. Память, история, забвение / Пер. с франц. И. И. Блауберг, И. С. Вдовина, О. И. Мачульская, Г. М. Тавризян. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. С. 329–330.

исторической наукой и памятью об исторических событиях и явлениях, которая сохраняется индивидуумом или социальной группой[57].

Исторической репрезентации посвящены труды голландского философа Ф. Р. Анкерсмита. Один из главных тезисов Ф. Р. Анкерсмита заключается в том, что исторические произведения не могут существовать вне исторической репрезентации, более того, только репрезентация оказывается доступна для исторического исследования, так как самих явлений и событий прошлого, которые она отображает, более не существует. Согласно Ф. Р. Анкерсмиту, репрезентацию можно рассматривать как своеобразную картину прошлого, которая предлагает своему зрителю занять определенную позицию по отношению к субъекту репрезентации, то есть цель создания такой картины — это формирование отношения к прошлому[58].

Подробнее раскрывая способность исторической репрезентации формировать отношение к прошлому, автор вводит словарь репрезентации. Так, теоретические концепции историка, используемые для написания исторического труда, задают определенную «систему координат», проецируемую на историческую реальность[59]. Поскольку «система координат» определяла как показывать прошлое, правильность, корректность репрезентации события, исторической персоны или целой эпохи оказывается возможным оценивать только в контексте принятой создателями репрезентации «системы координат». Под репрезентируемым понимаются аспекты, выражающие определенные черты объекта репрезентации и относящиеся к объекту изучения историка — исторической личности, предмету, событию и т. д.[60] Эти аспекты выбираются создателем репрезентации целенаправленно в соответствии с замыслом, положенным в ее основу. Вследствие этого репрезентация и приобретает способность формировать отношение к объекту репрезентации[61].

В исторических музейных экспозициях, создаваемых советскими музеями, можно отыскать все черты, которые, по мнению Ф. Р. Анкерсмита, присущи исторической репрезентации. Так, в советской музееведческой и методической литературе указывалось, что при организации исторической экспозиции советские музееведы должны пользоваться марксистско-ленинской методологией и периодизацией, принятой современной исторической наукой, в основе которой лежит учение об общественно-экономических формациях, показывать историю классовых и партийных позиций, избегая объективизма[62]. Таким образом, для создаваемых музеями

---

[57] Ассман А. Длинная тень прошлого. С. 222.
[58] Ankersmit F. R. Meaning, Truth and Reference reference in historical representations. New York: Cornell University press, 2012. P. 74.
[59] Ibid. P. 77–78.
[60] Ibid. P. 70.
[61] Ibid. P. 74.
[62] См., напр.: Методика построения экспозиции в краеведческом музее: (отдел дореволюционного прошлого) / НИИ краеведческой и музейной работы. М.: Госкульпросветиздат, 1949. С. 6; Основы советского музееведения / М-во культуры РСФСР; Науч.-исслед. ин-т музееведения. М.: Госкультпросветиздат, 1955. С. 6; Игнатьева В. Н.

экспозиций исторического профиля применялась строго очерченная система координат, которая накладывалась на конструируемую в экспозиции историческую реальность.

О тщательности отбора аспектов исторической реальности, которые предполагалось представить на обозрение аудитории, также свидетельствуют советские научные разработки по музееведению. Например, при отборе исторических памятников необходимо было не просто дать им оценку, но установить, насколько они «соответствуют исторической правде» и выявить, в какой мере они могут осветить в экспозиции характерные черты эпохи[63]. Более того, отобранные предметы должны группироваться и снабжаться вспомогательными материалами таким образом, чтобы «посетитель... усвоил основные идеи экспозиции»[64], то есть замысел, положенный в ее основу.

Из вышесказанного следует, что, обладая свойствами исторической репрезентации, историческая музейная экспозиция также имеет способность формировать отношение к объекту репрезентации, то есть историческому прошлому. Эту способность советские музееведы предлагали использовать для пропаганды марксистко-ленинских взглядов на историю, формирования коммунистических убеждений, развития материалистического понимания явлений и событий[65], что в итоге должно было способствовать достижению ключевой цели деятельности советских музеев — воспитанию граждан в духе патриотизма и преданности социалистической Родине[66].

К роли исторических репрезентаций в процессе формирования наций и национальной идентичности на примере бывших европейских колоний в Восточной Азии обращался британский политолог и социолог Б. Андерсон, автор книги «Воображаемые сообщества». Одним из тезисов автора является то, что биография нации может быть написана и организована только от настоящего к прошлому. В соответствии с этим утверждением нация с помощью народного образования, средств массовой информации и других социальных институтов конструирует свою идентичность в настоящем времени, прибегая при этом для обоснования своей древности и исконности к историческому прошлому[67]. То есть национальное самосознание и идентичность нации рождаются в результате деятельности политических и идеологических акторов.

Музеи, как институты, транслирующие ценности доминирующих элит, играли значительную

Музееведение. Советские музеи (учебное пособие). М., 1968. С. 44; Музееведение. Музеи исторического профиля. С. 44.

[63] Михайловская А. И. Музейная экспозиция. М., 1964. С. 7.

[64] Методика построения экспозиции в краеведческом музее: (отдел дореволюционного прошлого). С. 1

[65] Методика построения экспозиции в краеведческом музее: (отдел дореволюционного прошлого). С. 1; Игнатьева В. Н. Указ. соч. С. 43; Музееведение. Музеи исторического профиля. С. 47.

[66] Основы советского музееведения. С. 3.

[67] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. С. 35.

роль в том, как доминионы «воображали» историю в зависимости от преследуемых ими политических целей. Ставя в один ряд репрезентации исторического прошлого колоний, создаваемые в музеях и школьных учебниках по истории, автор отмечает, что они служили утверждением официальной идеологической программы и легитимности колониальной власти (через древность, культуру, территорию)[68]. Таким образом, Б. Андерсон делает вывод, что музеи наравне с общеобразовательными школами выступали эффективным инструментом формирования коллективной памяти[69]. Конечной целью этого процесса являлось утверждение определенной идентичности граждан как членов «воображаемого сообщества» — нации.

Предложенные Б. Андерсоном выводы о репрезентациях, создаваемых музеями, в полной мере соотносятся и с деятельностью советских музеев. Советские музеи формировали тот образ исторического прошлого, который отвечал задачам воспитания граждан в правильном идеологическом ключе. Экспозиции, в основу которых была положена формационная теория, констатировали историческую неотвратимость Октябрьской революции, утверждали легитимность власти Советов и, как результат, формировали определенную идентичность советских граждан как представителей «советского народа».

Реализация этой способности музейных экспозиций обеспечивается особой организацией коммуникативного взаимодействия с посетителями, направляющего восприятие аудитории в нужном ключе. Каналом коммуникации между экспозицией и посетителем выступает экспозиционное пространство музея, структурированное посредством продуманного маршрута (или нескольких маршрутов) осмотра. Выстраивая последовательность восприятия визуальной и текстовой информации, создатели экспозиции стремятся соотнести ее объем с когнитивными возможностями аудитории[70], обеспечивая осмысление идейного замысла даже при выборочном (нормальном) ознакомлении[71].

Стараясь охватить как можно большую аудиторию, при проектировании исторических экспозиций советские музейщики, ориентировались на усредненный образ своих будущих посетителей, то есть советских граждан[72]. Решение задачи расширения аудитории состояло в том числе в определении конкретных свойств экспозиции, которая удовлетворяла бы разнообразные категории посетителей. К таким критериям советские музееведы относили

---

[68] Андерсон Б. Указ. соч. С. 292–294.

[69] Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство, 2011. С. 189.

[70] Эко У. Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике / Пер. с итал. А. Шурбелева. СПб.: Академический проект, 2004. С. 135.

[71] Пищулин Ю. П. Посетитель и музейная информация // Музей и посетитель: Актуальные проблемы музейного строительства. М.: НИИК, 1979. С.16.

[72] Пищулин Ю. П. О социально-демографическом составе посетителей краеведческого музея / Ю. П. Пищулин, Д. А. Равикович // Музей и посетитель. Вып. 2. М., 1976. С. 3–4; Равикович Д. А. Аудитория музеев-заповедников // Музей и посетитель: Актуальные проблемы музейного строительства. М., 1981. С. 3.

целостность, завершенность, связность, направленность на эмоциональное воздействие[73]. Таким образом, чем ближе историческая экспозиция по форме приближалась к рассказу о прошлом (нарративу), тем она эффективнее воспринималась и воздействовала на посетителя. Стоит отметить, что одним из наиболее популярных способов взаимодействия посетителей с экспозициями были экскурсии — буквально рассказы о прошлом (наррации) на материалах экспозиции.

Французский философ и литературовед Р. Барт называет текст, кино, радиопередачи семиотическими системами[74], которые для коммуникации с аудиторией пользуются разными формами «рассказывания»[75]. Он расширяет сферу применения термина «нарратив» и наделяет нарративными признаками кино, комиксы, пантомиму и даже некоторые произведения живописи[76]. Эта теоретическая перспектива позволяет выйти за пределы традиционного понимания нарратива как исключительно словесного рассказа и рассматривать в его категориях иные формы организации информации, где смысловая целостность достигается не линейным изложением, а комбинацией разнородных выразительных средств. В этом контексте историческая музейная экспозиция предстает как сложная система: она «рассказывает» историю посредством целого комплекса специфических музейных средств, и действительно может рассматриваться как один из видов нарратива — не вербального или текстового, а пространственно-предметного, где роль «слов» выполняют экспонаты, роль «синтаксиса» — их композиция, совокупность пояснительных и вспомогательных материалов и маршрут осмотра, а роль «повествователя» — коллектив авторов, работавших над созданием музейного показа.

Можно отметить, что музейные экспозиции исторического профиля, созданные в советское время, обладают определенными свойствами, которые исследователи определяют как ключевые свойства нарратива:

– они организованы на основе причинно-следственных связей между событиями и явлениями прошлого, которые придают смысл и значение цепочке исторических событий что является одним из неотъемлемых признаков нарратива[77]: теоретическое основание, которое лежало в основе советских исторических экспозиций, а именно формационный подход, предполагает именно такую организацию музейного повествования;

– темпоральность и ретроспективность[78]: экспозиция обладает способностью показывать

---

[73] Юхневич М. Ю. К проблеме восприятия экспозиционного комплекса // Музей и посетитель. Вып. 2. С. 73–74.
[74] Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 229.
[75] Там же. С. 196.
[76] Там же.
[77] Рюзен Й. Кризис, травма, идентичность // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания / Отв. ред., Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 47.
[78] Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 12.; Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и

динамику и темп изменений материального мира, течения исторических процессов. В советских музеях предметы наглядно демонстрировали развитие средств производства в рамках общественно-экономических формаций;

– проявление фигуры автора, оставляющего в тексте «следы» своей оценочной позиции[79]: объективность репрезентации прошлого не была целью советских экспозиционеров, напротив, объективность воспринималась скорее буржуазной придумкой, советский музей в свою очередь мыслился как орудие пропаганды советского образа жизни и достижений социалистического строя[80]. Помимо «проявленности» коллективного автора, прослеживается и индивидуальный почерк авторов-составителей экспозиционных планов и экскурсионных текстов. Это подтверждают документы об обсуждении экспозиционных планов и методических разработок экскурсий, в которых зафиксированы различия в подходах к репрезентации отдельных тем, вплоть до конкуренции авторских концепций;

– целостность, завершенность: музейная экспозиция представляет собой почти полностью закрытую информационно-коммуникационную систему. Целостность музейного образа упраздняет неясность в транслируемом с помощью музейных средств сообщении. Начиная с отбора предметов и заканчивая созданием контекста для их размещения в пространстве залов, музейный показ работает на то, чтобы превратить абстрактную идею, каковой является, например, теория об общественно-экономических формациях, в живое, убедительное повествование. Вне целостной системы экспозиции предметы, несмотря на их ценность как объектов культурно-исторического наследия, теряют статус убедительного доказательства конструируемой в экспозиции теории или идеи и являются лишь репрезентациями самих себя.

Кроме того, нарративность музейных экспозиций отмечали и музеологи, выделяя нарративные экспозиции в особый вид музейных показов[81]. Их становление в XX в было связано с ростом просветительской роли музеев. Для таких экспозиций характерен дидактический подход: экспонаты выступают иллюстрациями к основным тезисам, а структура нередко повторяет книжную, превращая показ в «экспозицию-учебник» [82]. При этом советские музеи, делавшие акцент на образовательной и воспитательной функциях[83], сохраняли нарративность, несмотря на критику музейным сообществом избытка текстовых материалов и недостаток в экспозициях подлинных предметов.

исторический рассказ. М.; СПб.: Унив. книга, 1998. С. 13; Теребков А. С. К вопросу о трактовке феномена нарратива в современном гуманитарном знании. Сущности и истоки // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 117.

[79] Шмид В. Указ. соч. С. 74–75.

[80] Левыкин К. Г. Роль государственных музеев в расширении и углублении знаний учащихся, развитии их познавательных способностей // Коммунистическое воспитание учащихся музейными средствами. М., 1983. С. 82.

[81] Менш П. К методологии музеологии // Вопросы музеологии. 2014. № 1 (9). С. 264.

[82] Там же. С. 263–264.

[83] Левыкин К. Г. Указ. соч.С. 64–66.

В современной исторической науке активно разрабатываются методологические проблемы применения нарративного анализа к историографическим текстам. Несмотря на то что этот исследовательский метод был изобретен для анализа литературных текстов, начиная с 1960-х гг. он стал одним из подходов к изучению историографии. Осмысление исторических текстов в терминах нарратологии в разное время предпринимали такие ученые и философы, как Х. Уайт, А. Данто, У. Гэлли, А. Лоча[84] и др. Практиком нарративного подхода к анализу историографии является Ф. Р. Анкерсмит.

Одной из исследовательских задач в исторической науке, которую можно решать с помощью нарративного анализа, является выявление роли конкретных повествований в формировании идентичности социальных групп. Объектом нарративного анализа в данном случае могут выступать социально-ориентированное историописание. Его целью является утверждение той версии прошлого, которая соответствует конкретной общественно-политической ситуации, а также на установление контроля над коллективной памятью[85]. Историк, таким образом, действует в качестве проводника определенной точки зрения на события прошлого. Это справедливо как для большинства советских историков, так и для музейщиков, чье «историописание» (создание исторической музейной экспозиции) в силу применяемого к нему принципа партийности и направленности на выполнение воспитательной функции, изначально было социально-ориентированым.

Термин «идентичность» появился в словаре представителей социальных и гуманитарных наук в начале XX в., однако его использование в научных трудах активизировалось с середины 1970-х гг. Среди ученых и философов, в сфере интересов которых оказалась идентичность можно назвать как зарубежных авторов Ж. Бодрийяра, И. Гофмана, С. Хантингтона, Э. Фромма, М. Фуко[86], так и отечественных В. А. Ядова, В. С. Агеева, Ю. А. Левады[87] и многих других. На сегодняшний день в философии и гуманитарной сфере идентичность рассматривается как проблема переживания и рефлексии, самоосознания себя как целостной личности, а также

---

[84] См., например: Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубинон и В. В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.; Danto A. C. Narration and Knowledge. N. Y.: Columbia University Press, 1985. 399 p.; Gallie W. B. Philosophy and the historical understanding / By W. B. Gallie. London: Chatto & Windus, 1964. 236 p.; Louch A. R. History as Narrative // History and Theory. 1969. Vol. 8 (1). P. 54–70.

[85] Маловичко С. И. Национально-государственный нарратив в структуре национальной истории // Историческая память и российская идентичность / Под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018.С. 149.

[86] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Изд. дом «Постум», 2015. 240 с.; Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 304 с.; Фромм Э. Личность в современной культуре // Психология личности. Т. 1. Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара: БАХРАХ; М., 2000. С. 233–246; Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ «АСТ Москва», 2010. 698 с.; Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ: Транзиткинига, 2004. 635 с.

[87] Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. Т. 4. № 3–4. С. 158–182; Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 240 с.; Левада Ю. А. Ищем человека: Социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое изд-во, 2006. 384 с.

отнесения себя к тем или иным культурам, общностям и движениям, системам ценностей, идей и представлений. Субъектом идентичности может выступать не только индивид, но и социальная группа вне зависимости от количества ее членов и типа группы[88].

Один из наиболее распространенных в современной науке подходов к вопросу о формировании идентичности предлагает конструктивизм. Теоретические и эмпирические исследования конструктивистов утверждают представление об идентичности как о конструируемой, зависимой от контекста, сущности, которой свойственна подвижность, неоднозначность, множественность[89]. Методология нарративного анализа тесно связана с этим направлением историко-философской мысли, так как нарративы, по мнению представителей конструктивизма, можно рассматривать как один из способов отражения социальных конструктов[90].

Тезис о том, что в структуре идентичности индивида большую роль занимает картина мира, которая интернализируется им в процессе социализации, лежит в основе социально-психологического подхода к изучению проблемы идентичности. Сторонники данного подхода полагают, что формирование представлений о мире вокруг предшествует становлению национальной и политической идентичности, а также является основанием для их легитимации. Отождествляя себя с той или иной социальной группой, индивид упорядочивает и организует представление о себе и о группе. Кризис идентичности возникает по причине краха привычной картины мира[91]. В свою очередь поиски новой идентичности в условиях кризиса побуждают формирование новой исторической мысли, призванной пересмотреть взгляды на «учреждающее событие», которое ранее воспринималось как место и время создания его идентичности. «Учреждающее событие» в этом случае теряет свой статус, становясь в один ряд с другими историческими событиями, и приобретает уже иные функции в структуре исторического нарратива[92].

Объединяя два представленных выше подхода к определению идентичности, можно сказать, что она является результатом как целенаправленного воздействия социальных институтов, так и «контекста» жизни индивида, то есть тех условий, в которых происходит становление его картины мира. В то же время оба научных направления сходятся в том, что важным компонентом процесса формирования идентичности является историческая память,

---

[88] Дзялошинский И. М. Общественная психика и социальный порядок: В 2 т. Т. 1. Идеология и идентичность в системе общественного сознания. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2024. С. 532.
[89] Дзялошинский И. М. Указ. соч. С. 570.
[90] Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гноэзис, 2011. С. 92.
[91] Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. Издание второе, перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 184.
[92] Сыров В. Н. К вопросу о нарративной природе социальной реальности и эпистемологическом статусе исторического нарратива // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 49.

транслирующая стереотипные представления об общем прошлом членов социальной группы, и позволяющая отличить свою группу от чужой.

Как показано выше, историческая музейная экспозиция, несмотря на ряд специфических особенностей, обладает всеми признаками нарратива, следовательно, для ее изучения правомерно применять нарративный анализ. Нарративный анализ направлен на всестороннее понимание нарративов, которое предполагает раскрытие их структуры, «генетики» повествования, затрагиваемых в них тем, целевых установок и стратегий нарратора в достижении поставленных им целей, а также изучение того влияния, которое конкретный нарратив оказывает на социальную реальность в связке с целью нарратора. Использование процедур нарративного анализа позволяет исследовать способы и особенности конструирования социальной действительности, к которым прибегают те или иные группы[93].

Рассмотрим особенности исторической музейной экспозиции, конструируемой в советских музеях, как исторического нарратива и объекта нарративного анализа.

1. Экспозиции создавались с просветительской и воспитательной целями. Несмотря на то что научность была одной из принципов организации советских музеев, они на протяжении долгого времени воспринимались в основном как культурно-просветительные учреждения[94]. В отличие от научно-исследовательских работ музейные повествования как вид социально ориентированного национально-государственного нарратива предназначались для широкой аудитории, прежде всего молодежи, а не для узкого круга специалистов[95]. В то же время и сами советские граждане базовым мотивом посещения музеев называли познавательный[96]. Посетителями высоко оценивалась возможность получить достоверную научно-популярную информацию, сформировать новые знания или актуализировать уже имеющиеся за сравнительно небольшое время, требовавшееся на осмотри экспозиции[97]. Удовлетворяя потребности аудитории в новой информации, отчасти развлекая ее, автор преследовал прагматические цели — донести свою точку зрения, внедрить ее в сознание аудитории, «воспитать» аудиторию в духе своих идей.

2. Структура нарратива постоянных экспозиций советских краеведческих музеев, сложившаяся в послевоенные годы, оставалась стабильной в течение всего существования СССР. Основу экспозиций составляли отделы природы, дореволюционного прошлого и советского периода. Историческое повествование строилось по хронологическому принципу в соответствии с представлением о последовательной смене общественно-экономических

---

[93] Леонтович О. А. Указ. соч. С. 92.
[94] Златоустова В. И. Указ. соч. С. 26.
[95] Маловичко С. И. Указ. соч. С. 153.
[96] Пищулин Ю. П., Равикович Д. А. О социально-демографическом составе посетителей краеведческого музея. С. 11; Равикович Д. А. Аудитория музеев-заповедников. С. 17.
[97] Пищулин Ю. П. Посетитель и музейная информация. С. 11.

формаций. Внутри каждой хронологической единицы размещались тематические комплексы, раскрывавшие типичные для советского нарратива сюжеты (классовая борьба, борьба с внешними врагами, дружба народов и др.). Такая унифицированная структура обеспечивала предсказуемость музейного повествования для аудитории и коррелировала с содержанием школьных учебников по истории.

Стабильность структуры в других разновидностях музеев исторического профиля, каким является, например, Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи», достигалась за счет повторяющихся элементов повествования — мотивов. Исторический нарратив зачастую строится на событийности, опирающейся на определенную литературную мотивику: она позволяет повествователю упорядочить последовательность исторических фактов в рамках заданной идеологической, мифологической или художественно-сюжетной модели[98]. Одним из ключевых мотивов, прослеживаемых в рассказах о разных памятниках деревянной архитектуры, являлся мотив мастерства и таланта народных зодчих. Таким образом, с помощью описанного мотива повествование экскурсовода непротиворечиво объединяло в себе памятники разных эпох, созданных с разными целями, отвечало критериям целостности и завершенности. Выявление мотивов является одной из целей нарративного анализа и позволяет проследить их роль в построении и развитии сюжета[99], а также ответить на вопрос, как развитие этих мотивов в повествовании помогает в достижении целей коммуникации и передаче основных идей, заложенных авторами.

3. Советские музейные экспозиции можно рассматривать как аналог «закрытых» произведений (в терминологии У. Эко, как оппозиция «открытым» произведениям[100]). Их структура, язык и подача материала были ориентированы на однозначную интерпретацию и минимизацию альтернативных прочтений, что соответствовало задаче идеологического воспитания. Для этого экспозиции строились по принципам непрерывности повествования, завершенности смыслов и опоры на бинарные дихотомии («свой — чужой», «добро — зло», «прогрессивное — реакционное»), а также на привычный аудитории «код», обеспечивающий легкость восприятия и усвоение транслируемых ценностей. При этом авторитет музея как

---

[98] Силантьев И. В. Факт и мотив: об одном существенном отличии литературного нарратива от исторического // Критика и семиотика. 2013. № 1 (18). С. 143.

[99] Краснякова М. С. Проблема соотношения сюжета и мотива как нарративных структурных элементов в современном литературоведении // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. Вып. 4 (18). С. 200.

[100] Эко У. Роль читателя: исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.; М.: Изд-во РГГУ, 2005. С. 11–12; Эко У. Открытое произведение. С. 140.

института и изначальная лояльность советских граждан[101] усиливали эффективность такой коммуникативной стратегии.

Исходя из поставленной научной проблемы выявления роли музеев в формировании идентичности советских граждан, а также описанных выше особенностей экспозиций, была разработана процедура нарративного анализа применительно к музейным экспозициям, созданным в музеях исторического профиля в советский период.

– Сбор описательных данных: проведение историографического и архивного исследования, в ходе которого определяется круг источников.

– Раскрытие контекста создания нарратива: конкретных социально-политических, экономических и культурных условий для выявления факторов, влияющих на его изменение, трансформацию.

– Выявление целевых установок авторов. Изучение взаимосвязи между внешним вмешательством в процесс создания текста нарратива и ответом на это вмешательство со стороны автора.

– Выявление центральных идей, транслируемых нарратором; выявление мотивов, их роли в построении и развитии исторических сюжетов.

– Изучение генетики текста, что предполагает ответ на вопрос, какие еще тексты лежат в основе нарратива, насколько он оригинален.

– Оценка степени рецепции аудиторией идей, транслируемых автором: выявление уровня их осмысления, принятия или отторжения, а также определение эффективности коммуникативной стратегии с точки зрения достижения целевого воздействия на реципиентов.

Последовательное выполнение процедуры нарративного анализа должно способствовать всестороннему раскрытию исторических нарративов, создаваемых в советских музеях, и выявлению их роли в формировании идентичности советских граждан.

Источниковая база исследования представлена широким кругом исторических и историографических источников, привлечение которых представлялось необходимым для всестороннего изучения исторических музейных экспозиций как исторических нарративов. Классификация источниковой базы структурирована в соответствии с целями и этапами процедуры нарративного анализа.

Основным историческим источником исследования являются музейные экспозиции, создававшиеся в крупнейших государственных музеях КАССР исторического профиля — Государственном историко-краеведческом музее КАССР и Государственном историко-архитектурном и этнографическом музее-заповеднике «Кижи». Содержание и структура

[101] Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4-х кн. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева: ч. 2. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 608.

музейных экспозиций зафиксированы в следующих документах: тематические экспозиционные планы (далее — ТЭПы), концепции экспозиций, методические рекомендации для проведения экскурсий, путеводители по музеям.

В ТЭПах, своеобразных «транскрипциях» экспозиций, фиксировались пояснительные тексты и этикетаж, раскрывалось содержание экспозиционных комплексов на уровне конкретных экспонатов. ТЭП является конечным этапом работы над формированием структуры экспозиции и ее текстом. ТЭПы, созданные в Государственном историко-краеведческом музее КАССР, представляли собой таблицу, состоящую из трех и более столбцов, в первом из которых указывался номер экспоната и его наименование, во втором — давалось его краткое описание, приводился полностью текст сопровождающей этикетки, текст предварявший раздел экспозиции и конкретный экспозиционный комплекс, в третьем столбце указывались дополнительные сведения об экспонате или замечания, относившиеся к особенностям его. В содержательном плане таблица была организована по тематико-хронологическому принципу расположения комплексов подлинных музейных предметов в экспозиционном пространстве. Перед таблицей помещалась пояснительная записка или предисловие, где излагались основные положения концепции будущего музейного показа, особенности экспозиционного плана и др.

В научных концепциях излагались цели и задачи экспозиции, давалась характеристика целевой аудитории, были сформулированы основные идеи для реализации в музейном пространстве, описывалась ее структура и др. На основе ТЭПов и концепций сотрудниками музеев разрабатывались экскурсии. Цели и задачи экскурсий, характеристика целевой аудитории, текстовое воплощение рассказа экскурсовода, перечень экспонатов, которые необходимо задействовать в рассказе, рекомендации к форме подачи материала разъяснялись в методических разработках к экскурсиям.

ТЭПы и концепции музейных экспозиций, а также методические рекомендации к экскурсиям находятся на хранении в архивах государственных музеев Карелии, а также в некоторых фондах Национального архива Республики Карелия (далее — НА РК), прежде всего в документальных фондах самих музеев: Ф. Р-1046 «Карельский государственный краеведческий музей» (1917–1975), Ф. Р-3474 «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник “Кижи”» (1966–1975). Необходимо отметить, что значительная часть описанных выше исторических источников ранее не вводилась в научный борот.

Целью создания этих документов было проектирование музейных показов для дальнейшего обсуждения, проработки и реализации в пространстве музейных залов после утверждения директором музея и вышестоящими учреждениями.

В путеводителях по музеям представлены сведения о структуре, составе и содержании экспозиций, основных идеях, которые закладывались экспозиционерами. Тексты путеводителей

состояли из вводной части, в которой рассказывалось об истории региона, конкретного музея, и основной, посвященной раскрытию особенностей экспозиции, характеристике основных экспозиционных комплексов, маршрута осмотра и др.[102]

Для раскрытия контекста создания исторических экспозиций привлекались нормативные и нормативно-методические документы, регулировавшие деятельность музеев, а также планово-отчетная, проектная документация, деловая переписка государственных музеев Карелии.

Политика Советского государства в области музейного дела в 1950-1980-е гг. характеризовалась жесткой регламентацией всех сторон деятельности музеев. В этот период большое влияние на содержание экспозиций оказывали программные документы коммунистической партии, решения партийных съездов и пленумов, а также специальные постановления ЦК КПСС и Министерства культуры СССР, которые касались непосредственно работы музеев. К таким нормативным документам относятся, например, постановления ЦК КПСС от 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», от 1964 г. «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся», от 1982 г. «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев». Для исследования были привлечены также документы Совета Министров КАССР, Карельского обкома КПСС, Управления по делам культурно-просветительных учреждений КФССР, Министерства культуры КАССР, в которых содержались руководящие материалы и предписания о деятельности государственных музеев. Документы находятся на хранении в НА РК в фондах Р-690 «Совет Министров Республики Карелия» (1922–1994), Р-3017 «Министерство культуры и по связям с общественностью Республики Карелия» (1955–2007), фондах государственных музеев Карелии (Р-1046, Р-3474), а также в архивах музеев.

Изучение нормативных и делопроизводственных документов позволило выявить институциональные рамки, в которых конструировались музейные нарративы, и проследить, как директивы и методические установки транслировались на уровень конкретных музеев. Документы фиксируют механизмы контроля за исполнением предписаний вышестоящих учреждений, а также способы согласования идеологических задач с локальными краеведческими материалами. Анализ планов и отчетов дал возможность соотнести заявленные цели экспозиционной работы с ее фактическими результатами. В переписке нашли отражение проблемные зоны, варианты компромиссных решений и динамика корректировки экспозиционных концепций под влиянием внешних предписаний. Таким образом, эти материалы служат надежной основой для реконструкции «производственной» логики

[102] Государственный историко-краеведческий музей Карело-Финской ССР: Путеводитель по музею / Под ред. И. М. Мулло. Петрозаводск, 1949. 66 с.; Кижский погост: Путеводитель / [В. П. Орфинский, Л. Ю. Тарлер] и др.; Управление по делам строительства и архитектуры Министерства коммунального хозяйства КАССР. Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1957. 49 с.

экспозиций и понимания того, как через нормативное регулирование и управленческую коммуникацию формировались устойчивые модели репрезентации прошлого.

Для раскрытия контекста также привлекались материалы центральных газет КАССР, прежде всего газеты «Ленинская правда» (до 1955 г. — «Ленинское знамя»), в которых нашли отражение общественно-политические тенденции и идеологические штампы времени создания экспозиций. Кроме того, на страницах центрального печатного органа КАССР также обсуждались новые экспозиции музеев, высказывались замечания и пожелания посетителей, в том числе критического характера. Газетные материалы, посвященные экспозиционной деятельности карельских музеев, также привлекались для изучения восприятия музейного нарратива локальным сообществом.

Для того чтобы изучить взаимосвязи между внешним вмешательством в процесс создания текста и ответом на это вмешательство со стороны автора, необходимо было привлечь дополнительный круг источников. К ним относятся первые варианты ТЭПов (если они сохранились), протоколы заседаний музейных советов, рецензии на ТЭПы, а также в некоторых случаях воспоминания авторов музейных текстов. Анализ этих источников позволил получить представление о том, каким образом первоначальный музейный текст отличался от итогового варианта, какие изменения и почему вносились в него не автором, а внешними акторами. Тексты, используемые в экспозициях государственных музеев Карелии, подлежали утверждению Управлением по делам литературы и издательств КАССР (КФССР) (Главлит), до этого они обсуждались на заседаниях музейного совета. Авторы экспозиций обязаны были подчиняться воле цензоров и экспертов, редактировать свои тексты с учетом пожеланий и указаний вышестоящих органов. Первые варианты ТЭПов, протоколы заседаний музейных советов, рецензии на ТЭПы также находятся на хранении в архивах музеев, а также в документальных фондах музеев в НА РК.

Специалистами музея-заповедника «Кижи» проводилась целенаправленная работа по сбору воспоминаний сотрудников, работавших в музее в разное время, кроме того воспоминания публиковались в издаваемой музеем газете «Кижи: газета Федерального государственного бюджетного учреждения культуры Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи» (далее — Кижи: газета ФГБУК ГИАМЗ «Кижи») и сборниках[103].

[103] См., напр.: Трифонова Л. Романтика семидесятых // Кижи: газета ФГБУК ГИАМЗ «Кижи». — 2011. № 7 (74). С. 4; Гущина В. А. Из кижских воспоминаний. 1945–1980–е годы: Вера Брюсова и Никита Федосов // Там же. 2014. № 8. С. 3; Шидловская Т. Владимир. Владеющий миром по имени Кижи: [о первом директоре музея-заповедника «Кижи» В. И. Смирнове] // Там же. 2005. № 3 (10). С. 5. Долголенко Н. И. Воспоминания к 25-летию музея-заповедника «Кижи» (1990 г.) // Научный архив Государственного историко-архитектурного и этнографического музея «Кижи» (далее — НА МК). Ф. 1. Оп. 3. Д. 957. Л. 4–5. Воспоминания бывшего директора музея В. А. Ниеми // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 958. Л. 1–7.

Для выявления генетики текста исторических экспозиций привлекался широкий круг историографических источников, которые условно можно разделить на три группы. Представленные в каждой из групп источники оказывали определенное влияние на структуру и содержание музейного нарратива.

К *первой группе* относятся труды классиков марксизма-ленинизма (К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, в определенный период И. В. Сталина), материалы съездов ВКП(б), КПСС, Программы КПСС. Авторы экспозиций и текстов экскурсий часто прибегали к прямому цитированию трудов классиков марксизма-ленинизма, партийных руководителей, материалов партийных съездов, программных документов КПСС. Изучение ТЭПов и методических рекомендаций к экскурсиям показало, что цитаты классиков марксизма-ленинизма в структуре музейного повествования играли довольно важную роль: они предваряли и завершали разделы и подразделы экспозиций, задавали тон и направление музейному рассказу. Сопоставление ТЭПов, посвященных одним и тем же историческим сюжетам, но созданных в разное время, позволило проследить изменения в составе, количестве и авторстве цитат, включавшихся в музейные тексты, объяснить динамику изменений в фонде цитат.

Ко в*торой группе* можно отнести монографии, статьи, учебники по истории СССР и Карелии научного и научно-популярного характера. Было установлено, что в основе музейных текстов Государственного историко-краеведческого музея КАССР лежали обобщающие труды по истории СССР и Карелии[104], а до их создания в 1950-х гг. — учебник «История ВКП(б). Краткий курс» (1938 г.)[105]. Для подготовки экспозиционных текстов активно привлекались монографии и научные статьи ученых, изучавших историю Карелии, Я. А. Балагурова, В. И. Машезерского, М. И. Шумилова, А. М. Линевского и многих других[106], а также научно-

---

[104] История Коммунистической партии Советского Союза / Сост. Б. Н. Пономарев, И. М. Волков, М. С. Волин и др. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. 743 с.; История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. 2-е, доп. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1963. 784 с.; История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: В 6 т. Т. 1, Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. М.: Воениздат, 1960. 531 с.; Очерки истории СССР: XVIII век: Пособие для учителей / под ред. Б. Б. Кафенгауза. М.: Учпедгиз, 1962. 320 с.; Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I / под ред. Б. Б. Кафенгауза, Н. И. Павленко. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 814 с.; Очерки истории Карелии. Т. 1 / Карельский филиал Академии наук СССР, Институт языка, литературы и истории; под ред. В. Н. Бернадского, И. И. Смирнова, Я. А. Балагурова. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1957. 430 с.; Очерки истории Карелии. Т. 2 / А. И. Андриайнен, А. И. Афанасьева, Е. С. Гардин и др.; ред.: С. И. Аввакумов и др.; Карел. фил. АН СССР, Ин-т языка, литературы и истории. — Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1961. — 411 с. и др.

[105] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Правда, 1938. 351с.

[106] Напр., Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1962. 351 с.; Глаголева А. П. Олонецкие горные заводы в первой четверти XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 255 с.; Линевский А. М. Очерки по истории древней Карелии, ч. 1 / А. М. Линевский; Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1940. 129 с.; Машезерский В. И. Установление советской власти в Карелии (1917–1918). Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1957. 207 с.; Панкрушев Г. А. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла / Г. А. Панкрушев; Академия наук СССР, Петрозаводский институт языка, литературы и истории. М.; Л.: Наука, 1964. 149 с.; Сюкияйнен И. И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918–1920 годах. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1948. — 171 с.; Филиппов Р. В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии. Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1961. 224 с. и др.

популярные очерки, раскрывающие конкретно-исторические сюжеты и биографии исторических персонажей (брошюры, статьи)[107]. В свою очередь в музее-заповеднике «Кижи» за основу музейных текстов, прежде всего методических рекомендаций к экскурсиям, брались научно-популярные труды о деревянном зодчестве Севера в целом и Карелии в частности, а также специализированные и оригинальные исследования, проводившиеся в том числе в самом музее[108].

В третью группу историографических источников выделены труды по советскому музееведению[109] и научно-методические пособия по технике и организации исторических экспозиций[110]. В них описаны принципы построения экспозиций, состав и содержание исторических отделов экспозиций краеведческих музеев и музеев под открытым небом, описаны конкретные приемы экспозиционного показа и др. Привлечение этих источников позволило реконструировать нормативную модель музейной коммуникации, раскрыть заложенные в экспозиционной практике идеологические установки и проследить механизмы трансляции ценностных ориентиров. Анализ методических рекомендаций также раскрывает, как институционально закреплялись критерии отбора экспонатов и иерархия тем, отражавшие приоритеты государственной политики памяти; соотнесение этих установок с реальным наполнением экспозиций позволяет оценить степень нормативности музейного дискурса и его роль в конструировании коллективной идентичности.

Историческим источником, позволяющим получить представление о восприятии экспозиций посетителями, являются книги отзывов. Анализ этих документов дает возможность установить,

---

[107] Напр., Борисов А. Д. Освобождение Советской Карелии (1944 год). М.: Военное изд-во Мин-ва обороны СССР, 1956. 100 с.; Кондратьев Ф. Г. Константин Еремеев. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1964. 79 с.; Кучепатов Н. Г. Школа в дореволюционной Карелии. Петрозаводск.: Гос. изд-во КАССР, 1956. 106 с.; Левин С. М. История развития больничного дела в Карелии. Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1957. 23 с.; Михаил Илларионович Кутузов: (к 200-летней годовщине со дня рождения) / Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). М., 1945. 32 с.; Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1965. 118 с.; Шутой В. Партизан Иван Окулов // На рубеже. 1960. № 6 (ноябрь–декабрь). С. 110-114 и др.

[108] Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество / Под ред. Н. Н. Соболева. М.: Гос. архит. изд-во, 1941. 215 с.; Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи»: каталог / Авт.-сост.: А. Т. Беляев, Б. А. Гущин, В. А. Гущина. Петрозаводск, 1973. 100 с. и др.

[109] Коммунистическое воспитание учащихся музейными средствами: Сборник научных трудов. М.: НИИК, 1983. 136 с.; Музееведение. Музеи исторического профиля. М., 1988; Музей и современность: Проблемы совершенствования экспозиций по истории советского общества / Науч. ред. А. Д. Тимрот ; М-во культуры РСФСР; Науч.-исслед. ин-т культуры. М., 1975. 295 с.; Основы советского музееведения. М., 1955. 375 с.; Музеи в атеистической пропаганде: Сборник научных трудов. Л.: Изд. ГМИРиА, 1984. 141 с. и др.

[110] Закс А. Б. Методика построения экспозиции по истории СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской соц. революции / М-во культуры РСФСР. Науч.-исслед. ин-т музееведения. М.: Госкультпросветиздат, 1957. 122 с.; Иваницкий И. П. Методика построения экспозиции краеведческих музеев по истории послевоенных лет (1945–1958 гг.) / И. П. Иваницкий, М. П. Симкин. М., 1961. 101 с.; Михайловская А. И. Местная история и краеведческий музей: Изучение и показ в краевед. музее социально–экономических отношений второй половины XVIII — первой половины XIX в. / Под ред. К. Г. Митяева; М-во культуры РСФСР, Науч.-исслед. ин-т музееведения. М., 1960. 173 с.; Михайловская А. И. Музейная экспозиция: (Организация и техника) / Под ред. Ф. Н. Петрова и К. Г. Митяева. М.: Сов. Россия, 1964. 518 с.; Огризко З. А. Методика построения экспозиции по истории СССР: (Период феодализма) / М-во культуры РСФСР; Науч.-исслед. ин-т музееведения. М., 1965. 88 с.; Симкин М. П. Великая Отечественная война Светского Союза в экспозиции краеведческого музея / М. П. Симкин; Науч.-исслед. ин-т музееведения. М.: Госкультпросветиздат, 1957. 44 с. и др.

какие идеи, транслируемые в ходе экскурсий по музеям, усваивались посетителями и принимались ими или входили в противоречие с мировоззренческими установками аудитории. На основе изучения книг отзывов можно сделать вывод о том, насколько эффективно была организована коммуникация между советскими музеями и их аудиторией. Большая часть книг отзывов хранятся в НА РК (фонды Р-1046 «Карельский государственный историко-краеведческий музей», Р-3474 «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник “Кижи”», Р-2916 «Управление по делам строительства и архитектуры при Совете Министров КАССР (Министерство строительства Республики Карелия)» (1944–2013) и архивах музеев.

Положения, выносимые на защиту:

1. Государственные музеи КАССР (КФССР) в 1950–1980-е гг. выступали институциональным механизмом реализации политики памяти и формирования советской идентичности: их экспозиционная и экскурсионная деятельность была интегрирована в систему идеологического воспитания и подчинялась задаче легитимации советского строя и укрепления чувства советского патриотизма. На примерах исторических экспозиций музеи транслировали закономерность последовательной смены общественно-экономических формаций и неизбежного утверждения коммунистической формации.

2. Музейные экспозиции в государственных музеях КАССР в 1950–1980-е гг. как исторические репрезентации организованы по типу исторического нарратива. Концептуально и текстуально создаваемый музеями нарратив не выходил за рамки определенной «системы координат», заданной принципами идейности и партийности, формационным подходом, достижениями советской историографии. В свою очередь конструируемый музеями исторический нарратив направлял зрительскую интерпретацию экспозиционных комплексов и отдельных экспонатов, обеспечивая корректную передачу идейного замысла.

3. Динамика изменений исторического нарратива, конструируемого в экспозициях музеев Карелии в рассматриваемый период, демонстрирует его высокую зависимость от колебаний общественно-политического курса. Корректировка экспозиционных текстов и трактовок после партийных съездов, включение в экспозиции 1960–1963 гг. материалов о репрессированных деятелях, изъятие определенных сюжетов или умолчание о них, актуализация содержания через цитаты классиков марксизма-ленинизма и партийных документов свидетельствуют о том, что музеи оперативно реагировали на изменения идеологической повестки, а жизненный цикл экспозиций во многом определялся устойчивостью политического курса.

4. При подготовке текстов экспозиций музейные работники опирались на достижения советской историографии, учитывали мнение профессионального исторического сообщества, которое активно участвовало в обсуждении проектов, однако право последнего решения

оставалось за авторами экспозиций. В то же время обсуждение строилось вокруг репрезентации конкретных исторических сюжетов, не выходя за рамки «системы координат», в которой существовали исторические музейные нарративы. Таким образом, творческий поиск экспозиционеров ограничивался необходимостью следовать принципу партийности и методическим рекомендациям, избегать «неудобных» тем и заострять идейную направленность музейного показа.

5. Исторический нарратив Государственного историко-архитектурного музея-заповедника «Кижи» конструировался посредством системы повторяющихся повествовательных мотивов, обеспечивавших целостность и непротиворечивость рассказа об историко-культурном наследии края. На протяжении всего рассматриваемого периода происходила существенная трансформация интерпретационных подходов в экспозициях музея, которая отражала нарастающий диссонанс между устоявшейся официальной историографической моделью и актуальными запросами общества.

6. К середине 1980-х гг. под влиянием политических, идеологических, экономических, культурных изменений наметился кризис легитимирующей функции исторического нарратива, конструируемого в государственных музеях Карелии. Попытки соотнести содержание экспозиций с актуальными общественно-политическими тенденциями (гласность, кампания за трезвость, направленность на удовлетворение духовных запросов аудитории) не выходили за рамки официальной риторики и заметно отставали от растущего общественного запроса на раскрытие «белых пятен» дореволюционной и советской истории. Устаревание экспозиционного контента и системные проблемы (недостаток финансирования, ограниченность в комплектовании фондов, инфраструктурные сложности) снижали убедительность транслируемых идей, положенных в основу исторических нарративов музеев, и свидетельствовали об угрозе утраты музеями статуса эффективного ресурса конструирования гражданской идентичности.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на основе объемного комплекса исторических и историографических источников на примере государственных музеев Карелии в 1950–1980-е гг. был комплексно изучен процесс формирования идентичности советских граждан посредством исторических музейных экспозиций.

В отличие от преобладающих в историографии работ, фокусирующихся на раннем периоде в истории музейного дела СССР (1920–1930-е гг.) или на современных музеях, исследование концентрируется на послевоенном этапе — времени унификации и закрепления, конструируемого в музеях исторического профиля исторического нарратива. При этом карельские музеи ранее не становились предметом целостного анализа в таком ракурсе: существующие работы носят локальный характер и затрагивают лишь отдельные сюжеты.

В научный оборот введен значительный массив исторических источников, прежде не использовавшихся в исследованиях подобного профиля. К ним относятся документы, сопутствующие проектированию исторических музейных экспозиций и разработке экскурсий (ТЭПы, концепции экспозиций, методические материалы к экскурсиям, протоколы заседаний научно-методических органов музеев), которые позволяют раскрыть механизмы конструирования идентичности не на уровне общих идеологических установок, а через конкретные экспозиционные решения и их реализацию в региональных музеях.

Раскрыт эвристический потенциал исторических музейных экспозиций как исторического источника для изучения механизмов формирования идентичности. Исторические экспозиции трактуются как фактор формирования идентичности советских граждан: они активно использовались в формировании коллективных представлений о прошлом, транслировали ценностные установки создателей и заказчиков экспозиций (государства) и предоставляли ориентиры для самоопределения музейной аудитории.

Теоретическая значимость исследования определяется обращением к изучению роли культурно-просветительных институтов, транслирующих историческую память, в процессе формирования идентичности индивидов. Через призму конструктивистского подхода к идентичности в исследовании раскрывается, как советские музеи участвовали в создании «воображаемого сообщества» советских граждан. На материале экспозиций музеев Карелии как исторических репрезентаций раскрыты механизмы формирования отношения к прошлому, реализуемые советскими культурно-просветительными институтами. Апробированная модель исследования процесса формирования идентичности посредством исторических музейных репрезентаций может быть применена к другим регионам и историческим периодам.

Практическую **значимость исследования** обуславливает предложенная методика анализа музейных экспозиций как исторических нарративов, что позволяет перенести на музейный материал подходы, традиционно применяемые к историографическим текстам. Методика может быть использована исследователями для изучения целого спектра научных проблем, касающихся истории взаимоотношений власти и культурно-просветительных и образовательных институтов, истории государственной идеологии и др. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке и написании научных работ (статей, монографий, грантовых заявок), связанных с изучением феномена советской идентичности. Кроме того, материалы исследования могут быть востребованы при подготовке учебных курсов по отечественной истории, истории культуры и музеологии.

Апробация результатов исследования. Основные результаты и выводы, представленные в диссертационном исследовании, отражены в 11 научных публикациях. Из них 5 статей опубликовано в изданиях из перечня, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки

РФ (2 статьи — в научном издании, индексируемом в базах данных Scopus, 1 статья — в научном издании, индексируемом в базе данных RSCI). Отдельные вопросы по теме диссертации были изложены в форме докладов и обсуждены на международных, всероссийских, региональных, межвузовских научных конференциях.

Структура исследования включает в себя введение, две главы, разделенные на параграфы, заключение и список использованных источников и литературы.

Во введении определены актуальность исследования, степень изученности проблемы, цель и задачи, приведены основные теоретико-методологические принципы и методика их применения, дана характеристика источниковой базы исследования, обоснованы новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе характеризуется содержание репрезентаций исторического прошлого в Государственном историко-краеведческом музее в Карельской АССР (до 1956 г. — Карело-Финской ССР (КФССР)) в 1950–1980-е гг. В первом параграфе рассмотрены основные особенности истории развития экспозиционной и экскурсионной деятельности музея. Обозначены ключевые события и факторы, оказавшие влияние на разработку и смену экспозиционных показов. Во втором и третьем параграфах проанализированы экспозиции отделов «История дореволюционной Карелии» и «История Советской Карелии», выявлена их роль в формировании мировоззрения советских людей. В четвертом параграфе представлены результаты анализа книг отзывов Государственного музея КАССР за 1950–1980-е гг., свидетельствующие о воздействии экспозиций музея на аудиторию в процессе музейной коммуникации и реализации музеем воспитательной функции.

Вторая глава посвящена раскрытию содержания исторических репрезентаций, конструируемых в музее-заповеднике «Кижи» в 1950–1980-е гг. В первом и втором параграфах рассматриваются основные этапы становления экспозиции музея, проблемы создания и реализации генерального плана музея. В третьем параграфе на основе нарративного анализа путеводителей по музею, ТЭПов и методических рекомендаций к обзорным и тематическим экскурсиям показано, какие идеи транслировались музеем в целях успешной реализации культурно-массовой и воспитательной работы. Нарративный анализ источников позволил выявить повторяющиеся элементы в рассказах экскурсоводов о разных памятниках и сделать определенные выводы о структуре музейного повествования, которая значительно отличалась от классических музейных показов, в основе которых лежал хронологический принцип организации музейного нарратива.

В заключении подводятся итоги исследования и определяются перспективные направления дальнейшего изучения проблемы.

Глава 1. Репрезентация исторического прошлого в экспозициях Государственного историко-краеведческого музея КАССР в 1950–1980-е гг.

1.1. История Государственного историко-краеведческого музея КАССР и складывание системы постоянных экспозиций

Национальный музей Республики Карелия (до 1991 г. — Государственный историко-краеведческий музей КАССР, в 1940–1956 гг. — Государственный историко-краеведческий музей КФССР) — старейшее культурно-просветительское учреждение республики. На сегодняшний день в музейном собрании представлено более 225 тысяч предметов, которые раскрывают богатство и своеобразие материальной и духовной культуры Карелии[111]. Музей ведет свою историю от Олонецкого естественно-промышленного и историко-этнографического музея, основанного в 1871 г. Появление в губернском городе Петрозаводске общественного музея связано с деятельностью олонецкого губернатора Г. Г. Григорьева, оставившего след в истории региона целым рядом успешных и полезных для местного общества начинаний. Первые каталоги музейных предметов были изданы в XIX в., часть памятников из самой первой коллекции, описанных в каталогах, до сих пор составляет ценнейшую часть собрания музея, экспонируется в постоянных и временных экспозициях[112].

После установления советской власти в Олонецкой губернии музей был взят под опеку Олонецким губернским Советом рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, непосредственное руководство и методическую помощь оказывал Олонецкий губернский отдел народного образования (позднее — Народный комиссариат просвещения АКССР). В 1920-е гг. большую роль в пополнении, систематизации и описании коллекции музея сыграли такие общественные организации, как Общество изучения Карелии и Олонецкая научная экспедиция, объединявшие историков, краеведов, профессиональных музейщиков[113]. Общество изучения

---

[111] Общая информация // Национальный музей Республики Карелия: Сайт. Петрозаводск, 2025. URL: https://kareliamuseum.ru/o-muzee/183/ (дата обращения: 15.03.2025).

[112] Логвиненко Е. С. Предметы из Каргопольского уезда в собрании Олонецкого губернского музея // Вестник Национального музея Республики Карелия. Вып. 8. Петрозаводск, 2021. С. 93.

[113] Дианова Е. В. Музеи в контексте исторического краеведения Карелии: Учеб. пособие для студентов-историков. Ч. 1. Национальный музей Республики Карелия и его филиалы / Е. В. Дианова, К. А. Дианова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 17–18.

Карелии занималось научной и научно-просветительской деятельностью, публиковало материалы по истории и этнографии края, организовывало экспедиции, предметы, собранные в экспедициях, отправлялись в запасники музея[114]. В 1928 г. музей получил статус государственного.

В начале 1930-х гг. музей сменил свой адрес, переместившись в здание бывшей заводской Алекасандро-Невской церкви. Первая экспозиция в новом здании была открыта в 1931 г., к 1939 г. все три этажа здания были переоборудованы под экспозиционные залы, в начале января 1939 г. музей открылся для посетителей[115]. В экспозиции раскрывались успехи экономики и народного хозяйства Карелии, достигнутые за годы советской власти, в историческом разделе были представлены события революции и приведший к ней подъем революционного движения, а также эпизоды гражданской войны в Карелии.

В этот период активизировалась собирательская работа, систематически пополнялись фонды, проводились научные экспедиции. Впервые большое внимание было уделено художественному оформлению музейных показов, в котором активное участие принимали профессиональные художники. Сформировался штат музея, каждый сотрудник отвечал за свое направление работы[116].

Карельский государственный музей значительно пострадал во время оккупации г. Петрозаводска в 1941–1944 гг., многие ценные экспонаты и целые коллекции были утрачены, эвакуировать удалось лишь небольшую часть[117]. Эта же участь постигла и документы, в том числе по экспозиционной работе. Однако усилиями сотрудников музей был открыт уже в 1945 г., до 1948 г. продолжалась работа над формированием постоянной экспозиции[118]. Структура экспозиции включала в себя четыре отдела: «Природа Карелии», «История дореволюционной Карелии», «Отдел социалистического строительства» и «Великая Отечественная война и участие в ней карело-финского народа».

В 1948 г. музей вновь возглавил педагог, этнограф-краевед И. М. Мулло, занимавший должность директора в 1930-е гг.[119] За короткий срок он справился с задачей восстановления и восполнения фондового собрания музея после войны, организовал работу по всем основным

---

[114] Голов А. Г. Краеведческое движение на европейском Севере России в 1920–1930-е годы (по материалам Республики Карелия и Мурманской области): постановка проблемы // Вестник МГТУ. 2007. Т. 10. № 3. С. 362.
[115] Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 128/1179. Л. 173.
[116] Филимончик С. Н. Деятельность Карельского государственного музея в период социалистической реконструкции 1930-х гг. // Рябининские чтения – 2023: Материалы IX конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2023. С. 86.
[117] Намятова Е. С. Из истории Карельского государственного музея в 1930-е гг. (по материалам НА РК) // Вестник Национального музея Республики Карелия. Вып. 7. Петрозаводск, 2016. С. 13.
[118] Государственный историко-краеведческий музей Карело-Финской ССР: Путеводитель по музею / Под ред. И. М. Мулло. Петрозаводск, 1949. С. 3–4.
[119] НА РК. Ф. 1046. Оп. 3. Д. 1/5. Л. 85.

направлениям[120]. В то время в штате музея состояли 15 специалистов, из которых 8 человек имели высшее образование по специальностям «История», «Этнография», «Музееведение». Средний стаж музейной работы сотрудников составлял 4,5 года. В штат помимо заведующих отделами и научных сотрудников входили фотограф, художник и заведующий научной библиотекой музея[121].

С 1945 г. музей находился в ведении Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров КФССР. Комитет заведовал охраной и изучением археологических и исторических памятников, занимался контролем за расходованием средств культурно-просветительскими учреждениями. В обязанности Комитета входил надзор за идеологическим содержанием деятельности подведомственных учреждений. В 1948 г. было издано постановление республиканского совещания по культурно-просветительной работе при Комитете «О состоянии и задачах культурно-просветительной работы КФССР». Согласно постановлению ключевой задачей деятельности учреждений, подведомственных Комитету, была «пропаганда основ материалистического мировоззрения и научного понимания явлений природы»[122]. Государственный историко-краеведческий музей помимо этих задач должен был способствовать распространению научных знаний, а также вести работу по изучению истории и природных богатств Карелии[123].

По материалам новой экспозиции музей подготовил и издал иллюстрированный путеводитель, содержавший информацию об истории музея, структуре и содержании основных отделов экспозиции. По форме представления информации о музейном показе путеводитель являл собой своеобразный рассказ экскурсовода, выстроенный в хронологической последовательности исторических периодов, репрезентация которых осуществлялась в музее, и по порядку расположения их в музейном пространстве. Расставляя акценты на ключевых экспонатах, создатели путеводителя как бы сопровождали читателя-экскурсанта от стенда к стенду и рассказывали об истории Карелии с древнейших времен до конца 1940-х гг. В путеводителе приводились основные результаты собирательской и экспозиционной работы музея в послевоенные годы[124]. Однако уже в декабре 1949 г., уже после издания путеводителя, музей начал работу над перестройкой всей экспозиции.

Работа над улучшением экспозиции была начата после проверки экспозиции комиссией ЦК КП(б), состоявшейся в сентябре 1949 г.[125] В ходе осмотра были выявлены идеологические ошибки, а также нарушения хронологического принципа музейного показа и другие

---

[120] Дианова Е. В. Музеи в контексте исторического краеведения Карелии. С. 22.
[121] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 3/40. Л. 4.
[122] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 1/5. Л. 22.
[123] Там же. Л. 30.
[124] Государственный историко-краеведческий музей КФССР: Путеводитель по музею. С. 4.
[125] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 1/14. Л. 22.

недостатки. По результатам проверки из экспозиции в трехдневный срок были изъяты экспонаты и материалы, согласно спискам Главного управления по делам литературы и издательств КФССР (Главлита), в течение месяца — внесены дополнения и поправки в соответствии с запиской, подготовленной комиссией ЦК КП(б)[126]. Ключевые замечания касались экспозиций отделов социалистического строительства и истории Великой Отечественной войны. Тем не менее главный недостаток экспозиции — нарушение хронологической последовательности — так и не был исправлен.

Дело в том, что выделение самостоятельного отдела по истории Великой Отечественной войны, расположившегося на первом этаже из трех, занятых экспозицией, привело к нарушению логической последовательности маршрута осмотра. Материалы о социалистическом строительстве в довоенные годы и тематический комплекс о восстановлении народного хозяйства после Великой Отечественной войны были включены в отдел социалистического строительства и находились на втором этаже. Таким образом, посетители, чей путь по экспозиции начинался с верхних этажей, сначала знакомились с экспонатами о четвертой пятилетке 1946–1950 гг.[127] и только потом переходили к осмотру экспозиции по истории Великой Отечественной войны. Кроме того, в конце 1940-х гг. активно обсуждалась идея создания самостоятельного музея по истории войны на Карельском фронте, куда бы вошли экспонаты и материалы соответствующего отдела Государственного историко-краеведческого музея КФССР[128]. Однако от этих планов вскоре пришлось отказаться прежде всего из-за недостатка финансирования. В начале 1951 г. директор музея И. М. Мулло предложил Комитету по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров КФССР объединить отделы социалистического строительства и истории Великой Отечественной войны в один и присвоить ему название «Отдел советского периода»[129]. Предложение директора нашло поддержку со стороны руководства, однако от музея требовалось существенное изменение всей экспозиции.

В приказе председателя Комитета Н. Г. Червова от 6 июня 1951 г. «О перестройке экспозиции отдела истории Советской Карелии Государственного краеведческого музея КФССР» отмечалось, что существующая экспозиция как по структуре, так и по содержанию не отвечала современным требованиям музейного дела. Основным недостатком экспозиции называлась непропорциональность в соотношении экспозиционных комплексов, посвященных событиям Великой Отечественной войны на территории Карелии, и остальных, репрезентирующих дореволюционное прошлое, довоенное и послевоенное развитие

[126] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 1/11. Л. 55.
[127] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/24. Л. 8.
[128] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 1/14. Л. 22.
[129] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/24. Л. 20.

республики. В приказе особенно отмечалось недостаточное раскрытие «достижений важнейших отраслей промышленности и сельского хозяйства республики в послевоенный период»[130]. В этом же году здание было закрыто на ремонт, экспозиция стала недоступной для посещения[131].

В результате работ по исправлению экспозиции к 1952 г. были составлены новые ТЭПы по ключевым историческим разделам, ведущие тексты — экспозиционные средства, представляющие названия основных тем и разделов, а также цитаты, задающие тон восприятию музейного показа, — были снабжены переводом на финский язык. Оформление новой экспозиции было выдержано в едином стиле, а показ основных достижений в экономике и культуре Карелии в послевоенные годы предполагалось значительно расширить[132]. Новые ТЭПы обсуждались на заседаниях комиссии под руководством Отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б) КФССР. В состав комиссии входили ведущие специалисты-историки, представители различных научных учреждений республики, а также сотрудники отдела агитации и пропаганды ЦК КП(б) КФССР[133].

Текстовые материалы играли огромное значение в экспозициях советских музеев. Даже современники зачастую справедливо критиковали музейные экспозиции за «игнорирование вещевого материала, экспонатов-памятников, увлечение вспомогательными, главным образом печатными многотиражными материалами»[134]. В Государственном историко-краеведческом музее КФССР в 1952 г. была принята специальная инструкция о порядке составления и утверждения текстового материала, составленная заместителем директора и ученым секретарем музея Н. А. Грининым. В инструкции указывалось, что составление текстов является одним из важнейших и ответственных этапов научной работы по подготовке экспозиции. Согласно методическому документу, тексты для экспозиции, составляемые на основе марксистско-ленинской методологии, должны быть «политически целенаправленными, глубоко научными, четко формулированными и написанными параллельно на двух языках: финском и русском»[135]. Текстовые материалы по своему значению приравнивались к отдельным экспонатам, прежде всего это относилось к представленным в экспозиции в виде ведущих текстов цитат классиков марксизма-ленинизма, лозунгов, а также текстов документов — копий постановлений партийных и советских органов.

---

[130] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/26. Л. 69.
[131] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/28. Л. 13.
[132] Там же. Л. 19–20.
[133] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 3/33. Л. 29.
[134] Михайловская А. И. Организация и техника музейной экспозиции / А. И. Михайловская; под ред. Ф. Н. Петрова, К. Г. Митяева; Ком. по делам культ.-просвет. учреждений при Совете министров РСФСР, Науч.-исслед. ин-т краевед. и музейной работы. М.: Госкультпросветиздат, 1951. С. 3–4.
[135] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 3/36. Л. 73.

В марте 1954 г. И. М. Мулло покинул должность директора музея, на его место был назначен бывший заместитель политического отдела спецчастей Петрозаводского военного гарнизона полковник Ф. И. Егоров[136]. Несмотря на то что И. М. Мулло оставил пост директора по собственному желанию, возможно, немаловажную роль в его увольнении сыграло постоянное давление со стороны контролирующих деятельность музея органов, связанное с работами по утверждению и приемке новой постоянной экспозиции.

1950-е гг. в жизни музея характеризовались, с одной стороны, активной и системной научно-исследовательской и собирательской работой, становлением структуры отделов музея и его постоянной экспозиции. Росла посещаемость музея, в 1950 г. музей посетило 30900 человек[137], больше половины музейной аудитории составляли учащиеся. В эти годы музей пережил две масштабные реэкспозиции, которые 1952–1953 гг. затронули все отделы экспозиции, а в 1957 г. — только отдел истории Советской Карелии. Структура постоянной экспозиции практически не претерпевала изменений на протяжении всего периода активной экспозиционной деятельности музея до 1979 г., когда он стал регулярно на продолжительное время закрываться на ремонт. В 1964 г. типовым положением о краеведческих музеях республик, краев, областей структура экспозиционных отделов была закреплена для всех музеев страны. Она включала в себя три основных отдела — природы, истории дореволюционного прошлого, истории советского периода[138].

Музей существовал в условиях систематического недостатка финансирования, здание музея находилось в предаварийном состоянии, постоянные ремонты и закрытие залов затрудняли экскурсионную работу и посещение музея в целом. Проблемы с техническим состоянием здания еще более усугубились в 1960-е гг. Ограниченная площадь, необходимость постоянного ремонта в помещениях, неудобное расположение разделов экспозиции, отсутствие постоянной охраны приводили к нарушению экскурсионной работы музея, порче и утрате памятников из фондов.

В 1960 г. завершилась реконструкция здания музея, увеличилась экспозиционная площадь[139], что подводило руководство музея к необходимости разработки новой экспозиции. Кроме того, 1960 г. был юбилейным для республики, отметившей свое 40-летие. Согласно плану мероприятий Министерства культуры КАССР по подготовке к 40-летию КАССР, краеведческому музею поручалось открыть новую экспозицию по разделам «КАССР за годы Советской власти», включавшим в себя репрезентацию событий Октябрьской революции и Гражданской войны. Эти разделы играли ключевую роль в патриотическом воспитании

[136] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 4/51. Л. 22.
[137] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 19/214. Л. 14.
[138] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 12/155. Л. 50–51.
[139] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 8/117. Л. 29.

граждан и формировании коммунистического мировоззрения. Музей было поручено открыть к 1 июня 1960 г.[140]

В этот период, несмотря на количественный и качественный рост сотрудников музея, начала складываться негативная тенденция, выразившаяся в текучести музейных кадров. К 1960 г. в штате состояло 35 человек, из них пять научных сотрудников, большинство научных сотрудников и экскурсоводов имели высшее образование[141]. К середине 1960-х гг. количество научных работников увеличилось до 17 человек, из них 14 имели высшее образование по специальностям «История», «Педагогика», три сотрудника получили специальное музейное образование[142]. Музей предоставлял своим работникам возможность повышать квалификацию, стажируясь в центральных музеях СССР, посещая курсы при НИИ культуры, вечернем университете марксизма-ленинизма при Ленинградском горкоме КПСС. Научные сотрудники регулярно принимали участие в семинарах-совещаниях музейных работников РСФСР[143], научных конференциях, их статьи публиковались в научных журналах и на страницах местной печати. Несмотря на творческий и научный характер работы, карьерные перспективы, возможность продолжать свое образование, молодые специалисты не стремились закрепиться в музее.

Опытные сотрудники, начавшие трудовую деятельность еще в 1940-х гг., покидали музей, выходили на пенсию или переходили на другие места работы, на их должности приходили молодые специалисты, только окончившие университет, не знакомые со спецификой музейной работы[144]. Проблема организованной подготовки музейных кадров остро стояла еще с 1930-х гг.[145] В послевоенное время эту проблему пытались решить как университеты, организовывая музейные кафедры, так и музеи, например, открывая аспирантуры. К концу 1950-х гг. вся система последовательной подготовки музейных кадров была ликвидирована. Попытки вернуться к обсуждению этого вопроса на уровне Министерства культуры СССР и Совета Министров РСФСР не привели к ощутимым результатам. Только в 1980-х гг. были организованы кафедры музееведения в Государственном историко-архивном институте, Институте культуры им. Н. К. Крупской, Всесоюзном институте повышения квалификации работников культуры[146]. Таким образом, опытным сотрудникам приходилось брать на себя обучение молодых специалистов, отрываясь от своих основных обязанностей, без гарантий того, что их коллеги продолжат работу в штате. Так, в 1967 г. на одном из заседаний Ученого

[140] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 8/117. Л. 16.
[141] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 8/127. Л. 2–3.
[142] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 12/158. Л. 16; Д. 12/159. Л. 5, 7.
[143] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 11/151. Л. 255; Д. 12/158. Л. 12; Д. 17/196. Л. 46.
[144] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 12/158. Л. 13.
[145] Разгон А. Кто готовит кадры специалистов // Советский музей. 1988. № 2. С. 9.
[146] Златоустова В. И. Указ. соч. С. 278.

совета Государственного историко-краеведческого музея КАССР, членами которого были ведущие ученые-историки Карелии, отмечалось, что проблема подготовки музейных работников стоит довольно остро, специалисты, историки и педагоги, приходящие в музей, фактически работают не по профилю, в результате чего усиливается текучесть кадров[147]. Однако ключевые причины ухода из музея сотрудников лежали в материальной плоскости. Специалисты с высшим образованием неохотно шли на работу в музей, где им не могли предложить более высокую заработную плату[148], кроме того, музей не гарантировал молодым специалистам получение жилья.

Текучесть кадров приводила к тому, что планы музея по экспозиционной, собирательской работе зачастую не выполнялись или значительно менялись. В приоритете музея как культурно-просветительного учреждения всегда была массовая и экскурсионная работа. Из-за нехватки экскурсоводов научные сотрудники снимались с исследовательской работы по улучшению или разработке новых ТЭПов и вынуждены были проводить экскурсии для посетителей[149]. Масштаб проблемы текучести кадров иллюстрирует следующий пример: в 1966 г. почти полностью поменялся состав сотрудников отдела «История Советской Карелии». Именно в этот период музей активно работал над проектированием новой постоянной экспозиции.

В 1963 г. реэкспозиции подверглись наиболее важные в плане идеологического содержания структурные части музейного показа: раздел «Карелия в эпоху империализма», отдел «История Советской Карелии». Они были реструктурированы, дополнены новыми экспозиционными комплексами, а также цитатами классиков марксизма-ленинизма и выдержками из актуальных партийных документов — Программы КПСС и материалов XXII съезда КПСС.

Летом 1966 г. экспозиционные залы музея закрылись на ремонт, что вызвало необходимость демонтажа основного музейного показа. Подготовка новой постоянной экспозиции была приурочена к 50-летию советской власти. Основные ремонтные работы завершились весной 1967 г., предполагалось, что музей примет первых посетителей 15 мая 1967 г.[150] Однако официальное торжественное открытие состоялось только 12 августа[151]. За несколько дней до него экспозиция прошла общественную приемку: новый музейный показ посетили представители бюро Карельского обкома КПСС, Петрозаводского горкома КПСС, Министерства культуры КАССР, научных учреждений г. Петрозаводска и республики[152]. Комиссия признала, что экспозиция музея построена в полном соответствии с периодизацией и трактовками вопросов, принятых в современной советской историографии, в литературе по истории

[147] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 15/179. Л. 2.
[148] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 14/175. Л. 19.
[149] НА РК. Ф, Р-1046. Оп. 3. Д. 13/166. Л. 104.
[150] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 15/178. Л. 12.
[151] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 15/181. Л. 21.
[152] Там же. Л. 20.

КПСС[153].

Экспозиция была дополнена многочисленными новыми экспонатами, найденными в результате экспедиций, проведенных музеем в 1964–1966 гг. Особое внимание уделялось сбору вещественных памятников и документальных материалов по истории Советской Карелии, а также связанных с бытом рабочих и крестьян до революции 1917 г. Общая площадь экспозиции по истории дореволюционной Карелии составила около 300 кв. метров, на которых помещалось 2223 экспоната. Из них основной фонд — 1882 ед. хранения и 341 предмет научно-вспомогательного материала. Для сравнения в старой экспозиции 1960 г. по истории дореволюционного периода было 1177 предметов основного фонда[154]. Тем не менее директор музея В. М. Ионова в отчете о работе музея отмечала, что из экспозиционной площади было «выжато» все, экспонаты буквально «втискивались» в экспозицию, но этот подход имел свой предел[155].

Со времени открытия новой экспозиции в 1967 г. по 1 июня 1970 г. музей посетили 502 387 человек, более 50 % аудитории заказывали экскурсии. В 1960–1970-е гг. экскурсии, в том числе по вопросам школьной программы, ежегодно посещали 35 тысяч школьников[156]. Это время характеризуется для музея обострением уже существовавших проблем — постоянные ремонтные работы, нехватка материально-технического обеспечения, ограниченность экспозиционной площади, текучесть кадров. Вследствие этого существующая историческая экспозиция 1967 г. пополнялась новыми экспонатами, собранными в ходе научно-исследовательской работы, однако кардинальных изменений не претерпела, на масштабные изменения или даже полную реэкспозицию не хватало ни средств, ни технических возможностей здания. В идеологическом и историографическом аспектах она значительно устарела и не позволяла в полной мере реализовывать воспитательную и просветительную функции, удовлетворяя требованиям, предъявляемым к советскому музею. Одним из способов скорректировать некоторые сюжеты, репрезентируемые в экспозиции, с точки зрения их соответствия актуальной повестке оставались экскурсии. Именно посредством рассказа экскурсовода посетители музея получали представление о хранимых музеем артефактах и их связи с историей Карелии.

Частая сменяемость кадров также не способствовала повышению эффективности работы музея. Так, например, только в 1970 г. в музей пришло восемь новых сотрудников, не имеющих опыта музейной работы[157]. В течение 1971–1972 гг. сменилось пять методистов, которые проводили работу по подготовке экскурсий с экскурсоводами, в результате чего по многим

[153] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 20/225. Л. 10.
[154] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 15/181. Л. 16.
[155] Там же. Л. 30.
[156] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 19/214. Л. 14–15.
[157] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 19/213. Л. 42.

экскурсионным темам не было подготовлено методических разработок[158]. К середине 1970-х гг. в штате состояло 53 сотрудника, в том числе 20 научных работников и экскурсоводов, из них — 19 с высшим историческим и педагогическим образованием[159]. Несмотря на то что на работу в музей приходили специалисты с высшим образованием, проблема их музейной переквалификации стояла довольно остро.

Основным направлением экспозиционной деятельности в эти годы была репрезентация промышленного, экономического и культурного развития Советской Карелии, хозяйственные успехи и достижения ключевых учреждений и предприятий. В 1974–1975 гг. музей даже принимал участие во всесоюзном смотре отделов советского общества в краеведческих музеях. Была проведена большая работа по реэкспозиции раздела «Вклад трудящихся Карелии в создание материально-технической базы коммунизма»[160]. Начиная с 1930-х гг. разделы экспозиции, посвященные актуальным экономическим и культурным достижениям республики, становились инструментом репрезентации идеального образа современности, важным ресурсом политической мобилизации масс[161].

В 1979 г. из-за аварийного состояния здания заводской церкви, в котором располагался Государственный историко-краеведческий музей КАССР, постоянная историческая экспозиция по дореволюционной истории была демонтирована. Отдел по истории Советской Карелии, который нес на себе основную идеологическую нагрузку и воспринимался ключевым инструментом формирования коммунистического мировоззрения, был реэкспонирован в 1983 г. Еще ранее, в июне 1980 г., открылась экспозиция, отражающая современный период в истории Карелии[162]. Несмотря на существенное обновление экспозиции в начале 1980-х гг. музейщикам приходилось вносить многочисленные изменения в экспозиционные тексты, вставлять новые цитаты и др. в связи со сменой лидеров СССР, особенно от подобных обновлений «страдал» отдел истории Советской Карелии[163].

В декабре 1985 г. было издано постановление коллегии Министерства культуры КАССР, в котором определялись перспективы экспозиционно-выставочной деятельности Государственного историко-краеведческого музея КАССР и его филиалов. В постановлении отмечались такие недостатки в работе музея, как отсутствие экспозиции полного профиля (часть экспозиционных материалов отделов природы и дореволюционного прошлого была демонтирована в связи с ремонтом здания) и затянувшийся ремонт главного здания. Музей

[158] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 20/224. Л. 30.
[159] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 22/264. Л. 1 об.
[160] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 23/278. Л. 1.
[161] Филимончик С. Н. Деятельность Карельского государственного музея в период социалистической реконструкции 1930-х гг. С. 86.
[162] НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 190/1264. Л. 219.
[163] Кондратьев В. Г. Карельский государственный музей. 1980-е гг. // Вестник Национального музея Республики Карелия. Вып. 8. Петрозаводск, 2021. С. 44.

обязался разработать новые концепции постоянных экспозиций по всем отделам и к 1990 г. создать экспозицию полного профиля[164].

В 1986 г. была разработана концепция экспозиции, посвященной истории дореволюционной России. Научная концепция была составлена сотрудниками музея А. Д. Рылеевой и Л. И. Капустой. В своем проекте они представили видение новой экспозиции с точки зрения включения ее в экспозиционное пространство исторических зданий на пл. Ленина[165]. Однако ТЭП по новому проекту не был создан. В 1987 г. был разработан проект экспозиции по истории Советской Карелии. Открытие новой экспозиции было приурочено к юбилею Октябрьской революции. Раздел по истории Советской Карелии расположился на площади 350 кв. метров[166]. Помимо истории Советской Карелии посетители до начала 1990-х гг. могли также познакомиться с небольшими тематическими выставками, на которых представлялись в том числе предметы из коллекций по дореволюционной истории. В 1993 г. музей переехал в исторический комплекс зданий на пл. Ленина в г. Петрозаводске[167].

Решение о переезде музея было принято в середине 1980-х гг. Именно в зданиях архитектурного ансамбля XVIII в. изначально располагался Олонецкий промышленный музей, предшественник Государственного историко-краеведческого музея КАССР. Перед экспозиционерами вновь встала задача создания полноценной постоянной экспозиции, которая отвечала бы критериям научности, но в то же время стала бы новой вехой в музейном деле Карелии. Увеличение экспозиционной площади музея давало возможность разрабатывать амбициозные как в научном, так и в техническом плане проекты системы основных экспозиций. Тем не менее, здания на пл. Ленина также требовали реконструкции, завершить которую предполагалось к 1993 г.[168]

Перемены конца 1980-х — начала 1990-х гг. ознаменовались для музея переездом в комплекс исторических зданий XVIII в. на пл. Ленина. Огромный объем ремонтных работ препятствовал эффективной экспозиционно-выставочной работе, о создании полноценной постоянной экспозиции не могло быть и речи. Однако сотрудники музея активно разрабатывали новые выставочные проекты, принципиально отличающиеся от всей предыдущей практики советского музееведения, прежде всего в концептуальном плане. Перед коллективом музея стояла важная и сложная задача — создать актуальную, интересную разным группам посетителей экспозицию в

---

[164] НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4748. Л. 2.
[165] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.) / Сост. А. Д. Рылеева, Л. И. Капуста // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 523. Л. 2.
[166] Научная концепция экспозиции «История Советской Карелии» (1987 г.) / [Сост. Н. А. Гроссман, А. И. Грибушин] // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 525.
[167] Музей Карелии: Концепция системы основных экспозиций КГКМ / [Д. Н. Кузнецов и др.]. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. С. 19.
[168] Дианова Е. В., Дианова К. А. Музеи в контексте исторического краеведения Карелии. С. 28.

обновленном здании[169]. Почти целое десятилетие занял процесс освоения площадей нового здания музея, становление системы основных экспозиций музея продолжается и в наше время.

В следующих разделах главы на конкретных примерах будут рассмотрены вопросы репрезентации исторического прошлого в постоянных экспозициях Государственного историко-краеведческого музея КАССР.

1.2. Репрезентация исторического прошлого в экспозициях по истории дореволюционной Карелии

Репрезентация первобытно-общинного строя на территории Карелии

Первая послевоенная экспозиция открылась в музее в 1948 г., однако ТЭПы исторического отдела не сохранились. Ключевым источником, позволяющим в некоторой степени охарактеризовать экспозицию 1948 г., можно назвать путеводитель по Государственному историко-краеведческому музею КФССР, изданный в 1949 г. Директор музея, этнограф и краевед И. М. Мулло выступил составителем и ответственным редактором издания, одним из авторов-составителей был заведующий отделом музея по истории дореволюционной Карелии И. Н. Тихонов[170], можно предположить, что именно он подготовил соответствующие главы и параграфы путеводителя. Раздел путеводителя по историческим отделам экспозиции представляет собой связный рассказ о прошлом Карелии и ключевых событиях в истории страны и региона, своеобразный учебник или научно-популярный очерк по истории республики. Параграф путеводителя, посвященный первобытно-общинному строю на территории Карелии, на примерах конкретных экспонатов, включенных в экспозицию, раскрывал вопросы изучения археологических памятников, особенности быта, производственных отношений и религиозных представлений древнего населения[171]. В путеводителе перечислены ключевые материальные памятники, которые составляли основу экспозиционных комплексов по истории первобытного общества и в последующих экспозициях. К ним, прежде всего, относятся археологические находки из Оленеостровского могильника, систематическое изучение которого началось еще в 1930-х гг., фрагмент скалы с петроглифами, реконструкции типов древних людей, выполненные скульптором

[169] Степанова И. Б. «Солдаты культуры», или выставочная работа музея 2010-х гг. // Вестник Национального музея Республики Карелия. Петрозаводск, 2021. Вып. 8. С. 45–51.
[170] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 2. Д. 2/22. Л. 38 об.
[171] Государственный историко-краеведческий музей КФССР: Путеводитель по музею. С. 15–18.

М. М. Герасимовым. В целом структура экспозиции, представленная в путеводителе, была практически идентичной структуре экспозиций начала 1950-х гг., что позволяет сделать вывод о том, что ТЭПы 1950 и 1952 гг. составлялись на основе ТЭПа 1948 г. и наследовали не только структуру, ключевые экспонаты, но и присваиваемые историческим событиям и явлениям характеристики и оценки.

ТЭПы экспозиций 1950 и 1952 гг. были составлены заведующим отделом музея по истории дореволюционной Карелии И. Н. Тихоновым, который имел высшее историческое образование и значительный стаж работы в музее. На 1950 г. И. Н. Тихонов трудился в музее более восьми лет. В 1952 г. его соавтором была научный сотрудник Т. Н. Карачун, специалист-историк, которая поступила на работу в музей в том же году[172].

Теоретической базой, на которой строились разделы экспозиции 1950 и 1952 гг., посвященные Карелии в эпоху первобытно-общинного строя, был труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В этой работе процесс становления классового общества представлен с точки зрения материализма[173]. Текст экспозиции 1950 г. не только цитирует произведение Ф. Энгельса в виде ведущих и пояснительных текстов, но и заимствует структуру повествования и терминологию автора, например понятие «варварство», которое использовалось авторами ТЭПа для характеристики некоторых эпох развития карельской культуры[174]. Периодизация истории первобытного общества, предложенная Ф. Энгельсом, опиралась на труды английского археолога Дж. Г. Кларка. В свою очередь попытку адаптировать периодизацию Ф. Энгельса для описания истории первобытного общества на широком археологическом материале предпринял В. И. Равдоникас в двух томах учебного пособия для высшей школы, изданных в 1939 и 1947 гг.[175] В конце 1940-х — начале 1950-х гг. в советской историографии возникла дискуссия о периодизации древней истории, подход Дж. Г. Моргана был признан излишне схематичным, неуниверсальным и во многом ошибочным[176]. Советские ученые стали предлагать свои варианты периодизации, но до некоторого времени так и не смогли выработать единого подхода к этому вопросу[177]. В исследованиях советских археологов, занимавшихся изучением древних памятников Карелии в 1940–1950-х гг., термины «дикость» и «варварство» практически не использовались, предлагалась периодизация, основанная на археологических находках.

---

[172] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 3/40. Л. 4.
[173] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Л. Г. Моргана. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 8.
[174] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 13, 15.
[175] Равдоникас В. И. История первобытного общества. Ч. 1. Л.: Изд. Ленингр. гос. университета, 1939. 169 с.; Ч. 2. Л.: Изд. Ленингр. гос. университета, 1947. 392 с.
[176] Монгайт А. Л. Некоторые вопросы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет / А. Л. Монгайт, А. И. Першиц // Вопросы истории. 1955. № 1. С. 135.
[177] Там же. С. 136.

Интересно, что в путеводителе 1949 г., в параграфе, посвященном первобытно-общинному строю, также предложена периодизация на основе археологических памятников, собранных в экспедициях археологов Карелии, классифицированных и описанных учеными, которые в итоге оказывались в хранилищах историко-краеведческого музея.

Результаты исследований, проводимых археологами Карелии, прежде всего А. Я. Брюсовым, В. И. Равдоникасом, Н. Н. Гуриной, А. М. Линевским в 1930–1940-е гг., можно назвать историографической базой музейных экспозиций. Необходимо отметить, что в 1940 г. Государственным музеем КФССР была издана монография А. Я. Брюсова «История древней Карелии», в которой на примере археологических памятников раскрывались особенности исторического процесса в Карелии до нач. I тыс. н. э.[178], однако она не была взята за основу для создания экспозиции, предпочтение было отдано труду Ф. Энгельса. Структура экспозиции, пояснительные тексты не коррелируют с обобщающим трудом А. Я. Брюсова. Можно предположить, что строгий академический нарратив монографии не мог быть успешно адаптирован для создания научно-популярной и идеологически направленной экспозиции.

История древней Карелии раскрывалась в двух разделах постоянной экспозиции «Первобытно-общинный строй на территории Карелии» и «Разложение первобытно-общинного строя и становление классового общества на территории Карелии». В первом разделе рассказывалось о путях заселения региона, формировании особой карельской археологической культуры, верованиях древних людей. На примерах археологических памятников были показаны основные занятия древнего человека — охота и рыболовство. Второй раздел был посвящен истории возникновения имущественного расслоения вследствие распространения железных орудий труда, воздействия славянской культуры на становление и развитие культуры карел и вепсов и складывания дружеских отношений между карелами и русскими к началу X в. н. э.

Многочисленные цитаты и термины, заимствованные из произведения Ф. Энгельса, свидетельствуют о том, что авторы ТЭПа стремились как можно точнее применить схему исторического развития первобытных племен, предложенную философом, к археологическим, фольклорным материалам, связанным с историей Карелии. Так, описывая одну из групп неолитических орудий труда, которая включала в себя каменные кирки или мотыги, экспозиционер говорил о зачатках земледелия[179], так как в представлениях Ф. Энгельса земледелие имело важное значение для процесса второго разделения труда и возникновения рабства. В то же время специалисты по археологии, например А. М. Линевский, отмечали, что наименование ряда орудий остается очень спорным: кирка, мотыга, пешня, рубило и ряд иных

[178] Брюсов А. Я. История древней Карелии / Под ред. Г. Г. Бережного. М.: Изд. гос. ист. музея, 1940. 320 с.
[179] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 7.

названий могли присваиваться одному и тому же орудию. Назначение некоторых памятников не было установлено[180]. Более того, наиболее авторитетные исследователи 1940–1950-х гг., например А. Я. Брюсов, сходились на том, что зачатки земледелия появились на территории Карелии в конце 2 тыс. до н. э.[181] То есть к началу 1950-х гг. не было убедительных материальных свидетельств о существовании каких-либо форм земледелия в более ранний период.

Для характеристики последней стадии родового строя были привлечены руны из эпоса «Калевала», повествовавшие об использовании в хозяйстве карел труда рабов. Однако справедливо отмечалось, что рабы и рабовладельцы здесь не успели сформироваться в общественные классы[182]. На примере сюжета о Каллерво (Куллерво) из эпоса «Калевала» в экспозиции показывалась борьба отдельных рабов против отдельных господ, которая носила форму классовой мести[183]. Этот же сюжет упоминается в путеводителе по музею 1949 г. и используется как пример существования отдельных элементов рабства и противоборства между нарождающимися классами[184]. Для репрезентации процесса появления имущественного расслоения, как предпосылки возникновения классов в железном веке, экспозиционеры использовали макет кургана, наряд знатной женщины, комплект украшений, найденный в кургане, а также рисунок бедно одетой женщины, образ которой контрастировал с убранством племенной знати.

Эпос «Калевала» в экспозиции 1950 г. и последующих имел огромное значение для репрезентации истории древних карел и вепсов. В текстах ТЭПов в основном цитировались руны в переводе Л. П. Бельского, опубликованные в 1949 г. с предисловием О. В. Куусинена. Важное место руны занимали для раскрытия темы обработки железа и роли железных орудий труда для появления имущественного расслоения, помогая создать яркий художественный образ экспозиционного комплекса. Комплекс, посвященный «высшей ступени варварства» в Карелии, предварялся цитатой Ф. Энгельса о железе как о «важнейшем из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории»[185]. Центральными экспонатами были орудия труда из курганов Приладожья, металлические украшения, предметы быта, монеты, а также макет горна для плавки руды. Далее взору посетителей представало художественное панно «Ковка Сампо», сопровождаемое руной 9 из «Калевалы» о создании мельницы Сампо кузнецом Илмариненом.

---

[180] Линевский А. М. Очерки по истории древней Карелии, ч. 1 / А. М. Линевский; Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1940. С. 18.
[181] История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века / [А. Я. Брюсов и др.]; под ред. А. Я. Брюсова; Карело-фин. фил. Акад. наук СССР, Ин-т истории, яз. и лит. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1952. С. 35.
[182] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 17.
[183] Там же. Л. 17–18.
[184] Государственный историко-краеведческий музей КФССР: Путеводитель по музею. С. 19, 20.
[185] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 16.

Комплекс завершался немного измененной цитатой из предисловия к «Калевале» О. В. Куусинена о мельнице Сампо как о воплощенной мечте предков карельского народа «о создании такой производственной техники, которая бы намного облегчила труд и увеличила его производительность»[186]. Таким образом, несмотря на то, что в ходе подготовки экспозиции музейные работники активно пользовались результатами трудов археологов и историков, для них было важно показать исторический процесс максимально приближенным к тому, как он виделся теоретикам марксизма.

Раздел о первобытно-общинном строе в Карелии завершался показом экономических и культурных связей карел с русскими и их совместной борьбы против иноземных захватчиков[187]. Для репрезентации этой темы использовались рисунки (русские богатыри, князь с дружиной, полюдье и др.), а также текстовые экспонаты — выписки из летописей, свидетельствовавшие о дружбе карел с русскими. В пояснительном тексте подчеркивалось, что совместная борьба против скандинавских завоевателей «окончательно сплотила» эти два народа. Прогрессивно оценивалось вхождение карельских земель в Новгородское государство, подчинение Новгороду рассматривалось не как колонизация, а как поиск мирной жизни. Этот вывод позволял плавно перейти к ознакомлению со следующим разделом экспозиции, посвященным эпохе феодализма в Карелии.

Экспозиция 1952 г. по истории первобытно-общинного строя в концептуальном плане основывалась на социально-философской работе И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» (1938). Из нее исчезли неудачно заимствованные термины из труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», например термин «варварство». Экспозиция предварялась уже не цитатой Ф. Энгельса, а цитатой И. В. Сталина о географической среде как одном из необходимых условий развития общества согласно его представлению о материализме[188]. Таким образом, музейное повествование начиналось не с рассказа о заселении Карелии, а с описания физико-географических условий, предопределивших особенности ее заселения.

Структура экспозиции также включала в себя два раздела: «Первобытно-общинный строй на территории Карелии» и «Карелия в период разложения первобытно-общинного строя и становления классового общества». В первом разделе давалась характеристика общественного строя древней Карелии и на примере археологических памятников рассказывалось об основных занятиях первобытных людей, а также их искусстве и верованиях. Во втором разделе раскрывались сюжеты, связанные с освоением железа, становлением Новгородского

---

[186] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 16; в оригинале: «Идея Сампо была великой мечтой предков карельского народа о техническом прогрессе» — Куусинен О. В. «Калевала» — неувядаемый эпос карело-финского народа // Калевала / Пер. Л. П. Бельского, под ред. В. Казнина и М. Шагинян. М.: ОГИЗ, 1949. С. XXVI.
[187] Там же. Л. 19–20.
[188] Там же. Л. 5; Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме. М.: ОГИЗ: Госиздат, 1945. С. 19.

государства, появлением социального неравенства.

В текстах экспозиции появились заимствования и цитаты из монографии А. Я. Брюсова «История Древней Карелии» (в частности по этой книге была составлена карта с обозначением памятников эпохи неолита[189]), трудов В. И. Равдоникаса[190], А. А. Иностранцева[191]. В 1952 г. под редакцией А. Я. Брюсова был издан обобщающий труд, подводящий некоторые итоги археологического исследования Карелии за более чем 20 лет, «История Карелии с древнейших времен до XVII в.». По-видимому, экспозиция 1952 г. проектировалась раньше, чем в свет вышла монография археологов, поэтому она не оказала влияния ни на музейные тексты, ни на структуру музейного повествования.

Предметный ряд экспозиции не претерпел значительных изменений по сравнению с экспозицией 1950 г., его основу составляли археологические памятники. Одно из центральных мест занимал показ археологических находок из кургана X в. На примере одного из курганных захоронений рассказывалось об обычае убивать рабов для сопровождения хозяина в загробный мир[192]. В предыдущей экспозиции о рабстве свидетельствовали примеры из калевальских рун, в новой — в духе исторического материализма использовались свидетельства объективной реальности — материалы курганных захоронений, интерпретированные определенным образом. В 1950 г. скульптор М. М. Герасимов был удостоен Сталинской премии, что было отмечено на этикетках к его работам — реконструкциям типов оленеостровцев, представленным в экспозиции музея[193]. Появление социального неравенства показывалось с помощью ведущего текста с цитатой Ф. Энгельса о появлении классов, предметов импорта, которые могли позволить себе только богатые семьи, а также контрастно размещенных экспонатов и иллюстраций, репрезентировавших облик богатой и бедной женщин, живших в XI–XII вв.[194]

Необходимо отметить, что еще в 1930-х гг. археолог А. Я. Брюсов сформулировал проблему недостатка археологического материала по истории Карелии, относящегося к началу I тыс. до н. э. и I тыс. н. э.[195] Даже к началу 2000-х гг. завершающий этап эпохи железа все еще был слабо изучен, а между памятниками железного века и обнаруженными памятниками раннего средневековья наблюдался разрыв в при-пять столетий[196]. Этот разрыв отразился на структуре

---

[189] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 81. Л. 6.

[190] Равдоникас В. И. История первобытного общества. Ч. 1; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 8.

[191] Иностранцев А. А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера: (с 122 политипажами в тексте, 2 литографиями и 12 таблицами фототипий). СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1882. XVIII, 241 с.; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 15.

[192] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 25.

[193] Там же. Л. 15–16.

[194] Там же. Л. 24.

[195] Брюсов А. Я. История Древней Карелии. С. 141.

[196] История Карелии с древнейших времен до наших дней / А. И. Афанасьева [и др.]; под общ. ред. Н. А. Кораблева [и др.]; КНЦ РАН, Институт языка, литературы и истории. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 53–54.

нарратива одного из первых обобщающих трудов по истории края — «Очерков истории Карелии», изданных в 1954 г., а также на экспозициях 1960, 1967 гг., наследовавших структуру повествования «Очерков». Стройный рассказ о прошлом Карелии прерывался практически на тысячу лет. Интересно, что в экспозициях 1950, 1952 гг., в основе которых лежали скорее историко-философские, а не строго научные или научно-популярные труды, такого разрыва не наблюдалось. Напротив, экспозиционеры, опираясь на теории Ф. Энгельса и И. В. Сталина, приложили определенные усилия для того, чтобы плавно подвести посетителей к следующей теме — истории Карелии в период феодализма. Для этого использовались летописные сюжеты, связанные с древностью связей между карельским и русским народом, материальными свидетельствами разложения родового строя и появления имущественного неравенства, как предпосылки возникновения классового общества и становления феодализма.

Решения XX съезда КПСС, состоявшегося в феврале 1956 г. и ознаменовавшего смену политического курса, оказали значительное влияние на развитие исторической науки. Тенденции в историографии, характерные для сталинской эпохи, стали оцениваться профессиональным сообществом как «субъективистские ошибки в изучении истории», «чуждые марксизму-ленинизму»[197]. Период со второй половины 1950-х до начала 1970-х гг. был официально объявлен временем восстановления «ленинской концепции» исторического процесса. Для возвращения к истокам потребовалось активизировать библиографический поиск с тем, чтобы располагать необходимым количеством цитат из ленинских работ для подтверждения новых политических установок[198]. В целом политический режим, в котором действовали историки, со временем смягчался, но сохранял свои важнейшие черты и идеологические ценности[199].

В год проведения съезда Карело-Финская ССР была преобразована в Карельскую Автономную Социалистическую Республику. Понижение статуса республики обосновывалось коренными изменениями национального состава, а также политическими мотивами. В соответствии с политикой придания русскому языку статуса языка межнационального общения использование национальных языков стало ограничиваться. В Карелии сворачивалось обучение на финском языке, но финский язык сохранил при этом статус национального языка Карельской АССР. Его функционирование поддерживалось в той мере, которая создавала определенную видимость государственной заботы о финском языке и о традициях культуры

---

[197] Данилова Л. В. К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС: История СССР: Сборник статей. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 65.

[198] Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Отечественная история. 1996. № 5. С. 28.

[199] Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И. Г. Петровского, 2005. С. 788.

местных финнов[200]. Примером такой заботы можно назвать дублирование главных текстов и названий разделов экспозиции Государственного историко-краеведческого музея на финском языке.

После XX съезда большинство цитат И. В. Сталина было изъято из постоянной экспозиции, однако ее теоретическая основа оставалась прежней. Перед музейными работниками встала задача по коренному изменению содержания музейного показа, обеспечению предметным наполнением каждого экспозиционного комплекса. Новым концептуальным стержнем экспозиции должен был стать обобщающий труд по истории Карелии, подготовка которого велась еще с начала 1950-х гг.

Первые попытки, предпринятые на пути создания такого труда, не увенчались успехом. Объяснялось это прежде всего слабой изученностью исторических процессов на территории Карелии и отсутствием конкретных исследований по отдельным аспектам истории края. Но были и иные причины. В 1952 г. авторским коллективом в составе историков Я. А. Брюсова, А. М. Линевского, Р. Б. Мюллер, И. П. Шаскольского и В. Г. Брюсовой был представлен для широкого обсуждения макет большой коллективной научной работы по истории Карелии, в которой были использованы все имеющиеся к тому времени литература, печатные источники и архивные материалы. Макет подвергся резкой критике, и книга не была издана[201].

В начале 1950-х гг. задача по составлению коллективного обобщающего труда «Очерки по истории Карелии» была возложена на сектор истории Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР. Предполагалось создать два тома «Очерков», посвященных истории дореволюционной Карелии и развитию края после 1917 г.[202] В течение ряда лет авторский коллектив проводил огромную исследовательскую работу, связанную с выявлением и изучением большого количества архивных и других источников. Первый том «Очерков истории Карелии» был издан в 1957 г. В этом научном труде впервые на обширном фактическом материале была представлена история края дооктябрьского периода, показаны основные процессы социально-экономического и культурного развития региона в составе Российского государства, «зарождение и упрочнение дружбы между карелами и великим русским народом», «тяжелое положение трудящихся масс», их «борьба против феодального и капиталистического гнета, против царизма»[203].

---

[200] Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 535–536.

[201] Жербин А. С. Основные итоги изучения истории дореволюционной Карелии // Историография дореволюционной Карелии: Итоги и перспективы изучения. Петрозаводск, 1988. С. 8.

[202] Там же.

[203] Очерки истории Карелии. Т. 1 / Карельский филиал Академии наук СССР, Институт языка, литературы и истории; Под ред. В. Н. Бернадского, И. И. Смирнова, Я. А. Балагурова. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1957. С. 9.

Структура «Очерков истории Карелии» была положена в основу организации системы новой постоянной экспозиции музея по дореволюционной истории, текст книги стал источником ее содержательного наполнения. Новый музейный показ был подготовлен одними из самых опытных сотрудников музея, пришедшими на работу в музей в 1940-х гг., — заведующим отделом «История дореволюционной Карелии» В. В. Алава и И. Н. Тихоновым, который также был составителем ТЭПов 1950, 1952 гг. Открытие экспозиции состоялось в 1960 г. и было приурочено к 40-летию республики. В пояснительных текстах новой экспозиции можно найти немало цитат из первого обобщающего труда по истории Карелии.

Раздел экспозиции 1960 г., посвященный первобытно-общинному строю на территории Карелии (IV–I тысячелетие до н. э.), был значительно сокращен по сравнению с предыдущими экспозициями. Он повторял основные положения и структуру «Очерков истории Карелии». Пояснительные тексты также заимствовались из обобщающего труда по истории Карелии. Помимо «Очерков» экспозиционеры также опирались на труды карельских археологов. В экспозиции, как и в структуре «Очерков», присутствовал разрыв в хронологии истории Карелии между первобытно-общинной и феодальной формациями, что было связано с недостатком археологических данных для реконструкции этого исторического периода. В отличие от предыдущих экспозиций, плавный переход к теме феодальных отношений в Карелии не был предусмотрен.

На одном из заседаний Ученого совета член совета, бывший директор музея Ф. И. Егоров отмечал, что новая экспозиция испытывала трудность в показе общественно-экономических формаций. Необходимо отметить, что Ф. И. Егоров был военным и политическим работником, не имел профильного исторического образования. В плане сразу за первобытно-общинной формацией следовала феодальная, однако в музейных текстах не объяснялось, почему не было представлено рабовладение[204]. На защиту ТЭПа встал опытный музейный работник, историк и краевед И. М. Мулло, который пояснил, что в текстах плана упоминается о рабстве, для репрезентации его элементов, существовавших в Карелии, используются цитаты из эпоса «Калевала», однако натурных экспонатов по этой теме и теме зарождения феодальных отношений действительно в распоряжении музея не было[205].

Музейный показ 1960 г. предваряла цитата В. И. Ленина о том, что первобытный человек был подавлен трудностью существования и борьбой с природой[206]. Если в предыдущих экспозициях, посвященных теме первобытно-общинной формации, труды В. И. Ленина не цитировались, то в музейном показе 1960 г. цитат было несколько. Экспозиция была создана в духе возвращения к «ленинской концепции» исторического процесса, а также преодоления

[204] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 8/118. Л. 4.
[205] Там же. Л. 7.
[206] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 241. Л. 3.

сталинских ошибок и извращений[207]. Кроме цитат В. И. Ленина в форме ведущих текстов в экспозицию включались цитаты Ф. Энгельса.

Помимо ключевых комплексов археологических памятников: орудий труда древнего человека, предметов из Оленеостровского могильника, реконструкции типов оленеостровских людей, выполненных М. М. Герасимовым, ритуальных жезлов первобытных жрецов, петроглифов, в экспозицию были включены новые материалы. Так, на одном из стендов разместился макет-план каменного лабиринта, обнаруженного археологами на острове близ п. Кереть в Белом море. На этикетке к экспонату объяснялось назначение лабиринта согласно гипотезе археолога Н. Н. Гуриной о том, что подобные лабиринты могли быть планами первобытного морского рыболовного сооружения[208]. Несмотря на то что в своей работе, посвященной изучению каменных лабиринтов, исследовательница высказывала эту гипотезу весьма осторожно и предлагала ряд других объяснений причин создания подобных сооружений[209], музейщики предпочли указать именно гипотезу Н. Н. Гуриной как «очевидную»[210]. Несколько пренебрегая принципом научности, в описанном случае экспозиционеры старались следовать другим принципам, а именно понятности и наглядности музейного показа, которые предполагают в том числе избегание неоднозначности трактовок и формулировок. Кроме того, содержание экспонатов должно было раскрываться четко и лаконично, чтобы уместиться на этикетке. Следуя этой же логике и устраняя неопределенность в формулировках, музейщики не связывали неолитические орудия труда, классифицированные как «кирки», с зачатками земледелия, как это было в предыдущих экспозициях.

В отличие от предыдущих экспозиций, термин «верования» для обозначения представлений древних людей о богах, магии, загробной жизни, составлявших основу их мировоззрения, был заменен на термин, который имел яркую негативную окраску, — «религиозный культ». Показ археологических памятников, связанных с религиозными убеждениями древних людей, предварялся цитатой Ф. Энгельса о религии как «фантастическом отражении в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни»[211]. Отношение к церкви и религии является интересной проблемой с точки зрения анализа влияния общественно-политических тенденций 1950–1960-х гг. на репрезентацию прошлого. Одной из установок, которыми должны были руководствоваться в своей деятельности советские музеи, была атеистическая направленность музейных показов. На примере исторических экспозиций

---

[207] Афанасьев Ю. Н. Указ. соч. С. 28.
[208] Гурина Н. Н. К вопросу о лабиринтах Беломорья // Археологический сборник. Петрозаводск, 1947. С. 92–93.
[209] Там же. С. 89.
[210] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 4.
[211] Там же. Л. 8.

музеи должны были осуществлять антирелигиозную пропаганду и занимали в общей системе атеистического воспитания значительное место[212].

Отношения церкви и государства в 1950-е гг. складывались довольно напряженно. Несмотря на некоторое ослабление государственного давления на церковь после восстановления патриаршества в 1943 г. и в целом смены курса политической власти на сближение с церковью, в 1947 г. вновь были приняты меры по ужесточению антицерковной пропаганды. С 1951 г. начался массовый выпуск антирелигиозных брошюр, который был приостановлен в военные и первые послевоенные годы[213].

В 1953 г. новым руководителем коммунистической партии страны стал Н. С. Хрущев. Официальная партийная линия провозгласила целью восстановление ленинской «социалистической законности», и прозвучал призыв вернуться к нормам, установленным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 1929 г. Возвращение к идеям В. И. Ленина означало возвращение к атеизму как основе отношения к религии и церкви[214]. В экспозициях 1960-х гг. по дореволюционной истории данная тенденция нашла свое отражение в ужесточении формулировок, описывавших религиозные убеждения людей прошлого, деятельность монастырей и церкви.

Завершающей темой музейного показа первобытно-общинного строя была эпоха раннего металла в Карелии. На примерах археологических памятников посетители узнавали о развитии производительных сил, связанных с освоением железа в I тыс. до н. э., которые тем не менее не оказали воздействия на структуру основных занятий древнего населения Карелии — рыболовство и охоту[215].

Летом 1966 г. был проведен ремонт экспозиционных залов краеведческого музея, что вызвало необходимость демонтажа основного музейного показа. Подготовка новой экспозиции была приурочена к 50-летию советской власти. Основные ремонтные работы были завершены весной 1967 г., в августе музей открыл двери для посетителей[216]. Еще до начала ремонтных работ в разработке находились ТЭПы основных разделов экспозиции. По мнению составителей ТЭПов И. Н. Тихонова и В. В. Алава, идейно-политическая направленность, а также художественное оформление новой экспозиции было значительно улучшено[217]. Произошло перераспределение площади экспозиции — отдел по истории Советской Карелии был расширен за счет площадей

---

[212] Филиппова Р. Ф. К вопросу об атеистической направленности экспозиций музеев // Музеи в атеистической пропаганде: Сборник научных трудов. Л.: Изд. ГМИРиА, 1984. С. 35.
[213] Цыпин В. История Русской православной церкви 1917–1997 гг. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 357.
[214] Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX в. М.: Республика, 1996. С. 294.
[215] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 10.
[216] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 15/178. Л. 12.
[217] ТЭПы I и II разделов отдела «История дореволюционного прошлого Карелии» (1967 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322. Л. 1.

отдела дореволюционной истории. Тем не менее большинство разделов экспозиции пополнились новыми материалами и целыми экспозиционными комплексами, которые были собраны в результате многочисленных экспедиций, организуемых в том числе и музеем.

В 1960-е гг. археологи активно исследовали территорию Карелии, регулярно обнаруживали, описывали и изучали вновь открытые стоянки первобытного человека, новые группы петроглифов, могильники, лабиринты. В экспозицию 1967 г. были введены материалы раскопок, проведенных в 1956–1966 гг. археологами ИЯЛИ АН СССР Г. А. Панкрушевым, Ю. А. Савватеевым, А. В. Анпилоговым[218]. Таким образом, если в разделе постоянной экспозиции 1960 г., посвященном первобытно-общинному строю на территории Карелии, была представлена в основном эпоха неолита, то в новом музейном показе 1967 г. в большей мере нашли свое отражение и другие археологические эпохи.

В залах и витринах новой экспозиции последовательно располагались археологические памятники, начиная с эпохи мезолита и заканчивая эпохой раннего металла[219]. В отличие от предыдущего музейного показа, верхней границей хронологических рамок раздела было I тыс. н. э., что позволяло подвести музейный рассказ к теме становления и развития феодальных отношений на территории Карелии. Однако, у рецензентов ТЭПа 1967 г. имелись некоторые замечания к периодизации древней истории, принятой за основу создателями экспозиции. Так, историк и археолог Ю. А. Савватеев в своей рецензии называл хронологию «неудачной» и призывал для ее обоснования ссылаться на труды таких исследователей, как Н. Н. Гурина, Г. А. Панкрушев, А. М. Линевский[220]. Действительно, периодизация первобытно-общинной формации на территории Карелии была представлена несколько схематично, однако, как уже было показано выше, зачастую музейщикам приходилось жертвовать строгой научностью для понятности и непротиворечивости музейного нарратива.

В основе этого раздела новой экспозиции лежала монография Г. А. Панкрушева «Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла», изданная в 1964 г. То есть экспозиционеры не просто были знакомы с новыми историческими и археологическими исследованиями, но и активно пользовались ими при создании собственного исторического нарратива. Текст монографии Г. А. Панкрушева цитировался в экспозиции в виде пояснительных текстов и этикеток[221]. Также можно отметить цитирование классиков марксизма-ленинизма В. И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса, цитаты из их трудов предваряли каждую тему, раскрываемую в экспозиции.

---

[218] ТЭПы I и II разделов отдела «История дореволюционного прошлого Карелии» (1967 г.). Л. 31.
[219] Там же. Л. 3.
[220] Там же. Л. 135.
[221] См., например: Панкрушев Г. А. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла / Академия наук СССР, Петрозаводский институт языка, литературы и истории. М.; Л.: Наука, 1964. С. 81; ТЭПы I и II разделов отдела «История дореволюционного прошлого Карелии» (1967 г.). Л. 10–11.

Новый музейный показ, в отличие от предыдущего, использовал художественные образы для репрезентации абстрактных понятий и технологических процессов: в тексте экспозиции цитировались руны эпоса «Калевала», музей заказал картины и иллюстрации о быте и промыслах древних людей[222]. Экспозиционный комплекс, включавший в себя орудия труда эпохи неолита, картину «Стоянка первобытного человека», рисунки, демонстрировавшие способы работы с такими орудиями, как резец, тесло, показывали тяжесть быта первобытного человека, суровые условия его существования. Материалы комплекса служили доказательством тезиса В. И. Ленина об отсутствии древнего «золотого века» и подавленности первобытного человека непрерывной борьбой с природой[223]. В новом музейном показе эта цитата предшествовала демонстрации памятников эпохи неолита. Сюжет «Калевалы» об использовании труда невольников для тяжелых кузнечных работ, как и в экспозиции 1950 г., служил иллюстрацией разложения родового строя[224]. К цитированию рун прибегали также для описания процесса обработки железной руды[225].

Несмотря на пополнение предметного ряда, ключевые экспозиционные комплексы остались неизменными. Расширение предметного ряда экспонатами эпохи раннего металла позволило показать «революционную», по мысли Ф. Энгельса[226], роль железа в развитии производственных отношений, разрушении родового строя, появлении подсечно-огневого земледелия и перейти к репрезентации Карелии в эпоху феодализма.

В 1970-е гг. экспозиционная работа в отделе «Дореволюционное прошлое Карелии» Государственного историко-краеведческого музея КАССР практически не проводилась вследствие непрекращающихся ремонтных работ. Кроме того, существующая экспозиция 1967 г. в идеологическом и историографическом плане вполне позволяла реализовывать воспитательную и просветительную функции музея, удовлетворяя требованиям, предъявляемым к советскому музею. Одним из способов скорректировать в соответствии с актуальной повесткой некоторые сюжеты, репрезентируемые в экспозиции, оставались экскурсии.

Закрытие основных разделов постоянной экспозиции по дореволюционной истории, произошедшее в 1979 и 1985 гг., привело к тому, что основной формой работы с посетителями стали временные тематические выставки. В середине 1980-х гг. началась подготовка к переезду музея в комплекс зданий XVIII в. на пл. Ленина в г. Петрозаводске.

В 1986 г. была разработана концепция экспозиции, посвященной истории дореволюционной России, и эскизный проект размещения экспозиций уже в новом экспозиционном пространстве.

---

[222] ТЭПы I и II разделов отдела «История дореволюционного прошлого Карелии» (1967 г.). Л. 21.
[223] Там же. Л. 15.
[224] Там же. Л. 29.
[225] Там же.
[226] Там же. Л. 27.

Для размещения экспозиции по истории Карелии до 1917 г. было выделено 954,6 кв. метров (первый вариант) или 615,2 кв. метров (второй вариант). Это экспозиционное пространство значительно превосходило по площади предыдущую экспозицию 1967 г.[227] Однако проект, подготовленный в 1986 г., так и не был реализован, причины этого следует искать в изменении экономической, общественно-политической и историографической ситуации, сложившейся к концу 1980-х гг.

Научная концепция экспозиции была составлена заведующей отделом «Дореволюционное прошлое Карелии» А. Д. Рылеевой и научным сотрудником музея Л. И. Капустой. В концепции музейного показа декларировались основные идеи, которые должны были транслироваться в экспозиции, описывались структура и ключевые экспозиционные комплексы, которые предполагалось использовать для репрезентации конкретных событий и явлений исторического прошлого. В экспозиции предполагалось отразить боевые и трудовые подвиги народа, культурное наследие прошлого, борьба трудящихся края против эксплуататорских классов. Вся экспозиция подводила к пониманию объективной закономерности и необходимости Октябрьской революции. В структуру нового музейного показа было положено марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях, история края показывалась в контексте истории всей страны как ее составная часть[228].

Авторы концепции выделяли ряд серьезных недостатков предыдущих экспозиций (1960 и 1967 гг.), а также наметили пути их преодоления. Так, была отмечена перегруженность музейных показов текстовым материалом, отсутствие внимания к репрезентации этнографических особенностей основных национальных групп населения края: карел, вепсов, русских, также отмечалась слабая оснащенность экспозиции аудиовизуальными средствами[229]. В разделе, посвященном истории первобытного общества, планировалось демонстрировать фильм «Пантеон саами», созданный Ленинградской студией документальных фильмов «Леннаучфильм» в 1972 г. Фильм должен был привлечь внимание посетителей к представленным на витринах подлинным памятникам саамской культуры[230].

Предполагалось, что в основу экспозиции лягут те же экспозиционные комплексы, которые сформировались и экспонировались в 1950–1960-х гг. К ним относились археологические памятники эпохи неолита, прежде всего обнаруженные на раскопках Оленеостровского могильника, петроглифы, предметы, связанные с верованиями древних людей, орудия труда и остатки железоделательного промысла эпохи раннего железного века. Составителями

---

[227] Музей Карелии: Концепция системы основных экспозиций КГКМ / [Д. Н. Кузнецов и др.]. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. С. 27.
[228] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.) / Сост. А. Д. Рылеева, Л. И. Капуста // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 523. Л. 2–3.
[229] Там же. Л. 2.
[230] Там же. Л. 5.

концепции отмечалось, что в коллекции музея еще недостаточно археологических памятников, свидетельствовавших о путях перехода древнего населения Карелии к классовому обществу, а также предметов, связанных с ранними земледелием и скотоводством. Поиск этих материалов еще только предстоял[231].

Таким образом, раздел о первобытно-общинной формации в плане идейного, научного и предметного содержания в целом не сильно отличался от экспозиции 1967 г. Новизну музейному показу должно было придать своеобразное экспозиционное пространство. Предполагалось, что история древней Карелии будет представлена в залах, оборудованных в подвальных помещениях исторического здания на пл. Ленина. Низкие потолки, макет интерьера жилища помогли бы создать художественный образ условий жизни древних людей на первой ступени развития человеческого общества на территории Карелии[232].

Рассмотрев основные экспозиции, посвященные первобытно-общинной эпохе в истории Карелии, можно сделать некоторые выводы о характеристиках музейного нарратива. Структура музейных повествований основывалась на историко-философских или научных трудах, которые представляли авторитетную или доминирующую точку зрения на проблемы истории. В начале 1950-х гг. это были произведения Ф. Энгельса и И. В. Сталина, в 1960-х гг. — обобщающие труды по истории первобытно-общинного строя и дореволюционной Карелии в целом. Несмотря на ряд дополнений, включение в экспозицию новых археологических находок, ключевые экспозиционные комплексы оставались неизменными. Составители ТЭПов в некоторых случаях стремились избегать неоднозначности в репрезентации сложных и не до конца изученных исторических проблем, в результате чего научная составляющая экспозиции уступала место более схематичному и упрощенному подходу к историческому прошлому.

Репрезентация истории Карелии эпохи феодализма

В советской историографии, теоретическую основу которой составляло историко-философское учение К. Маркса об общественно-экономических формациях, феодализмом назывался период от объединения русских земель в единое государство в IX веке до отмены крепостного права в 1861 г., когда феодально-крепостнический строй сменился капиталистическим[233]. Одной из причин, приводивших к смене формации, была классовая борьба. Волнения крестьян XVII–XVIII вв. назывались проявлением классовой борьбы против феодального гнета, а совершенствование средств производства способствовало началу развития

---

[231] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.). Л. 6.
[232] Там же.
[233] Шейнин Л. Б. Феодализм в советской историографии: злоупотребление словом // Экономика в переломные эпохи. История мировой экономики: Сборник статей. Вып. 6. М.: ИЭ РАН, 2017. С. 54.

капиталистических отношений, которое было отнесено ко 2-й половине XVIII в. В целом экспозиции Государственного историко-краеведческого музея КАССР придерживались этой структуры, в которой выделялись крупные тематические блоки: «Карелия в период становления и развития феодальных отношений» (X–XVII вв.), «Карелия в составе Российской империи» (XVIII в.), «Карелия в период разложения феодально-крепостнических отношений» (конец XVIII в. — 1861 г.). Рассмотрим репрезентацию феодальной формации в истории Карелии в представлении Государственного историко-краеведческого музея КАССР.

В 1947 г. была издана статья карельского историка Е. С. Гардина, в которой автор обозначал ключевые проблемы истории Карелии, стоявшие перед учеными. Кроме конкретных задач, в статье Е. С. Гардина были сформулированы ключевые идеи, которые должны были найти отражение в работах по истории республики. Историю Карелии стоило показывать «в тесной связи с историей... русского народа»[234]. В противном случае исследование могло грешить провинционализмом или опускаться до уровня краеведческих очерков. Идея о прогрессивном воздействии русской государственности и русской культуры на все стороны жизни карельского народа должна была последовательно проводиться в трудах историков. Е. С. Гардин предостерегал своих коллег от ошибок, допущенных авторскими коллективами обобщающих трудов по национальной истории народов Казахстана и Башкирии, которые это прогрессивное значение недооценили[235]. Еще 27 января 1945 г. ЦК ВКП(б) издал постановление «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации». В документе указывалось, что отдельные историки допустили серьезные идеологические ошибки в освещении истории башкирского народа, в частности идеализацию патриархально-феодального прошлого, противопоставление русских и башкирских воинов, участвовавших в войне 1812 г.[236] Напротив, карельским историкам предлагалось показать братскую помощь «великого русского народа» карелам в борьбе против иноземных захватчиков, а также его ведущую роль в социалистическом преобразовании Карелии[237].

В трудах историков должны были найти отражение причины хозяйственной и культурной отсталости дореволюционной Карелии, главной из которых была политика самодержавия. В то же время необходимо было осветить своеобразие экономического развития Карелии. Для этого предлагалось особое внимание уделить вопросам истории развития производственных сил и

---

[234] Гардин Е. С. Некоторые вопросы научной разработки истории Карелии // Природные ресурсы и культура Карело-Финской ССР: труды первой научной сессии Карело-Финского гос. университета, 12–15 мая 1947 г. Вып. 1, секция гуманитарных наук. Петрозаводск: Гос. Издат КФССР, 1949. С. 38.
[235] Гардин Е. С. Указ. соч. С. 38.
[236] Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации». 27 января 1945 г. // Документы и материалы по истории башкирского народа (1941–1985). Уфа, 2012. С. 108.
[237] Гардин Е. С. Указ. соч. С. 39.

основных отраслей производства — металлургии, лесной промышленности и др.[238] Несмотря на то что профессиональному сообществу историков еще только предстояло решить обозначенные научные проблемы, а также создать обобщающий труд по истории Карелии, музейные работники уже в конце 1940-х гг. взяли на вооружение ключевые идеи, которые официальная наука и власть желала бы видеть в исторических репрезентациях. В экспозициях 1948, начала 1950-х гг. найдут свое отражение большинство обозначенных Е. С. Гардиным путей репрезентации истории Карелии.

Тексты экспозиций по истории Карелии X–XVII вв., зафиксированные в ТЭПах 1950, 1952 гг. и улучшенном ТЭПе 1954 г., составленном также И. Н. Тихоновым, были практически идентичны. Приемка экспозиции, воссозданной на основе ТЭПа 1954 г., состоялась в июле 1954 г.[239] ТЭП 1954 г. был посвящен только истории карельского средневековья. Начиная с репрезентации Петровской эпохи в Карелии в ТЭПах 1950 и 1952 гг. можно наблюдать значительные изменения. Тем не менее в текстах экспозиций 1950-х гг. имеется много общих мотивов. Одной из ключевых черт экспозиций по истории феодализма в Карелии, созданных в 1950-е гг., было преобладание общеисторического контекста над региональным материалом. Прежде всего это можно объяснить отсутствием обобщающего труда по истории Карелии, который был издан только во второй половине 1950-х гг. Несмотря на то что экспозиционные комплексы, посвященные историческому процессу на территории Карелии, были наполнены подлинными историческими памятниками, они терялись на фоне превалировавших над ними, но менее выразительных комплексов, посвященных общероссийским сюжетам. Сюжеты российской истории раскрывались в основном на примере плоскостных материалов, прежде всего многочисленных текстов, репродукций картин, географических карт. Перекос в сторону репрезентации общероссийской истории в ущерб местным историческим сюжетам был характерен для всех разделов постоянной экспозиции Государственного историко-краеведческого музея КФССР 1950-х гг.

Составители путеводителя 1949 г. по первой послевоенной экспозиции музея, оставаясь в рамках устоявшейся периодизации, внутри нее делали акценты на ключевые события в истории Карелии — вхождение в состав Московского государства в XV в., борьбу против шведского завоевания в XVI в., создание металлургической промышленности в Петровское время и антифеодальные выступления в XVIII в. В отличие от подхода, принятого при составлении ТЭПов, авторы путеводителя стремились рассказать читателям не о всех, а только о наиболее интересных экспонатах, являющихся убедительными свидетельствами и доказательствами существования определенных общественно-экономических явлений прошлого: развития

[238] Гардин Е. С. Указ. соч. С. 38, 41.
[239] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 4/33. Л. 20.

производственных отношений, классового расслоения, антифеодальной борьбы, дружбы карельского и русского народов и др. Параграфы путеводителя, посвященные эпохе феодализма в Карелии, строились по определенной модели. Первым делом читателям предлагалось ознакомиться с общеисторическим контекстом, тон восприятию которого могла задавать цитата из трудов классиков марксизма-ленинизма или И. В. Сталина, затем на материале конкретных исторических сюжетов и включенных в экспозицию экспонатов раскрывались особенности того или иного исторического периода в Карелии. Если доля общеисторического материла в ТЭПах начала 1950-х гг. значительно преобладала над местным, то в путеводителе 1949 г. создавалось иное впечатление. Несмотря на то что ключевые экспонаты раздела экспозиции по истории феодализма, приведенные в путеводителе и представленные в ТЭПах, были идентичными (например, памятники Соловецкого монастыря, орудия труда, оружие XVII–XVIII вв. и др.), структура экспозиций отличалась друг от друга. Эти отличия можно проследить как на уровне заголовков к разделам, так и конкретно-исторического наполнения.

В плане идейного содержания на экспозиции большое влияние оказал изданный в 1938 г. учебник «История ВКП(б). Краткий курс». Тенденции в репрезентации исторического прошлого, характерные для него, можно найти и в экспозициях по дореволюционной истории.

В «Кратком курсе», а также других учебниках, написанных по его трафарету в 1930—1940-е гг., влияние Русского государства на развитие регионов, где проживали «малые народы», оценивалось как цивилизаторское, приобщающее к более развитой культуре русского народа. После Великой Отечественной войны активизировалась работа историков по написанию обобщающих трудов по истории союзных и автономных республик. Критики этих трудов указывали, что в национальных историях необходимо последовательно проводить мысль о ведущей роли русского народа в образовании и развитии многонационального государства в России[240], о чем в 1947 г. писал в своей статье и карельский историк Е. С. Гардин.

В ТЭПах экспозиций 1950, 1952 гг. и улучшенном ТЭПе 1954 г. по эпохе феодализма довольно много места было отведено репрезентации значения русского народа для исторического развития Карелии и населяющих ее коренных народов. В текст экспозиций включались различные эпитеты, характеризовавшие деятельность русских политических руководителей и цивилизаторскую роль русского народа. Наиболее часто употреблялись эпитеты «великий», «выдающийся». Например, описывая события начала XVII в., составители ТЭПа 1952 г. по истории дореволюционной Карелии указывали следующее: «Благодаря победе русского народа в войне против польско-шведских интервентов в начале XVII в. карельский народ был спасен от порабощения шведскими феодалами»[241]. После текста следовали

[240] Дубровский А. М. Указ. соч. С. 439–440.
[241] НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 124. Л. 59.

иллюстрации с изображением лидеров народного ополчения Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского и картина «Карелы покидают свой край»[242]. Пояснительный текст под картиной гласил: «Массовые переселения карел на русские земли были вызваны опустошительными набегами шведов на территорию Карелии в XVI–XVII вв., захватом ими западной Карелии в начале XVII в. и установлением там жестокого феодального режима»[243]. Создатели экспозиции стремились подчеркнуть, что русский народ всегда становился на защиту карел, более того, карелы сами выбрали место, где они хотели жить — сначала это была Россия, а затем — СССР. Эта мысль была озвучена еще в 1947 г. в монографии лингвиста, члена-корреспондента Академии наук СССР Д. В. Бубриха «Происхождение карельского народа». Автор, описывая события XVII в. в истории карел, назвал эту эпоху временем «великого испытания союза и дружбы Корелы с Россией». Карелы не пожелали отказываться от своих древних культурных связей, своей «русской закваски» и уезжали с родных мест, оставляя свои дома на разграбление, для того чтобы жить с «родным русским народом»[244].

Самым последним экспонатом раздела, посвященного польско-шведской интервенции начала XVII в., был бюст карельского героя Ивана Рокаччу (в музейных документах встречается только прозвище — Рокаччу), руководившего отрядами карел, которые боролись со шведами. Текст этикетки отсылал к народному преданию о «крестьянине по кличке Рокач из деревни Тикша», который руководил борьбой партизанских отрядов местных крестьян против шведов в XVI в.[245] До конца не известно, существовали на самом деле такие партизанские отряды или нет, даже имя этого героя оставалось легендарным.

Необходимо отметить, что этноним «карелы» гораздо чаще использовался в ТЭПах по дореволюционной истории Карелии, чем в ТЭПах по истории советского периода. Наиболее распространенное понятие для описания автохтонного населения Карелии — «карельский народ». Не менее распространенным в музейных текстах начала 1950-х гг. являлось понятие «карело-финский народ». Этот термин стал использоваться в официальной историографии вслед за советской пропагандой и средствами массовой информации в 1939 г. перед началом военного конфликта с соседней Финляндией. Термин выполнял функцию легитимации существования Карело-Финской республики в качестве союзной. В июне 1950 г. в газете «Правда» была опубликована статья И. В. Сталина «Марксизм и языкознание», в которой говорилось о единой природе карельского и финского народов. Годом ранее в предисловии к новому изданию эпоса «Калевала» о единстве двух народов писал О. В. Куусинен: обе национальности воссоединились в Карело-Финской республике и составляют единый карело-

[242] НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 124. Л. 59.
[243] Там же.
[244] Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск.: Гос. изд-во КФССР, 1947. С. 42.
[245] НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 124. Л. 59.

финский народ[246]. В текстах экспозиций термин использовался ровно до момента упразднения КФССР и преобразования ее в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую республику в 1956 г. Этот искусственный этноним можно назвать характерной приметой периода существования Карело-Финской ССР.

Одним из мобилизующих аспектов музейного нарратива была репрезентация образа «чужого». Этот образ противопоставляется понятию «свой» в контексте коллективной идентичности. Крайней негативной формой образа «чужого» является образ «врага». Использование в публичной коммуникации негативного образа врага способно сплотить общество вокруг его ценностей, фигуры лидера, призывает преодолеть разногласия для защиты общих интересов[247]. Образ врага и тема борьбы с ним раскрывались в экспозициях на примерах различных экспозиционных комплексов. После окончания Второй мировой войны и начала обострения отношений между СССР и западными странами образ врага в советском медиапространстве использовался регулярно, музеи также использовали его.

Показ внешних врагов в экспозициях служил контрастом для репрезентации образа народных героев. Контрастный прием построения экспозиции и проведения экскурсий можно назвать наиболее часто используемым советскими экспозиционерами. Этот прием был описан в методической литературе 1950-х гг. по созданию экспозиций, его использование было направлено на реализацию принципа историзма в экспозициях[248]. Экскурсоводы характеризовали иноземных захватчиков с помощью ярких, эмоционально окрашенных слов, служивших индикатором отношения создателей экспозиции к описываемым объектам, например, социально определенное понятие «феодалы» дополнялось негативными характеристиками «интервенты», «захватчики», «хищники», «грабители» и т. д.

В отделе по истории Карелии наиболее часто упоминаются шведы как противники Российского государства. Этноним «шведы» встречался в музейных текстах, текстах исторических документов, посвященных событиям начала XVII в., Северной войны, а также русско-шведской войны 1808–1809 гг. в экспозиции 1950 г. Шведы как «феодалы», «интервенты», «противники» противопоставлены «народным героям», «талантливым полководцам» и «выдающимся государственным деятелям».

В советской историографии оценка содержания определенного периода русской истории осуществлялась с точки зрения соответствия политики того или иного правителя объективным задачам исторического развития и ее классовой наполненности. В разделе по истории

---

[246] Вихавайнен Т. Национальная политика ВКП(б)/КПСС в 1920–1950-е гг. и судьбы карельской и финской национальностей // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 37–38.
[247] Дзялошинский И. М. Указ. соч. С. 586–587.
[248] Михайловская А. И. Организация и техника музейной экспозиции. С. 11; Основы советского музееведения. С. 259.

средневековой Карелии позитивных оценок заслуживала деятельность политических деятелей, которые способствовали централизации русских земель и укреплению Российского государства. Например, Иван III в экспозициях 1950-х гг. назывался объединителем Русской земли[249], руководители народного ополчения XVII в. Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский — «великими русскими патриотами»[250], а главной исторической фигурой XVIII в. был Петр I, охарактеризованный как выдающийся государственный деятель и полководец[251]. В экспозициях 1950, 1952 гг. значительное место было отдано репрезентации Петровской эпохи и развитию Карелии в начале XVIII в.

В советской историографии к началу 1950-х гг. сложился устойчивый подход к оценке петровских преобразований и личности Петра I. Признавая «рост производительных сил», экономические и культурные успехи, достигнутые при Петре I, советские историки отмечали усиление крепостного гнета, ухудшение положения «народных масс»[252]. Успехи России во внешней политике тем не менее не только привели к утверждению правящего класса, но и устранили угрозу иноземного вторжения и разорения для «широких трудовых масс». Внешняя политика Петра I, таким образом, имела «прогрессивное, национальное значение»[253]. Оценивая личность Петра, советские историки отмечали его сильную волю, неиссякаемую энергию, возвращали ему прозвание, данное еще современниками царя, «Великий»[254].

Популяризации Петра I в общественном дискурсе способствовал интерес И. В. Сталина к этой исторической личности. Неоднократно в своих работах исторического и программного характера И. В. Сталин давал оценку Петровской эпохе, отмечал сильные стороны государя как личности[255]. Значительное влияние на восприятие первого русского императора в обществе оказали роман А. Н. Толстого «Петр Первый», изданный в 1943 г., и одноименная экранизация романа 1937–1938 гг. Таким образом, посетители приходили в музей, уже имея определенное представление или четкое мнение об эпохе Петра I и самом русском государе.

С 1946 г. в д. Дворцы Петровского района существовал мемориальный музей Петра I, основавшего в 1719 г. на этом месте первый русский курорт «Марциальные воды». Перед экспозицией музея ставилась задача возбудить интерес к личности и деятельности

---

[249] НА НМ РК. Ф. 1. Д. 124. Л. 16, 23.
[250] Там же. Л. 59.
[251] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 43; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 50.
[252] Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I / Под ред. Б. Б. Кафенгауза, Н. И. Павленко. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 10–11; Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1943. 218 с.
[253] Кафенгауз Б. Б. Внешняя политика России при Петре I. М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1942. С. 86.
[254] Очерки истории СССР: XVIII век: Пособие для учителей / под ред. Б. Б. Кафенгауза. М.: Учпедгиз, 1962. С. 108; Кафенгауз Б. Б. Реформы Петра I в оценке М. Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского: Сборник статей. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1940. Ч. 2. С. 140–176.
[255] См., например: Сталин И. В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК ВКП(б): 19 ноября 1928 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1949. С. 248; Сталин И. В. Беседа с немецким писателем Э. Людвигом. 13 декабря 1931 г. // Там же. Т. 13. С. 104–105.

выдающегося человека посредством подлинных памятников мемориально-бытового комплекса, воссоздававших обстановку времени его жизни[256]. Несмотря на то что экспозиция мемориального музея не изобиловала подлинными памятниками Петровской эпохи, главным из которых была церковь Св. Апостола Петра XVIII в., отзывы посетителей свидетельствуют, что она смогла пробудить в посетителях чувства патриотизма и уважения к истории своей страны. Основной темой отзывов являлось впечатление о Петре I и его эпохе, восхищение ими[257].

Не выходя за рамки, заданные историографией и общественным дискурсом, репрезентация Петра I в экспозициях обоих музеев — мемориального в д. Дворцы и главного музея республики — была направлена на формирование у посетителей положительного образа этого государственного деятеля[258]. Многочисленные государственные дела и реформы Петра I показаны в экспозициях с помощью фотокопий документов, репродукций картин, иллюстраций. В отличие от мемориального музея, в собрании Государственного историко-краеведческого музея КФССР находился подлинный шедевр, живописная картина знаменитого художника-мариниста И. К. Айвазовского «Приезд Петра I на Неву», которая была включена в раздел экспозиций 1950 и 1952 гг., посвященный Петровской эпохе. После создания в г. Петрозаводске Музея изобразительных искусств в 1960 г. картина была передана в новое учреждение. О том месте, которое в исторической памяти жителей Карелии занимал Петр I, также сообщал текст о бытовании в народной среде многочисленных преданий, сказов и сказок о Петре I[259]. Следуя подходу, принятому в советской историографии, создатели экспозиции обращали внимание посетителей и на обратную сторону петровских преобразований: рост закрепощения крестьян, жестокую эксплуатацию и народное бесправие. Этому способствовали включенные в экспозицию цитаты И. В. Сталина о Петре I как великом государственном деятеле, много сделавшем для укрепления государства, но цену за становление сильного государства заплатили крепостное крестьянство, с которого «драли три шкуры»[260].

Раскрывая эту мысль на примере сюжета о положении крестьянства в Карелии в XVIII в., угнетенного непосильными повинностями, экспозиционеры показывали предпосылки классовой борьбы, развернувшейся в Олонецком крае. Основными формами антифеодальной борьбы было оставление работ на заводах приписными крестьянами, отказ от уплаты податей и открытое противостояние угнетателям. Наивысшей точкой крестьянского протеста было Кижское восстание 1769–1771 гг.

---

[256] Основы советского музееведения. С. 289.
[257] Каюмова М. Р. Музей-заповедник «Марциальные воды» в 1950–1960-е гг.: проблема профилирования и ее влияние на репрезентацию исторического прошлого // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 1 (33). С. 100.
[258] Там же. С. 99.
[259] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 60.
[260] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 56; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 54.

Ранее в разделах экспозиций, посвященных истории XVII в., об антифеодальной борьбе рассказывалось на примере старообрядчества и Соловецкого восстания. Идея о старообрядчестве как о форме антифеодального протеста разрабатывалась советской историографией еще в 1930-х гг. Подобный взгляд оставался доминирующим вплоть до 1970-х гг.[261] Следуя историографическим тенденциям, карельские музейщики также показывали старообрядчество как форму антифеодальной борьбы, при этом в текстовом материале экспозиций упускался религиозный аспект этого движения. В то же время предметный ряд, включавший в себя традиционные для старообрядцев молитвенные лестовки, богослужебные книги и др. материальные памятники, транслировал мысль о религиозной подоплеке конфликта. Выгорецкое общежительство в XVIII в. было центром старообрядчества в Олонецком крае. Выгорецкие старообрядцы работали на железоделательных заводах наравне с приписными крестьянами, также они способствовали распространению грамотности среди крестьянского населения, что приводило и к распространению старообрядчества[262].

Таким образом, на протяжении всего XVIII в. среди олонецких крестьян назревало недовольство, вызванное феодальным гнетом, готовое перерасти в справедливый бунт. Традиции организованного сопротивления крестьян были заложены еще в XVII в. борьбой старообрядцев.

В экспозициях 1950 и 1952 гг. значительное место было уделено истории развития промышленности в Карелии — металлургической, горной, лесной. Эта тема, в отличие от многих предыдущих, раскрывалась на примере местного материала, в том числе значительного количества подлинных памятников, натурных экспонатов (образцов руды, полезных ископаемых, сырья для производства и др.). С одной стороны, авторы ТЭПов подчеркивали богатство и уникальность природных ресурсов Карелии, например карельского декоративного камня, который использовался для строительства и облицовки многих дворцов и усадеб Санкт-Петербурга, их фотографии были помещены на стенды[263]. С другой стороны, они показывали тяжелые условия работы приписных крестьян на ломках и горных разработках.

В экспозициях был представлен объемный экспозиционный комплекс продукции основанного во второй половине XVIII в. в г. Петрозаводске Александровского завода. Посетители могли ознакомиться с изготовленным на заводе вооружением, снарядами, часть экспонатов — стволы пушек, ядра, заводские механизмы выставлялись во дворе музея. Под портретом полководца А. В. Суворова, посетившего Петрозаводск после завершения русско-шведской войны, были приведены его слова, относящиеся к качеству изготовленных

[261] Ефремов С. А. Раскол в Русской Православной церкви: Социальный протест или спор о путях развития России // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 46.
[262] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 82.
[263] Там же. Л. 65–66.

на заводе орудий: «Петрозаводск знаменит»[264]. Образцы художественного литья вместе с фотографиями чугунных перил петербургских набережных свидетельствовали о мастерстве заводских рабочих, высоком качестве и художественной ценности продукции. В то же время на заводе выпускались ножные и ручные кандалы, в которые заковывали «борцов за народное дело»[265].

Репрезентация истории XIX в. начиналась с рассказа о развитии лесной промышленности в Олонецкой губернии, открытии государственных и частных лесопильных заводов. Их деятельность в экспозиции 1950 г. была проиллюстрирована цитатой В. И. Ленина о лесных работах как «наиболее дурно оплачиваемых» и о тяжелом положении рабочих в лесной отрасли[266]. В ТЭПе 1952 г. эта тема не раскрывалась, подробный рассказ о развитии лесной промышленности был помещен в следующий раздел, посвященный капиталистическому периоду в истории Карелии. Кроме того, в отличие от музейного показа 1950 г., авторы значительно сократили большинство исторических тем, репрезентация которых не имела опоры на подлинные памятники.

Предпосылки перехода к следующей формации в истории Карелии были показаны с помощью диаграмм о росте частного капитала в промышленности Карелии[267], классовом расслоении крестьянства, появлении кулачества[268]. Музейный рассказ о развитии экономики края к середине XIX в. в 1950 г. предварялся, а в 1952 г. завершался цитатой из статистико-экономического описания края за 1910 г., характеризующей отсталость Олонецкой губернии в хозяйственном и культурном отношении: «Край, имеющий по своим естественным и историческим условиям все шансы, если не для цветущего состояния, то для развитой торгово-промысловой деятельности, представляет собой нечто до последней степени заброшенное, слабосильное»[269].

Необходимо отметить, что в экспозиции 1950 г. отдельные подразделы были посвящены репрезентации событий, приведших к присоединению Финляндии к Российской империи, и Отечественной войны 1812 г. Показ материалов по русско-шведским отношениям предварялся цитатой К. Маркса о положении Петербурга как новой столицы Российского государства, безопасность которой не могла быть обеспечена до завоевания значительной части

[264] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 77; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 67.
[265] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 120; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 67.
[266] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 126.
[267] Там же.
[268] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 61; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 65, 68.
[269] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 119; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 68.

побережья Балтийского моря[270]. Развивая тезис классика, экскурсовод должен был пояснить, что присоединение Финляндии было жизненно необходимым для безопасности столицы, а война со Швецией была неизбежной. Кроме того, в пояснительном тексте к подразделу указывалось, что Финляндия за весь период шведского владычества не создала «своей национальной культуры»[271], чем подчеркивалась угнетенность финского народа шведами.

Французы, противники России в войне 1812 г., в отличие от шведов, были показаны более нейтрально. В тексте экспозиции 1950 г. этот этноним употреблялся самостоятельно или как часть словосочетаний «французские войска», «французские интервенты». Более того, в текст экспозиции была включена цитата Наполеона о Бородинском сражении, в котором французы «показали себя достойными одержать победу, а русские оказались достойными быть непобедимыми»[272]. Наполеону в войне противостояли выдающиеся русские полководцы во главе с М. И. Кутузовым. В экспозиции была представлена репродукция портрета М. И. Кутузова с этикеткой, на которой было указано: «Величайший русский полководец, талантливый стратег, сподвижник Суворова и герой Отечественной войны 1812 г., закончившейся разгромом Наполеона и изгнанием французских интервентов из Москвы»[273]. Экскурсоводу предлагалось охарактеризовать М. И. Кутузова как «вождя, близкого по духу русскому народу», который не мог не считаться с народным желанием дать французам бой, результатом этого желания стала Бородинская битва, самим Кутузовым воспринимавшаяся как победа русского оружия[274].

В годы Великой Отечественной войны фигура М. И. Кутузова, его полководческий талант и победы занимали значительное место в пропагандистской работе. Издавались посвященные полководцу военно-патриотические брошюры, открытые воинские письма с цитатами и портретом М. И. Кутузова, предназначенные для патриотической работы на фронте, в 1942 г. был учрежден военный орден Кутузова. Этот интерес во многом был связан с отношением к полководцу И. В. Сталина, который участвовал в разработке биографии М. И. Кутузова, изданной в 1941 г. Основные тезисы биографии полководца оказались созвучны собственным взглядам И. В. Сталина, отводившим М. И. Кутузову главенствующее место в своей исторической концепции войны 1812 г. как освободителя от иноземных захватчиков[275]. В 1945 г. были изданы тезисы ЦК ВКП(б), посвященные 200-летию со дня рождения великого полководца, в которых проводились прямые параллели между Отечественными войнами

[270] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 92.
[271] Там же. Л. 92.
[272] Там же. Л. 102.
[273] Там же. Л. 101.
[274] Там же. Л. 100, 102.
[275] Шеин И. А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002. С. 109.

XIX и XX вв. и двумя государственными деятелями и полководцами — М. И. Кутузовым и И. В. Сталиным[276].

В музейном показе 1950 г. о войне 1812 г., созданном в духе послевоенных историографических тенденций, использовались те же устоявшиеся формулировки, характерные для описания событий Великой Отечественной войны. Например, рассказывая о начале конфликта 1812 г., экскурсовод сообщал о нападении французских войск «без объявления войны», о том, что войне стала «всенародной», поэтому возглавить борьбу с врагом должен был не просто полководец, но мудрый «вождь»[277]. Подраздел, посвященный войне 1812 г., завершался рассказом об Олонецких стрелках, входивших в состав ополчения Петербургской губернии. Олонецкие стрелки проявили «героизм и мужество» в сражениях в России, а также участвовали в «освобождении Европы», взятии Кенигсберга и Парижа[278]. Посетителям музея предлагалось провести очевидную параллель и проследить преемственность боевых традиций олонецких стрелков и воинов-уроженцев Советской Карелии, которые в составе Красной Армии освобождали Европу и штурмовали столицу противника — Берлин.

Итак, в разделе экспозиции по истории Карелии в период феодализма проявились некоторые тенденции, характерные для сложившейся к 1950-м гг. историографической, политической и социокультурной ситуации, к которым в первую очередь относится русоцентризм в репрезентации национальных историй малых народов страны. В отсутствие обобщающего труда по истории Карелии авторы экспозиции ориентировались на структуру и основные положения «Краткого курса истории ВКП(б)», что привело к обилию общероссийских исторических сюжетов в ущерб локальной истории. Вследствие этого экспозиция была перенасыщена плоскостными изобразительными и текстовыми материалами, за которыми терялись подлинные памятники старины. Еще одним следствием этого дисбаланса можно назвать использование музеев как факторов формирования советской идентичности, которая должна была объединять представителей всех этносов, живущих в Советском Союзе, утверждать единую систему ценностей и идеалов общественного развития, нивелировать различия между народами, сплачивая их вокруг русского народа.

В 1960 г. к юбилею республики была открыта новая постоянная экспозиция. ТЭП к разделу по истории дореволюционной Карелии создавался в жарких дискуссиях о структуре музейного показа. В результате было создано два варианта ТЭПов. Автором первого варианта был заведующий отделом истории дореволюционной Карелии И. Н. Тихонов, второго — заместитель директора по научной работе И. М. Мулло. Оба автора критиковали работу друг

---

[276] Михаил Илларионович Кутузов: (к 200-летней годовщине со дня рождения) / Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). М., 1945. С. 31–32.
[277] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 99–100.
[278] Там же. Л. 104–105.

друга: И. Н. Тихонов отмечал, что план, составленный его коллегой, хаотичен и непоследователен, материалы неравномерно распределены между подразделами, некоторые экспонаты перенесены из одной эпохи в другую без достаточных научных оснований. Критиковались также и конкретные приемы в репрезентации исторических событий. Например, в ТЭПе, предложенном И. М. Мулло, тема борьбы против шведской агрессии в XVII в. раскрывается, в частности, с помощью натурного экспоната — черепа, пробитого копьем. И. Н. Тихонов отмечал, что размещение подобного экспоната в этом комплексе может привести посетителей к неправильным выводам о том, что борьба со шведами несла местному населению только смерть[279].

В свою очередь И. М. Мулло охарактеризовал вариант И. Н. Тихонова как «изложение хроники событий, иллюстрированное экспонатами», что не соотносилось с подлинно музейным подходом к организации экспозиций[280]. Он же предлагал в основу показа положить как уже сложившиеся, так и новые экспозиционные комплексы. Позиции обоих авторов сходились в одном: в экспозиции по местной истории не должно быть много общероссийского материала. Как выразился сам И. Н. Тихонов: «Мы даже внутреннее развитие Карелии не сможем как следует показать»[281], имея в виду нехватку как экспозиционных площадей, так и натурных экспонатов. Ученый совет музея отверг оба варианта и предложил авторам ТЭПов работать вместе, учтя пожелания совета. В результате был разработан новый план, под которым стояли подписи И. М. Мулло и И. Н. Тихонова. Историографическую и концептуальную основу ТЭПа составляла монография «Очерки истории Карелии», а содержательную — тематические экспозиционные комплексы.

В начале 1960-х гг. усилилось внимание со стороны историков и музейных специалистов к вопросу о соотношении общероссийской и региональной истории в музейных экспозициях. Музеям рекомендовалось работать в соответствии с их профилем и музейной спецификой и раскрывать в экспозициях на экспонатах — подлинных памятниках — историю своего края, не отрывая ее от исторического процесса страны, показывать общие исторические закономерности в их конкретном проявлении[282]. В то же время музейщиков предостерегали от показа истории края в отрыве от истории страны, подобные экспозиции вследствие идейных и теоретических недостатков не допускались к показу[283].

Экспозиция 1960 г. была создана в русле этих тенденций. Раздел постоянной экспозиции, посвященной дореволюционному прошлому, значительно сократился, в то же время он был

[279] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 8/118. Л. 7–8.
[280] Там же. Л. 6.
[281] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 7/106. Л. 22.
[282] Об общегосударственном историческом материале в экспозициях краеведческих музеев: Инструкционное письмо / Сост. П. И. Галкина, З. А. Огризко // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3991. Л. 2.
[283] Там же. Л. 3.

менее насыщен текстовыми и вспомогательными материалами по сравнению с музейными показами 1950-х гг. Из экспозиции 1960 г. исчезли упоминания об исторических деятелях общероссийского масштаба, не имевших связей с событиями в Карелии. Так, в тексте музейного показа 1960 г. отсутствуют упоминания русских князей и царей, героев народных движений, которые прославлялись в экспозиции 1952 г. Из текста ТЭПа пропали также большинство эпитетов, относящихся к этнониму «русский», такие как «великий», «передовой» и т. д., характерные для ТЭПов 1950-х гг. Из музейного текста исчезли цитаты И. В. Сталина, увеличился объем цитирования В. И. Ленина.

В пояснительных текстах нового музейного показа можно найти немало цитат из первого обобщающего труда по истории Карелии. Например, один из первых тематических комплексов, посвященных периоду феодализма в Карелии, предварялся пояснительным текстом, процитированным из «Очерков»: «Рост производительных сил вел к распадению родовой общины у карел и вепсов на большие семьи, а затем — к расколу общества на классы»[284]. Не только цитаты, но и изобразительные материалы, такие как карты, схемы, репродукции, можно обнаружить как на страницах монографии по истории Карелии, так и на стендах экспозиции[285]. И таких примеров было большое количество.

4 октября 1958 г. ЦК КПСС принял секретное постановление под названием «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”», которое обязывало партийные, комсомольские и общественные организации развернуть пропагандистское наступление на «религиозные пережитки» советских людей[286]. Послевоенный термин «религиозные убеждения» был забыт, шла война с религиозными «пережитками» и «предрассудками». После проведенной властями кампании в Карелии не сохранилось ни одного действующего монастыря[287]. Музеи как культурно-просветительные учреждения должны были последовательно в экспозиционной и культурно-массовой работе усиливать атеистическую пропаганду.

Одной из ключевых идей постоянной экспозиции 1960 г. было негативное влияние церкви на развитие истории и культуры населения Карелии. Например, для репрезентации деятельности монастырей создатели экспозиции использовали глаголы, имевшие негативную окраску, показывавшие агрессивный характер действий монастырей. Так, монастыри «отобрали», «захватили», «забрали в свои руки», «усиливали религиозное воздействие» и т. д. Религия

---

[284] Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 40; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 241. Л. 17.
[285] Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 70.
[286] Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье; Общество любителей церковной истории, 1999. С. 252.
[287] Цыпин В. Указ. соч. С. 418.

именовалась не иначе как «культ», эксплуатация крестьян оправдывалась религиозным вероучением, иконы назывались «духовным товаром», используемым для «идеологического и экономического угнетения масс»[288]. Примеров подобной агрессивной риторики можно обнаружить довольно много.

Антирелигиозная пропаганда осуществлялась на примере материальных памятников, связанных с деятельностью церквей и монастырей, что привело к увеличению доли экспозиционных комплексов, включавших предметы религиозного значения. Так, в экспозицию был помещен монтаж фотографий и фотокопий с гравюр и документов о памятниках деревянного зодчества первой четверти XVIII в. Пояснительный текст к монтажу сообщал, что выдающиеся произведения деревянного зодчества являлись делом рук народных мастеров, но церковь использовала их для «идеологического и экономического угнетения масс»[289]. При помощи сопроводительных текстов и этикеток материальные памятники превращались в «орудие» атеистической пропаганды.

Одним из направлений музейного показа было отражение героических традиций народов Карелии в деле защиты своей Родины. В экспозицию 1960 г. была включена фотокопия из газеты «Ведомости» от 1703 г. с сообщением о действиях партизанского отряда Ивана Окулова в Олонецком крае. Пояснительный текст к фотокопии сообщал, что в годы Северной войны крестьяне Олонецкого уезда организовывали партизанские отряды, которые нападали на шведские гарнизоны и заставы, разоряли имения шведских феодалов[290]. В «Очерках истории Карелии» в главе, посвященной военным действиям на территории Карелии, также раскрывался сюжет о партизанах Ивана Окулова[291]. Основным источником знаний об этом историческом персонаже на протяжении долгого времени была статья в газете «Ведомости». После Петровской эпохи имя Ивана Окулова надолго было предано забвению, только в советское время стали известны другие источники по истории партизанской борьбы в Карелии в годы Северной войны[292]. Результатом исследований советских историков стало возвращение имени Ивана Окулова в научную и научно-популярную литературу, а затем и на стенды историко-краеведческой экспозиции.

Как и в предыдущих музейных показах, в структуре экспозиции значительное место было отведено развитию промышленности Карелии XVIII–XIX вв., а также тяжелому положению приписных крестьян и заводских рабочих. Во второй половине 1950-х гг. были изданы монографии историков Я. А. Балагурова и А. П. Глаголевой, посвященные Олонецким горным

---

[288] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 29, 45.
[289] Там же. Л. 45.
[290] Там же. Л. 37.
[291] Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 187.
[292] Шутой В. Партизан Иван Окулов // На рубеже. 1960. № 6 (ноябрь-декабрь). С. 114.

заводам. Помимо «Очерков истории Карелии» они стали историографической основой для раскрытия этой темы в экспозиции.

Экспозиционеры, рассказывая о причинах появления казенной железоделательной промышленности в Карелии в годы Северной войны, обобщили выводы, представленные в монографии А. П. Глаголевой «Олонецкие горные заводы в первой четверти XVIII в.». В отличие от «Очерков истории Карелии», автор монографии, а вслед за ним и авторы экспозиции причинами строительства заводов в Олонецком крае указывали не только подходящие природные условия и близость к фронту, но и наличие работников-крестьян, обладающих навыками обработки и ковки металла вследствие развития крестьянских железоделательных промыслов[293].

Пояснительный текст к теме развития промышленности, рассказывавший о продолжительности рабочего дня и освещении цехов в вечернее время на Александровском заводе, цитировал монографию Я. А. Балагурова[294]. Кроме того, в экспозицию была включена фотокопия плана казарм для рабочих Александровского завода 1828 г., опубликованная в исследовании Я. А. Балагурова в качестве иллюстрации[295].

Помимо продукции заводов, традиционно представлявших подразделы, посвященные развитию промышленности, в экспозицию были включены фрагменты полотна первой в России железной дороги — «чугунного колесопровода», обнаруженные в 1959 г. при проведении земляных работ на Онежском тракторном заводе[296]. Экспонат был выставлен во дворе музея.

В отличие от предыдущих музейных экспозиций, события Отечественной войны 1812 г. раскрывались на примере экспозиционного комплекса «Александровский завод — фронту», включавшего в себя продукцию Александровского завода, оружие времен войны 1812 г., а также военные награды, памятные знаки, ордена и медали. На этикетке к медали, посвященной взятию Парижа в 1814 г., сообщалось об участии в войне Олонецких стрелков, в честь возвращения на родину которых жители г. Петрозаводска установили триумфальную арку[297]. Из экспозиции исчезли сопоставления и параллели с событиями Великой Отечественной войны, а также упоминания полководцев, ключевых сражений войны. К середине 1950-х гг. завершилась демилитаризация экономики СССР, вслед за этим

[293] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 38; Глаголева А. П. Олонецкие горные заводы в первой четверти XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 227–228.
[294] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 52; Балагуров Я. А. Олонецкие горные заводы. Петрозаводск, 1958. С. 152.
[295] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 52; Балагуров Я. А. Олонецкие горные заводы. С. 170.
[296] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 50.
[297] Там же. Л. 54.

изменилась и официальная риторика, общество стало выходить из мобилизационного режима[298].

Экспозиция 1960 г., посвященная эпохе феодализма, завершалась подразделами о положении крестьянства в первой половине XIX в. и развитии торговли в Олонецком крае. Эти вопросы активно разрабатывались карельскими историками в 1950-х гг. Создатели экспозиции опирались на их исследования, занимаясь разработкой ТЭПа. Например, музейный показ перекликался с основными идеями, изложенными в «Очерках истории Карелии» и статьях Я. А. Балагурова и Г. Н. Богдановой о расслоении крестьянства в Олонецком крае, изданными в 1958 г. Основной причиной дифференциации крестьян, как в научных статьях, так и в экспозиции, называлось развитие местных промыслов и товарно-денежных отношений в деревне[299]. Включенная в экспозицию диаграмма об имущественном расслоении крестьянства, заимствованная из «Очерков истории Карелии»[300], и пояснительные тексты о росте товарного производства должны были убедительно рассказать посетителям о становлении капиталистических отношений, одним из признаков которого было появлении наемного труда. Пояснительные тексты сообщали о закабалении основной массы крестьянства их более богатыми соседями. Отказываясь от риторики начала 1950-х гг., экспозиционеры не использовали термин «кулак» в разделах, посвященных феодальной эпохе, заменяя его более нейтральными словами «богач», «зажиточный крестьянин». Предметный ряд подраздела о расслоении крестьянства составляли найденные клады золотых монет, ларец для хранения денег (атрибуты богачей), а также одежда для работы на подсеке (этой работой занимались бедные крестьяне)[301].

Тяжелые условия жизни и труда крестьян были показаны на примере интерьера курной избы, а также крестьянских орудий земледелия, рыболовства и охоты, остававшихся неизменными на протяжении столетий. Интересно, что ранее, в 1950 и 1952 гг., интерьер был включен в разделы, посвященные крестьянству конца XIX — начала XX в. Тем не менее, интерьер успешно выполнял свою функцию в структуре музейного показа, демонстрируя отсталость хозяйственного развития Карелии и тяжесть быта. В интерьере были представлены предметы обихода, в основном домашнего или кустарного производства, манекены в традиционной крестьянской одежде, ткацкий станок, примитивная мебель — лавки, полки и др.

---

[298] Гончаров Г. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: Монография / Г. А. Гончаров, С. А. Баканов, Н. В. Гришина, А. А. Пасс, А. А. Фокин. Челябинск: Энциклопедия, 2013. С. 126.
[299] Балагуров Я. А. Расслоение олонецких приписных крестьян во второй половине XVIII столетия // Вопросы истории Карелии. Петрозаводск: Госиздат, 1958. С. 14; Богданова Г. Н. К вопросу об имущественном и социальном расслоении крестьянства Карелии во второй половине XVIII века // Там же. С. 36.
[300] Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 207.
[301] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 56–57.

Раздел, посвященный вопросам торговли, развивал тему имущественного расслоения крестьян, подчеркивая роль отхожих промыслов и крупных ярмарок в этом процессе. Впервые в экспозициях музея рассказывалось о коробейниках, разносной торговле, подчеркивался трансграничный характер торговых связей. Предметный ряд включал в себя образцы товаров, вывозимых коробейниками: шкурки пушных зверей, ткани, а также средств веса и меры — гири, аршины, весы и др.[302]

Итак, экспозиция 1960 г. была значительно более предметной, чем предыдущие, она избавилась от многословных текстов, вспомогательных материалов, а ее концептуальную основу составлял первый обобщающий труд по истории Карелии, изданный в 1957 г. Создатели экспозиции, опытные музейные работники, также были знакомы с аутентичной историографией и в своей работе опирались на труды карельских историков. Одной из общественно-политических тенденций, ярко проявившихся в экспозиции, было усиление антирелигиозной пропаганды. Кроме того, в духе возвращения к ленинизму в музейный показ активно включались цитаты В. И. Ленина, заменившие собой отсылки к работам предыдущего вождя.

В 1967 г. к 50-летию Октябрьской революции была открыта новая система основных экспозиций Государственного историко-краеведческого музея КАССР. В предисловии к ТЭПу было указано, что необходимость реэкспозиции диктовалась существенными недостатками предыдущего музейного показа, новые ТЭПы были составлены с учетом «улучшения идейно-политической направленности»[303]. Изменение претерпел маршрут осмотра — он стал более логичным и удобным. ТЭПы основных отделов экспозиции 1967 г. во многом повторяли структуру и особенности репрезентации исторических событий предыдущей экспозиции 1960 г. Причиной этому было огромное влияние «Очерков истории Карелии», сохранивших свое значение как уникального обобщающего труда по истории края. Раздел, посвященный эпохе феодализма в Карелии, занимал значительное место, на примере экспозиционных комплексов этого раздела экскурсоводы рассказывали о положении народных масс в условиях крепостничества, ратных и трудовых подвигах предков, феодальном гнете и борьбе с угнетением[304].

Несмотря на схожесть структуры и логики музейного повествования, а также неизменность ключевых экспозиционных комплексов, соотношение событий истории России и Карелии в ТЭПах 1967 г. выглядит несколько иначе. События из истории Карелии были представлены не только в тесной связи с историей России, но и как имевшие большое значение для России в целом. Экспозиционерами подчеркивалось особое место Карелии в общем историческом процессе СССР. Кроме того, в текстах экспозиции в это время все чаще встречались

[302] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 58.
[303] ТЭПы I и II разделов отдела «История дореволюционного прошлого Карелии» (1967 г.). Л. 2.
[304] Там же. Л. 3.

упоминания карельских исторических личностей, и наоборот значительно сократились упоминания общероссийских деятелей. Предметный ряд был значительно расширен и дополнен. В новой экспозиции все тематические разделы строились на аутентичном предметном ряде, подлинные музейные памятники выступали в роли убедительных доказательств основных идей, заложенных в музейном показе.

Изменения коснулись и репрезентации взаимоотношений русского и карельского народов. В пояснительном тексте к подразделу о становлении карельского этноса и культуры в ТЭПе экспозиции 1967 г. говорилось о том, что складывание карельской народности происходило при взаимодействии с культурой русских и других соседних племен и народностей[305]. То есть создатели экспозиции подчеркивали культурное своеобразие карел, указывая, что влияние русской культуры не было решающим, а только одним из факторов этногенеза. Показательно, что в тексте экспозиции не использовался термин «влияние», он был заменен на более нейтральное понятие «взаимодействие», что предполагало равноправие сторон в процессе коммуникации. В целом в экспозиции подчеркивалось значение карельского народа и его героев не только в истории Карелии, но и в истории России.

Следствием изменений в показе взаимоотношений карел и русских можно назвать и трансформацию в репрезентации карельского героя русско-шведской войны XVII в. Бюст Рокаччу был помещен в центр раздела экспозиции «Борьба со шведской интервенцией». Были преобразованы и формулировки, характеризовавшие этого героя. Теперь он стал не просто персонажем преданий, но «легендарным героем партизанской войны»[306]. В экспозиции 1967 г. подчеркивалась большая заслуга карельского народа в борьбе со шведской интервенцией. Совместная борьба русских и карел против шведов, как указывалось в экспозиции, «укрепила боевую дружбу обоих народов»[307]. Как и в 1960 г., в экспозиции были представлены материалы об Иване Окулове, организовавшем партизанские отряды для борьбы со шведами в годы Северной войны. В числе предметного ряда были ранее не экспонировавшиеся ружья начала XVIII в., этикетка к которым гласила, что именно такими ружьями были вооружены карельские партизаны[308]. Значительно был дополнен подраздел, посвященный участию жителей Олонецкой губернии и карел в Отечественной войне 1812 г. Посетители могли познакомиться с боевой историей 103-го Петрозаводского пехотного полка, ранее именовавшегося 20-м егерским полком, участвовавшего во взятии Парижа и удостоенного личной похвалы и благодарности фельдмаршала М. И. Кутузова. Как и в предыдущих экспозициях, были представлены материалы об Олонецких стрелках, дополненные иллюстрациями, медалями и памятными

[305] ТЭП I и II разделов отдела «История дореволюционного прошлого Карелии» (1967 г.). Л. 13.
[306] Там же. Л. 36.
[307] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 56.
[308] ТЭПы I и II разделов отдела «История дореволюционного прошлого Карелии» (1967 г.). Л. 69.

знаками, образцами вооружения начала XIX в.[309] Примеры героического прошлого использовались экскурсоводами для проведения патриотической работы среди молодежи.

Несмотря на то что в тексте экспозиции часто встречалось понятие «карельский народ», этническая составляющая в его репрезентации уступала место региональному подходу, цель которого заключалась в формировании и поддержании локальной, а не этнической идентичности[310]. То есть, признавая своеобразие языка и культуры, обычаев и традиционной одежды карел, экспозиционеры стремились показать духовное и идеологическое единство карел и русских.

Репрезентация промышленного и сельскохозяйственного развития Карелии наследовала подходы, разработанные в 1960 г. Помимо разделов о промышленности Карелии, а также положении крестьянства, в экспозицию 1967 г. были добавлены экспозиционные комплексы о рыболовных и зверобойных промыслах Поморья, а также о развитии кораблестроения в XVIII–XIX вв. Подраздел о хозяйственном укладе жителей Поморья предварялся цитатой В. И. Ленина об особом типе экономических отношений между хозяевами средств производства и наемными работниками в рыболовном промысле, издревле существовавших в Поморье, а именно покруте. В цитате сообщалось об установлении в ходе таких отношений экономической зависимости покрутчиков от их хозяев[311]. Пояснительные тексты к подразделу отсутствовали, этикетки к экспонатам — рыболовным снастям, орудиям лова, моделям рыболовных лодок, одежде и снаряжению рыбаков — не сообщали дополнительной информации об этих явлениях. Таким образом, цитата В. И. Ленина не только использовалась в тексте экспозиции как своеобразное предисловие к подразделу, но и выполняла роль пояснительного текста.

Этот раздел значительно обогащал представления посетителей музея о жителях Карелии прошлых эпох. Если предыдущие экспозиции больше сосредоточивались на репрезентации истории заводских рабочих, приписных крестьян и крестьян-землепашцев, то новый музейный показ давал возможность познакомиться с иным укладом жизни, который определяли близость к Белому морю и его ресурсам.

В новой экспозиции значительное место занимала репрезентация своеобразия культурного наследия жителей Олонецкого края. Карелия характеризовалась как «сокровищница рун “Калевалы” и русского былинного эпоса»[312]. Этот тезис подкреплялся многочисленными фотографиями, иллюстрациями, барельефами и скульптурами, посвященными знаменитым рунопевцам, сказителям и сказительницам, которые бережно хранили и передавали из века в

[309] ТЭПы I и II разделов отдела «История дореволюционного прошлого Карелии» (1967 г.). Л. 98–100.
[310] Шнирельман В. А. Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 13, 24.
[311] ТЭПы I и II разделов отдела «История дореволюционного прошлого Карелии» (1967 г.). Л. 101–102.
[312] Там же. Л. 117.

век лучшие образцы карельского и русского устного народного творчества. Особое место в экспозиции уделялось исследователям и собирателям карельских рун и русских былин — поэту и декабристу Ф. Н. Глинке, Э. Лённроту, П. Н. Рыбникову, А. Ф. Гильфердингу. Рядом с их портретными изображениями были помещены краткие биографии с указанием вклада каждого исследователя в сохранение и популяризацию народного творчества жителей Олонецкого края. В экспозицию также были включены народные музыкальные инструменты — кантеле и рожок, издания «Калевалы», былин и песен XIX в.[313]

Интересно, что в 1952 и 1960 гг. эта тема раскрывалась в разделе, посвященном Карелии в период капитализма и империализма. Изучение и собирание народного фольклора Ф. Н. Глинкой, Э. Лённротом, П. Н. Рыбниковым проводились до 1861 г., который в советской историографии служил своеобразной границей между феодальной и капиталистической эпохами в истории России. Исследовательская работа А. Ф. Гильфердинга прервалась со смертью ученого в 1871 г., то есть в период, когда крестьяне Олонецкой губернии только начали наделяться землей согласно положениям крестьянской реформы. Более того, проведение реформы в Олонецкой губернии значительно затянулось, размежевание крестьянских наделов и оформление выкупных платежей продолжалось и в 1880-е гг.[314] Таким образом, включение подраздела, повествующего о бытовании и изучении устного народного творчества, для соблюдения хронологического принципа построения экспозиции действительно оправданно было поместить именно в раздел по истории дореформенной Карелии.

Как и в 1960 г., музейный показ, посвященный эпохе феодализма, завершался репрезентацией развития торговых отношений в Карелии в XVIII–XIX вв. Предметный ряд включал в себя фотографии и рисунки крупных центров торговли, средств измерения веса и длины. В отличие от предыдущего музейного показа в экспозиции не нашлось места репрезентации коробейничества и разносной торговли. В пояснительных текстах перечислялись фамилии крупных торговцев — крестьян и купцов, которые владели магазинами и лавками в Олонецкой губернии и даже в Санкт-Петербурге. Подчеркивался процесс имущественного расслоения крестьянства как следствия развития капиталистических отношений[315]. Завершающий тематический комплекс, посвященный «обмену продуктов производства» как одной из основ общественного строя[316], позволял непротиворечиво перейти к осмотру

[313] ТЭПы I и II разделов отдела «История дореволюционного прошлого Карелии» (1967 г.). Л. 119–120.
[314] Апонасенко А. Н. Проблемы отечественной истории: Реформа 19 февраля 1861 г. в Олонецкой губернии : изменение платежей и надельного землепользования крестьян // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования: Сборник научных статей. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 287.
[315] ТЭПы I и II разделов отдела «История дореволюционного прошлого Карелии» (1967 г.). Л. 125; Балагуров Я. А. Расслоение Олонецких приписных крестьян в первой половине XIX в. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 7. Вып. 1. 1958. С. 16.
[316] Энгельс Ф. Анти-Дюринг: Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1988. С. 271.

следующего большого раздела постоянной экспозиции, рассказывающего о капиталистической и империалистической эпохах в истории Карелии.

Необходимо отметить, что создатели экспозиций 1960 и 1967 гг., в отличие от авторов музейных показов 1950-х гг., старались раскрывать не конкретные события, а социально-экономические процессы. Последовательность их репрезентации определялась тем, относились ли они к базисным явлениям или надстроечным. Иными словами, все процессы, связанные с развитием производственных сфер — промышленности, сельского хозяйства, а также касающиеся сложившейся классовой системы — положение рабочих и крестьян, угнетение масс правящими классами, в экспозиционном пространстве предшествовали репрезентации процессов, связанных с культурой, наукой, образованием. Подход, сформировавшийся в советских краеведческих музеях, значительно отличался от способов построения экспозиций в дореволюционных и зарубежных музеях, а также большом количестве появлявшихся в 1960-е гг. в СССР этнографических, тематических, литературных и др. музеях. Именно историко-краеведческие музеи стремились на обширном предметном материале показать историческое развитие регионов на основе последовательного применения марксистской теории и опираясь на достижения современной марксистской историографии, а иногда и опережая ее.

Созданная в 1967 г. экспозиция стала последним музейным показом по дореволюционной истории, воплощенном в музейном пространстве Государственного историко-краеведческого музея КАССР. Ее можно назвать, с одной стороны, результатом огромной собирательской работы музея, значительно пополнившего свою коллекцию в ходе многочисленных экспедиций, а с другой — продуктом историографии конца 1950-х — начала 1960-х гг. Этот период характеризовался плодотворной работой карельских историков как по разработке отдельных проблем истории Карелии, так и созданию первых обобщающих трудов по истории края. Карелия в материалах экспозиции представала краем богатых героических и культурных традиций. Экспозиционеры стремились показать, что, несмотря на экономическую отсталость, тяжелое положение рабочих и крестьян, гнет царского правительства, Карелия и населяющие ее народы обладали значительным потенциалом для развития и процветания.

Последним советским проектом экспозиции по истории дореволюционной Карелии, как уже было сказано выше, является концепция системы основных экспозиций 1986 г. Рассмотрим основные особенности репрезентации истории Карелии периода феодализма, предложенные в научной концепции 1986 г., а также тенденции в историографии и общественно-политической жизни, оказавшие влияние на ее разработку.

К середине 1980-х гг. советская историография развивалась по пути, намеченном еще в 1950-е гг., — ее методологической основой была теория общественно-экономических

формаций, а политическая конъюнктура все также определяла оценки, присваиваемые историческим событиям и личностям.

В 1985 г. на пост генерального секретаря СССР был избран М. С. Горбачев. С приходом к власти нового лидера изменилась и политика государства. На XXVII съезде КПСС была дана характеристика предшествующего периода развития СССР, годы руководства Л. И. Брежнева были названы периодом застоя. Съезд не привел к каким-либо радикальным преобразованиям, но в обществе уже чувствовалось скорое изменение политического курса. Так, в 1985–1986 гг. творческая интеллигенция, публицисты говорили и писали о глубоком внутреннем кризисе советской историографии. Некоторые открыто признавали за историей роль так называемой «фальсификаторской» науки[317]. Однако подходы публицистов к разрешению проблем историографического характера зачатую приобретали форму простой смены политических знаков[318]. Кроме того, большинство дискуссий в профессиональной среде историков в 1960–1980-е гг., особенно по ключевым для методологии советской исторической науки темам, оканчивалось поражением историков, которые транслировали альтернативные по отношению к установившемуся канону репрезентации прошлого идеи и взгляды. Некоторые ученые подвергались идеологическим проработкам, их труды не печатались, а кому-то пришлось оставить профессию[319]. То есть самым безопасным способом творчества в исторической и культурно-просветительной среде было следование установившемуся канону, тем более что контроль со стороны партийных органов на протяжении всего советского периода за деятельностью научных и культурно-просветительных учреждений не ослабевал.

Несмотря на то что концепция системы основных экспозиций создавалась уже в эпоху перестройки, идейное содержание новой экспозиции не отличалось от существовавших ранее, что соответствовало ситуации, сложившейся в исторической науке к 1986 г. Одним из основных принципов создания музейной экспозиции оставался показ истории Карелии как составной части истории страны[320]. Общероссийский (фоновый, общий) и карельский (местный) материалы должны были органически сочетаться, акцентируя при этом уникальность природы края и культуры народов, населяющих его. Особое внимание в экспозиции предполагалось уделить репрезентации особенностей материальной и духовной культуры карел и вепсов. В основе показа взаимоотношений между народами были положены принципы «дружбы народов» и участия жителей края в защите его от внешних врагов[321].

---

[317] Советская историография / Под. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1996. С. 447.
[318] Бордюгов Г. А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества / Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. М.: Политиздат, 1992. С. 31.
[319] Никонова С. И. Историческая наука в последние десятилетия советской власти (1960–1980-е гг.) // Современные проблемы науки и образования: Сетевое издание. 2015. № 2 (Ч. 2). URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=22850 (дата обращения: 12.07.2025).
[320] НА НМ РК. Ф. 1. Оп 1. Д. 632. Л. 2.
[321] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.). Л. 3.

Авторы научной концепции выделяли «стержневые»[322] проблемы истории Карелии в рамках классового подхода, которые обязательно должны были раскрываться в экспозиции, например: «народ — творец истории», «классовая борьба — движущая сила общественного развития»[323].

Как и в предыдущих музейных показах, история дореволюционной Карелии была выделена в достаточно объемный подраздел. Одной из основных тем, которые в нем раскрывались, была совместная борьба русских и карел против иноземных захватчиков. Отдельные экспозиционные комплексы были посвящены борьбе против шведских феодалов в XIII–XIV, XVIII вв., в годы Северной войны, участию жителей края в Отечественной войне 1812 г. Акцент в показе данного материала делался на то, что народы Севера внесли немалый вклад в оборону Российского государства[324].

Тематический комплекс «Карелия в период развития и укрепления феодальных отношений» должен был начинаться с показа событий, посвященных вхождению Карелии в состав Русского централизованного государства в конце XV в. По замыслу разработчиков «Научной концепции», все экспозиционные материалы этого раздела должны были транслировать мысль о том, что включение территории Карелии наряду с другими Новгородскими землями в состав Русского государства было явлением глубоко прогрессивным, способствовало ликвидации феодальной раздробленности, стало предпосылкой для дальнейшего экономического и культурного развития как региона, так и государства[325]. В то же время, по мнению создателей «Научной концепции», несмотря на всю свою прогрессивность, присоединение Карелии происходило грабительскими и реакционными методами[326]. Подобная оценка событий конца XV в. не встречалась ни в одной из предыдущих экспозиций. В связи с этим стоит обратить внимание на проблемный характер будущего музейного показа, предлагавшего иной взгляд на некоторые исторические вопросы. Несмотря на жесткие идеологические рамки, создатели «Научной концепции» старались не только показать устоявшиеся, стереотипные оценки событий и явлений, но и акцентировать другие их аспекты.

Среди персоналий, упоминаемых в проекте экспозиции, одно из центральных мест занимал карельский герой Иван Рокаччу. Создатели «Научной концепции» характеризовали его как легендарного карельского героя и вводили в экспозицию (помимо традиционно включаемого в экспозицию бюста) довольно широкий предметный ряд, связанный с эпохой русско-шведского противостояния: оружие, орудия труда, археологические находки[327].

---

[322] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.). Л. 3.
[323] Там же.
[324] Там же. Л. 12.
[325] Там же. Л. 8.
[326] Там же.
[327] Там же. Л. 12.

Как и в предыдущих экспозициях, одной из задач, возложенных на музеи, оставалась антирелигиозная и атеистическая пропаганда. Разработчики нового музейного показа предполагали позаимствовать некоторые приемы у предшественников, например осуществлять атеистическую пропаганду на основе памятников, имевших прямое отношение к религии[328]. Помимо этой темы памятники религиозного значения должны были показать, как христианство использовалось для укрепления власти элит[329]. Отношения государства с церковью в начале 1980-х гг. не изменились по сравнению с брежневской эпохой. В годы пребывания у власти Ю. В. Андропова наблюдалось некоторое ужесточение политики государства по отношению к церкви, что было вызвано общим усилением репрессивной политики по отношению к диссидентам, среди которых было немало и религиозных деятелей[330]. Несмотря на это интерес к истории церкви и ее роли в историческом развития России в это время значительно возрос. Усиление интереса было связано с приближением крупной юбилейной даты в истории Российского государства, а именно тысячелетия крещения Руси, которое должно было отмечаться в 1988 г.

В советской печати активно обсуждался вопрос об изменении государственного законодательства о религиях, но о каких-либо радикальных изменениях речь не шла, только о некотором смягчении официальной риторики. В публичном пространстве термин «антирелигиозная пропаганда» был заменен звучавшим более научно — «атеистическая пропаганда»[331]. В научной концепции к экспозиции 1986 г., которая планировалась с учетом переезда музея на новое место, встречалось употребление сразу двух этих терминов. В одном случае через запятую «антирелигиозная, атеистическая пропаганда»[332], в другом «научно-атеистическая пропаганда»[333], эти варианты авторами концепции семантически не отделялись друг от друга.

В апреле 1985 г. состоялся пленум ЦК КПСС, который возглавил новый руководитель СССР — М. С. Горбачев. На пленуме помимо вопросов, связанных с подготовкой к работе XXVII съезда КПСС и разработкой новой Программы партии, звучал призыв к усилению всесторонней идеологической работы, под которой в том числе подразумевалась и атеистическая пропаганда. В принятую в 1986 г. на XXVII съезде КПСС Программу партии был включен специальный раздел «Атеистическое воспитание», в котором говорилось о необходимости «преодоления религиозных предрассудков, не допуская оскорбления религиозных чувств верующих»[334].

---

[328] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.). Л. 3, 9.
[329] Там же. Л. 8.
[330] Цыпин В. Указ. соч. С. 454.
[331] Поспеловский Д. В. Указ. соч. С. 383.
[332] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.). Л. 3.
[333] Там же. Л. 10.
[334] Программа коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция // Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 165.

Однако в последующие годы политика государства по отношению к церкви заметно смягчилась, что отразилось на положении религии и статусе религиозных деятелей[335].

В проекте экспозиции 1986 г. значительное место было отведено репрезентации старообрядческого движения в Карелии в XVII в., на которую наложила свой отпечаток историография 1970–1980-х гг., посвященная теме церковного раскола. Самыми крупными исследователями старообрядчества в это время были историки А. И. Клибанов и Н. Н. Покровский.

С точки зрения Н. Н. Покровского, старообрядцы пробуждали ненависть к институтам и порядкам феодальной империи, к «царям-никонианам», но не указывали реальных путей успешной борьбы, в то же время подобные настроения непротиворечиво уживались с наивным монархизмом крестьян и верой в «царей-избавителей»[336]. Старообрядцы и крестьяне рассматривались как представители одного класса, объединившиеся для борьбы с феодальным гнетом. Несмотря на обширную источниковую базу, которую использовали ученые для исследования истории старообрядческого движения, и строго научный подход, ученые не выходили за рамки формулы: антифеодальная борьба в форме религиозного протеста.

В научной концепции экспозиции 1986 г. эта формула проявилась наиболее ярко. Старообрядчество оценивалось как скорее положительное историческое явление, протест против классового угнетения. Даже массовые самосожжения крестьян — «гари», сведения о которых также предполагалось включить в экспозицию, оцениваемые в предыдущих экспозициях как результат пагубного влияния фанатизма раскольников, приобретали в проекте новой экспозиции несколько другой оттенок: это явление рассматривалось как «наиболее отчаянная форма сопротивления старообрядцев»[337]. Можно отметить, что термин «раскольники», нередко использовавшийся в текстах предыдущих экспозиций, заменялся на более нейтральное понятие «старообрядцы».

На обширном материале предполагалось осветить деятельность старообрядческого Даниловского монастыря. Предметный ряд должен был включать в себя фотографии монастыря, иконописный портрет одного из основателей монастыря Андрея Денисова, четки и иконы. Духовную и культурную жизнь монастыря представляли бы экспонаты, связанные с развитием иконописи, работой книжных мастерских[338]. Также планировалось включить средовые интерьеры, реконструирующие быт монахов-старообрядцев.

---

[335] Поспеловский Д. В. Указ. соч. С. 387.
[336] Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. / Н. Н. Покровский; отв. ред. С. О. Шмидт; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1974. С. 6.
[337] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.). Л. 11.
[338] Там же.

Доля экспонатов, связанных с духовной жизнью средневековых карел, должна была увеличиться за счет введения новых экспозиционных комплексов, посвященных языческим верованиям карел и их крещению в XIII в. Предполагалось, что вопрос, связанный с языческими верованиями, будет раскрыт на материалах курганных захоронений, а также рун эпоса «Калевала»[339]. Руны эпоса включались в предыдущие экспозиции для раскрытия темы, связанной с развитием железоделательного промысла (1954 г.[340], 1960 г.[341]), земледелия (1960 г.[342], 1967 г.[343]). В новой экспозиции эпос цитировался для репрезентации духовной жизни, мифологии, верований древних карел. Предметный ряд, который должен был раскрыть тему крещения карел, включал в себя символы христианской религии — кресты, иконки из меди и камня, распятия, копии текста Лаврентьевской летописи с записью о крещении карел[344].

Одним из недостатков предыдущей экспозиции 1967 г. составители научной концепции 1986 г. назвали то, что этнографические особенности основных национальных групп населения края: карел, вепсов, русских были представлены недостаточно полно. Пытаясь преодолеть этот недостаток, в проект экспозиции были включены сюжеты, связанные с формированием этнических групп, позже составивших основу карельской и вепсской народностей[345]. Как и в 1967 г., предполагалось показать традиционную одежду и украшения русских (заонежан, поморов), карел и вепсов начала XIX в., а также произведения народного искусства — вышитые изделия, образцы резьбы по дереву, декоративных архитектурных элементов и т. д. Устное народное творчество карел и русских помимо плоскостных и изобразительных материалов — фотографии, живописные портреты, скульптуры рунопевцев и сказителей — предполагалось представить также с помощью технических средств. Посетители могли бы послушать записи исполнения рун «Калевалы», плачей, песен, былин.

Отдельный подраздел экспозиции предполагалось посвятить репрезентации Петровской эпохи. Одно из центральных мест в показе этой темы должен был занять скульптурный портрет Петра I, созданный академиком А. М. Опекушиным. Создатели экспозиции предполагали включить в экспозицию макеты военных кораблей, переправленных по «осударевой дороге», диарамный макет Петровской слободы. Отмечалось, что сюжеты из истории г. Петрозаводска пользовались большим вниманием со стороны посетителей, поэтому оформление комплекса, связанного с историей возникновения города, должно было стать запоминающимся[346].

---

[339] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.). Л. 7.
[340] НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 124. Л. 5.
[341] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 23.
[342] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.). Л. 7.
[343] ТЭП I и II разделов отдела «История дореволюционного прошлого Карелии» (1967 г.). Л. 27.
[344] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.). Л. 7.
[345] Там же. Л. 9.
[346] Там же. Л. 14.

В следующем подразделе, посвященном истории Карелии в период разложения феодального строя, авторы концепции планировали показать экономическое развитие края, акцентируя внимание на процессе складывания капиталистических отношений как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Большое место в экспозиции предполагалось выделить репрезентации развития производственных сил, прежде всего железоделательного и металлургического производств: от крестьянских промыслов до появления первых железоделательных мануфактур и пушечных заводов[347]. Раскрытию этой темы способствовало включение в экспозицию продукции железоделательных и оружейных заводов, образцов художественного литья, моделей заводских механизмов и целых цехов. В связке с этой темой следовало показать процесс усиления феодального гнета, тяжелое положение приписных крестьян, а позднее мастеровых и рабочих на основе архивных материалов и составленных на архивных данных таблицах и диаграммах[348]. В свою очередь из этой темы логически вытекал показ антифеодальной борьбы крестьян. В XVII в. во главе этой борьбы стояли старообрядцы и монахи Соловецкого монастыря, а в XVIII в. знаковым проявлением протеста против угнетения было Кижское восстание.

Основные занятия и промыслы населения, как и в предыдущих экспозициях, должны были репрезентироваться с помощью разнообразных орудий труда — сельскохозяйственных, охотничьих, рыболовных и т. д. Аутентичные орудия труда, которыми пользовалось население края, способствовали бы передаче представления о тяжести ручного труда и его низкой производительности.

Помимо крестьян и зарождающегося рабочего класса впервые в экспозиции предполагалось показать дворянский быт. С помощью бытовых и интерьерных предметов, а также подлинного фрагмента наборного паркета из дома, где в свою бытность правителем Олонецкого наместничества жил поэт и государственный деятель Г. Р. Державин, экспозиционеры планировали воссоздать «уголок комнаты дворянина»[349]. Несмотря на то что в советской историографии Г. Р. Державин оценивался прежде всего как представитель своего класса, монархист и царедворец[350], для Карелии эта историческая фигура всегда оставалась значимой. Начиная с первой экспозиции 1950 г. в музейных показах цитировались поэтические произведения Г. Р. Державина, раскрывалась его плодотворная деятельность в должности правителя Олонецкого наместничества. Располагая намного большими экспозиционными площадями в бывшем историческом здании губернаторского дома, авторы экспозиции могли позволить себе значительно расширить показ материалов, связанных с первым олонецким

[347] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.). Л. 9.
[348] Там же. Л. 15.
[349] Там же. Л. 18.
[350] Гольденберг М. Л. «И времени полет его не сокрушит»: К 275-летию Г. Р. Державина // Север. 2018. № 7-8. С. 203.

наместником, оставившим заметный след в истории края. Более того, на примере дворянского и крестьянского интерьеров, которые были представлены в следующем разделе, повествующем об истории Карелии в капиталистическую эпоху, можно было обратить внимание посетителей музея на имущественное неравенство между классами.

В новой экспозиции предполагалось воплотить идею об этническом и культурном своеобразии карел в эпоху средневековья, увеличить в целом долю материала, который бы об этом свидетельствовал. Экспозиционеры, в отличие от своих коллег 1960-х гг., отказались от репрезентации культурного влияния соседей и русских в том числе на становление карельской культуры. Все это соответствовало основным тенденциям, господствовавшим в музейном деле в середине 1980-х гг., а именно усиленному показу материала, связанного с национальным своеобразием титульных народов республик, нацеленному на подъем национального самосознания, а не регионального, как это было в предыдущей экспозиции.

Рассмотренные музейные показы и их проекты по истории Карелии эпохи феодализма являлись продуктами своего времени и несли на себе характерные черты историографии, политической и общественно-экономической ситуации, сложившейся на момент их создания. Необходимо отметить, что Карельский государственный историко-краеведческий музей оказался крайне неудачлив в плане организации работ по масштабным реэкспозициям, начинавшимся как раз во время существенных изменений, которые назревали в общественно-политической жизни страны. ТЭПы экспозиций 1950, 1952, 1954 гг. были созданы на излете сталинской эпохи, в своем первозданном виде выстроенные в соответствии с ними музейные показы просуществовали лишь несколько лет. Та же участь постигла экспозицию 1960 г., приуроченную к юбилею КАССР, тексты которой стали перекраивать уже через несколько лет после смещения с поста Н. С. Хрущева. Научная концепция новой постоянной экспозиции 1986 г. была заведомо неактуальной, поэтому неудивительно, что ТЭПы к основным ее разделам по истории дореволюционного прошлого так и не были созданы. Самым продолжительным по времени экспонирования был музейный показ 1967 г., что вполне соотносится с длительностью брежневской эпохи, в которую он был создан. Любопытно, что демонтаж экспозиции 1967 г. совпал с очередной сменой руководителя страны.

Постоянные музейные экспозиции, которые создавались на десятилетия, на деле оказывались очень чувствительными к изменению общественно-политических и историографических тенденций. Эта чувствительность напрямую сказывалась на репрезентации исторического прошлого Карелии. На примере подраздела экспозиции, посвященного истории Карелии периода феодализма, можно увидеть конкретные методы, приемы, стратегии музейной репрезентации, которые использовали создатели музейных

показов для формирования взглядов посетителей на то или иное историческое событие и явление. В то же время историографический и идеологический «каркас» экспозиций оставался неизменен — формационный подход, атеистическая пропаганда, патриотическое воспитание на примерах прошлого.

Репрезентация истории Карелии в эпоху капитализма и империализма

В принятой советской историографией периодизации ключевым событием, определившим окончание феодально-крепостнической эпохи, была отмена крепостного права в 1861 г. согласно манифесту Александра II «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей». Эта грань была установлена В. И. Лениным в его трудах об экономических и политических процессах после 1861 г., а также публицистических статьях, приуроченных к годовщинам крестьянской реформы. Тезис о начале капиталистического производства после 1861 г. наиболее отчетливо был сформулирован В. И. Лениным в лекции «О государстве»[351]. Анализируя причины падения крепостнического строя, советские исследователи вслед за В. И. Лениным полагали, что оформление капиталистических отношений при существовавших феодальных порядках ознаменовало собой возникновение конфликта между производительными силами и производственными отношениями[352]. Другой причиной называлась «революционная ситуация», сложившая в России к 1861 г., под давлением народных масс правительство вынуждено было уступить[353].

Еще одна грань, проведенная В. И. Лениным в истории капиталистических отношений в России, обозначала возникновение высшей стадии развития капитализма — империализма — и отделяла XIX от XX в. В своей программной экономической работе «Империализм как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин обозначил характерные черты этого периода, основными из которых назывались возникновение и укрепление монополий, сращивание финансового и промышленного капиталов, передел территорий между державами[354]. Подводя итог характеристике империализма, В. И. Ленин называл его «умирающим капитализмом»[355]. Этот период в истории России завершился с победой революции в октябре 1917 г., приведшей к свержению буржуазии и окончательной ликвидации феодальных пережитков[356]. Несмотря

---

[351] Ленин В. И. О государстве: Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 39. М.: Изд-во полит. лит., 1973. С. 71.
[352] Коновалов В. С. Проблемы крепостного права в отечественной и зарубежной историографии (обзор) // Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права): Сб. обзоров и рефератов. Сер. «История России» Отдел истории / Отв. ред. В. С. Коновалов. М.: Ин-т науч. инф. по обществ. наукам РАН, 2011. С. 282.
[353] Дружинин Н. О периодизации истории капиталистических отношений в России // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 92.
[354] Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма: Популярный очерк. М.: Гос. издат-во полит. лит., 1952. С. 46, 78, 144–145.
[355] Там же. С. 219.
[356] Дружинин Н. Указ. соч. С. 101.

на дискуссии, возникавшие в среде историков о периодизации исторических процессов внутри общественно-экономических формаций[357], эта периодизация, сложившаяся под влиянием и авторитетом трудов В. И. Ленина, в общих чертах просуществовала в советской историографии до конца 1980-х гг.

Периодизация капиталистической эпохи в экспозициях Государственного историко-краеведческого музея КАССР (КФССР) и научной концепции системы основных экспозиций 1986 г. соответствовала установившемуся в советской историографии канону. Тем не менее определенные тенденции в общественно-политической жизни Советского государства и в советской историографии накладывали отпечаток на то, как в музеях показывалось прошлое. Рассмотрим особенности музейной репрезентации истории капиталистической эпохи в Карелии на примерах постоянных экспозиций музея.

Структура постоянных экспозиций, посвященных периоду капитализма, которая сформировалась в начале 1950-х гг., оставалась практически неизменной. Стабильность структуры нарратива связана, во-первых, с тем, что период, обозначенный в советской историографии как капитализм и империализм, охватывает сравнительно небольшой промежуток времени, ограниченный 1861–1917 гг. Во-вторых, создатели и идеологи Советского Союза были современниками и участниками многих событий. Так, мнение В. И. Ленина практически о любом событии, явлении, процессе «периода капитализма» в России можно было отыскать в его трудах. В своих историко-философских и публицистических работах В. И. Ленин, переосмысляя учение К. Маркса и Ф. Энгельса, в политических и экономических процессах, происходивших в мире во второй половине XIX — начале XX в., находил доказательства неизбежности и закономерности социалистической революции, концептуально обосновывал необходимость революции в России[358]. В-третьих, история рабочего класса и социал-демократического движения в России, согласно каноническому труду конца 1930-х — середины 1950-х гг. «История ВКП(б). Краткий курс», также брала свое начало в пореформенной России[359]. В 1930-е гг. официальный учебник по истории правящей партии называли «энциклопедией истории большевизма»[360]. Позднее в учебниках по истории КПСС началом рабочего движения назывался 1883 г., однако главной предпосылкой для развития капиталистических отношений и промышленного производства, и, как следствие, возникновения промышленного пролетариата по-прежнему значилась отмена крепостного

[357] Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1951. № 3. С. 53.
[358] Черников М. В. Базовый миф СССР: Сравнительно-концептуальный подход // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 2. С. 109.
[359] История ВКП(б). Краткий курс. С. 6–7.
[360] «Краткий курс истории ВКП(б)»: Текст и его история: В 2 ч. / Сост. М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер. Ч. 1: История текста «Краткого курса истории ВКП(б)», 1931–1956. М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014. С. 3.

права в 1861 г.[361] Таким образом, это событие имело значение отправной точки не только для становления капитализма в России, но и для будущих революционных преобразований страны.

Рассмотрим особенности репрезентации капитализма в постоянных экспозициях Государственного историко-краеведческого музея КФССР 1950, 1952 гг. Подразделы экспозиций, посвященных развитию капиталистических отношений в России, предварялись цитатами В. И. Ленина о реформе 1861 г. С помощью цитат давалась характеристика крестьянской реформы, формировалось отношение к ней посетителей. Освобождение крестьян называлось вынужденным шагом царского правительства, опасавшегося свержения «снизу», крестьянам самим пришлось платить за свою свободу, освобождение было бессовестнейшим грабежом крестьянского населения[362]. В экспозицию были помещены фотокопия манифеста 19 февраля 1861 г., отдельные цитаты из манифеста, а также диаграмма с суммой выкупных платежей, которые платили крестьяне Олонецкой губернии. Экскурсоводам предлагалось пояснить посетителям, что в Карелии крестьяне, находившиеся в крепостной зависимости, были весьма малочисленны, тогда большинство сельского населения составляли государственные и приписные крестьяне, которые также вынуждены были платить за свои наделы. Выкупные платежи легли на олонецких крестьян тяжким бременем, что ввергло их в еще более «жесткую эксплуатацию»[363].

В экспозиции 1952 г. акцент был сделан на том, что, согласно марксистско-ленинской концепции истории, 1861 г. ознаменовал собой переход от феодальной к капиталистической эпохе в развитии Российского государства. В целом советские историки, вслед за В. И. Лениным оценивавшие реформу как грабительскую по отношению к крестьянству, признавали ее существенное значение для развития капиталистических отношений в России[364].

Помимо выдержек из манифеста об отмене крепостного права посетители могли ознакомиться с отдельными параграфами «Положения о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов», опубликованного в марте 1861 г., которые касались приписных крестьян Олонецкой губернии[365]. Пояснительные тексты или дополнительные рекомендации экскурсоводам в ТЭПе отсутствовали.

Таким образом, музейный рассказ об одном из ключевых событий в истории России XIX в. был весьма лаконичен. Сущность и последствия крестьянской реформы подробнее раскрывались на основе следующего подраздела, посвященного пореформенному сельскому хозяйству в Олонецкой губернии.

---

[361] См., напр., История Коммунистической партии Советского Союза / Сост. Б. Н. Пономарев, И. М. Волков, М. С. Волин и др. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 9–10.
[362] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 149.
[363] Там же. Л. 149–150.
[364] Коновалов В. С. Указ. соч. С. 324.
[365] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 69.

Подразделы экспозиций 1950, 1952 гг., повествующие о развитии сельского хозяйства в пореформенной деревне, предварялись цитатой из речи И. В. Сталина на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. о тяжелой жизни дореволюционных крестьян, работавших в одиночку, «дедовскими методами, старыми орудиями труда», их труд обогащал помещиков, капиталистов, кулаков, а сами они жили впроголодь[366]. Подтверждением слов вождя служили натурные экспонаты — ручные орудия сельскохозяйственного труда, макет «Обработка подсеки», а также фотографии крестьян за работой на земле, наглядно показывающие тяжесть ручного труда[367]. Кроме того, приводилась слегка измененная цитата из путевых очерков И. В. Оленева «Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги» (1917) о «громадном труде», который нужно было приложить крестьянам для разработки целины[368].

Следующей темой, которая раскрывалась в контексте музейного повествования о развитии сельского хозяйства, было классовое расслоение крестьянства после 1861 г. Цитата В. И. Ленина о появлении новых типов сельского населения под влиянием развития товарно-денежных отношений в деревне — сельской буржуазии и сельского пролетариата — обозначала проблему поляризации крестьянства в имущественном отношении. Об актуальности этой проблемы в Олонецкой губернии сообщали диаграммы, показывавшие в процентном соотношении численность зажиточных крестьян, середняков и бедняков, фотографии домов, принадлежавших крестьянам разной степени зажиточности, таблицы о классовом составе собственников земли, зарисовки со сценами продажи крестьянского имущества за долги, взыскания недоимок, рекрутских наборов и др. Условия быта дореволюционных крестьян были наглядно представлены с помощью интерьера курной избы. В 1960-х гг. интерьер стал частью раздела постоянной экспозиции, посвященной эпохе феодализма, сохранив практически весь предметный ряд и ключевые экспонаты. Экскурсоводам в 1950 г. предлагалось на примере этих экспонатов акцентировать внимание посетителей на угнетенном положении крестьянства.

К разработке вопросов, связанных с подготовкой, проведением и последствиями крестьянской реформы, советские историки активно приступили в послевоенное время. В 1930-е гг. научные исследования по этой проблеме носили ограниченный характер и были

---

[366] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 150; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 70; Сталин И. В. речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // Хронос: Сайт. URL: https://hrono.ru/libris/stalin/13-44.html?ysclid=mc81d1cz7t336283652 (дата обращения: 10.06.2025).

[367] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 151; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 72; Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги: путевые очерки И. В. Оленева: с многими рисунками. [Гельсингфорс [Хельсинки]: Финское литературное общество, 1917]. С. 19–20.

[368] «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 150–151; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 70–72.

немногочисленны[369]. В 1940–1950-е гг. ученых интересовали вопросы разложения и кризиса крепостнической системы[370]. Карельские историки взялись за разработку проблемы проведения реформы 1861 г. в Олонецкой губернии в начале 1950–1960-х гг. В силу того что в начале 1950-х гг. еще не существовало местной историографической базы для репрезентации процесса осуществления реформ Александра II в Олонецкой губернии, экспозиционеры воспользовались имеющимися в их распоряжении материалами. Прежде всего они опирались на цитаты классиков марксизма-ленинизма, с помощью которых формировалось отношение к реформам у посетителей музея, а также предметный ряд, свидетельствовавший о тяжести крестьянской жизни, усугубившейся необходимостью выкупать свою землю и свободу как у помещиков, так и у государства.

В рамках темы о развитии промышленности в пореформенной Карелии раскрывалось несколько вопросов: особенности промышленного развития края после 1861 г., горнозаводская и лесная отрасли, положение рабочих. Общим местом в экспозициях 1950 и 1952 гг. был тезис о том, что царское правительство не стремилось развивать национальные окраины Российской империи, Олонецкая губерния и Кемский уезд Архангельской губернии оставались отсталыми в экономическом отношении регионами. Этот тезис подкреплялся цитатой В. И. Ленина о природных богатствах Севера, которые эксплуатировались в самой незначительной степени, а также выдержкой из книги «Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края» (1910) о заброшенности и отсталости края несмотря на значительный потенциал его ресурсов, благоприятных естественных и исторических условий для хозяйственного развития[371].

Повествуя о лесной промышленности, экспозиционеры делали акцент на тяжелом положении рабочих, занятых на лесозаготовках и лесозаводах. В подтверждение этого тезиса вновь приводились цитаты В. И. Ленина о лесных рабочих как сельском пролетариате, вынужденном продавать свою рабочую силу на невыгодных условиях, и о лесных работах как наиболее «дурнооплачиваемых», «отвратительных» по гигиеническим условиям[372]. Наглядным примером служили фотографии лесных делянок начала XX в., а также ручные орудия лесорубов. В экспозицию 1952 г. были добавлены репродукции из статей, опубликованных в газете «Олонецкие губернские ведомости» начала XX в. и повествующих об условиях и режиме работы на лесных промыслах, нередко приводящих к болезням и увечьям работников,

---

[369] Салий А. А. Советская историография реализации реформы 1861 года (1945–1961) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. 2008. Вып. 4. Ч. 1. С. 76.
[370] Коновалов В. С. Указ. соч. С. 283.
[371] Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. СПб., 1910. С. 182; ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). С. 170; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 62.
[372] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 166; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 83.

а также низких заработках в этой отрасли[373].

В подразделе о развитии горнозаводской промышленности рассказывалось об увеличении количества промышленных предприятий и класса рабочих. В 1950 г. посетители могли ознакомиться с исторической хроникой самого крупного предприятия Олонецкой губернии — Александровского завода. В обеих экспозициях присутствовали диаграммы и статистические данные о заработной плате рабочих в сравнении с ценами на основные продукты и товары, свидетельствовавшие о низком заработке нарождающегося пролетариата. Фотокопии архивных документов рассказывали о зависимости рабочих от местных купцов, ростовщиков, рабочей кассы. Рост долговых обязательств приводил к разорению рабочих. Фотографии дома рабочего Александровского завода, отобранного за долги, и бараков для заводского населения наглядно показывали последствия долговой кабалы[374].

Проблема положения горнозаводских рабочих в Олонецкой губернии в пореформенный период стала разрабатываться карельскими учеными-историками в послевоенные годы, одним из ключевых тезисов было установление экономической зависимости рабочих, которое оказалось более эффективным средством их угнетения, чем закрепление за заводом в феодальную эпоху[375]. Несмотря на то что натурные экспонаты в этом подразделе практически отсутствовали (в 1950 г. была представлена продукция завода, в 1952 г. ее уже не было), демонстрируемые материалы работали на создание образа тяжелой, бесправной жизни рабочих.

Немаловажную роль в развитии товарно-денежных отношений как в городе, так и в пореформенной деревне играли промыслы. Наиболее крупным промыслом в Карелии была добыча рыбы. Отмечалось, что рыбный промысел по своей организации был капиталистическим: в нем процветал наемный труд, средства производства находились в руках богачей, прибыли распределялась неравномерно — большая часть добычи поступала судовладельцам[376]. Об этом, например, свидетельствовали диаграммы о классовом расслоении поморских рыбаков[377]. Включенные в экспозицию фотографии лова, промысловых судов, орудия труда рыбаков позволяли получить представление о развитии рыболовства на рубеже веков.

В экспозиции также были представлены различные предметы ремесленного производства конца XIX — начала XX в., например изделия из дерева с декоративной резьбой, ткани и вышивки, берестяные корзины, предметы быта и др. В экспозиции 1950 г. последовательно

---

[373] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 84–86.
[374] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 171.
[375] Никулин М. Г. Реформа 1861 года на Олонецких горных заводах // Природные ресурсы и культура Карело-Финской ССР: Труды первой научной сессии Карело-Финского государственного Университета, 12–15 мая 1947 г. Вып. 1, секция гуманитарных наук. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1949. С. 31.
[376] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 155.
[377] Там же.

проводилась мысль о том, что ремесленники вынуждены были продавать свой труд (в случае ухода на промыслы) или результаты своего труда за несоразмерно малую плату. Но в то же время крестьяне, побывавшие на промыслах в городах, получали не только горький опыт наемной работы, но и опыт объединения с такими же угнетенными рабочими для борьбы за свои права[378]. Диаграммы, представленные на стендах, свидетельствовали об увеличении доли населения Олонецкой губернии, отправлявшегося на промыслы, прежде всего в Санкт-Петербург. Цитаты В. И. Ленина об отхожих промыслах и М. Горького о «грошовом труде» ремесленников подчеркивали несправедливость их положения, изменить которое в рамках сложившейся системы было невозможно.

В музейном показе 1952 г. акцент делался на своеобразии карельских ремесленных изделий, таланте народных умельцев. Посетители могли познакомиться с самобытными вышивками, узнать о технике нанесения узоров на ткани, полюбоваться старинными женскими головными уборами, украшенными жемчугом и золотым шитьем[379]. Отдельные подразделы экспозиции были посвящены деревянному зодчеству, исследованию и сохранению устного народного творчества во второй половине XIX в. Как было показано выше, в экспозиции 1950, 1960 гг. эти темы раскрывались в разделе, посвященном репрезентации эпохи феодализма в Карелии и разложения феодальных отношений. В 1952 г. они были даны в разделе, представляющем более поздний, пореформенный, период, что менее соответствовало логике показа материалов, организованных по хронологическому принципу. Перемещение описанных экспозиционных комплексов в раздел по истории капитализма привело к изменению ключевых идей, транслировавшихся посетителям: народ не просто рабочая сила, угнетаемая тяжелым трудом и несправедливым отношением имущих классов и капиталистов, а создатель и хранитель культурного наследия, обладающий неиссякаемым творческим потенциалом. В подтверждение этой мысли приводилась цитата М. Горького о народе как первом «по красоте и гениальности творчества философе и поэте», создавшем историю всемирной культуры[380].

Развитию творческого потенциала крестьян и рабочих, по мысли создателей экспозиции, мешало духовное угнетение со стороны церкви и государства, чинивших препятствия на пути народного просвещения. Так, в экспозиции 1950 г. приводились цитаты из учебника «История ВКП(б). Краткий курс», в которых Российская империя называлась «тюрьмой народов», стремившейся «задушить всякое проявление национальной культуры»[381]. Диаграммы свидетельствовали о низком уровне грамотности населения, недостаточном финансировании

---

[378] Ленин В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 20. М.: Изд-во полит. лит., 1973. С. 141.
[379] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 77.
[380] Горький М. Разрушение личности // Максим Горький: Сайт. 2000-2025. URL: https://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-343.htm (дата обращения: 12.06.2025).
[381] История ВКП(б). Краткий курс. С. 6; ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 172–173.

учебных заведений[382]. Идейное содержание образования было направлено на воспитание в народе почитания бога, царя и властей[383]. В экспозиции отмечалось пренебрежительное и даже враждебное отношение царских властей к карельскому языку. В подтверждение этого тезиса приводилась цитата из правил постановки школьного дела: «Смотреть на карельский язык как на занятие, от которого школа должна детей отучать»[384].

В экспозиции 1952 г. также подчеркивалось, что церковь и школа до революции являлись «орудием духовного угнетения трудящихся»[385]. Приводились диаграммы об уровне грамотности населения, количестве школ и учителей в сравнении с численностью церквей, монастырей и священнослужителей. Тематический комплекс завершался текстом резолюции императора Николая II на рапорте олонецкого губернатора об открытии нескольких школ в губернии: «Излишняя торопливость в этом отношении вовсе нежелательна»[386]. Таким образом, посетителям наглядно демонстрировалось, как на самом высоком уровне чинились препятствия на пути народного образования. В обоих экспозициях отсутствовали натурные экспонаты, для репрезентации темы использовались плоскостные, вспомогательные и текстовые материалы.

Как можно заметить, структура экспозиции по истории периода капитализма в Карелии во многом повторяла музейные показы, посвященные феодальной эпохе, как на содержательном, так и на предметном уровне. Как и в предыдущем разделе постоянной экспозиции, последовательность репрезентации тематических комплексов определялось тем, относились ли они к базисным явлениям или надстроечным. Экспозиционеры стремились показать развитие средств производства, товарно-денежных отношений, процесс зарождения пролетариата, то есть отразить в экспозиции характерные черты и признаки капиталистического строя. В более поздних музейных показах эта структура сохранится практически в неизменном виде. Предметный ряд в экспозициях 1950-х гг. был диспропорционален текстовым и вспомогательным материалам. Большинство диаграмм и статистических данных было взято из дореволюционных изданий. Марксистско-ленинский подход к истории позволил представить эти цифры в ином свете с помощью нового методологического инструмента.

Если предыдущие подразделы экспозиций 1950, 1952 гг. повествовали об угнетении экономическом и духовном, то подраздел «Дореволюционная Карелия — подстоличная Сибирь» (в 1952 г. — «Карелия — место политической ссылки») сообщал посетителям об угнетении политическом и борьбе с инакомыслием в Российской империи. В программной статье карельского историка Е. С. Гардина 1947 г., в которой предлагались основные

[382] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 172–173.
[383] Там же.
[384] Там же. Л. 174.
[385] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 81.
[386] Там же.

направления исторических исследования для научной разработки, указывалось, что до сих пор не изученной оставалась проблема влияния политических ссыльных на общественную жизнь Карелии. В статье также можно встретить устойчивое словосочетание «подстоличная Сибирь» применительно к Карелии[387].

Одним из самых известных политических деятелей, отбывавших олонецкую ссылку, был революционер и политический деятель М. И. Калинин. Его фигура являлась знаковой для Карелии: «Всесоюзный староста» посещал республику в 1924 г., избирался депутатом Верховного Совета КАССР от Повенецко-Ленинского избирательного округа. В экспозиции музея были представлены фотокопии документов, свидетельствовавших о пребывании М. И. Калинина в Карелии, картина художника А. И. Кацеблина «Калинин в ссылке», пояснительные тексты, сообщавшие о маршруте этапного пути революционера из г. Петрозаводска в г. Повенец, фотографии этапной избы. Центральным экспонатом была дверная доска этапной избы, находившейся в д. Мянсельга Петрозаводского уезда, на которой политссыльными была сделана памятная надпись. В этикетке к экспонату в 1950 г. значилось, что надпись была вырезана самим М. И. Калининым[388], в 1952 г. более осторожно указывалось, что надпись была «о Калинине», авторство же самой надписи не установлено[389]. На протяжении всего советского периода в истории музея этот экспонат оставался «одной из ценнейших реликвий», демонстрируемых в постоянных экспозициях[390].

Об этом знаковом экспонате сообщалось, например, в статьях Н. Ф. Шитова «Калинин в Карелии», опубликованных в журнале «На рубеже» в 1945 и 1947 гг. Автор указывал, что на дверной доске «оставил свою надпись М. И. Калинин и его товарищи», а саму доску можно увидеть в «Госмузее»[391]. Интересно, что фотография доски была позднее опубликована в «Очерках истории Карелии» (Т. 1), где также указывалось, что памятная надпись была вырезана именно М. И. Калининым. В своих статьях Н. Ф. Шитов, описывая «дикую и глухую Олонию» как место ссылки, также использовал выражение «подстоличная Сибирь». Автор утверждал, что пример «беззаветного служения Родине великого советского патриота М. И. Калинина» должен вдохновлять жителей КФССР на трудовые подвиги «во славу дорогой Отчизны»[392].

Образ М. И. Калинина как советского патриота активно использовался в экспозициях по истории Советской Карелии. Так, в музейном показе 1952 г. был представлен портрет М. И. Калинина в подразделе о подготовке СССР к «активной обороне» в конце 1930-х гг., и его

---

[387] Гардин Е. С. Указ. соч. С. 42.
[388] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 172.
[389] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 88.
[390] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 23/291. Л. 45.
[391] Шитов Н. М. И. Калинин в Карелии // На рубеже. 1947. № 4. С. 42.
[392] Там же. С. 48.

цитата, посвященная необходимости вкладывать любовь и труд в развитие животноводства[393]. В ТЭПах 1963 и 1967 гг. тематический комплекс, посвященный строительству Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината, включал в себя сведения о помощи, оказанной председателем ЦИК СССР, в обеспечении стройки дополнительным финансированием[394].

В свою очередь репрезентация губернии как места ссылки способствовала утверждению образа дореволюционной Карелии как глухой, отсталой окраины царской России. Именно этот образ транслировался постоянными экспозициями Государственного историко-краеведчес кого музея, посвященными эпохам феодализма и капитализма в истории региона.

Значимое место в экспозициях 1950, 1952 гг. занимала репрезентация событий Первой русской революции 1905–1907 гг. в России и Олонецкой губернии. В 1950 г. на стендах было представлено большое количество текстового материала, диаграмм, фотографий баррикад и стачек, которые сообщали о подъеме революционного движения в России в 1905 г. Показ предварялся цитатой В. И. Ленина о сущности революции, которую он охарактеризовал как буржуазно-демократическую, «но по средствам борьбы она была пролетарской»[395]. Если авторы ТЭПа 1950 г. подробно останавливались на революционных событиях, происходивших в Олонецкой губернии, то в экспозиции 1952 г. местные события были представлены в виде текстовой хроники. Посетители могли познакомиться с историей возникновения Петрозаводской группы РСДРП, биографиями ее лидеров и членов, посмотреть на их фотографические портреты и групповые снимки. В экспозициях как 1950-х гг., так и 1960-х гг. были представлены только те члены Петрозаводской группы, которые «стояли на ленинских позициях»[396]— Н. Т. Григорьев, А. А. Копяткевич, В. А. Егоров, Л. Л. Яблонский, Г. С. Тушовская. Пояснительный текст сообщал о причинах поражения революции, среди которых назывались отсутствие прочного союза между рабочими и крестьянами, в действиях рабочего класса и социал-демократов не хватало единства[397].

В 1922 и 1926 гг. издавались воспоминания революционера, члена РСДРП(б) А. А. Копяткевича, который был одним из организаторов большевистской группы в г. Петрозаводске. До середины 1950-х гг., когда активизировалось изучение истории первых социал-демократических объединений в Карелии, а также событий Первой русской революции, воспоминания А. А. Копяткевича и сборник «1905 г. в Карелии» 1926 г. были одним

---

[393] ТЭП «Карелия в период довоенных сталинских пятилеток (1928-1940 гг.)» (1952 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 118. Л. 15, 33.
[394] ТЭП «История советской Карелии» (1918-1940 гг.) (1963 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1347. Л. 78, 86.
[395] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 176; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 88–89.
[396] Шумилов М. И. Революционное движение в Карелии в 1905–1907 годах. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1955. С. 18.
[397] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 183; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 91.

из основных источников по истории революционного движения в Олонецкой губернии[398]. Структура экспозиций 1950-х гг., пояснительные тексты, а также хроника событий во многом перекликались с сюжетами, изложенными А. А. Копяткевичем. Например, в воспоминаниях революционера подробно сообщалось о распространении Петрозаводской группой РСДРП нелегальной литературы и большевистских газет через книжный магазин на Садовой улице, издании революционных прокламаций, собраниях социал-демократов за городом, казни эсера А. М. Кузьмина на тюремном дворе в 1908 г.[399] Все эти события, которые выделялись самим автором воспоминаний как ключевые, нашли свое отражение в экспозиции 1950 г.[400]

В ТЭПе 1950 г. раскрывалась еще одна проблема, которая в более поздних экспозициях не освещалась столь широко, а именно деятельность Союза беломорских карел в Кемском уезде Архангельской губернии в годы Первой русской революции. Национальная общественная организация северных карел была создана в 1906 г.[401], ее активность оценивалась в советской историографии, которая во многом следовала дореволюционным работам, посвященным борьбе с «панфинской пропагандой» и финляндскими активистами Союза, как проявление «финского буржуазного национализма»[402]. Так, карельский историк Е. С. Гардин предлагал своим коллегам в исторических работах четко разделять стремление карельского и финского народов к объединению для борьбы за свое освобождение и реакционное движение панфиннизма[403].

В 1948 г. между СССР и Финляндией был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, нацеленный на «укрепление добрососедских отношений»[404]. На дипломатическом уровне между СССР и Финляндией установились условно «дружеские» отношения, однако народам обеих стран, особенно жителям Карелии, испытавшим на себе финскую оккупацию, память о которой была еще очень свежа в 1950 г., нелегко было стереть из памяти пережитые военные годы. Создатели музейной экспозиции, сохранявшие настороженный, а иногда и откровенно недружественный тон в репрезентации деятельности финских активистов и их идеологии начала XX в., были с ними солидарны.

В 1950 г. экскурсоводу предлагалось указать подготовку базы для эксплуатации природных богатств Карелии финскими капиталистами как основную цель существования Союза

---

[398] Копяткевич А. А. Из революционного прошлого в Олонецкой губернии (1905–1908 гг.). Петрозаводск: Изд. Карельского Областкома РКП(б), 1922. 54 с.; 1905 год в Карелии: Сборник / Комис. по проведению 20-летия 1905 г. при ЦИК АКССР; под ред.: П. И. Буткевича и [др.]. Петрозаводск: типография Каргосиздата им. П. Ф. Анохина, 1926. 179 с.

[399] Там же. С. 5, 7, 8, 21.

[400] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 180–182.

[401] Витухновская-Кауппала М. А. Карелы в 1917 году: Выбор национальной стратегии. От культурной автономии до присоединения к Финляндии // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2017. № 2. С. 403–429.

[402] Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки-СПб: Норма, 2006. С. 31–32, 41.

[403] Гардин Е. С. Указ. соч. С. 42.

[404] Молодой большевик. 1948. № 29. С. 1.

беломорских карел, а также акцентировать контрреволюционный характер общественной организации[405]. Еще в дореволюционной литературе, посвященной проблеме панфинской пропаганды в Карелии, одним из важнейших мероприятий, которые, по мысли идеологов панфиннизма, позволили бы добраться до ключевых товаров, поставляемых из Карелии (пушнина, древесина, продукты рыбного промысла), была организация железнодорожного сообщения между Финляндией и Восточной Карелией[406]. Об этом экскурсоводу необходимо было упомянуть в рассказе о целях деятельности финских активистов в конце XIX — начале XX в.[407] В качестве основного вывода к описанному подразделу экспозиции предлагалось указать на то, что панфинские идеи, распространявшиеся в Финляндии и Карелии до революции, после 1917 г. стали основой для «великофинской националистической контрреволюции в Карелии»[408]. Деятельность финских «контрреволюционных элементов» была отражена в разделе экспозиции, посвященном Гражданской войне в России и Карелии.

В экспозициях 1950-х гг. отсутствовал подраздел, посвященный послереволюционному периоду, одним из основных событий которого было проведение аграрной реформы, инициированной министром внутренних дел П. А. Столыпиным. К моменту создания музейных показов в советской историографии сложилось устойчивое негативное отношение к аграрной реформе, основанное прежде всего на взглядах В. И. Ленина, который охарактеризовал ее как антикрестьянскую, неудачную, потерпевшую крах[409]. Большое влияние на отражение аграрной реформы в исторической литературе оказал учебник «История ВКП(б). Краткий курс», в котором указывалось, что реформа была проведена в интересах кулачества и помещиков[410].

Можно отметить, что в советской историографии к началу 1950-х гг. существовало довольно ограниченное количество исследовательских работ по аграрной истории империалистической России, более того, большинство из них вышли из-под пера экономистов. Историки в плане изучения аграрных преобразований П. А. Столыпина заметно отставали[411]. Карельские историки также не могли похвастаться проработкой указанной темы. К моменту создания экспозиций в карельской историографии вопрос о проведении аграрной реформы в Олонецкой губернии еще не получил достаточного научного осмысления. Таким образом, экспозиционеры не могли опереться на результаты локальных исторических исследований для того, чтобы содержательно наполнить экспозицию. Кроме того, в их распоряжении не было достаточного

---

[405] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 182.
[406] Алексеев В. А. Панфинско-лютеранский поход финляндцев на православную Карелию. СПб.: Государственная типография, 1910. С. 99.
[407] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 182.
[408] Там же.
[409] Белянин Д. Н. Столыпинская аграрная реформа в отечественной историографии 1920–1980 гг.: основные тенденции оценок // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2011. № 4. С. 102–113.
[410] История ВКП(б). Краткий курс. С. 123–124.
[411] Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России, начало XX в.: советская историография середины 1950-х — 1960-х гг. М.: Наука, 1990. С. 21.

количества натурных экспонатов и вспомогательного материала. Вследствие этого, в экспозиции 1950-х гг. существовал разрыв в историческом нарративе о событиях между двумя революциями, который в 1950 г. нивелировался текстовой теоретической информацией о сущности империализма, а в 1952 г. оставался незаполненным.

Рассказывая об особенностях империализма, экскурсовод, согласно рекомендациям к ТЭПу 1950 г., должен был подчеркнуть, что в эпоху империализма царизм сознательно задерживал развитие национальных окраин, одной из которых являлась Олонецкая губерния. Этот тезис получил широкое развитие в советской историографии 1940—1950-х гг., одним из первых его озвучил Э. Гурвич в статье «Что такое военно-феодальный империализм царской России»[412]. Карельские историки, изучавшие историю края в период империализма, в своих работах опирались на тезис о противодействии экономическому развитию губернии со стороны царского режима[413]. Таким образом, экспозиционеры в 1950-х гг. создавали музейные показы в русле устоявшихся историографических тенденций, определенного канона, опираясь как на «программные» работы И. В. Сталина и «Краткий курс», а также современные им исторические исследования, где на конкретных примерах раскрывались изложенные в каноне положения.

В завершающих подразделах экспозиций 1950 и 1952 гг. по истории дореволюционной Карелии раскрывались темы, посвященные крупным событиям периода империализма — Первой мировой войне, строительству Мурманской железной дороги и Февральской революции 1917 г. Показ этих событий повторял ключевые идеи, изложенные в учебнике «История ВКП(б). Краткий курс». Так, в экспозициях в качестве пояснительных текстов приводились цитаты из учебника 1938 г. о характере войны, ее последствиях для России: война была империалистическая, она велась за передел мира, война разрушила народное хозяйство страны[414].

На стендах были представлены фотографии молебнов, проходивших в 1914 г. на Соборной площади в г. Петрозаводске перед отправкой войск на фронт, церемонии проводов запасных в г. Лодейное Поле. Этикетки к фотографиям должны были нивелировать их патриотический посыл, акцентировать бессмысленность человеческих жертв на «несправедливой»[415] империалистической войне. Для этого в текстах этикеток использовались выражения, в

---

[412] Гурвич Э. Что такое военно-феодальный империализм в царской России // Исторический журнал. 1940. № 2. С. 139–140.

[413] См., напр.: Шитов Н. Ф. Александровский завод в начале XX в. // Природные ресурсы и культура Карело-Финской ССР: Труды первой научной сессии Карело-Финского государственного университета, 12–15 мая 1947 г. Вып. 1, секция гуманитарных наук. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1949. С. 45.

[414] История ВКП(б). Краткий курс. С. 155, 166; ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 185; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 91.

[415] История ВКП(б). Краткий курс. С. 161.

ироническом ключе представлявшие патриотический лозунг «За веру, царя и Отечество»[416], запасные нижние воинские чины назывались пушечным мясом, что подчеркивало напрасность жертвы, приносимой солдатами — крестьянами и рабочими[417]. Пояснительный текст к комплексу рисунков и фотографий, опираясь на тезисы «Краткого курса», обличал организаторов манифестаций и молебнов-проводов, а именно царские власти и буржуазию, которые таким образом стремились скрыть «грабительский» характер войны[418]. Согласно рекомендациям к ТЭПу 1950 г., экскурсоводу необходимо было подчеркнуть, что рабочие Александровского завода не примкнули к манифестациям[419], рабочий класс г. Петрозаводска стоял на антивоенных и революционных позициях, не поддался на военную агитацию царского правительства. Эти утверждения экскурсовода расходились с исторической правдой. Так, 25 июля 1914 г. газета «Олонецкие губернские ведомости» сообщала, что 20–22 июля 1914 г. в городе прошли многолюдные патриотические манифестации, участие в которых принимали главным образом рабочие Александровского завода[420].

Согласно концепции истории Первой мировой войны, изложенной в учебнике «История ВКП(б). Краткий курс», царская армия терпела поражение за поражением, в стране царила продовольственная, сырьевая и топливная разруха[421]. В экспозиции эта концепция подтверждалась с помощью диаграмм, демонстрировавших рост цен на продовольствие, сокращение посевных площадей, переориентацию заводов на выпуск военной продукции, что влекло за собой нехватку непродовольственных товаров. Натурные экспонаты — снаряды, изготовленные в 1914–1917 гг. на Александровском заводе, — свидетельствовали о работе предприятия на нужды войны. Фотокопии статей губернских газет «Олонецкое утро» и «Вестник Олонецкого губернского земства» показывали, как в местной прессе освещалось тяжелое положение населения края в годы войны[422].

В советской историографии 1930-х — середины 1950-х гг. утвердилось представление о полуколониальной зависимости Российской империи от своих союзников по Антанте в годы Первой мировой войны. Это представление было высказано И. В. Сталиным, а в дальнейшем нашло свое отражение в учебнике «История ВКП(б). Краткий курс»[423]. Тезис о вынужденном участии России в Первой мировой войне в надежде расплатиться с долгами своим союзникам задал направление исследований советских историков по истории России начала XX в., а также

---

[416] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 186.
[417] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 92.
[418] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 92; История ВКП(б). Краткий курс. С. 156.
[419] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 185.
[420] Олонецкие губернские ведомости. 1914. № 140. С. 2.
[421] История ВКП(б). Краткий курс. С. 166–167.
[422] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 186–187.
[423] История ВКП(б). Краткий курс. С. 156.

во многом предопределил те выводы, к которым они приходили в результате своих исследований. В период обострения отношения с Западом после Великой Отечественной войны в общественном дискурсе закрепилось отрицание позитивного вклада западных стран в историю России, которое в том числе отразилось на репрезентации истории Первой мировой войны[424]. В контексте экспозиции 1952 г. эта тенденция проявилась в оценке западного, а именно английского, влияния на финансирование строительства Мурманской железной дороги в годы Первой мировой войны.

Обращая внимание посетителей на представленный в экспозиции макет «Строительство Мурманской железной дороги», экскурсовод должен был рассказать, что строительство дороги велось на деньги «англо-американских империалистов», целью которых было «прибрать к рукам природные богатства» Олонецкого края и всего Севера России[425]. Однако сведений о широком использовании иностранного капитала не найти как в аутентичных очерках по истории Мурманской железной дороги[426], так и в современных исследованиях[427]. Напротив, исследователи подчеркивают, что строительство велось за казенный счет, а участие английского капитала при первоначальных грандиозных замыслах было незначительным. Более того, за год до открытия постоянной экспозиции, в 1949 г., в сборнике «Летопись Севера» была издана статья Д. А. Гринера, посвященная истории Мурманской (Кировской) железной дороги, в которой также утверждалось, что дорога строилась на деньги царского правительства и получившего концессию английского предпринимателя О. Френча[428]. Иностранные компании ходатайствовали о концессиях на строительство, но им было отказано из-за неприемлемых для казны условий[429]. Предприятие лорда О. Френча не достигло большого успеха, и работы пришлось заканчивать русским рабочим, а российское правительство более не нуждалось в услугах иностранцев[430].

Таким образом, сюжет о строительстве Мурманской железной дороги в годы Первой мировой войны был использован экспозиционерами в 1952 г. для иллюстрации тезиса о зависимости царского правительства от денег западных капиталистов, вынашивавших захватнические планы относительно Севера Российской империи. Раскрытие исторического

---

[424] Самохина Г. А. Советская историография 1930-х — середины 1960-х гг. о роли России в Антанте (к истории тезиса о полуколониальной зависимости России от союзников) // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 425, 427.

[425] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 93.

[426] Мурманская железная дорога: Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Петроград, 1916. С. 21, 23–24.

[427] Голубев А. А. Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917 гг.): Монография. СПб.: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2011. С. 104, 152.

[428] Гринер Д. А. Из истории Мурмана и Мурманской (Кировской) железной дороги // Летопись Севера. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. С. 183.

[429] Мурманская железная дорога: Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. С. 23.

[430] Нахтингаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 80–81.

сюжета о Мурманской железной дороге в подобном ключе было необходимо для того, чтобы показать истоки иностранной интервенции на Мурман и в Карелию, а именно ее экономические причины. В дальнейшем этот тезис будет развит в разделе экспозиции, посвященном Гражданской войне и иностранной интервенции.

Серия фотографий и макет «На строительстве Мурманской железной дороги» показывали тяжесть труда рабочих, занятых на строительстве. Создатели экспозиций подчеркивали, что на строительных работах активно использовался труд военнопленных Первой мировой войны, а также дешевый труд китайских рабочих, мобилизованных на стройку из Манчжурии. Особенно ярко положение чернорабочих из Китая описывалось в ТЭПе 1952 г. В тексте экспозиции рабочие назывались «колониальными рабами», которые жили скученно в бараках, нередко вместе с больными, «зараженными чумой», что приводило к высокой смертности среди китайских строителей[431]. В музейном показе 1950 г. говорилось о том, что рабочие, и русские, и китайцы, а также военнопленные в «огромном количестве гибли от холода и цинги»[432]. Посетителям представала безрадостная картина угнетения царским правительством практически бесправных рабочих и военнопленных.

Завершающим тематическим комплексом по истории империализма была репрезентация Февральской революции 1917 г. На примере хроники событий в Петрограде и Петрозаводске, фотографий забастовок и демонстраций, цитат из учебника «История ВКП(б). Краткий курс» экспозиционеры демонстрировали ведущую роль рабочих в Февральской революции. Как и другие ключевые идеи, которые транслировались в экспозициях 1950 и 1952 гг., тезис о рабочих как «застрельщиках революции»[433] был взят из «Краткого курса». В параграфе учебника по истории партии, посвященном событиям февраля–марта 1917 г., было указано, что экономический кризис и хозяйственная разруха в стране, вызванные войной, привели к росту революционного движения, начались массовые забастовки, пролетариат и солдаты в Петрограде свергли царское правительство, по всей России создавались Советы, а результатом революции стало установление двоевластия — Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов[434].

Структура повествования музейных показов Государственного историко-краеведческого музея КФССР также повторяла сюжет о Февральской революции, представленный в обобщающем труде по истории партии, на примере Карелии, демонстрируя, как на местном уровне находили отражение ключевые события и процессы, происходившие во время революции. Экспозиции 1950 и 1952 гг. в плане повествования были устроены очень похоже,

---

[431] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 93.
[432] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 186–187.
[433] История ВКП(б). Краткий курс. С. 169.
[434] Там же. С. 168–172.

различия заключались в наборе цитат классиков, а также в предметном ряде. В музейном показе 1952 г. предметный ряд, основу которого по-прежнему составляли статистические и изобразительные материалы, был несколько расширен. В обеих экспозициях многочисленные диаграммы и таблицы свидетельствовали о падении производства, сокращении посевов, снижении численности населения и, напротив, росте революционного движения, увеличении числа участников стачек и забастовок[435]. Хроника революционных событий в Петрозаводске рассказывала об основных эпизодах, связанных с падением царской власти, и о том, как отречение царя отозвалось на местах, как происходило свержение старой администрации в Олонецкой губернии. В экспозициях подробно описывалось создание Петрозаводского Совета рабочих и солдатских депутатов в марте 1917 г. по инициативе делегата I Съезда Советов, революционера и уроженца г. Петрозаводска А. А. Копяткевича. Однако отмечалось, что во главе Совета оказались меньшевики и эсеры, которые поддержали действия Временного правительства[436]. Большевикам еще только предстояло взять власть в Совете в свои руки.

Деятельность Временного правительства в экспозициях была показана с помощью иронических карикатур[437], пояснительные тексты и этикетки противопоставляли буржуазное правительство власти рабочих и солдат в лице Петроградского Совета. Работу Петроградского Совета иллюстрировали фотографии заседаний депутатов, номера газеты «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов», брошюра «Манифест РСДРП»[438]. Таким образом, создавался позитивный образ работоспособного, деятельного органа власти, который закономерно установил диктатуру пролетариата. Как и в учебнике «История ВКП(б). Краткий курс», сюжеты, посвященные Февральской революции 1917 г. должны были показать неизбежность социалистической революции и прихода к власти большевиков в октябре 1917 г.

Доля подлинных музейных предметов, особенно в экспозиции 1952 г., стала значительно выше по сравнению с экспозициями по истории феодализма. Особенно широко были представлены орудия сельскохозяйственного труда, промышленная продукция заводов Олонецкой губернии, продукты разнообразных крестьянских промыслов. Однако по-прежнему плоскостной материал преобладал над подлинными историческими памятниками. Главной особенностью экспозиций 1950-х гг., посвященных истории эпохи империализма в Карелии, была их ориентация на концепцию истории России, изложенную в 1938 г. в учебнике «История ВКП(б). Краткий курс». Структура повествования, а также многочисленные цитаты

---

[435] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 187–188; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 94, 96.
[436] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 189–190; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 100.
[437] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 189; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 100.
[438] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.). Л. 100.

свидетельствуют об огромном влиянии этого труда на музейные показы.

Рассмотрим экспозицию 1960 г., посвященную эпохам капитализма и империализма в Карелии, и 1963 г., рассказывающую только об эпохе империализма. Как уже говорилось выше, к юбилею республики в 1960 г. была открыта совершенно новая постоянная экспозиция по дореволюционной истории Карелии. Ее концептуальную основу составлял обобщающий труд по истории края «Очерки истории Карелии», изданный в 1957 г. В 1963 г. заведующим отделом по истории дореволюционного прошлого Карелии В. В. Алава был составлен новый вариант ТЭПа по истории империализма (начало XX в.). Его создание было вызвано необходимостью «улучшения идейно-политической направленности» в свете решений XXII съезда КПСС, который состоялся в 1961 г., и совершенствования художественного оформления[439]. Раздел, посвященный эпохе империализма, выделялся экспозиционерами как один из ключевых в структуре музейного показа. Новый вариант экспозиции разместился на большей площади, которая составляла 35 кв. метров, так как в этот раздел была включена тема «Карелия в период между двумя революциями», которая ранее входила в отдел «История Советской Карелии»[440].

ТЭП 1963 г. был значительно дополнен собранными в музейных экспедициях предметами, а также архивными документальными материалами. Изменения затронули репрезентацию сюжетов, касающихся общественно-политической жизни Карелии в конце XIX — начале XX в., а также некоторых вопросов, связанных с развитием экономики в годы столыпинской аграрной реформы. Музейное повествование должно было начинаться с подраздела о положении рабочих в начале XX в. На заседании Ученого совета музея 26 марта 1963 г. отмечалось, что тематическому плану не хватает «фундамента», то есть вводной темы, которая бы раскрывала сущность империализма и справедливость тезиса о Карелии как отсталой окраине России[441]. Члены Ученого совета также отмечали раздутый этикетаж и недостаточное раскрытие темы «Политическая ссылка в Олонецкой губернии»[442]. В результате текстовый материал ТЭПа был сокращен, а тематический комплекс, посвященный политической ссылке, значительно дополнен. Однако итоговый вариант, утвержденный в октябре 1963 г.[443], по-прежнему не содержал в себе вводную тему. В структуре экспозиции преобладали сюжеты, связанные с экономической жизнью и политической историей края, прослеживалось значительное влияние монографии «Очерки истории Карелии» на экспозиционные тексты.

Как уже говорилось выше, одним из составителей ТЭПа 1960 г. был старший научный

---

[439] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» по теме «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 250. Л. 2.
[440] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 11/151. Л. 244–245.
[441] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 11/148. Л. 16.
[442] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 11/148. Л. 16.
[443] ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 1.

сотрудник И. Н. Тихонов, работавший в музее с 1930-х гг. и принимавший участие в разработке послевоенных ТЭПов. Еще одним автором планов был заведующий отделом музея по истории дореволюционной Карелии В. В. Алава, сменивший на этом посту И. Н. Тихонова. Начав работу в музее в послевоенные годы, В. В. Алава заведовал отделом по истории Великой Отечественной войны, который существовал в конце 1940-х гг., а затем перешел в отдел по истории дореволюционной Карелии. Оба составителя ТЭПа в своей работе опирались на апробированные в 1950-х гг. схемы и способы музейной репрезентации, которые разрабатывались в том числе самим И. Н. Тихоновым, наполняя их новым содержанием, опирающимся на монографию «Очерки истории Карелии».

Как и предыдущие экспозиции, музейный показ 1960 г. начинался с репрезентации положения Олонецкой губернии накануне проведения крестьянской реформы 1861 г. Для характеристики Олонецкого края использовалась устоявшаяся в историографии формула, согласно которой губерния была одной из наиболее отсталых областей царской России[444]. Состав цитат В. И. Ленина, а также предметный ряд, посвященный проведению крестьянской реформы в Олонецкой губернии, не претерпели значительных изменений. В подраздел был введен новый экспозиционный комплекс, повествовавший об осуществлении земской и городской реформ в 1864 и 1870 гг. Как и в монографии «Очерки истории Карелии», основной идеей репрезентации этой темы было то, что новые земские и городские органы представляли интересы нарождавшейся буржуазии и тем самым способствовали развитию капиталистических отношений[445]. Предметный ряд составляли нагрудные знаки земских и городских должностных лиц, судей и др.[446]

Следующие подразделы были посвящены репрезентации экономической основы эпохи капитализма, а именно развитию сельского хозяйства, промыслов, которые стали основой для появления затем промышленного производства, и собственно промышленности. Тем не менее экспозиционеры делали акцент не на развитии производительных сил, а на положении рабочих и крестьян и развитии капиталистических отношений.

В репрезентации положения сельского хозяйства особое место было уделено показу имущественного расслоения крестьян, которое, как было указано в «Очерках истории Карелии», сопровождало развитие капитализма[447]. Помимо диаграммы о социальном расслоении крестьянства в Олонецкой губернии к началу XX в., различие в уровне жизни и достатке сельских жителей демонстрировалось с помощью фотографий домов бедняка,

---

[444] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 66.
[445] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 66.; Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 270, 271.
[446] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 67.
[447] Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 277.

середняка и зажиточного крестьянина[448]. Предметный ряд, как и в музейных показах 1950-х гг., составляли сельскохозяйственные орудия труда. Фотокопии документов и газетных статей конца XIX — начала XX в. свидетельствовали о тяжелом положении крестьянства, отсталости орудий труда и техники земледелия, нужде и голоде сельского населения. Графики посевов и урожайности за этот период показывали обилие неурожайных годов, которые тяжким грузом ложились на крестьянское хозяйство, ставя многие семьи на грань разорения[449]. Таким образом, создавался образ тяжелой жизни крестьян, которые вынуждены были продавать свой труд более зажиточным соседям или уходить на промыслы в города, что, в свою очередь, способствовало развитию капиталистических отношений.

Подраздел о развитии промышленности Карелии был представлен и в ТЭПах 1960 и 1963 гг. План 1963 г. дополнял музейное повествование, раскрывая тему положения рабочих при империализме. В ТЭПе 1960 г. выделялись три тематических комплекса, которые раскрывали особенности развития промышленного производства, положения рабочих, состояния лесной промышленности. Предметный ряд составляли в основном плоскостные материалы — карты-схемы, фотографии промышленных предприятий, диаграммы о росте промышленного производства, низких заработках рабочих и др. Собственно экспонаты были представлены образцами продукции лесозаводов, а также подлинными расчетными книжками заводских рабочих[450].

В ТЭПе 1963 г. большая часть тематического комплекса отводилась репрезентации положения рабочих Александровского завода, самого крупного промышленного предприятия в губернии. Как и в предыдущих экспозициях 1950-х гг., тяжелое положение рабочих Александровского завода показывалось на примере ручных орудий труда, диаграммы об их заработках. Пояснительный текст к диаграмме сообщал, что доход мастерового зачастую не позволял обеспечить семью даже на уровне прожиточного минимума, в результате чего рабочие вынуждены были искать дополнительную работу, занимаясь слесарным, столярным, извозчичьим промыслами, а также охотой, собирательством и огородничеством на приусадебном участке. Орудия труда в экспозиции были представлены инструментами для заводских работ, а также сельскохозяйственным инвентарем, который применялся на огородных работах. На стендах были показаны фотографии домов начала XX в. в г. Петрозаводске с разработанными и засеянными приусадебными участками. Бытовые условия, существовавшие в домах тружеников завода, посетителям помогали представить включенные в экспозицию предметы домашнего обихода: осветительные приборы, кухонная

[448] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 69–70.
[449] Там же. Л. 67–69.
[450] Там же. Л. 73.

утварь, предметы мебели и примитивного декора[451]. О положении рабочих в лесной промышленности свидетельствовали расчетные книжки, рабочая одежда начала XX в., принадлежавшая работнице лесопильного завода товарищества «Петра Беляева наследники» в с. Сорока Кемского уезда[452].

В экспозиции 1960 г. на примере подраздела, посвященного промыслам Белого моря, показывалось развитие капиталистических отношений в деревне. Пояснительный текст к подразделу сообщал, что крестьяне, связанные с владельцами средств производства, прежде всего промысловых судов, покрутом, жестоко эксплуатировались крупными торговцами и судовладельцами. Предметный ряд составляли орудия лова и судостроительства, рыбацкая одежда конца XIX в., модели поморских судов, а также навигационные приборы, в конце 1950-х гг. пополнившие коллекцию музея. О суровой жизни и тяжелых условиях труда промысловиков свидетельствовали фотографии промысловых поселков рыбаков на Мурмане, внутреннего вида промысловой хижины. Завершающим экспонатом тематического комплекса была фотография под названием «Похороны рыбака»[453].

Следующие несколько подразделов экспозиции 1960 г. рассказывали об отхожих промыслах олонецких крестьян[454], а также развитии ремесленного производства. О массовости отходничества, как и в музейных показах 1950-х гг., свидетельствовали билеты, которые в XIX — начале XX в. выдавались крестьянам на право отправиться на заработок в другие губернии и города, а также диаграмма о росте количества выданных билетов в 1890-е гг. Несмотря на то что предметный ряд в этом разделе был весьма ограничен, показ отходничества был важен в структуре репрезентации развития капиталистических отношений. Кроме того, в «Очерках истории Карелии» отходничеству отводилась весьма значительная роль в деле подъема крестьянского и рабочего движения в Карелии.

Подразделы, повествовавшие о развитии ремесел, рисовали образ олонецких крестьян как искусных и талантливых мастеров, которые славились далеко за пределами своей губернии. В экспозиции были представлены фотографии и рисунки крестьянских домов и церквей, схемы конструктивных особенностей крестьянской архитектуры, а также натурные экспонаты — подлинные деревянные резные детали XIX в.[455] Образцы тканей, а также тканых изделий — скатертей, половиков, полотенец со знаменитыми заонежскими вышивками, женские праздничные костюмы на манекенах, орудия труда, которыми пользовались мастерицы, свидетельствовали о развитии женских промыслов. На высокую оценку продукции карельских кустарей указывала представленная в экспозиции медаль Всероссийской кустарно-

[451] ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 5.
[452] Там же. Л. 4.
[453] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 72.
[454] отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 76; Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 279.
[455] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 78–79.

промышленной выставки 1902 г., в которой участвовали и ремесленники из Олонецкой губернии[456].

На примере описанных выше подразделов можно заметить, что в Государственном историко-краеведческом музее КАССР произошли некоторые изменения в подходах к музейной репрезентации прошлого: музейные работники при составлении ТЭПов стали больше ориентироваться на наличие в коллекции музея подлинных исторических предметов, связанных с локальной историей. Эти изменения были связаны как с общими тенденциями в развитии музейного дела в СССР, так и с активизацией исследовательской, экспедиционной и собирательской деятельности музея, позволившей значительно пополнить музейную коллекцию. Качественные изменения в экспозиционной работе музея на совещании музейных работников, состоявшемся в августе 1963 г., подчеркнул специалист НИИ музееведения А. В. Ушаков. Он отметил, что экспозицию отличает насыщенность местными материалами, которые производят большое эмоциональное впечатление, имеют большое воспитательное значение[457].

Следующие подразделы были посвящены репрезентации надстроечных явлений — развитию образования и культуры в Олонецкой губернии. Как и в экспозициях 1950-х гг., в музейном показе 1960 г. на стендах были представлены портреты и фотографии известных рунопевцев и сказителей, а также исследователей их творчества, экспонировались дореволюционные издания эпоса «Калевала», фольклора и былин, собранных в Олонецком крае. В экспозицию был включен карельский народный музыкальный инструмент — кантеле.

Интересно, что в разделе, посвященном истории второй половины XIX — начала XX в. демонстрировались фотопортреты первых исследователей Карелии XVIII в. Н. Я. Озерецковского, В. И. Лепехина, П. В. Иноходцева, карта-схема их экспедиций по Карелии, а также портрет и книга стихотворений поэта-декабриста Ф. Н. Глинки, отбывавшего ссылку в Олонецкой губернии в первой половине XIX в. Хронологически этот тематический комплекс относился к истории Карелии эпохи феодализма. Так, в 1952 г. портрет Ф. Н. Глинки и издание его произведений были представлены в подразделе об общественно-политическом движении первой половины XIX в.[458] На заседании Ученого совета музея в 1965 г. рассматривался вопрос о том, чтобы не включать этот подраздел в новую готовящуюся экспозицию, так как он нарушал хронологический принцип построения музейного повествования[459], кроме того, комплекс составляли только плоскостные и вспомогательные материалы. В ТЭП экспозиции 1967 г. сведения о первых исследователях и поэте-декабристе

[456] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 86.
[457] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 11/148. Л. 33.
[458] ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.). Л. 110.
[459] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 13/164. Л. 11.

не включены.

Наименование подраздела «Народное образование», «Печать. Библиотека» было взято из монографии «Очерки истории Карелии»[460] и структурно соответствовало аналогичному параграфу книги. В то же время текстовые материалы и предметный ряд базировались на ТЭПах предыдущего десятилетия. Диаграммы, показывавшие в процентном соотношении грамотность населения Олонецкой губернии, фотографии школ и гимназий составляли основу предметного ряда. В пояснительных текстах сообщалось о противодействии властей развитию грамотности населения (для этого использовался, например, все тот же эпизод с резолюцией Николая II на рапорте олонецкого губернатора), а также о доступности образования только для имущих классов — дворян, чиновников, купцов. Предметный ряд дополнился ящиком для типографского шрифта начала XX в., фотографией публичной библиотеки в г. Петрозаводске и отдельными номерами основных периодических изданий и книг, издававшихся в Олонецкой типографии[461].

В духе постановления ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”», призвавшего усилить антирелигиозную пропаганду в культурно-просветительных учреждениях, создавался подраздел под названием «Церковь на службе самодержавия». Музейное повествование начиналось цитатой В. И. Ленина из статьи «Крах II интернационала», которая ранее не цитировалась в экспозициях 1950-х гг., об использовании церкви угнетающими классами для утешения угнетенных, примирения их с господством угнетателей и снижения их революционной решимости[462]. Фотографии церквей, часовен, монастырей сопровождались этикеткой, в которой сообщалось, что власть намеренно культивировала невежество в народе. Под фотографией церкви во имя Св. Александра Невского в г. Петрозаводске, где в 1960 г. и располагался музей, сообщалось, что с каждого заработанного рубля рабочими Александровского завода высчитывалось по две копейки на строительство церкви в течение около 20 лет. Это действительно было так, но удержания производились только с тех артелей, которые добровольно подписались на сбор[463]. Экспозиционерам необходимо было показать, что рабочие испытывали на себе экономическое угнетение как со стороны капиталистов, так и со стороны церкви. На передачу этой идеи работали включенные в экспозицию предметы — церковные свечи, поминальники, фотографии церковных обрядов, показывавшие, что верующие вынуждены были платить за каждый обряд. В то же время предметы церковного обихода — венцы, лампады, иконы, богослужебные книги

[460] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 92; Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 297–299.
[461] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 93–94.
[462] Ленин В. И. Крах II интернационала // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 26. М.: Изд-во полит. лит., 1969. С. 237; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). С. 94.
[463] НА РК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 29/255. Л. 8.

в окладах — свидетельствовали о богатстве церкви. Утверждению негативного образа церкви и самих верующих способствовал представленный в экспозиции железный пояс от вериг Елисея Сумского, Соловецкого святого, мощи которого до революции хранились в кафедральном соборе г. Петрозаводска. Текст этикетки пояснял, что вериги использовались «религиозными фанатиками для самоистязания»[464]. Таким образом, как и в предыдущем разделе постоянной экспозиции 1960 г., посвященной истории феодальной формации, на примерах предметов церковного обихода, церковных документов, фотографий церквей и монастырей экспозиционеры создавали образ духовного и экономического угнетения рабочих и крестьян церковью в дореволюционное время.

Подраздел экспозиции 1960 г., посвященный политической ссылке, рассказывал об истории этого явления начиная с середины XIX в. Фотографии наиболее известных политических ссыльных этнографа и фольклориста П. Н. Рыбникова, члена «Народной воли» Э. Л. Улановской (Кранихфельд), социал-демократа М. И. Калинина дополнялись диаграммами, свидетельствовавшими об увеличении количества ссыльных, находившихся под надзором полиции в Олонецкой губернии. Цитируя монографию «Очерки истории Карелии», экспозиционеры заявляли о большой роли, которую политссыльные сыграли в пробуждении политического сознания рабочих и крестьян Карелии[465]. Впервые экспонировалась картина художника В. П. Тервинского «По этапу». Сложившийся еще в 1950-е гг. экспозиционный комплекс о пребывании в олонецкой ссылке М. И. Калинина был дополнен рисунком Ф. Н. Бочкова «М. И. Калинин во главе демонстрации ссыльных в Повенце», а также макетом повенецкого дома А. Р. Юшковой, где квартировал ссыльный революционер. Одним из наиболее ценных экспонатов, включенных в этот комплекс, оставалась доска из двери этапной избы с вырезанной на ней надписью о пребывании в нем М. И. Калинина и его товарищей.

В экспозиции 1960 г. на примере фотокопий архивных документов и фотографий членов нелегальных партий и кружков рассказывалось, что политссыльные продолжали вести агитационную работу, находясь в ссылке. Подчеркивалось, что особенное место среди агитаторов в начале XX в. занимали большевики С. Н. Этерлей, В. Н. Степанов, М. А. Лебедев. Ценным экспонатом была рукопись воспоминаний М. А. Лебедева о пребывании в олонецкой ссылке. Помимо описанных памятников предметный ряд составляли атрибуты этапного пути арестантов — ручные и ножные кандалы, а также предметы, принадлежавшие полицейским и жандармам — сабли, знаки полицейских стражников, печати Олонецкого губернского

[464] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 96.
[465] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 97; Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 295.

жандармского управления, полицейских управлений и др.[466]

В экспозиции 1963 г. переходным комплексом к теме политической ссылки в Карелии в конце XIX — начале XX в. были натурные экспонаты и текстовые материалы, связанные с историей большевизма. Комплекс составляли цитаты и фотографии В. И. Ленина, литография II съезда РСДРП 1903 г., на котором выделилась фракция большевиков, печатные издания РСДРП — номер газеты «Искра», брошюра с программой РСДРП. Пояснительным текстом к программе служила цитата из программы КПСС, принятой в 1961 г., о значении первой программы большевиков, призывавшей к свержению самодержавия[467]. Появление этого комплекса связано с кампанией по популяризации новой программы КПСС, развернутой прежде всего на страницах периодических изданий и прессы[468], к которой должны были подключиться и музеи. Кроме того, согласно постановлению ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», музеям, как культурно-просветительным учреждениям, предписывалось в своей работе раскрывать роль КПСС и предшествующих партийных организаций РСДРП и ВКП(б) как ведущей, направляющей и руководящей силы в жизни страны[469].

В музейном показе 1963 г. экспозиционный комплекс, посвященный деятельности политических ссыльных в Карелии, был значительно расширен как за счет подлинных памятников, так и увеличения доли документального и текстового материалов. Под каждой фотографией политссыльного давалась краткая биографическая справка, значительно увеличился объем этикеток к экспонатам.

Начавшийся после XX съезда КПСС в 1956 г. процесс реабилитации жертв политических репрессий затронул и политику комплектования музеев: в коллекции стали поступать предметы, связанные с деятельностью революционеров, большевиков, политических и общественных деятелей, о роли которых в историческом процессе ранее было не принято упоминать[470]. К XXII съезду партии местные партийные организации практически завершили выявление дел незаконно репрессированных граждан[471], в общественный дискурс стали возвращаться имена репрессированных[472]. Государственный музей КАССР не стал

---

[466] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 100.
[467] Программа Коммунистической партии Советского Союза. [1961 г.] // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962. С. 229–335; ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 7.
[468] Буряк Е. М. Пресса конца 1950-х — начала 1960-х гг. как канал формирования общественного сознания в СССР // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3. С. 269.
[469] Златоустова В. И. Указ. соч. С. 250–251.
[470] Там же. С. 249.
[471] Путилова Е. Г. История государственной реабилитационной политики и общественного движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в России : 1953 — начало 2000-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2011. С. 27.
[472] Борисов Ю. С. Политическая реабилитация в СССР (1950–1960-е гг.) в освещении западной историографии / Ю. С. Борисов, А. В. Голубев // Отечественная история. 1992. № 5. С. 207.

исключением, если в экспозиции 1960 г., первой после XX съезда, еще не было «возвращенных имен», то в 1963 г. материалы о них появились на музейных стендах и витринах. Так, в очередной раз поменялась атрибуция одного из наиболее ценных памятников в коллекции музея, а именно дверной доски этапной избы. Помимо имени М. И. Калинина на ней также значилось и другое имя — «И. Правдин». Александр (Иосиф) Григорьевич Правдин, большевик, участник революционного движения, после Октябрьской революции 1917 г. занимал видные посты в советском государственном аппарате, в 1937 г. был репрессирован, посмертно реабилитирован в 1956 г. В 1903 г. он отбывал ссылку в г. Повенце вместе с М. И. Калининым. На этикетке к экспонату в 1963 г. указывалось, что памятная надпись была вырезана «политссыльным большевиком И. Г. Правдиным»[473]. В тексте ТЭПа, объяснительной записке и примечаниях к нему сведения об основании подобной атрибуции экспоната отсутствуют, остается лишь зафиксировать факт изменения текста этикетки.

Еще несколько знаковых фигур политссыльных и революционеров нашли отражение в экспозиции 1963 г. Среди них можно отметить прежде всего журналиста, редактора газеты «Правда» К. С. Еремеева и социал-демократа, члена РСДРП В. А. Кугушева. Предметы, составлявшие экспозиционный комплекс, посвященный В. А. Кугушеву, были подарены музею в 1963 г. и сразу же включены в ТЭП. Это миниатюра наручных кандалов, волосяная цепочка и костяные ножи для резки бумаги (начало XX в.), принадлежавшие революционеру.

В экспозиции были представлены фотокопии статей К. С. Еремеева, публиковавшихся в 1900—1901 гг. в газете «Олонецкие губернские ведомости», фотография дома Туманова, в котором во время ссылки проживала семья К. С. Еремеева, а также ручка дверного замка дома Туманова[474]. В краткой биографии журналиста, размещенной в экспозиции под его фотографией, было указано, что он уроженец Олонецкой губернии. Так в своих воспоминаниях писал и сам Константин Степанович[475]. Однако в биографическом очерке, написанном Ф. Г. Кондратьевым и опубликованном в Петрозаводске в 1964 г., уже после открытия экспозиции, местом рождения К. С. Еремеева значился г. Минск, где на момент рождения сына служил солдатом его отец[476]. Под влиянием новых фактов о жизни «известного правдиста», введенных в научный оборот, в экспозиции 1967 г. биографическая справка о К. С. Еремееве была изменена, и Олонецкая губерния уже не указывалась местом его рождения.

Появление экспозиционного комплекса, связанного с именем этого исторического деятеля, неслучайно. В 1962 г. в стране широко отмечалось 50-летие газеты «Правда», торжества проводились и в Карелии. Еще в 1961 г. в журнале «На рубеже» вышел тематический цикл

---

[473] ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 10.
[474] Там же. Л. 11.
[475] Еремеев К. С. Сборник воспоминаний и рассказов старого большевика. М.: Изд-во общества политкаторжан, 1932. С. 6.
[476] Кондратьев Ф. Г. Константин Еремеев. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1964. С. 3.

статей «Правде — 50 лет», посвященных распространению газеты в дореволюционном Петрозаводске и корреспонденту, а затем и редактору газеты К. С. Еремееву, чья судьба с детства была тесно связана с Олонецким краем[477]. В мае 1962 г. два номера центральной газеты КАССР «Ленинская правда» рассказывали об истории ключевого органа советской печати, праздничных мероприятиях, торжественных собраниях, которые проходили в Карелии, награждении работников печати, приуроченном к полувековому юбилею издания. В одном из номеров сообщалось, что 5 мая 1962 г. улица Широкая в г. Петрозаводске получила имя К. С. Еремеева, по случаю чего состоялся праздничный митинг горожан, приветствовавших увековечение памяти знаменитого правдиста[478]. В 1963 г. эстафету мемориализации подхватил Государственный историко-краеведческий музей КАССР, увековечивший имя К. С. Еремеева в своей постоянной экспозиции.

Итак, если в музейных показах 1950-х гг. репрезентация Карелии как места ссылки способствовала утверждению образа дореволюционной Карелии как глухой, отсталой окраины царской России, то в новых музейных показах экспозиционеры стремились продемонстрировать, как политссыльные оживили политическую жизнь губернии, инициировали обсуждение экономических и социальных проблем в местной печати, проводили активную агитационную работу среди населения, нацеленную прежде всего на рабочих и крестьян.

Один из наиболее объемных и содержательных подразделов экспозиций 1960 и 1963 гг. был посвящен репрезентации Первой русской революции 1905–1907 гг. Историографической основой для разработки экспозиционного комплекса о революционных событиях в Карелии начала XX в. были монография «Очерки истории Карелии», а также научно-популярная брошюра карельского историка М. И. Шумилова «Революционное движение в Карелии в 1905–1907 годах», изданная в 1955 г. Текст экспозиции содержал прямые цитаты из указанных трудов, повторял изложенные в них выводы и обобщения. В обеих экспозициях подразделы о событиях Первой русской революции в Карелии начинались цитатой из брошюры М. И. Шумилова, сообщавшей, что окраины царской России плечом к плечу с пролетариатом Петербурга боролись за освобождение[479]. Вывод, представленный в завершении экспозиций в виде пояснительного текста, также был созвучен заключительным абзацам брошюры: рабочий класс и крестьянство получили богатую школу политического воспитания, для победы

[477] Любарский А. Петрозаводчанин — редактор большевистской «Правды» // На рубеже. 1961. № 2. С. 109–112.
[478] Улицы «Правды» и К. С. Еремеева в Петрозаводске // Ленинская правда. 1962. № 106. С. 4.
[479] Шумилов М. И. Революционное движение в Карелии в 1905–1907 годах. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1955. С. 3; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 100; ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 16.

революции необходим единый революционный фронт угнетенных народов[480].

Среди новых экспонатов можно отметить подаренную музею гармонь, которая принадлежала активисту большевистской организации Петрозаводска А. Н. Огаркову, члену партии с 1917 г. В этикетке к музыкальному инструменту сообщалось, что А. Н. Огарков брал с собой гармонь на собрания молодежи, проводившиеся большевиками, таким образом маскируя их от полиции[481]. В 1963 г. текст этикетки был изменен, чтобы в представлении посетителей не смешивались вечеринки петрозаводской молодежи начала XX в. и подпольные собрания Петрозаводского комитета РСДРП: вечеринки и собрания проводились в домах рабочих Александровского завода, но в разных комнатах[482]. В экспозиции 1963 г. было представлено издание К. Маркса «Нищета философии» 1906 г. в переводе В. И. Засулич под редакцией Г. В. Плеханова. Это издание было включено в список нелегальной литературы, распространяемой среди рабочих и крестьян магазинами и изъятой из книжного магазина мещанина Ф. Г. Копейкина в г. Повенце в 1907 г.[483] Фотокопия списка также была помещена на стенде. С помощью этих экспонатов, а также фотографий и фотокопий документов раскрывались основные направления деятельности Петрозаводской большевистской группы в годы революции.

Отдельно было показано участие рабочих Кемского уезда Архангельской губернии в революционных событиях 1905–1907 гг. Как и в 1950-х гг., в экспозиции 1960 г. для показа этой темы использовались фотокопии большевистских листовок, изданных Архангельским комитетом РСДРП, и документов о собраниях рабочих, фотографии участников революционных событий и крупных лесозаводов, на которых были сосредоточены рабочие кадры. В 1963 г. предметный ряд дополнился подлинным паспортом на право отлучки в разные города и губернии начала XX в. Этикеткой к документу служила прямая цитата из «Очерков истории Карелии» о значении отходничества для распространения революционных идей[484].

Несмотря на то, что к 1960 г. подраздел о событиях Первой русской революции был дополнен натурными экспонатами, большая часть включенных в него материалов представляла собой изображения (живописные картины, рисунки, фотографии), фотокопии документов и тексты. В 1963 г. большинство этих материалов были перенесены с музейных стендов в альбом-турникет. Турникеты составляют третий план экспозиции, они позволяют

---

[480] Шумилов М. И. Революционное движение в Карелии в 1905–1907 годах. С. 44; ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 106; ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 27.
[481] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 103.
[482] ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 17.
[483] Там же. Л. 18.
[484] Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 318; ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 19.

посетителям познакомиться с дополнительными материалами по теме музейного показа[485]. В альбом были включены фотографии революционеров, их краткие биографии, хроника революционных событий в Петрозаводске и Карелии, раскрывалась тема борьбы крестьянства против царизма и др.[486] Использование альбома позволило значительно сократить подраздел, оставив в нем лишь сведения о ключевых участниках Петрозаводской большевистской организации, важных событиях революции и натурные экспонаты.

Следующий подраздел был посвящен периоду в истории Карелии, начавшемуся после революции 1905–1907 гг. и окончившемуся с началом Первой мировой войны. В 1960 г. в заголовке к комплексу были обозначены только хронологические рамки, а в 1963 г. заголовок повторял наименование соответствующей главы монографии «Очерки истории Карелии»[487] о периоде реакции и нового революционного подъема, текст которой широко цитировался в пояснительных материалах. В ТЭП 1963 г. в целях улучшения идейного содержания была добавлена цитата В. И. Ленина, в которой классик давал характеристику столыпинской реформе[488]. Цитата предваряла экспозиционный комплекс, задавала тон всему показу. Предметный ряд составляли подлинные документы, свидетельствовавшие о ходе проведения аграрных преобразований начала XX в. в Олонецкой губернии, — планы крестьянских наделов.

Несмотря на то что в ведущих и пояснительных текстах экспозиции 1960 г. не раскрывалась сущность империализма как особой стадии капиталистической формации, как это было, например, в музейном показе 1950 г., подраздел, посвященный истории Карелии после Первой русской революции, отражал характерные черты империализма, как их определял В. И. Ленин. Столыпинскую аграрную реформу можно было рассматривать как результат активного вмешательства государства в экономику, которое было направленно на поддержку капитализма и нивелирование последствий экономических кризисов[489]. Два последующих подраздела на примере сюжетов, связанных с историей партийных организаций Карелии, рассказывали о разгроме большевистских кружков и объединений и «разгуле реакции». Согласно ленинской концепции, одним из признаков развития империализма являлось усиление эксплуатации рабочего класса (эта тема раскрывалась ранее в подразделе о положении рабочих) и борьбы с

---

[485] Основы музееведения: [учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 052800 «Музейное дело и охрана памятников»] / М-во культуры и массовых коммуникаций Рос. Федерации, Федер. агентство по культуре и кинематографии, Гос. ин-т искусствознания, Рос. ин-т культурологии; [Т. В. Абанкина и др.]; отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 275.

[486] ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 21–26.

[487] Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 339; ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 27.

[488] Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в Первой русской революции // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 16. М.: Изд-во полит. лит., 1973. С. 254; ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 28.

[489] Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. М.: Наука, 1964. С. 97.

рабочим движением[490], что в свою очередь вело к росту революционных настроений в массах.

Подраздел экспозиция 1963 г. о годах, предшествовавших Первой мировой войне, по структуре значительно отличался от представленного в ТЭПе 1960 г. Вместо ленинской концепции империализма посетителям представали сюжеты, связанные с деятельностью реакционных религиозных, консервативных и националистических организаций, таких как Православное карельское братство и противостоящий братству Союз беломорских карел[491]. Предметный ряд составляли печатные издания этих организаций. Напротив, за объединение трудящихся всех национальностей России боролись большевики[492]. Экспонаты — почтовые открытки, изданные социал-демократическими организациями за границей, текст и ноты Марсельезы, фотографии митингов в п. Терийоки, входившем в состав Великого княжества Финляндского,[493] — свидетельствовали об интернациональном характере большевистского движения, целью которого являлось объединение рабочих всего мира.

Следующие подразделы экспозиций 1960 и 1963 г., посвященные событиям Первой мировой войны и их влиянию на развитие Карелии, также значительно отличались друг от друга. В 1960 г., как и в 1950-х гг., музейное повествование было лаконичным, экспонировались фотографии запасных перед отправкой на фронт, торжественных молебнов, орудия и снаряды, произведенные на Александровском заводе. Добавлены были и новые экспонаты — солдатские письма, предметы солдатского обихода, бумажные деньги.

В 1963 г. в экспозицию было введено дореволюционное издание В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма. Популярный очерк». Этикетка к брошюре, цитировавшая монографию «Очерки истории Карелии», гласила, что большевики были единственной политической силой, которая выступала против войны и последовательно оставалась на позициях «пролетарского интернационализма»[494]. Таким образом, как и в подразделе о деятельности Союза беломорских карел, автор ТЭПа выстраивал музейное повествование на основе оппозиции принципов национализма и интернационализма, противопоставления «реакционных сил» (националистов и церкви) и большевиков.

Предметный ряд экспозиции 1963 г. был значительно расширен за счет подлинных документов воинского учета, записной книжки солдата Первой мировой войны, а также наград и медалей, полученных воинскими чинами в ходе войны. Основной задачей экспозиции 1960 г. было на наглядных примерах показать правильность взглядов В. И. Ленина на империалистическую войну как «захватническую, грабительскую, разбойническую».

---

[490] Тарновский К. Н. Указ. соч. С. 96.
[491] ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 28–29.
[492] Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 359.
[493] ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 29.
[494] ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 34; Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 371–372.

В 1967 г. автор ТЭПа В. В. Алава, выстраивая свое повествование, допускал полутона в репрезентации прошлого: этикетка под представленными в экспозиции георгиевскими крестами и медалями за храбрость сообщала, что, несмотря на империалистический характер войны, многие солдаты и офицеры проявляли личный героизм в борьбе против иноземных захватчиков[495].

В экспозицию 1963 г. был включен также послужной список участника Первой мировой войны Ф. Г. Миронова, который «одним из первых командиров царской армии перешел на сторону советской власти»[496]. В годы Гражданской войны военачальник командовал соединениями Красной армии, а в 1941 г. руководил ополчением г. Петрозаводска. Скорее всего, лично Ф. Г. Миронов передал на хранение в музей свой послужной список, в 1948 г. он недолгое время возглавлял Государственный историко-краеведческий музей КФССР, но и в последующие годы не терял связь с культурно-просветительным учреждением. Этот экспонат и пояснительный текст к нему показывали, что в годы Первой мировой войны ковались кадры будущей Красной Армии, солдаты и командиры получали боевой опыт, который впоследствии позволил, по мысли В. И. Ленина, превратить «империалистическую войну в гражданскую»[497]. Представления о Первой мировой войне, которые посетители могли получить в музее, были не совсем характерны для историографии 1960–1980-х гг.: несмотря на то что успехи русской армии в трудах отечественных историков подчеркивались, а зачастую даже преувеличивались, о проявлении героизма отдельных солдат и офицеров практически не упоминалось[498].

Отличительной чертой обеих экспозиций было использование фотографий религиозных обрядов, совершавшихся в русских войсках, и солдатских предметов религиозного характера — нательных икон, ладанок, медальонов с надписью «Спаси и сохрани» — для антицерковной пропаганды. Сопроводительные этикетки к экспонатам поясняли, что патриотический подъем граждан, подогреваемый религиозными чувствами, был вызван ложными империалистическими мотивами. Вместо оружия на фронт отправлялись «вагоны с иконами»[499]— такова на деле была помощь церкви солдатам. Как и в предыдущих разделах, авторы ТЭПов стремились показать негативный образ церкви и религии, которые в начале XX в. служили разобщению народов, а не их объединению.

В отличие от экспозиций 1950-х гг., история строительства Мурманской железной дороги в музейных показах 1960 и 1963 гг. была включена в подраздел, посвященный Первой мировой

---

[495] ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 34.
[496] Там же.
[497] Ленин В. И. О лозунге превращения империалистической войны в войну гражданскую // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 26. М.: Изд-во полит. лит., 1969. С. 362.
[498] Козенко Б. Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 10.
[499] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 109–110; ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 35.

войне. Музейные повествования, представленные в обоих ТЭПах, были практически идентичными. Ключевыми экспонатами с 1950-х гг. оставались фотографии, созданные в годы строительных работ. Тяжесть ручного труда рабочих, занятых на строительстве, демонстрировалась с помощью ручных орудий труда: лопат, кирки, колес тачки, лома, кувалды, топора и т. д.[500]

На музейных показах 1960-х гг. сказалось охлаждение в отношениях между СССР и Китаем. Эта тенденция выразилась в изменении подхода к репрезентации китайских строителей Мурманской железной дороги. Если в 1950-е гг. музейный нарратив выстраивался на основе визуального ряда, связанного с рабочими-китайцами и показывающего тяжелые условия их труда и быта, то в 1960-х гг., при сохранении основы визуального ряда, китайцы были показаны лишь как один из длинного списка народов, участвовавших в строительстве[501].

Интересно, что из экспозиций 1950-х гг. был полностью позаимствован пояснительный текст о том, что строительство дороги велось на деньги «англо-американских империалистов», целью которых было «прибрать к рукам природные богатства» Олонецкого края и всего Севера России[502]. Хотя в 1957 г. была издана статья доктора экономических наук С. В. Славина, в которой представленный в экспозиции тезис опровергался. Автор утверждал, что лорд О. Френч получил от царского правительства аванс на то, чтобы организовать работы и приступить к строительству выделенного ему в подряд участка дороги. Однако фирма не выполнила условий договора, и заканчивать строительство пришлось русским рабочим[503]. В «Очерках истории Карелии», вышедших в свет в том же году, авторы также не указывали на участие иностранного капитала в сооружении магистрали. В монографии, как и в экспозиции, подчеркивалось, что западные империалисты стремились использовать дорогу для обеспечения доступа к ресурсам Севера России[504].

Тезис о тотальном влиянии иностранного капитала на экономику царской России и ее «полуколониальной зависимости», утвердившийся в работах историков под влиянием учебника «История ВКП(б). Краткий курс», после XX съезда партии стал последовательно опровергаться. Историки склонны были рассматривать процесс нарастания зависимости России от западных кредитов как тенденцию, которая то усиливалась, то ослабевала[505]. Ученые отмечали, что этот тезис появился в сталинскую эпоху и не находил подтверждения в трудах

[500] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 112; ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 38.
[501] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 111; ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 38.
[502] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 111; ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 37.
[503] Славин С. В. К истории железнодорожного строительства на Севере России в дореволюционной России // Летопись Севера / ред. коллегия: И. А. Андреев, А. В. Ефимов (отв. ред.) и др. М.: Географгиз, 1957. С. 192.
[504] Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 375.
[505] Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. М.: Наука, 1964. С. 223.

В. И. Ленина, к наследию которого как раз призывал вернуться XX съезд КПСС[506].

Итак, составители ТЭПов 1960 и 1963 гг., игнорируя новые подходы в историографии, а также конкретные исторические работы, посвященные проблемам строительства Мурманской железной дороги, приняли решение не менять устоявшийся экспозиционный комплекс, как в плане предметно-визуального ряда, так и идейно. В то же время в угоду общественно-политическим тенденциям экспозиционеры изменили репрезентацию участия в строительстве китайских рабочих. Как было показано ранее, во многих случаях современная конъюнктура оказывала на историческую репрезентацию воздействие куда большее, чем профессиональное историческое сообщество.

Показ событий Февральской революции 1917 г. в экспозициях 1960 и 1963 гг. предварялся цитатой В. И. Ленина об установлении в России двоевластия — Временного правительства, с одной стороны, и Петроградского Совета — с другой[507]. Несмотря на то что эта цитата использовалась и в экспозициях 1950-х гг., в музейных показах начала 1960-х гг. она приобрела структурное значение, особенно для экспозиции 1963 г. Подраздел, посвященный Февральской революции, в музейном показе 1960 г. был сравнительно небольшим. Как и в 1950-х гг., визуальные образы, цитаты В. И. Ленина с критикой новой власти, пояснительные тексты к экспонатам должны были дать убедительное представление о некомпетентности Временного правительства, которому противостояли Советы во главе с большевиками.

В 1963 г. музейщики отказались от идеи использования контрастного показа «двух властей», вместо этого они осветили наметившийся раскол в российском обществе, который в дальнейшем привел к гражданской войне. Так, например, фотокопии газет и документов (протоколов общих собраний граждан, резолюций и др.), фотографии митингов, посвященных низвержению царизма, свидетельствовали о подъеме революционного движения. В то же время в других газетных статьях, представленных в экспозиции, рассказывалось о поддержке Временного правительства значительной массой крестьян и создании контрреволюционного Временного комитета общественной безопасности в г. Петрозаводске, в который входили представители враждебных большевикам партий. В экспозиции была представлена фотокопия протокола первого заседания Петрозаводского Совета рабочих и солдатских депутатов, за создание которого на общегородском митинге выступили граждане. Вместе с тем этикетка под документом сообщала, что в состав Совета были избраны меньшевики и эсеры, так как полноценной большевистской ячейки в городе еще не существовало.

В завершении показа Февральской революции был помещен экспозиционный комплекс, предварявшийся цитатой В. И. Ленина о том, что Временное правительство не способно дать

[506] Самохина Г. А. Указ. соч. С. 428.
[507] ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.). Л. 39.

народам России «ни мира, ни хлеба, ни полной свободы», поэтому рабочему классу необходимо было продолжать свою борьбу[508]. Доказательством этому тезису служили представленные в витринах георгиевские кресты и наградные знаки для воинских чинов, выпущенные Временным правительством, не собиравшимся прекращать военные действия на фронтах Первой мировой войны («ни мира»), а также денежные знаки — «керенки» и облигации, массовый выпуск которых, как указывалось в этикетке, способствовал усилению финансового кризиса в стране («ни хлеба»).

Если экспозиция 1960 г. завершалась репрезентацией Февральской революции, то в 1963 г. был введен дополнительный подраздел, который в основном на плоскостных материалах показывал деятельность В. И. Ленина в марте–октябре 1917 г. Примечательным в этом подразделе является то, что в нем были представлены материалы, относящиеся к ранее репрессированным политическим и культурным деятелям. Посетители могли познакомиться со стихотворением поэта Ялмари Виртанена, который до своего ареста в 1938 г. много лет возглавлял карельскую писательскую организацию[509]. На стенде были размещены портрет, краткая биографическая справка о революционере и политическом деятеле А. В. Шотмане, а также характеристика, данная революционеру В. И. Лениным[510].

Экспозиция 1963 г. завершалась пояснительным текстом о роли Февральской революции в дальнейшей победе социализма, лозунги большевистской партии во главе с В. И. Лениным подтвердились: война империалистическая переросла в гражданскую, царизм был свергнут, что открывало возможность для ликвидации капитализма[511]. Таким образом, основной мыслью, которую транслировали экспозиционеры через репрезентацию эпохи капитализма и империализма в России, была идея о неизбежности и закономерности победы социалистической революции.

Итак, основными особенностями ТЭПов 1960-х гг., характерными для всего отдела экспозиции по истории дореволюционной Карелии, были прежде всего заметное увеличение предметного ряда, влияние монографии «Очерки истории Карелии» на экспозиционные тексты, усиление антирелигиозной пропаганды. Можно отметить, что в 1960-е гг. произошло изменение подхода к музейной репрезентации прошлого: музейные работники при составлении ТЭПов стали больше ориентироваться на наличие в коллекции музея подлинных исторических предметов. В экспозициях было меньше вводных теоретических текстов, основанных на трудах классиков, объем текстового материала заметно уменьшился. Цитаты классиков зачастую стали использоваться как пояснительные тексты. Экспозиции 1960, 1963 гг. испытывали на себе как

[508] ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 42.
[509] Там же. Л. 43.
[510] Там же. Л. 44.
[511] Там же. Л. 47.

историографические, так и общественно-политические тенденции. Так, в музейные показы были включены материалы о К. С. Еремееве, приуроченные к юбилею газеты «Правда», под влиянием процесса реабилитации жертв политических репрессий на стендах и витринах помещались материалы о ранее репрессированных государственных деятелях, представителях культуры и др.

Рассмотрим особенности репрезентации исторического прошлого в подразделе экспозиции 1967 г., посвященном периоду капитализма и империализма в Карелии. Работа над ТЭПом была завершена в декабре 1966 г., он был проверен и утвержден заведующим отделом истории дореволюционной Карелии В. В. Алава, который являлся одним из составителей плана, и заместителем директора музея по научной части, заслуженным работником культуры РСФСР И. М. Мулло. Над проектом подраздела работала также научный сотрудник А. Д. Рылеева[512]. Позднее А. Д. Рылеева сама возглавит отдел по дореволюционной истории Карелии.

Необходимо отметить, что ТЭП 1967 г. во многом повторял предыдущий план, созданный в 1963 г., большинство подразделов транслировали идеи, заложенные в монографии «Очерки истории Карелии», только на более широком предметном ряде. Ключевые различия двух планов касались репрезентации событий Февральской революции и периода, последовавшего за ней и приведшего к Октябрьской революции 1917 г. Экспозиция пополнилась большим количеством новых экспонатов, а объем текстовых материалов был оптимизирован. В отличие от музейного показа 1963 г., новая экспозиция по истории капитализма не только содержательно, но и структурно повторяла монографию «Очерки истории Карелии». В то же время подразделы, посвященные империалистической эпохе, структурно тяготели к предыдущему музейному показу 1963 г.

В экспозиции 1967 г. значительное место было уделено репрезентации предпосылок крестьянской реформы 1861 г. Структура рассказа и его содержание повторяли соответствующий параграф в монографии «Очерки истории Карелии»[513]. Предметный ряд включал в себя воинские награды времен Крымской войны 1853–1856 гг., фотокопии жалоб крестьян на своих помещиков, отправленных олонецкому губернатору, а также фотокопии документов, свидетельствовавших о подъеме крестьянского движения в 1840–1850-х гг.

Тема «Проведение крестьянской реформы в Олонецком крае» раскрывалась на примере архивных документов, применявшихся в предыдущих экспозициях, а также новых экспонатов — геодезических приборов землемера Повенецкой земской управы, использовавшихся для обмера и определения размеров крестьянских наделов, денежных знаков, картины художника М. А. Игнатьева «Первая забастовка рабочих Александровского завода в Петрозаводске в 1875

[512] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 15/179. Л. 14.
[513] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861—1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 596. Л. 12–13; Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 258–259.

г.». Основные идеи, транслируемые в этом подразделе, опирались на представления о крестьянской реформе, изложенные в монографиях «Очерки истории Карелии» и «Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии» Р. В. Филиппова (1961). Пояснительные тексты к экспозиционным материалам представляли собой цитаты или обобщенные изложения указанных трудов[514]. На более широком материале было показано осуществление буржуазных реформ 1860–1870-х гг. Структура музейного повествования о реформах полностью соответствовала одноименному параграфу монографии «Очерки истории Карелии»[515]. Экспозиционный комплекс завершался цитатой из статьи В. И. Ленина «Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция» 1911 г. о том, что эпоха реформ 1860-х гг. «оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве»[516].

Несмотря на то что экспозиционеры транслировали весьма негативный образ эпохи реформ второй половины XIX в., наиболее резкие формулировки и тенденциозные оценки исторических событий и процессов, присущие музейным показам предыдущих годов, исчезли. Самые категоричные и жесткие оценки содержались в цитатах В. И. Ленина. Так, например, из текста экспозиции исчезла формула, перекочевывавшая из одного труда по дореволюционной истории края в другой, провозглашавшая Карелию отсталой окраиной царской России. Как и в предыдущем разделе постоянной экспозиции 1967 г., посвященном эпохе феодализма, история Карелии, оставаясь неотъемлемой частью истории России, преобрела самостоятельное звучание и ценность. Экспозиция музея убеждала посетителей в том, что прошлое Карелии было богато уникальными примерами борьбы против угнетения, отважными героями, талантливыми мастерами и умельцами.

Подразделы экспозиции 1967 г. об экономическом базисе капитализма — развитии сельского хозяйства, промыслов, промышленности — были дополнены новыми экспонатами и целыми экспозиционными комплексами. Так, тема развития крестьянских промыслов раскрывалась на примере памятников, рассказывавших о кузнечных, бондарных, столярных работах, занятиях по изготовлению обуви и конской амуниции. Совершенно новый комплекс показывал работу олонецких камнетесов на примере фотографий печей для обжига, ремесленников, образцов продукции из мрамора и мраморного сырья. О мастерстве карельских ремесленников свидетельствовали также плетеные изделия из соломы и бересты, изделия, вырезанные из

---

[514] См., напр.: ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861-1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 14; Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 260; Филиппов Р. В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии. Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1961. С. 127–128.

[515] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 16–18; Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 266–270.

[516] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 18; Ленин В. И. Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция //Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 20. М.: Изд-во полит. лит., 1973. С. 173.

дерева с художественной росписью. Рассказывая об этих экспонатах, экскурсоводу следовало подчеркнуть, что, изготовляя предметы домашнего обихода, крестьяне зачастую старались художественно их оформить: так создавались подлинные произведения народного искусства[517].

Свертывание антирелигиозной кампании, связанное с отстранением Н. С. Хрущева, в некоторой степени отразилось на музейном повествовании. В целом в музейных текстах 1967 г. можно наблюдать некоторое смягчение антирелигиозной риторики, но в то же время предметный ряд, связанный с деятельностью церкви, увеличился, были добавлены новые экспозиционные комплексы, свидетельствующие о сохранении антицерковного характера советской идеологии. Например, в подразделе «Церковь на службе самодержавия», помимо материалов, унаследованных от экспозиции 1960 г., рассказывалось о тюрьме при Соловецком монастыре. Предметный ряд составляли фотографии Соловецкого монастыря, фотокопии монастырских документов. Для пояснительных текстов и этикеток экспозиционеры использовали цитаты из книги Г. Г. Фруменкова «Узники Соловецкого монастыря», изданной в 1965 г. Пояснительные тексты, цитируя труд Г. Г. Фруменкова, сообщали, что Соловецкая тюрьма не имела себе равных по строгости режима и царившим там суровым порядкам, монахи сравнивались с «заправскими жандармами», они выполняли обязанности и надзирателей, и шпионов, и палачей по отношению к заключенным[518]. Соловецкий монастырь в свою очередь назывался «оплотом оголтелой реакции, рассадником суеверий, очагом религиозного фанатизма и мракобесия»[519]. Интересно, что в более позднем издании книги Г. Г. Фруменкова 1968 г. эта фраза, нелестно характеризовавшая Соловецкий монастырь, отсутствовала[520], но в экспозиции сохранилась на долгие годы.

В предисловии к книге «Узники Соловецкого монастыря» автор отмечал, что разоблачение злодеяний, совершенных в стенах обители, должно содействовать улучшению атеистической пропаганды и избавлению от религиозных пережитков. Г. Г. Фруменков предлагал использовать свое издание в деятельности «идеологических работников» по формированию научного мировоззрения советских граждан[521]. В список идеологических работников с полным правом можно включить и музейных специалистов, как пропагандистов партийной линии и советского образа жизни. Говоря об историческом значении существования на Севере России Соловецкого монастыря, автор предлагал не ограничиваться констатацией его роли как крупного феодала, пограничной крепости, колонизатора земель и распространителя

---

[517] Методическая разработка экскурсии «Обзор по экспозиции музея» (1975 г.) // НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 23/291. Л. 38.
[518] Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1965. С. 4.
[519] Там же. С. 111.
[520] Сравн.: Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1968. С. 188.
[521] Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. 1965. С. 7.

христианства (именно такой образ транслировался в разделе постоянной экспозиции, посвященной эпохе феодализма в Карелии). Подобная характеристика вполне могла способствовать некоторой идеализации исторической роли монастыря[522]. Экспозиционеры, включая в ТЭП материалы о Соловецком монастыре как царской тюрьме, видимо, стремились этого избежать.

Еще одним направлением антирелигиозной пропаганды в экспозиции по истории капитализма было освещение влияния церкви на разные стороны общественной жизни. На стендах и витринах были представлены церковные документы для учета населения, богато украшенная церковная утварь, билет на пожертвования. С помощью пояснительных текстов и этикетажа рассказывалось, что духовенство обязано было наблюдать за политической благонадежностью граждан, «освящать авторитетом церкви власть царского самодержавия», церковные учреждения получали солидные пожертвования, в то время как основная масса населения пребывала в нищете[523]. Экскурсоводы обращали внимание посетителей на представленные в экспозиции два нательных креста: серебряный с позолотой и берестяной, обнаруженный в г. Пудоже. Показывая оба креста рядом, они как бы противопоставляли друг другу их владельцев, зажиточных крестьян и сельскую бедноту[524].

Особо отмечалось воздействие церкви на народное образование. Так, например, этикетка под фотографией выпускниц Петрозаводского епархиального женского училища 1890-х гг. сообщала посетителям, что подобные училища готовили в сельские школы религиозно настроенных учителей, доля церковно-приходских школ в системе народного образования Карелии составляла 51 %[525]. Тема связи религии и школы была продолжена в подразделе, посвященном состоянию культуры в Карелии на рубеже XIX–XX вв.

В экспозиции по истории образования были представлены фотографии дореволюционных народных школ, петрозаводских гимназий и духовных учебных заведений. Посетители имели возможность увидеть контраст между условиями, в которых обучались гимназисты, семинаристы и ученики епархиальных училищ, и обычных светских сельских школ. Подпись к фотографиям направляла посетителей на правильные выводы: религиозные учебные заведения размещались в лучших зданиях городов и сел, светские школы «ютились в жалких хибарах»[526]. В то же время образование, получаемое в церковно-приходских школах, было некачественным, выпускники таких школ едва умели читать и писать: об этом свидетельствовали

---

[522] Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. 1965. С. 7.
[523] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 37.
[524] Рылеева А. Д. Атеистическая пропаганда на материалах экспозиции «История дореволюционной Карелии» Государственного историко-краеведческого музея КАССР (1984 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Д. 440. Л. 17.
[525] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861—1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 37.
[526] Там же. Л. 48.

представленные в экспозиции тетради для диктантов учащегося школы грамоты и экзаменационный список с оценками учеников церковно-приходской школы за 1904 г.[527] В этот же комплекс входила брошюра В. И. Ленина «К деревенской бедноте», изданная в 1905 г. Пояснительный текст сообщал, что В. И. Ленин последовательно отстаивал необходимость полного отделения церкви от школы, введения преподавания на родном языке школьников и всеобщего бесплатного обучения для всех[528].

В 1956 г. была издана монография ученого и педагога, много лет отдавшего изучению вопросов истории народного образования в Карелии, Н. Г. Кучепатова «Школа в дореволюционной Карелии». В монографии последовательно раскрывались сюжеты, связанные с развитием школьного дела после земской реформы 1864 г., приводились статистические данные о количестве школ, классовом составе учеников, известных учителях и деятелях народного образования. Для экспозиции 1967 г. монография Н. Г. Кучепатова стала одной из опорных точек музейного повествования по этой теме. Структурно тематический комплекс о народном образовании Карелии соответствовал нарративу Н. Г. Кучепатова, пояснительные тексты цитировали монографию и повторяли основные выводы.

Одним из главных тезисов, представленных в монографии Н. Г. Кучепатова и реализованных в музейном пространстве, было то, что царское правительство и местная администрация препятствовали развитию народного образования в Олонецком крае, тогда как наиболее активные и передовые учителя стремились преодолеть ограниченность рамок традиционной школы[529]. Для подтверждения этого тезиса в экспозицию были включены диаграммы, показывавшие недостаточную численность школ и учителей, фотографии крестьянских детей, занятых трудом или бедно одетых, учителей светских, прежде всего земских школ. Пояснительные тексты и этикетки под фотографиями сообщали, что большинство крестьянских детей никогда не переступали порог школы[530], в то же время работа лучших учителей, энтузиастов своего дела способствовала тому, что земская школа приобрела признание в народе, крестьянство начало стремиться к образованию[531]. Одним из таких учителей был А. П. Анкудинов, который занимался педагогической работой не только в классе, но и на приусадебном участке Александровского заводского училища: ученики под руководством своего наставника разбили сад и огороды, занимались селекцией растений, выращивали овощи

[527] Рылеева А. Д. Атеистическая пропаганда на материалах экспозиции «История дореволюционной Карелии» Государственного историко-краеведческого музея КАССР (1984 г.). Л. 16.
[528] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 46.
[529] Кучепатов Н. Г. Школа в дореволюционной Карелии. Петрозаводск.: Гос. изд-во КАССР, 1956. С. 97.
[530] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 45.
[531] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 51; Кучепатов Н. Г. Указ. соч. С. 68.

и фрукты. Посетители могли ознакомиться с подлинными документами учителя-садовода, в том числе отчетом по устройству сада-огорода и весенним каталогом семян 1915 г.[532]

Просветительской работе земских учителей препятствовали принимаемые царским правительством законы, согласно которым земства ограничивались в своих расходах на народное образование[533], а также нищета населения губернии. В экспозицию была включена фотокопия документа за 1904 г., а также отдельные выдержки из него, которые рисовали безрадостную картину бедного и полуголодного существования крестьянских детей, для которых просто «немыслимо посещать школу»[534].

В экспозиции 1967 г. раскрывалась тема развития здравоохранения в пореформенной Карелии, которая ранее не встречалась в музейных нарративах. Пояснительные тексты и этикетаж к экспонатам по истории здравоохранения цитировали научно-популярную брошюру С. М. Левина «История развития больничного дела Карелии», изданную в 1957 г. Экспозиционный комплекс включал в себя фотографии медицинских учреждений, земских врачей, книгу «Труды III съезда земских врачей и председателей Земских управ Олонецкой губернии» 1908 г., а также медицинские принадлежности — кувшинчик и бутылочку из-под лекарств[535]. Пояснительные тексты сообщали, что больниц в губернии было недостаточно, многие из них помещались в неприспособленных помещениях, подготовка медицинских кадров не обеспечивала даже такую небольшую сеть лечебных учреждений. В качестве примера приводилось количество выпускников Петрозаводской фельдшерско-акушерской школы, которая за 1899–1912 гг. подготовила лишь 122 медицинских работника[536]. Тем не менее на фотографиях посетители могли увидеть известных врачей Карелии, например И. Д. Иссерсона, А. А. Иконникова, И. А. Шехмана, которые и до, и после революции многое сделали для развития здравоохранения в регионе.

Недостаток больниц и медицинских кадров в дореволюционной Карелии приводил к тому, что население активно обращалось к знахарям, применяло для лечения болезней народные средства и магические обряды. В экспозицию были включены предметы знахарей, фотографии ритуалов и обрядов[537]. Добавление подраздела о состоянии здравоохранения до революции было необходимо для того, чтобы посетители могли увидеть контраст между низким уровнем

---

[532] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 52.
[533] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 49; Кучепатов Н. Г. Указ. соч. С. 73.
[534] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861—1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 45.
[535] Там же. Л. 43.
[536] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 42-43; Левин С. М. История развития больничного дела в Карелии. Петрозаводск: Гос. Изд-во КАССР, 1957. С. 7, 11.
[537] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861-1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 45.

жизни людей прошлого и подъемом народного благосостояния в советское время. Так, в экспозиции по истории Советской Карелии 1967 г., раскрывая вопросы развития здравоохранения, экспозиционеры использовали количественные показатели численности врачей, «стоящих на страже здоровья трудящихся Карелии», медицинских учреждений, санаториев и профилакториев. На стендах были представлены фотографии зданий больниц, поликлиник, выдающихся врачей Карельской АССР, а также издания их научных трудов[538]. Подчеркивалась забота партии и правительства о здоровье граждан. Таким образом, используя однотипные экспонаты для репрезентации разных эпох, создатели музейного показа формировали два прямо противоположных образа.

Впервые в экспозиции была представлена история музейного дела в Олонецкой губернии на примере фотографий экспозиционных залов музея при Александровском заводе и первой книги отзывов и пожеланий музея, записи в которой оставили многие выдающиеся деятели науки[539]. Отдельный комплекс экспонатов был посвящен деятельности Общества изучения Олонецкой губернии, основанного в 1913 г. Среди экспонатов были делопроизводственные печати и штампы, а также изданные Обществом открытки с видами Петрозаводска и Карелии. На стендах были размещены фотографии, биографические справки, основные труды ученых, внесших значительный вклад в изучение Карелии и в науку в целом: Ф. Ф. Фортунатова, К. А. Докучаева, А. М. Башовой и др. Особый интерес представляли подлинные предметы снаряжения и инструменты ученого-геолога, профессора В. М. Тимофеева, уроженца г. Петрозаводска, переданные музею в 1965 г.[540] Представленная в экспозиции медаль «Жертвователю на экспедицию лейтенанта Седова к Северному полюсу» свидетельствовала о том, что среди благотворителей были и жители Карелии. Боле того, посетители могли ознакомиться с подлинной фотографией одного из участников полярной экспедиции Н. В. Коршунова, уроженца с. Кончезеро Петрозаводского уезда, который работал кочегаром на судне «Св. Фока»[541].

Таким образом, создатели экспозиции впервые за многие годы отошли от принципа репрезентации дореволюционной Карелии, заключенного в формуле «отсталая, глухая окраина царской России», и показали, что край активно развивался в области культуры и науки. В городах создавались театры, библиотеки, музеи, изучались и разрабатывались природные богатства. Несмотря на инертность или прямое противодействие властей, народное образование и здравоохранение совершенствовались усилиями отдельных энтузиастов своего дела,

---

[538] ТЭП «История Советской Карелии» (1967 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1437. Л. 136–138.
[539] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 55.
[540] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 13/166. Л. 95.
[541] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 54–58.

неравнодушных учителей и врачей. Не только интеллигенция, но и крестьянство, несмотря на тяжелые условия жизни и труда, реализовывало свой творческий потенциал. Карелия представала родиной талантливых людей, путешественников, ученых и исследователей. Появление в музейном пространстве большого количества исторических персоналий, деятелей науки, культуры, революционной борьбы, соотносилось с установившейся в советской исторической науке тенденцией, зародившейся в 1960-е гг., раскрытия роли творчества народных масс в историческом процессе[542].

Следующий раздел экспозиции 1967 г. рассказывал об особенностях эпохи империализма в Карелии. В отличие от музейного показа 1963 г., в новую экспозицию была включена вводная тема, знакомящая посетителей с российским империализмом согласно концепции В. И. Ленина. На примере образцов продукции, выпущенной монополистическими предприятиями и синдикатами, экспозиционеры стремились дать убедительные доказательства тезисам В. И. Ленина о концентрации производства, возникновении финансового капитала, проникновение иностранного капитала в Россию. На витринах были представлены орудия труда рабочих-строителей Мурманской железной дороги, изготовленные одним из крупнейших монополистов империи синдикатом «Продамет», активно финансировавшимся иностранными банками, снаряд производства Общества Путиловских заводов (на этикетке — концерн «Путилов-Невский»), рекламные брошюры крупных торговых домов, акции промышленных предприятий, предметы импорта — музыкальная шкатулка, швейная машинка фирмы «Зингер» и др.[543]

О возникновении монополий в Карелии свидетельствовал экспозиционный комплекс, посвященный деятельности крупных лесопильных заводов. Фотографии, снабженные этикетками, знакомили посетителей с историей заводов, сообщали о размере капитала, количестве рабочих, товарообороте. Рядом на витринах располагались документы и орудия труда работников, образцы продукции[544]. Коллекция музея пополнилась подлинными документами архива М. М. Кирьянова, лесопромышленника и торговца из с. Ладва Петрозаводского уезда. Документы рассказывали о покупке капиталистом земли у крестьян, торговой и промышленной деятельности[545]. Лейтмотивом вводной части раздела звучал тезис об эксплуатации рабочих лесной отрасли, низких заработках и тяжелых условиях труда.

Многие подразделы не претерпели значительных изменений по сравнению с экспозицией 1963 г. (темы «Положение рабочих края» и «Край в годы столыпинской реакции и нового

---

[542] Алексеева А. Д. Развитие исторической науки в 60–80-е гг. // Историческая наука России в XX века. М.: Научно-издат. центр Скрипторий, 1997. С. 295.
[543] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861—1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 63–65, 69.
[544] Там же. Л. 66–68.
[545] Там же. Л. 67.

революционного подъема 1908–1914 гг.»). Глава ТЭПа «Политическая ссылка в Карелии», структурно и содержательно оставаясь неизменной, пополнилась фотографиями и биографическими справками о ссыльных революционерах и общественных деятелях, которые были репрессированы в сталинские годы, например о А. Е. Ноздрине, Я. А. Березиньше (Березине)[546]. В подраздел о событиях Первой мировой войны было добавлено несколько новых подлинных предметов, свидетельств военного времени, подаренных музею в 1963–1964 гг. Экспозиционный комплекс, посвященный строительству Мурманской железной дороги, был уменьшен за счет изъятия из него серии фотографий, свидетельствовавших об участии китайских рабочих в строительных работах. К концу 1960-х гг. радикализация идеологической политики в Китае и наступление культурной революции способствовали еще большему ухудшению отношений между двумя странами[547]. Своеобразной «жертвой» взаимной враждебности двух соседей стали китайские рабочие начала XX в., память о которых была как бы стерта из официального музейного нарратива.

Подраздел, посвященный событиям 1905–1907 гг. в Карелии, был озаглавлен так же, как и соответствующая глава монографии «Очерки истории Карелии», — «Карелия в годы первой русской революции 1905–1907 гг.»[548]. Структурно тематический комплекс был идентичен экспозиции 1963 г. Тем не менее за период с 1963 г. музейное собрание пополнилось целым рядом подлинных предметов и документов периода Первой русской революции, которые позднее были включены в экспозицию 1967 г. Прежде всего к ним относятся мемориальные предметы, принадлежавшие революционерам, участникам революционных событий в Карелии. Увеличение доли памятников, имевших мемориальное значение, в музейном показе способствовало достижению подлинности создаваемого музейного образа. Мемориальность как один из ключевых музейных методов показа исторических материалов противостояла иллюстративному подходу к музейной репрезентации. Мемориальный музейный предмет способен передавать неповторимость и колорит события или целой эпохи, в отличие от вспомогательных музейных материалов[549], которыми изобиловали экспозиции музея предыдущих годов.

Например, в новый музейный показ был включен фотоаппарат «Идеал-246» начала XX в. Фотоаппарат именно этой модели использовал В. М. Тимофеев, соратник петрозаводских большевиков, для создания групповых и портретных снимков членов подпольной группы. Знакомые посетителям музея с 1950-х гг. фотографии революционеров в местечке Проба или на

---

[546] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 81.
[547] Виноградов И. С. Указ. соч. С. 146.
[548] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 87; Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 310.
[549] Дукельский В. Указ. соч. С. 39.

Чертовом Стуле в г. Петрозаводске были сделаны именно В. М. Тимофеевым[550]. В 1965 г. в дар музею были переданы личные вещи революционера, члена боевой группы Петербургского комитета РСДРП и профессионального музыканта Н. Е. Буренина, аккомпанировавшего в свое время Ф. И. Шаляпину[551]. Текст этикетки сообщал, что в годы Первой русской революции Н. Е. Буренин осуществлял нелегальные перевозки оружия, литературы и революционеров через Карельский перешеек в столицу[552]. В экспозиции были представлены чемодан, зонт, трость, карманные часы, камертон, ноты, одежда и другие мемориальные предметы, а также скульптурный бюст Н. Е. Буренина работы финского скульптора А. Сало. В 1966 г. музею были подарены очки и футляр от них, принадлежавшие уроженцу г. Петрозаводска, члену РСДРП с 1910 г. А. М. Аменицкому. В годы Первой русской революции, обучаясь в Олонецкой губернской гимназии, А. М. Аменицкий активно участвовал в сборе средств для комитета помощи политическим ссыльным Олонецкой губернии, в который входили многие известные большевики Петрозаводска[553].

Музейный образ революционных событий 1905–1907 гг. дополнялся магнитофонными записями из альбома «Песни революции», который составляли такие произведения как, «Марсельеза», «Отречемся от старого мира», «Варшавянка» и др. Экскурсовод мог использовать музыкальное сопровождение при рассказе о Первой русской революции[554]. С конца 1960-х гг. в советской музейной практике более широко стали применяться ранее почти отсутствовавшие технические средства, не только магнитофоны, но и кинопроекторы, фильмоскопы и др.[555] В ТЭПе 1967 г. впервые была предусмотрена возможность использовать аудиозаписи в музейном показе.

Наиболее значительные изменения произошли в репрезентации революционных событий 1917 г. Подраздел был разделен на две объемные темы: «Карелия на мирном этапе развития революции» и «Карелия на этапе подготовки к вооруженному восстанию». Предметный ряд составляли аутентичные фотографии 1917 г., печатные издания В. И. Ленина, а также вещи, принадлежавшие участникам революционных событий, тем не менее, как и прежде, подлинные музейные экспонаты находились в меньшинстве. Историографической основой экспозиции стал второй том обобщающего труда по истории Карелии, посвященный советскому периоду,

[550] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 89.
[551] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 13/166. Л. 95
[552] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861—1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 91.
[553] Там же. Л. 93.
[554] Там же. Л. 101.
[555] Данилова Л. А. Музеи: итоги и задачи // Музейное дело в СССР. М.: Советская Россия, 1970. С. 21.

«Очерки истории Карелии»[556]. Ответственным редактором и автором первых глав второго тома был известный карельский историк В. И. Машезерский[557], сферу научных интересов которого составляли революционные события 1917 г. и победа Советов в Карелии. В 1955 г. из-под пера ученого вышла монография «Установление Советской власти в Карелии (1917–1918 гг.)» (переиздана в 1957 г.), материалы которой легли в основу первой главы обобщающего труда по истории Карелии, посвященной этой теме[558]. Экспозиция повторяла основные идеи, заложенные автором, но в экспозиционных текстах выдерживался более нейтральный стиль повествования. Необходимо отметить, что подраздел экспозиции 1963 г. по истории Советской Карелии, посвященный установлению советской власти, также во многом опирался на переиздание монографии В. И. Машезерского.

Структура первой части подраздела во многом повторяла экспозицию 1963 г., однако многие формулировки в пояснительных текстах и этикетках к экспонатам были сокращены или изменены в сторону большей нейтральности нарратива. Несмотря на то что основу музейного повествования составляли фотографии, фотокопии газет и документов, в экспозицию были добавлены подлинные памятники той эпохи. Например, нарукавная повязка красногвардейца Васильевского острова 1917 г., нагрудный жетон лейб-гвардии Волынского полка, солдаты которого первыми перешли на сторону восставших в Петрограде[559].

На примере фотокопий архивных документов и фотографий экспозиционеры рассказывали о создании, деятельности и объединении первых Советов — Петрозаводского Совета рабочих и солдатских депутатов в марте и Олонецкого губернского Совета крестьянских депутатов в мае–июне 1917 г. До 1967 г. репрезентация первого съезда крестьянских депутатов и губернского Совета в экспозициях отсутствовала. Тексты этикеток сообщали о том, что власть в первых советских органах захватили меньшевики и эсеры, тем не менее отмечалось, что первоначально инициаторами их создания были рабочие Александровского завода, железнодорожники, солдаты и крестьяне, потянувшиеся к активной политической жизни.

Как и в 1963 г., отдельный экспозиционный комплекс был посвящен деятельности В. И. Ленина в марте–октябре 1917 г. Однако если в 1963 г. он несколько выбивался из структуры экспозиции, то в новом музейном показе приобрел особое значение для музейного нарратива. Экспозиционный комплекс предварялся цитатой из «Апрельских тезисов» о переходе революции от первого этапа ко второму, в ходе которого пролетариат должен взять

---

[556] Очерки истории Карелии / А. И. Андриайнен, А. И. Афанасьева, Е. С. Гардин и др.; ред.: С. И. Аввакумов и др.; Карел. фил. Акад. наук СССР, Ин-т языка, литературы и истории. Т. 2. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1961. 411 с.

[557] Там же. С. 5.

[558] Там же; Машезерский В. И. Установление советской власти в Карелии (1917–1918). Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1957. 205 с.

[559] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 113, 114.

власть в свои руки[560], а также лозунгом «Да здравствует социалистическая революция!». В экспозиции была представлена цветная литография знаменитой картины художника И. М. Тоидзе «Призыв вождя». Далее, как и в 1963 г., следовали брошюры с очерками и статьями В. И. Ленина, материалы о газете «Правда» и ее роли в мобилизации общества на революционную борьбу. Один из экземпляров самого первого номера газеты за 5 марта 1917 г. был подарен музею в 1967 г.[561], он стал одним из ценнейших подлинных экспонатов этого комплекса. Представленные на стендах фотографии митингов, демонстраций в городах, поселках, на железнодорожных станциях, а также фотокопии постановлений съездов о создании Советов по всей Карелии должны были убедить посетителей в том, что жители края услышали призыв вождя. Пояснительный текст к фотокопиям документов прямо озвучивал эту мысль: «...рабочие Карелии, опираясь на опыт и поддержку петроградского пролетариата, вступили на путь активной политической борьбы»[562].

Революционной энергии народных масс противостояло Временное правительство, деятельность которого, как и во всех предыдущих музейных показах, характеризовалась как некомпетентная и даже вредная. На музейные стенды была возвращена отсутствовавшая с 1960 г. карикатура «Временное правительство за работой», однако в целом предметный ряд не претерпел изменений, его составляли Георгиевский крест и наградные знаки, выпущенные «буржуазным Временным правительством» (в 1963 г. — «контрреволюционным буржуазным Временным правительством, которое продолжало прежнюю... политику русского царизма»)[563], «керенки» и денежные знаки, а также облигации «Займа свободы». Этикетка к облигациям сообщала, что Временное правительство получило займы от США, Англии и Франции с условием продолжать войну[564]. Раздел, посвященный мирному этапу развития революции, завершался экспонированием брошюры 1918 г. со статьей В. И. Ленина «Уроки революции», написанной в июле 1917 г., когда в разгаре был очередной кризис Временного правительства.

Последняя глава экспозиции 1967 г. по истории дореволюционной Карелии носила название «Карелия на этапе подготовки вооруженного восстания». Она начиналась с фотографии расстрела июльской демонстрации в Петрограде. Пояснительный текст сообщал, что мирный период в развитии революции закончился. На примере фотографий В. И. Ленина и его

---

[560] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861-1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 116; Ленин В. И. Задачи пролетариата в данной революции: Апрельские тезисы // Хронос: Сайт. URL: https://hrono.ru/libris/lib_l/lenin_apr.php?ysclid=md6b0q7q5p436495107 (05.08.2025).

[561] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 15/181. Л. 7.

[562] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 119.

[563] ТЭП «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.). Л. 42; ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 120.

[564] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 120.

сторонников, брошюр со статьями вождя и фотокопий документов обрисовывалась деятельность большевиков в июле–октябре 1917 г. Фотографии активных участников борьбы за создание партийных организаций и местных Советов в Карелии, фотокопии документов большевистских групп и ячеек, общих собраний рабочих предприятий Карелии должны были рассказать посетителям о нарастании роли большевиков в общественно-политической жизни региона, установлении ими контроля над крупными предприятиями к октябрю 1917 г. Завершающим экспонатом раздела была фотография с рисунка Е. О. Машкевича, изображавшего В. И. Ленина, идущего в сопровождении Э. А. Рахья поздно вечером 24 октября 1917 г. в Смольный, чтобы взять в свои руки непосредственное руководство большевистским восстанием[565].

Таким образом, экспозиционерам, может быть, впервые за два десятилетия удалось создать целостный музейных образ истории революционных потрясений 1917 г. На примере как подлинных предметов, так и документальных материалов создатели ТЭПа показали возникновение и рост большевистских организаций Карелии, их связь с идеями и замыслами В. И. Ленина. Экспозиционеры стремились убедить посетителей в массовости большевистского движения и его поддержке со стороны рабочих самых крупных предприятий региона.

ТЭП 1967 г. во многом повторял предыдущий план, созданный в 1963 г., большинство подразделов транслировали идеи, заложенные в двух томах монографии «Очерки истории Карелии». Предметный ряд значительно пополнился подлинными памятниками истории и культуры, а текстовый сопроводительный материал был сокращен и оптимизирован, что позволяет считать экспозицию 1967 г. более соответствующей критериям музейности. Ключевые различия двух планов касались репрезентации событий Февральской революции и периода, последовавшего за ней и приведшего к Октябрьской революции 1917 г. Подразделы, посвященные событиям 1917 г., были значительно расширены, музейное повествование стало более логичным и завершенным.

Подобные изменения связаны, во-первых, с подготовкой к 50-летнему юбилею Октябрьской революции, к которому было приурочено создание и открытие новой постоянной экспозиции музея. Подразделы постоянной экспозиции дореволюционного и советского периодов, посвященные истории революционных событий и установлению советской власти, были ключевыми в структуре музейного показа. Во-вторых, экспозиционеры при проектировании новой экспозиции опирались на изданный в 1964 г. второй том обобщающего труда по истории края «Очерки истории Карелии». В свою очередь «Очерки» стали результатом многолетних исследований карельских историков, одним из которых был В. И. Машезерский, внесший

[565] ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861–1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.). Л. 128.

значительный вклад в изучение истории революционных преобразований и установления советской власти в Карелии в 1917–1918 гг.

Можно отметить, что стиль повествования стал более нейтральным, в пояснительных текстах и этикетаже практически не использовались резкие тенденциозные оценки и тезисы, характерные для историографической и общественно-политической ситуации 1950-х — начала 1960-х гг.

Экспозиционеры отказались от формулы репрезентации дореволюционной Карелии как отсталой окраины России. Наоборот, в экспозиции подчеркивалось, что Карелия была богата природными ресурсами, обладала потенциалом экономического и культурного развития, использованию которого противодействовал царизм. Край населяли талантливые люди, преданные своему делу, — учителя, врачи, революционеры. В то же время с помощью музейных средств убедительно показывались тяжелые условия жизни и труда рабочих и крестьян, их жестокая эксплуатация, что привело в итоге к обострению классовой борьбы и революционным выступлениям. Ключевая идея экспозиционного показа о неизбежности и закономерности победы социалистической революции оставалась неизменной.

Увеличение доли местного материала в экспозиции свидетельствовало об изменении в подходе музея к репрезентации прошлого. История Карелии, оставаясь неотъемлемой частью истории России, была показана как имеющая собственное большое значение для развития исторического процесса в стране. Усиление регионального компонента свидетельствовало о том, что музеи стали использоваться как факторы формирования не только советской, но и локальной идентичности.

Обратимся к проекту постоянной экспозиции 1986 г. по истории Карелии эпохи капитализма и империализма. Одна из ключевых особенностей проекта заключалась в том, что в него были включены уже устоявшиеся с 1960-х гг. экспозиционные комплексы. Большинство подразделов проектируемой экспозиции, характеризующих «надстройку», например, посвященные репрезентации деятельности церкви, развитию образования, научному изучению Карелии, искусству, здравоохранению и др., в содержательном и предметном плане не претерпели значительных изменений. Составляющий ядро музейного повествования предметный ряд оставался прежним, несколько пополнившись новыми предметами.

В структуре проектируемой экспозиции не прослеживалось четкого разделения между эпохами капитализма и империализма. Большинство тематических разделов, посвященных развитию сельского хозяйства, промыслов и промышленности должны были содержать материалы и экспонаты, охватывавшие период с 1861 по 1917 г. Так, например, в одном из первых тематических комплексов, посвященных развитию капиталистических отношений в пореформенной деревне и имущественном расслоении крестьянства, планировалось

с помощью метода контрастного показа экспонировать интерьер курной избы крестьянина-бедняка и предметы быта сельской буржуазии. Интерьер курной избы крестьянина-бедняка составляли самодельные предметы мебели и домашнего обихода, а также орудия труда и промыслов. Контрастировать с интерьером должны были предметы, принадлежавшие сельской буржуазии: патефон с пластинками, керосиновая лампа, фарфоровая посуда, самовар и пачка чая, механические часы и многое другое, то есть предметы, характерные скорее для интерьера начала XX в., а не второй половины XIX.

Составители концепции 1986 г. для характеристики положения Карелии в пореформенный период предлагали отталкиваться от образа края как «отсталой окраины царской России». Интересно, что этот историографический штамп не использовался в музейном показе 1967 г., но почти через 20 лет снова был актуализирован. Также и словосочетание «подстоличная Сибирь» применительно к Карелии как месту ссылки, которое в текстах экспозиции не встречалось с 1950 г., вновь превратилось в ключевую идею, которую должен был транслировать подраздел о политической ссылке конца XIX — начале XX в. В доказательство тезиса об отсталости края планировалось показать слабое промышленное развитие, малоземелье крестьян, примитивные орудия труда, нищету местного населения и, как следствие, замедленное развитие капиталистических отношений.

Репрезентация становления и развития капиталистических отношений была одной из ключевых задач будущей экспозиции. Однако методы и способы решения этой задачи оставались неизменными. Как и в предыдущих экспозициях, на примере экспонатов, связанных с лесным, рыболовным и др. промыслами, развитием лесопильного производства, предполагалось показать их капитализацию и повсеместное распространение наемного труда.

В экспозицию 1967 г. был включен комплекс, рассказывавший о развитии горнорудной промышленности в пореформенной Карелии. В проектируемом музейном показе предполагалось расширить эту тему и больше внимания уделить конкретным предприятиям и заводам. Центральное место в этом подразделе экспозиции по-прежнему было отведено истории Александровского завода. В фонах музея имелось большое количество интересных материалов по истории завода: не только продукция, но и оборудование, подлинные фотографии, макеты, материалы, показывающие место завода в системе российского империализма[566].

Российский империализм как явление планировалось репрезентировать с помощью сформированного к 1967 г. экспозиционного комплекса, который составляли продукция крупных российских монополий начала XX в., денежные знаки и акции предприятий, товары иностранного производства и др. На примере фотографий дореволюционных банков,

[566] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.). Л. 32.

банковских пломб, дверцы сейфа предполагалось рассказать о развитии банковского дела и формировании финансового капитала.

В подразделе о развитии промышленности должен был появиться экспозиционный комплекс о транспортной сети дореволюционной Карелии, прежде всего Мариинской водной системе и Мурманской железной дороге. Продумывая предметный ряд, составители концепции делали акцент на подлинных предметах и документах, которые бы отражали работу водного и наземного транспорта, например фотографии пароходов, поездов, транспортной инфраструктуры начала XX в., расписания рейсов, судовые снасти, орудия труда и жетоны строителей Мурманской железной дороги. Для привлечения внимания посетителей к транспортному комплексу высказывалось пожелание о создании или приобретении макетов поездов, диорамы Петрозаводского порта.

Приведенные выше примеры показывают, что структура будущей экспозиции должна была приобрести тематический характер, хронологический принцип реализовывался в организации экспонатов внутри каждого тематического комплекса, охватывая период с 1861 до 1917 г. Таким образом, заметно размывалась грань между двумя выделяемыми в советской историографии периодами — капитализмом и империализмом, которая четко прослеживалась на примере экспозиции 1967 г.

Для характеристики положения рабочих и процесса зарождения рабочего движения в Карелии в конце XIX — начале XX в. предполагалось воссоздать интерьер комнаты передового рабочего. Ранее, в экспозициях 1960 и 1967 гг. посетители могли познакомиться с предметами быта, промыслов и фотографиями домов рабочих Александровского завода и составить представление об их уровне жизни. В новой экспозиции уже сложившийся комплекс предполагалось использовать для оборудования полноценного интерьера, который составляли бы предметы мебели, включая книжную полку с книгами русских классиков, а также марксистской и политической литературой[567], что должно было указывать на уровень образования «жильца» и подчеркнуть его участие в рабочем движении.

Задумывалось, что скромная обстановка квартиры рабочего будет контрастировать с размещенным неподалеку интерьером высокопоставленного чиновника, основу которого составили бы ломберный столик с разложенной на нем настольной игрой, стул с плетеной спинкой, канделябры, лампа с абажуром, напольные зеркало и часы, предметы домашнего обихода, а также одежда, которую носили представители привилегированного сословия.

Принципиально новой темой, ранее не раскрывавшейся в экспозициях периода капитализма и империализма, должна была стать история Петрозаводска как административного центра Олонецкой губернии. На музейных стендах и витринах должны были появиться экспонаты,

[567] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.). Л. 34.

фотографии, документы и материалы, рассказывающие об экономике, состоянии просвещения, медицины, торговли в городе, населении, органах самоуправления и др. Если ранее такие экспонаты, как знаки петрозаводских городского головы, городского судьи, полицейских стражников, делопроизводственные печати городских учреждений, использовались для репрезентации реформ эпохи Александра II, то в новой экспозиции они должны были воссоздавать облик и повседневную рутину губернского города на рубеже веков. В планах экспозиционеров было использовать историческую связь между проектируемым музейным интерьером судебной камеры и той частью здания музея, памятника XVIII–XIX вв., где раньше, в XIX в., располагались судебные учреждения[568].

Одной из задач, которые ставили перед экспозицией создатели научной концепции, была атеистическая пропаганда. Для решения этой задачи предполагалось использовать уже сложившийся экспозиционный комплекс «Церковь на службе государства», куда должны были войти также материалы о Соловецкой тюрьме. В новой версии музейного показа экспозиционеры задумывали показать процесс распространения («насаждения»[569]) христианства среди карельского населения, а также русификации карел на примере образовательной деятельности церковно-приходских школ, использовавших учебники на карельском языке, такие как «Начатки христианского православного учения» (1882 г.), на русском языке «Букварь для обучения русской грамоте карельских детей» (1905 г.). Планировалось также на местных материалах (копиях архивных документов) осветить тенденцию к появлению индифферентного отношения народа к религии.

История Первой русской революции обозначалась как одна из важнейших тем раздела, посвященного истории Карелии в период капитализма и империализма. Революционные события в Карелии предполагалось показать «ярко и интересно», как высшую стадию освободительного движения, предпосылки которого были заложены еще в XIX в.[570] Тем не менее авторы признавались, что большинство экспозиционных материалов составляли плоскостные экспонаты — фотографии, архивные документы, цитаты и пояснительные тексты[571].

Для раскрытия одной из причин революции планировалось использовать экспозиционный комплекс, посвященный Русско-японской войне 1904–1905 гг. Предметный ряд должны были составить фотографии участников войны (солдат, сестер милосердия), воинские медали, солдатский котелок, знаки Красного Креста. Фонд музея располагал подлинным письмом солдата царской армии, уроженца с. Ладва Петрозаводского уезда, отправленным с фронта на

---

[568] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.). Л. 34.
[569] Там же. Л. 35.
[570] Там же. Л. 39.
[571] Там же. Л. 40.

родину, записной книжкой солдата из г. Пудожа, в которой он в стихотворной форме описывал тяготы окопной жизни, критиковал генералов за неумение воевать[572].

Значительное внимание, как и в предыдущих экспозициях, предполагалось уделить истории создания Петрозаводской группы РСДРП и ее первым участникам, а также забастовкам на предприятиях Карелии. Авторы признавались, что экспонатов для содержательного насыщения этого подраздела на 1986 г. было недостаточно. Таким образом, музейным работникам предстояла экспедиционная и поисковая работа по выявлению, приобретению и описанию подлинных памятников истории. Оживить экспозицию должны были уже имеющиеся в коллекции мемориальные предметы, принадлежавшие революционерам. В целом подраздел о Первой русской революции оставался довольно консервативным и наследовал идеи и подходы к организации экспозиции, разработанные ранее, в 1963 и 1967 гг. Авторы не предлагали принципиально новых решений.

Новшеств нельзя было ожидать и от подходов к репрезентации последовавшего после Первой русской революции периода реакции и Первой мировой войны. Идейно эти подразделы должны были повторять основные мысли, сформулированные экспозиционерами еще в 1963, 1967 гг. Так, например, новая экспозиция должна была дать представление о борьбе царского правительства с революционерами, гонениях на членов РСДРП, появлении панфинских организаций на территории Карелии, разрухе и упадке промышленности в годы Первой мировой войны. Предметный ряд подраздела о влиянии «империалистической войны» на положение Карелии предполагалось пополнить за счет аутентичного солдатского обмундирования, личных вещей и оружия нижних воинских чинов. Как и прежде, в музейном показе должны были найти место воинские награды — Георгиевские кресты. Авторы концепции делали акцент на том, что, показывая дореволюционные награды, необходимо рассматривать подвиги солдат как проявление «неправильно понятого патриотизма»[573]. Интересно, что в экспозициях 1963, 1967 гг. с помощью дореволюционных наград подчеркивался героизм уроженцев Карелии, что дополняло транслируемый на примере многих экспозиционных комплексов позитивный образ жителей края. Авторы концепции 1986 г., опираясь на марксистско-ленинскую методологию, стремились как можно точнее передать оценку Первой мировой войны как империалистической и грабительской, соответственно, репрезентация личного героизма солдат, уроженцев Карелии, не вписывалась в довольно критический нарратив.

В завершающем экспозицию по дореволюционному прошлому Карелии подразделе, посвященном революционным событиям в Олонецком крае и в Кемском уезде Архангельской

[572] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.). Л. 40.
[573] Там же. Л. 43.

губернии после февраля 1917 г., планировалось показать установившееся в стране двоевластие, роль уроженцев Карелии в Февральской революции, нарастание народного движения. Как и прежде, большую часть экспозиционного материала должны были составлять архивные документы, фотографии, газетные статьи и текстовые экспонаты. В качестве завершающего экспоната предполагалось использовать цитату из «Апрельских тезисов» В. И. Ленина о переходе ко второму этапу революции, в результате которого власть должны получить рабочие и крестьяне[574].

Итак, проектируемый музейный показ 1986 г. должен был получиться более консервативным в плане идейного содержания, чем экспозиции 1960-х гг. В основе структуры показа, используемой для репрезентации базисных и надстроечных явлений, предполагалось использовать тематический принцип, внутри тематической группы экспонаты и материалы уже располагались в соответствии с хронологическим принципом. В то же время экспозиционные комплексы, посвященные конкретным событиям и процессам после 1905 г., располагались по хронологии, а внутри них реализовывался тематический принцип группировки экспозиционных материалов. В результате в экспозиции отсутствовало четкое, теоретически обоснованное разделение по эпохам капитализма и империализма, как это было сделано, например, в 1967 г.

Несмотря на обличение авторами концепции недостатков предыдущей экспозиции, главным из которых указывалось обилие плоскостного материала, многие комплексы по истории капитализма и империализма, как признавались сами составители, должны были строиться именно на подобном материале. Тем не менее концепцией было предусмотрено проведение исследовательской и собирательской работы для пополнения фондов музея подлинными памятниками XIX–XX вв. В то же время в экспозиции должны были появиться совершенно новые экспозиционные комплексы, например интерьеры рабочего и чиновника, тематический интерьер судебной камеры, материалы по истории Русско-японской войны.

Итак, музейные экспозиции Государственного историко-краеведческого музея КАССР, опираясь на марксистско-ленинскую методологию идостижения советской историографии, транслировали идею закономерного перехода от угнетенного дореволюционного прошлого к социалистическому настоящему. При этом в подаче материала прослеживается эволюция — от выражено идеологически окрашенного нарратива 1950-х гг. с устойчивыми клише (вроде образа Карелии как «отсталой окраины») к более сбалансированной репрезентации 1967 г., где усилился региональный компонент и акцент сместился на созидательный потенциал края и вклад конкретных деятелей, а оценочные формулировки стали нейтральнее.

Важным направлением трансформации музейного показа стало усиление «материальности» нарратива: рост доли подлинных мемориальных предметов (личных вещей, документов,

[574] Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» (1986 г.). Л. 45.

бытовых артефактов) и внедрение новых экспозиционных средств (например, аудиосопровождения) придавали официальной версии истории убедительность и эмоциональную силу. При этом идеологический каркас оставался неизменным — через цитаты классиков марксизма-ленинизма, структуру тематических комплексов и контрастное сопоставление дореволюционного и советского периодов (например, в сфере здравоохранения) закреплялись ключевые идеологемы о ведущей роли рабочего класса, неизбежности революции и справедливости советского строя.

Зависимость музейного нарратива от политической повестки проявлялась в корректировке отдельных сюжетов (в частности, в «растворении» образа китайских рабочих на строительстве Мурманской железной дороги на фоне ухудшения советско-китайских отношений). В итоге экспозиция 1967 г. не только сохраняла преемственность идеологических установок, но и интегрировала элементы локальной идентичности, формируя у посетителей чувство сопричастности к общесоюзному историческому процессу и гордость за свой регион.

Проект постоянной экспозиции, созданный в 1986 г. наследовал идеям музейного показа 1967 г. и заимствовал устоявшиеся экспозиционные комплексы. Как уже говорилось выше, концепция так и не была использована для разработки конкретных ТЭПов по истории дореволюционного прошлого. Заложенные в ней идеи и ценности уже через несколько лет потеряли свою актуальность. Общество стояло на пороге значительных перемен, которые несли с собой демократизация и гласность как одни из центральных линий политики перестройки.

Итак, на протяжении рассматриваемого периода репрезентация исторического прошлого в экспозициях отдела «История дореволюционной Карелии» имела следующие характерные черты:

- Репрезентация прошлого в музеях была жестко привязана к господствующей историографической парадигме: в 1950-е гг. опорой служили «Краткий курс истории ВКП(б)» и труды классиков марксизма-ленинизма, в 1960-е — «Очерки истории Карелии»; при этом цитаты авторитетных авторов (В. И. Ленина, И. В. Сталина и др.) выполняли функцию идеологического каркаса, задавая оценочные рамки восприятия экспонатов и направляя зрительскую интерпретацию.

- Несмотря на смену общественно-политических тенденций, «система координат» в рамках которой развертывался исторический музейный нарратив, сохраняла относительную стабильность. Ключевыми ее элементами были формационный подход, атеистическая пропаганда, акцент на ведущей роли рабочего класса и классовой борьбе. При этом репрезентация отдельных исторических сюжетов корректировались в соответствии с политической повесткой (например, трансформация образа китайских рабочих на

строительстве Мурманской железной дороги).

- Методика построения музейного рассказа эволюционировала от схематичного, текстово-центричного нарратива 1950-х гг. к более «предметной» подаче в 1960-х гг.: сокращался объем вспомогательных текстов, усиливалась роль подлинных предметов, мемориальных вещей и документальных материалов, а в экспозиции 1967 г. впервые стали применять технические средства для звукового сопровождения экспозиции (подобные мультимедийные средства планировалось использовать и в проекте постоянной экспозиции 1986 г.), что повышало эмоциональную вовлеченность и убедительность нарратива.

- В 1960-е гг. усилился региональный компонент музейного показа: если ранее дореволюционная Карелия представала в образе «отсталой окраины» империи, то к 1967 г. образ края стал многограннее — акцент сместился на раскрытие экономического потенциала Карелии, богатства и самобытности культуры и традиций народов Карелии, мастерства народных умельцев, вклада местных деятелей (учителей, врачей, ремесленников) в развитие губернии. В то же время, в структуре всей экспозиции комплексы по дореволюционной истории продолжали играть роль контраста для более выигрышного сопоставления аналогичных экспозиционных комплексов, включенных в экспозиций отдела истории Советской Карелии.

Жизненный цикл музейных экспозиций напрямую зависел от общественно-политических трансформаций: ТЭПы, созданные на излете одной эпохи (1950, 1952, 1960 гг.), быстро устаревали и требовали корректировки после смены политического курса, тогда как экспозиция 1967 г., соответствовавшая устойчивому периоду брежневской эпохи, оказалась наиболее долговечной, что подчеркивает тесную связь музейного нарратива с динамикой государственной идеологии.

Таким образом, музейные экспозиции в Карелии в 1950–1967 гг. выступали ключевым механизмом политики памяти и социализации: через продуманную систему визуальных, предметных и текстовых средств они транслировали официальную версию истории и формировали у граждан представление о закономерности перехода от угнетенного дореволюционного прошлого к социалистическому настоящему, тем самым укрепляя советскую идентичность.

1.3. Репрезентация истории Советской Карелии в экспозициях Государственного историко-краеведческого музея КАССР (КФССР)

В методической литературе по экспозиционной деятельности музеев подчеркивалось, что важнейшее место в структуре экспозиций отводилось отделам по истории советского периода[575]. Социалистический этап в жизни каждой советской республики должен был освещаться как богатый на исторические свершения, победы в построении социалистического общества, наполненный творческой силой народа[576]. В экспозициях историко-краеведческих музеев, посвященных социалистической формации, делался акцент на показе участия региона в социалистическом строительстве, выполнении конкретных задач, ставившихся партией и правительством на съездах и пленумах, братской взаимопомощи народов СССР в деле строительства коммунизма[577].

Раздел основной экспозиции по истории Советской Карелии занимал две трети всей площади Государственного историко-краеведческого музея КАССР и значительным количесством подлинных музейных памятников. Собирательская работа музея по комплектованию отледа советского периода рассматривалась как приоритетное направление деятельности музея. Уже к 1980 г. из числа экспонатов основного фонда (82 948 единиц), включая отдел природы, около половины (40 656 единиц) составляли экспонаты советского периода[578]. Экспозиция представляла основные достижения в общественно-политическом и экономическом развитии Карелии, пропагандировала решения партийных съездов и политики Советского государства. Одним из ключевых экспозиционных приемов, использовавшихся для организации музейного повествования, был контрастный показ дореволюционного и советского периодов. Структура экспозиций двух отделов, за исключением репрезентации конкретных исторических событий, во многом была схожа: в обоих отделах присутствовали тематические комплексы, связанные с развитием промышленности, сельского хозяйства, образования и культуры. Если в отделе по истории дореволюционного периода эти тематические комплексы использовались для создания образа Карелии как «отсталой окраины» и трансляции представления об угнетаемом царизмом

---

[575] Типовое положение о государственном краеведческом музее союзной, автономной республики, края, области, национального округа, района (1964 г.) // НАРК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 12/155. Л. 50; Музеи исторического профиля. 1988. С. 199–200.
[576] Там же. С. 200.
[577] Там же. С. 234.
[578] Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 188/1252. Л. 3.

карельском народе, творческий потенциал которого скован феодальными пережитками, то в отделе по истории Советской Карелии «зеркальные» тематические комплексы несли прямо противоположный посыл. Советская Карелия показывалась как динамично развивающаяся в промышленном, сельскохозяйственном и культурном плане республика, население которой ощущало на себе заботу партии и правительства, выражавшуюся в улучшении материально-бытовых условий жизни и удовлетворении культурных, образовательных и духовных потребностей граждан.

Рассмотрим ключевые экспозиции по истории Советской Карелии, созданные в Государственном историко-краеведческом музее КАССР (КФССР) в конце 1940-х — конце 1980-х гг. В отличие от отдела постоянной экспозиции по истории дореволюционной Карелии, практически прекратившего существование в 1970-х гг., отдел по истории советского периода пережил еще две реэкспозиции — в 1983 и 1987 гг. В 1989 г. началась работа над концепцией новой экспозиции музея по истории советского периода, планировалось, что она будет размещена уже в новом здании музея на пл. Ленина. Сотрудниками отдела был составлен черновик музейного документа, однако разработка ТЭПов так и не была начата.

Экспозиция 1948 г.

К концу 1940-х гг. относится формирование типовой структуры отделов историко-краеведческих музеев по всему СССР, остававшейся практически неизменной на протяжении всего периода существования советской власти. Работники музеев вынуждены были придерживаться установленной схемы независимо от наличия или отсутствия в музейных коллекциях подлинных памятников, относящихся к тем или иным историческим или общественно-политическим сюжетам[579]. В структуре музейного показа ведущее место отводилось отделу по истории советского периода. На этот отдел ложилась основная идеологическая нагрузка, так как именно показ достижений и преобразований в политической, социальной и культурной жизни отдельных регионов и страны в целом, произошедших за годы советской власти, должен был способствовать становлению коммунистического мировоззрения граждан и укреплять их чувство советского патриотизма.

В 1948 г. была завершена работа над первой послевоенной постоянной экспозицией Государственного музея КФССР. В 1949 г. был издан путеводитель по системе основных экспозиций музея. Директор музея, этнограф и краевед И. М. Мулло выступил составителем и ответственным редактором путеводителя. Путеводитель повторял структуру основных экспозиций музея и представлял собой связный рассказ о прошлом Карелии и ключевых событиях в истории страны и региона. Необходимо отметить, что в отличие от ТЭПов

[579] Грицкевич В. П. История музейного дела в новейший период (1918–2000). СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2009. С. 83.

дореволюционного периода, ТЭПы отделов социалистического строительства и истории Великой Отечественной войны (1948 г.) сохранились и находятся на хранении в Научном архива Национального музея[580].

Согласно материалам ТЭПов и путеводителя, отдел по истории социалистического строительства был разделен на несколько тематических блоков, организованных по хронологическому и тематическому принципам. Исторические блоки начинались с показа революционных событий октября 1917 г. на общероссийском материале: ведущие и пояснительные тексты пересказывали основные события Октябрьской революции, на стендах и витринах были представлены бюсты партийных вождей, Красное знамя, плакаты, фотографии, фотокопии документов о подготовке вооруженного восстания, организации Красной гвардии[581]. Следующие разделы, повествовавшие о событиях Гражданской войны, образовании Карельской Трудовой Коммуны, а затем Автономной Карельской ССР, советско-финляндской войне 1939–1940 гг. и создании Карело-Финской ССР, строились в основном на местном материале.

В основу рассказа о революционных событиях 1917 г. в России был положен учебник «История ВКП(б). Краткий курс»: путеводитель повторял основные тезисы и воспроизводил хронологию событий с февраля до октября 1917 г., прибегая к прямому цитированию первоисточника[582]; в экспозицию был помещен целый монтаж пояснительных текстов, цитировавших учебник[583]. Борьба большевистских организаций за упрочение советской власти в Олонецкой губернии раскрывалась с помощью изобразительных экспонатов: географической карты, на которой было показано «триумфальное шествие советской власти» и отмечены основные волостные центры, поддержавшие Советы, портретов членов большевистской группы Александровского завода, картин художников М. А. Макарьевского и В. Н. Попова со сценами записи рабочих в Красную гвардию, митингов и объединенного заседания большевистских организаций Петрозаводска[584]. Кроме того, в экспозицию были включены копии документов, свидетельствовавших о поддержке советской власти на местах, а также фото демонстраций против «контрреволюционного» эсеро-меньшевистского Олонецкого губернского Совета[585].

Структура повествования, основные тезисы и вывод, представленные в ТЭПе и путеводителе, основывались на вышедшей в 1948 г. статье карельского историка

---

[580] ТЭП отдела «Великая Отечественная война и участие в ней карело-финского народа» также был выявлен в документальном фонде Главного управления по делам литературы и издательств при Совете Министров КФССР (НА РК. Ф. Р-24).

[581] Государственный историко-краеведческий музей КФССР: Путеводитель. С. 33–34; ТЭП отдела «Социалистическое строительство» (1947 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 650. Л. 1–3.

[582] См., например, Государственный историко-краеведческий музея КФССР: Путеводитель. С. 34; История ВКП(б). Краткий курс. С. 186.

[583] ТЭП отдела «Социалистическое строительство» (1947 г.). Л. 7.

[584] ТЭП отдела «Социалистическое строительство» (1947 г.). Л. 4–5; Государственный историко-краеведческий музей КФССР: Путеводитель. С. 34, 35.

[585] ТЭП отдела «Социалистическое строительство» (1947 г.). Л. 9; Государственный историко-краеведческий музей КФССР: Путеводитель. С. 35.

В. И. Машезерского «Великая Октябрьская революция и победа советской власти в Карелии». Согласно авторам путеводителя и В. И. Машезерскому, победа революции (у В. И. Машезерского — советской власти) создала неограниченные возможности (у В. И. Машезерского — открыла... широкие перспективы) «политического, экономического и культурного развития», под руководством большевистской партии и «ее вождей Ленина и Сталина» (у В. И. Машезерского — «гениальных вождей») народ Карелии стал строить новую счастливую жизнь[586]. Таким образом, одной из ключевых идей, которую должен был транслировать подраздел экспозиции, посвященный революционным событиям 1917–1918 гг., была широкая, активная поддержка большевистской партии и советской власти, оказанная трудящимися Олонецкой губернии. Демонстрируемые диаграмма о партийном составе 1-го Олонецкого революционного губернского Совета, большинство в котором принадлежало депутатам-большевикам, и фотографии видных большевиков, избранных в Совет, наглядно свидетельствовали о результатах этой поддержки[587].

Более предметным был показ событий Гражданской войны и иностранной интервенции на территории Карелии. Подраздел предварялся цитатой В. И. Ленина о характере Гражданской войны как навязанной капиталистами и помещиками, которых свергли рабочие и крестьяне[588]. Далее рассказывалось о наиболее ярких событиях Гражданской войны в Карелии и на Севере России. Объяснительные тексты цитировали монографию В. И. Машезерского «Карело-Финская ССР» (1940 г.)[589], которая отвечала за содержательное раскрытие экспонатов — фотокопий документов, фотографий, живописных картин, предметов вооружения красноармейцев и др. В отличие от ТЭПа, где Видлицкая десантная операция 1919 г. была представлена одним изобразительным экспонатом (картина «Десант в Видлицах»), а также копией телеграммы И. В. Сталина В. И. Ленину об успешном завершении операции[590], в путеводителе этому историческому сюжету было отведено гораздо больше места. Особенно отмечалось, что в разработке плана операции принимал участие лично И. В. Сталин[591]. Его роль в успехе операции подробно раскрывалась в монографиях и статьях карельских историков конца 1940-х гг. — начала 1950-х гг.[592]

---

[586] Государственный историко-краеведческий музея КФССР: Путеводитель. С. 35; Машезерский В. И. Великая Октябрьская социалистическая революция и победа советской власти в Карелии // Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти. С. 68–69.
[587] ТЭП отдела «Социалистическое строительство» (1947 г.). Л. 9.
[588] Ленин В. И. Коль война, так по-военному // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 40. М.: Изд-во полит. лит., 1974. С. 123.
[589] См., например, ТЭП отдела «Социалистическое строительство» (1947 г.). Л. 11; Машезерский В. И. Карело-Финская ССР / В. Машезерский, Ф. Трофимов. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940. С. 21–23.
[590] ТЭП отдела «Социалистическое строительство»(1947 г.). Л. 13.
[591] Государственный историко-краеведческий музей КФССР: Путеводитель. С. 36.
[592] См., например, Сюкияйнен И. И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918–1920 годах. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1948. С. 92–93; Балагуров Я. А. Развитие советской исторической науки в Карело-Финской ССР // Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти. С. 81; Машезерский В. И. Разгром

Следующий подраздел рассказывал об образовании Карельской Трудовой Коммуны (далее — КТК) и разгроме белофинской интервенции в 1922 г. Посетители музея могли познакомиться с копиями ключевых постановлений ВЦИК и Совета труда и обороны, касающихся правовых, национальных и экономических аспектов создания КТК, а также воззвания ВЦИК, приветствовавшего трудящихся Советской Карелии[593]. Рассказ о новом государственном образовании внутри СССР был по понятным причинам обезличенным: большинство государственных деятелей, стоявших у истоков КТК, были репрессированы в 1930-е гг. Таким образом, акцент в показе КТК делался на противопоставлении советских граждан, стремящихся к мирному труду, и финской буржуазии, планировавшей организовать антисоветский мятеж в Карелии при поддержке «карельского кулачества».

Главным героем музейного показа, вставшим на пути захватнических планов финской буржуазии, был Тойво Антикайнен. Поход отряда под его руководством на Кимасозеро назывался в экспозиции одной из «самых славных страниц героической борьбы Красной Армии за Советскую Карелию»[594]. Под портретом Тойво Антикацнена располагался макет «Бой за Кимасозеро», воспроизводивший бой между отрядом лыжников-интернационалистов и белофинов. Советские воины, сражавшиеся в Гражданской войне, наделялись такими характеристиками, как «мужество, отвага и геройство», символом которых стал особый жетон «Честному воину Карельского фронта», представленный в экспозиции на одной из фотографий[595].

Подраздел об образовании Карельской АССР строился вокруг нескольких изобразительных экспонатов — живописных картин, свидетельствовавших о главных стройках индустриализации (Кондострой, Беломорско-Балтийский канал) и посещении новых предприятий государственными и партийными деятелями: М. И. Калининым, И. В. Сталиным, К. Е. Ворошиловым, С. М. Кировым. Многочисленные фотографии промышленных объектов, строек должны были показать труд карельского народа, вложенный в сталинский проект индустриализации. В свою очередь, материальные свидетельства о посещении первыми лицами СССР Карелии указывали на внимание, с которым партия и правительство относились к трудам советских граждан по превращению республики из отсталой окраины в «индустриализирующуюся страну»[596]. Эта характеристика, взятая из резолюции IX Всекарельского съезда Советов, завершала тематический комплекс.

В отличие от предыдущих разделов экспозиции как дореволюционного, так и советского

иностранных интервентов и белогвардейцев в Карелии в 1918–1920 годах. Петрозаводск, 1953. С. 22–23.

[593] ТЭП отдела «Социалистическое строительство» (1947 г.). Л. 15–17; Государственный историко-краеведческий музей КФССР: Путеводитель. С. 37.

[594] ТЭП отдела «Социалистическое строительство» (1947 г.). Л. 18.

[595] Там же. Л. 20.

[596] Государственный историко-краеведческий музея КФССР: Путеводитель. С.39.

периодов, в которых много места уделялось репрезентации экономического роста и развития производительных сил в регионе, в музейном рассказе о довоенных пятилетках практически отсутствовали экономические графики, схемы, карты, пояснительные тексты. Экономический блок, в котором характеризовались основные отрасли народного хозяйства Карелии, был вынесен в отдельный раздел, располагавшийся после музейной репрезентации Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. В нем приводилось описание ключевых отраслей совокупно за 30 лет советской власти[597]. То есть в музейном показе было зафиксировано состояние экономики на момент создания экспозиции в конце 1940-х гг.

В сборнике статей «Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти» 1948 г. историк Я. А. Балагуров дал характеристику развития исторической науки в Карелии в советский период. Автор с сожалением отмечал, что карельские ученые не уделяют внимания такому важному периоду в истории Карелии, как социалистическое строительство[598]. Однако это утверждение было справедливым лишь отчасти. В 1933 г. был издан сборник статей «Советская Карелия. Очерки партийного, советского и культурного строительства» под редакцией первого секретаря Карельского обкома ВКП(б) Г. С. Ровио, председателя СНК АКССР Э. А. Гюллинга и др.[599] В статьях сборника рассматривались проблемы истории образования АКССР, основные этапы исторического развития партийной организации республики, описывались достижения советского и культурного строительства, народного образования и др. В 1935 г. увидела свет монография «Социалистическая индустриализация Карельской АССР» под редакцией экономистов Я. К. Берзтыса, Г. В. Кашарского, в которой был представлен анализ основных итогов хозяйственного строительства Карелии в первой пятилетке, дана характеристика дореволюционной и советской экономики региона[600]. Впоследствии большинство редакторов этих сборников были репрессированы, а доступ к их трудам ограничен или запрещен. Таким образом, рассказ о довоенных пятилетках в Карелии сводился к свидетельствам о посещении республики видными политическими деятелями и преобразованиях в общественно-политической сфере.

Одним из таких преобразований было принятие в 1936 г. новой конституции СССР и в 1937 г. — новой конституции Карельской АССР. На стендах были представлены схема государственного устройства СССР по новой конституции, приведены цитаты из Основного закона о правах и свободах граждан Страны Советов, а также цитаты из выступлений

---

[597] ТЭП отдела «Социалистическое строительство» (1947 г.). Л. 26–45.
[598] Балагуров Я. А. Развитие советской исторической науки в Карело-Финской ССР. С. 81–82.
[599] Советская Карелия: очерки партийного, советского и культурного строительства АКССР / Ленингр. отд-ние Ком. акад., Ин-т сов. стр-ва и права; под ред. Г. С. Ровио, Н. А. Ющиева, Э. А. Гюллинга [и др.]. М.; Л.: Ленсоцэкгиз, 1933. 288 с.
[600] Социалистическая индустриализация Карельской АССР / Под ред. Я. К. Берзтыса, Г. В. Кашарского. М.; Л.: Соцэкгиз. Ленингр. отд-ние, 1935. 319 с.

И. В. Сталина, посвященных принятию конституции[601]. На основе положений новой конституции были проведены выборы в Верховный Совет. На выборах безоговорочную победу ожидаемо одержали коммунисты. Подраздел завершался цитатой из речи И. В. Сталина, произнесенной на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г.: «Никогда в мире еще не бывало таких действительно демократических выборов, никогда история не знает другого такого примера»[602].

Следующий подраздел был посвящен Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. и образованию Карело-Финской ССР в 1940 г. Ведущий текст, предварявший тематический комплекс, сообщал, что вина за развязывание войны лежит на «империалистических реакционных кругах Финляндии», которые стремились реализовать план по созданию «Великой Финляндии»[603]. Посетители могли познакомиться с речью председателя СНК и народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова, произнесенной 29 ноября 1939 г., в которой он сообщал гражданам СССР о разрыве отношений с Финляндией. Текст речи располагался под портретом В. М. Молотова. Далее следовал монтаж фотографий и документов о начале боевых действий и встретившихся на пути Красной Армии укреплениях «линии Маннергейма». Цитата из доклада В. М. Молотова на VI сессии Верховного Совета СССР от 29 марта 1940 г. служила пояснительным текстом к фотографиям «линии Маннергейма» и сообщала о том, что мощные укрепления финнов — это не что иное, как «готовый военный плацдарм» для нападения на СССР[604]. В этом же докладе народный комиссар иностранных дел приветствовал воинов Красной Армии, которые «сокрушили линию Маннергейма», доказав ошибочность мифа о ее неприступности[605].

На музейных стендах под заголовком «Разгром линии Маннергейма» были помещены фотографии разрушенных финских оборонительных сооружений на границе с Советским Союзом, а также бойцов и командиров Красной Армии с аннотациями, рассказывавшими об их мужестве и отваге, проявленными в ходе военных действий. Отдельный монтаж фотографий был посвящен героям войны 1939–1940 гг. Главную ценность экспозиционного комплекса составляли подлинные предметы участников советско-финляндской войны — письма бойцов и командиров Красной Армии с фронта. Акцентирование таких личных качеств красноармейцев, как отвага и мужество (эти же слова использовались для характеристики

---

[601] ТЭП отдела «Социалистическое строительство» (1947 г.). Л. 22–23.
[602] ТЭП отдела «Социалистическое строительство» (1947 г.). Л. 23; Речь товарища Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа гор. Москвы 11 декабря 1937 года в Большом театре // Правда. 1937. 12 декабря (№ 340). С. 1.
[603] Там же. Л. 23.
[604] Там же. Л. 24; О внешней политике правительства. Из доклада В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 29 марта 1940 года // Правда. 1940. 30 марта (№ 89). С. 1.
[605] О внешней политике правительства. Из доклада В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 29 марта 1940 года. С. 1.

участников дореволюционных военных конфликтов, борцов за революцию 1917 г., солдат Гражданской войны), должно было указать посетителям на преемственность боевых традиций русского народа и народов СССР.

Тематический блок завершался цитатой из газеты «Правда» от 31 марта 1940 г. о «блестящей победе Красной Армии», которая обеспечила безопасность западных границ Советского Союза и Ленинграда[606], текстом мирного договора между СССР и Финляндией и фотографиями городов, вошедших в состав СССР по итогам войны.

В советской историографии с начала военного конфликта с Финляндией утвердилась точка зрения на причины и результаты войны 1939–1940 гг., представленная В. М. Молотовым в докладах и речах, посвященных внешней политике Советского государства. До конца 1980-х гг. взгляды советских историков на Советско-финляндскую войну не претерпевали значительных изменений. Вся ответственность за начало конфликта возлагалась на правительство Финляндии, которое, идя на поводу у Запада, стремившегося начать антисоветский поход, организовывала пограничные провокации. Результаты войны рассматривались как безоговорочная победа Красной Армии[607].

После издания брошюры «Фальсификаторы истории (историческая справка)»[608] в 1948 г. действия СССР в отношении Финляндии стали рассматриваться как вынужденная мера для предотвращения угрозы со стороны западного соседа и стоявшей за ним Германии. Целью авторов брошюры было разоблачить «фальсификации» истории Второй мировой войны, получившие распространение в западной историографии: западные политики и вслед за ними историки возлагали вину за начало Второй мировой войны в том числе на Советский Союз. Согласно авторам брошюры, руководство Финляндии было тесно связано с гитлеровской Германией, военные специалисты которой имели значительное влияние в финской армии, поэтому расширение границ СССР на запад было вынужденной мерой для защиты интересов страны[609]. В экспозиции, начало работы над которой относится к 1947 г., влияние брошюры «Фальсификаторы истории» не прослеживается, однако уже в следующей экспозиции 1952 г. советско-финляндский конфликт будет показан как составная часть процесса создания восточного фронта против гитлеровской агрессии[610].

Далее посетители музея могли познакомиться с тематическими комплексами, посвященными развитию народного хозяйства Карелии в довоенный период и в годы 4-й пятилетки после

---

[606] ТЭП отдела «Социалистическое строительство» (1947 г.). Л. 24; Внешняя политика Советского Союза // Правда. 1940. 31 марта (№ 90). С. 1.

[607] Авилкин А. М. Основные аспекты развития отечественной историографии советско-финляндской воны 1939–1940 гг. // Вестник Военного университета. 2010. № 2 (22). С. 78–79.

[608] Фальсификаторы истории (историческая справка). Б. м.: ОГИЗ: Гос. Изд-во политической литературы, 1948. 79 с.

[609] Там же. С. 58.

[610] ТЭП «Карелия в период довоенных сталинских пятилеток» (1952 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 118. Л. 33.

Великой Отечественной войны. Каждый тематический блок рассказывал о достижениях в той или иной отрасли народного хозяйства, в том числе и в непроизводственной сфере — медицине, образовании, науке, культуре и искусстве. Об успехах свидетельствовали фотографии введенных в строй промышленных предприятий и передового заводского оборудования, образцы новых видов продукции и современные орудия труда, схемы передовых технологических процессов. На графиках и диаграммах наглядно демонстрировался процесс роста показателей экономического развития:с дореволюционного (на 1913 г.) до послевоенного времени. Рядом с портретами передовиков производства и победителей социалистического соревнования помещались их награды, как символические (медали, вымпелы, переходящие знамена), так и вполне материальные — именные подарки.

Экономический блок экспозиции, посвященный современному состоянию народного хозяйства, должен был показать огромный контраст между дореволюционным прошлым и советским настоящим, убедить в закономерности победы социализма и вдохновить граждан на созидательный ударный труд, который не только почетен, но и приносит материальную выгоду. В следующих постоянных экспозициях Государственного историко-краеведческого музея КФССР (КАССР), посвященных советскому периоду, подобная структура показа развития экономики Карелии сохранится. В то же время использование типовых экспонатов приведет к тому, что экспозиции во многом потеряют свою выразительность и убедительность. Методичное следование экспозиционному трафарету, во многом насаждаемое краеведческим музеям начиная с 1930-х гг., привело к тому, что большинство экспозиций краеведческих музеев приобрели однообразные структуру и содержание[611].

На первом этаже карельского музея располагался отдел постоянной экспозиции, посвященный истории Великой Отечественной войны, завершавший маршрут осмотра, начинавшегося с верхних этажей. Таким образом, как уже было описано выше, экспозиция была организована в нарушение хронологического принципа, который служил основой для организации остального музейного показа. Именно нарушение хронологического принципа формально стало одной из ключевых причин проведения реэкспозиции в Государственном историко-краеведческом музее КФССР.

Победа в Великой Отечественной войне наряду с Октябрьской революцией стала одной из основ идентичности советского человека и легитимности Советского государства[612]. В советских историко-краеведческих музеях разделы экспозиций, посвященные событиям Октябрьской революции и Великой Отечественной войны, занимали ведущие места в музейном показе. Не был исключением и Государственный историко-краеведческий музей КФССР, где

---

[611] Златоустова В. И. Указ. соч. С. 248.

[612] Хёслер И. Что значит «проработка прошлого»? Об историографии Великой Отечестченной войны в СССР и России // Память о войне 60 лет спустя: Россия-Германия. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 160–161.

отделу по истории Великой Отечественной войны было отведено значительное по площади экспозиционное пространство. На основе посвященного войне экспозиционного комплекса музей реализовывал одну из основных задач, поставленных советским руководством: воспитывать молодое поколение в духе гордости за великие свершения советского народа и постоянной готовности встать на защиту социалистического отечества и бороться за мир во всем мире[613].

Еще в годы Великой Отечественной войны в республике началась работа посбору документов и материалов по истории военных операций в тылу противника и на фронте. Сотрудники Карельского научно-исследовательского института культуры совместно со студентами Карело-Финского государственного университета выезжали в экспедиции по всем районам республики. Было собрано значительное количество газет, фотографий, дневников, писем, записывались воспоминания[614]. Собирательская работа проводилась и в музее. Так, например, в 1947 г. в музей был доставлен станковый пулемет «Максим» с пограничной заставы Героя Советского Союза Н. Ф. Кайманова[615]. Начиная с 1948 г. этот экспонат занимал одно из ключевых мест во всех экспозициях музея по истории Великой Отечественной войны. К концу 1940-х гг. была собрана значительная коллекция предметов, связанных с войной, что позволило на ее основе открыть полноценный отдел музея «Великая Отечественная война и участие в ней народа Карело-Финской ССР».

Созданием экспозиции 1948 г., а затем и 1952 г. по истории войны занимались непосредственные ее участники. Заведующим отделом в 1946 г. был назначен Николай Михайлович Минин, который в 1941 г. добровольцем вступил в ряды партизан и до освобождения Карелии в 1944 г. возглавлял санитарную службу партизанского отряда «Красный Онежец». Научный сотрудник отдела, Леонид Филиппович Киров, фронтовик, младший лейтенант, радист разведывательного отдела штаба 14-й армии, воевал на Карельском фронте, был награжден орденами Красной Звезды и Красного Знамени. Сотрудники нового отдела, прошедшие практически весь свой боевой путь в Карелии, были хорошо знакомы со спецификой военных действий на ее территории. Кроме собственного опыта у них также за плечами был багаж политических занятий, которые в обязательном порядке посещались бойцами партизанских отрядов и солдатами регулярной армии. В 1946 г. Н. М. Минин, член партии, окончил одногодичную партийную школу в г. Петрозаводске, и уже после ее окончания был принят на музейную работу[616]. Необходимо отметить, что оба музейных работника не

[613] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д.12/155. Л. 54.
[614] Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск: Карелия, 1983. С. 7-9.
[615] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 1/3. Л. 10.
[616] Каюмова М. Р. Роль музейных репрезентаций Великой Отечественной войны в формировании идентичности советских граждан // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 44.

имели профильного исторического образования[617]. Таким образом, представления научных сотрудников, которые создавали экспозицию по истории Великой Отечественной войны, складывались из собственного военного опыта и знаний, полученных на политических занятиях.

Предметный ряд экспозиции составляли образцы вооружения Красной Армии и партизан, личные вещи и документы уроженцев Карелии — Героев Советского Союза. Тем не менее вспомогательные музейные средства — текстовые материалы, фотографии, вырезки из газет, цитаты из речей И. В. Сталина, документов и др. — занимали значительную ее часть. Именно речи И. В. Сталина и его соратников, а также советские газеты в первые послевоенные годы являлись основными источниками исторических исследований о войне. Их особенностью было то, что они выражали готовое мнение или оценку тех или иных событий войны[618], в то время как научная разработка ключевых проблем по истории Великой Отечественной войны продвигалась в то время довольно медленно[619].

Первый раздел экспозиции носил название «Вероломное нападение». В нем раскрывался образ врага, давалась характеристика начальному этапу войны, говорилось о причинах «временных неудач»[620] Красной Армии. Отдельные материалы были посвящены созданию под руководством ЦК КП(б) КФССР отрядов народного ополчения, подпольных групп, партизанских отрядов. В методических рекомендациях к экскурсии, подготовленной заместителем директора музея по научной части П. П. Вичуриной в 1948 г., подчеркивалось, что экскурсантам следует донести мысль: СССР не готовился к войне и не желал ее[621].

Следующий раздел носил название «Народ встает на защиту Родины». Ведущий текст провозглашал: «Десятки тысяч лучших сынов и дочерей карело-финского народа с оружием в руках выступили на защиту Советской отчизны»[622]. На стендах были представлены фотографии строительства оборонительных и защитных сооружений, учебных занятий по разминированию и противовоздушной обороне, эвакуации населения. Особое место занимала картина «Расстрел баржи № 485», посвященная одному из трагических событий, произошедших на Онежском озере в 1941 г., когда вражеский самолет расстрелял судно с эвакуировавшимися гражданскими лицами, большинство из которых составляли женщины и дети[623]. Это живописное полотно

---

[617] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 1/5. Л. 163.
[618] Кулиш В. М. Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 274.
[619] Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (историографический обзор) // Историография Советской Карелии. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1986. С. 133.
[620] ТЭП отдела «Великая Отечественная война и участие в ней карело-финского народа» (1948 г.) // НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 5/61. Л. 43.
[621] Вичурина П. П. Методические рекомендации к экскурсии по отделу «Великая Отечественная война и участие в ней карело-финского народа» (1948 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–2.
[622] ТЭП отдела «Великая Отечественная война и участие в ней карело-финского народа» (1948 г.). Л. 46.
[623] Там же. Л. 47.

предваряло повествование о еще более мрачных страницах истории Великой Отечественной войны в Карелии — оккупационном режиме, установленном на захваченных финнами территориях.

Раздел «Новый фашистский порядок» языком экспозиции рассказывал о политике финнов, проводившейся на оккупированных территориях Карелии, тяжелом положении гражданского населения. Этот тематический комплекс должен был показать, за что мстили и против чего боролись действующие на оккупированной территории подпольщики и партизаны.

Два раздела были посвящены подпольному и партизанскому движению. Опираясь на экспозиционные материалы, экскурсоводу необходимо было рассказать посетителям о патриотизме советских людей, проявленном «в самоотверженной борьбе» против оккупантов[624]. Далее следовало акцентировать внимание на цитате И. В. Сталина о руководящей роли коммунистической партии в деле борьбы против врага и на примере деятельности Карельского обкома ВКП(б) показать роль партии в организации и руководстве подпольным и партизанским движением («...карело-финская партийная организация с первых дней Отечественной войны возглавила борьбу народных мстителей против немецко-фашистских разбойников»)[625]. Эта задача реализовывалась на примере фотографий партийных руководителей, коммунистов, членов подпольных организаций и партизанских отрядов, действовавших в тылу врага, фотокопий партийных и наградных документов подпольщиков и партизан, их боевых наград[626]. Образ бойцов подполья и партизан дополнялся текстовыми материалами: цитатами солдат вражеской армии о грозной силе подпольщиков и партизан и отзыве командования Карельского фронта, свидетельствовавшем о значительной помощи, оказанной бойцами фронту[627]. На стендах и витринах были представлены личные вещи партизан, которые они брали с собой в походы: полевая сумка, бритва, полотенце, кружка, мыло, фляжка и др., а также предметы вооружения — винтовки, гранаты.

Следующий раздел носил название «Тыл — фронту». Он знакомил посетителей с результатами работы предприятий республики и всей страны, которая была направлена на оказание помощи фронту и партизанам. Прежде всего экскурсоводам предлагалось рассказать о работе предприятий лесной промышленности («лесорубы и возчики самоотверженно трудились в лесу»)[628], рыболовецких («большую помощь фронту… оказывали рыбаки и рыбачки КФССР»)[629] и сельскохозяйственных колхозов. Раздел «Транспорт» раскрывал тему помощи

[624] Вичурина П. П. Указ. соч. Л. 12.
[625] Там же.
[626] ТЭП отдела «Великая Отечественная война и участие в ней карело-финского народа» (1948 г.). Л. 53-55, 57–58.
[627] Там же. Л. 55–56, 61.
[628] Вичурина П. П. Указ. соч. Л. 32.
[629] Там же. Л. 33.

фронту на примере деятельности Кировской железной дороги[630].

Завершающие разделы экспозиции были посвящены боям на Карельском фронте, освобождению Карелии, а также героическим подвигам уроженцев Карелии, удостоенных звания Героев Советского Союза. Методические рекомендации предлагали начать рассказ о подвигах уроженцев Карелии с указания на преемственность боевых традиций участников Отечественной войны 1812 г. и воинов Великой Отечественной войны («…земляки наши не уронили, а во многом приумножили боевую славу своих предков — знаменитых Олонецких стрелков… которые в числе первых вступили в Париж»)[631].

В годы Великой Отечественной войны обращение к дореволюционной истории за примерами народного мужества и героизма, проявленного при защите Родины, позволяло советским людям расширять рамки идентичности до героев Древней Руси и Российской империи[632], опираться не только на героические традиции Гражданской войны. В то же время нарушалась идеологическая целостность истории Советского государства, изначально противопоставившего себя всему дореволюционному[633]. Однако обращение к истории противостояния Петра I со шведами или М. И. Кутузова с французами играло очень важную роль в поддержании морального духа советских воинов, которые на исторических примерах убеждались в возможности победы над грозным противником. Несмотря на то что надобность в исторических сопоставлениях после 1945 г. миновала, они перекочевали со страниц военных газет и из политических занятий в методические пособия, а затем и в тексты экскурсий по музею[634].

В экспозиции значительное место было уделено показу партийного руководства республикой в военные годы и лично первого секретаря ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянова. На стендах размещались фотопортреты и групповые фотографии партийного и комсомольского актива, приводились копии документов за подписью Г. Н. Куприянова[635]. В начале 1950 г. Г. Н. Куприянов был снят со своего поста, а позже арестован, поэтому упоминания о нем следовало исключить из общественного дискурса. Одной из стратегий изображения реальности в советской историографии было нормативное забвение[636]. К этой стратегии пришлось прибегнуть музейщикам при работе над экспозиционным показом, изымая со стендов материалы, относившиеся к Г. Н. Куприянову. В этой связи показателен текст экскурсии по теме «Боевая деятельность партизан и подпольщиков КФССР в Великой Отечественной войне»,

---

[630] ТЭП отдела «Великая Отечественная война и участие в ней карело-финского народа» (1948 г.). Л. 73–74.
[631] Вичурина П. П. Указ. соч. Л. 42.
[632] Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. С. 88.
[633] Андреев Д. А. Пространство памяти: Великая Победа и власть / Д. А. Андреев, Г. А. Бордюгов. Выпуск 19. М.: АИРО, 2005. С. 10.
[634] Каюмова М. Р. Роль музейных репрезентаций Великой Отечественной войны в формировании идентичности советских граждан. С. 46.
[635] Государственный историко-краеведческий музей Карело-Финской ССР: Путеводитель. С. 57, 61, 64.
[636] Прошлое для настоящего. С. 87.

подготовленный заведующим отделом Н. М. Мининым в 1949 г. В документе чернилами были зачеркнуты те фрагменты, в которых упоминался Г. Н. Куприянов[637], а фразы о руководящей роли партии приобретали обезличенный характер. В новой экспозиции его имя более не встречалось.

Итак, первая послевоенная постоянная экспозиция, открытая в 1948 г., просуществовала всего несколько лет. Во-первых, ее недолгая работа обосновывалась нарушениями хронологического принципа построения музейных показов, который утвердился в советском музейном деле еще в 1930-е гг. Во-вторых, судебное преследование первого секретаря Карело-Финского обкома ВКП(б) Г. Н. Куприянова привело к тому, что из экспозиции требовалось изъять текстовые материалы, фотографии, связанные с опальным партийным деятелем. На этот музейный показ оказал большое влияние учебник «История ВКП(б). Краткий курс», на основе которого составлялись экспозиционные тексты. Для теоретического наполнения экспозиции также привлекались труды карельских историков.

В послевоенные годы продолжались поиски профиля и структуры музея. Недостаток финансирования привел к отказу от идеи организовать отдельный музей, посвященный Великой Отечественной войне. Дирекцией музея было принято решение упразднить отдел экспозиции, посвященный событиям 1941–1945 гг., и включить его в отдел Советской Карелии. Таким образом, была сохранена целостность музейного повествования.

Экспозиция 1952 г.

Экспозиция 1952 г. во многом была наследницей предыдущего музейного показа. Она создавалась в рамках тех же общественно-политических и историографических тенденций, установившихся в послевоенные годы. Открытие экспозиции состоялось в юбилейный год 35-летия Октябрьской революции[638]. На текст экспозиции, как и на предыдущий музейный показ, большое влияние оказал учебник «История ВКП(б). Краткий курс». Концепция истории СССР в том виде, в котором она была представлена в указанном труде, сохраняла свою актуальность вплоть до середины 1950-х гг.[639]

Раздел новой экспозиции, посвященный событиям 1917–1922 гг. в Карелии, назывался «Карелия в годы Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской войны и военной интервенции». В разделе, посвященном событиям Октябрьской революции, как и в предыдущей экспозиции,значительное место уделялось историческим сюжетам, связанным с установлением советской власти в Петрограде и Москве, а также роли И. В. Сталина в победе

---

[637] Минин Н. М. Методическая разработка к экскурсии по теме «Боевая деятельность партизан и подпольщиков КФССР в Великой Отечественной войне» (1949 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. Л. 2, 5, 12.
[638] Минин Н. М. Методическая разработка к экскурсии по теме «Боевая деятельность партизан и подпольщиков КФССР в Великой Отечественной войне» (1949 г.). Л. 21.
[639] Дубровский А. М. Указ. соч. С. 336.

революции. Однако если в 1948 г. перевес общероссийского материала над местным был не столь значительным, то в 1952 г. экспозиция уже изобиловала текстовыми и плоскостными материалами (фотокопиями документов, фотографиями, графиками и диаграммами), в деталях повествующими о событиях 1917 г. В экспозиции 1952 г. преобладал иллюстративный подход, подразумевавший превалирование текстовых средств репрезентации и недостаток внимания к подлинным музейным памятникам[640].

Посетители не имели возможности ознакомиться с подлинными памятниками, даже перейдя к последнему тематическому комплексу, посвященному революционным событиям в Карелии. Как и в предыдущей экспозиции основу предметного ряда составляли фотокопии архивных документов, фотографии, исторические карты Карелии, художественные зарисовки и картины.

Текст раздела экспозиции 1952 г. по истории Гражданской войны с первых же строк цитировал «Краткий курс», немного изменяя оригинал[641]. Цитируя в пояснительных текстах указанный исторический труд, ТЭП 1952 г. наследовал от него и экспрессивные, яркие выражения, характеризовавшие события 1918–1922 гг., клише и устойчивые словосочетания.

История Гражданской войны и интервенции в Карелии в экспозиции 1952 г. вписывалась в контекст истории советской России, тем самым раскрывая значение края в борьбе против общих врагов. Врагами создатели экспозиции называли «иностранных империалистов», «буржуазию», «белогвардейских бандитов» и т. д., каждый раз окрашивая указанные слова и термины яркими отрицательными эпитетами, работавшими на создание резко негативного образа. Противостояли врагам «славные моряки», «коммунисты», «герои красногвардейцы» и т. д., чьи победы приводили к «краху» и «разгрому» противников. Большое внимание в экспозиции было уделено преступлениям интервентов и внутренних врагов против советских граждан. Фотографии братских могил, мемориальных досок с перечисленными на них именами погибших защитников Карелии, статистические данные, свидетельствовавшие о большом количестве жертв военных действий, создавали яркий образ народного бедствия, которое принесли с собой противники советской власти.

В отличие от предыдущей экспозиции, в которой Видлицкая десантная операция 1919 г. была представлена одним изобразительным экспонатом и фотокопией архивного документа, в музейном показе 1952 г. репрезентация этого события занимала объемный тематический блок, озаглавленный «Разгром белофиннов в Видлице». Вслед за карельскими историками, подчеркивавшими личное участие И. В. Сталина в разработке операции, в пояснительном тексте, предварявшем показ тематического комплекса, указывалось на ключевое значение

---

[640] Поляков Т. П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции). М., 1997. С. 31.

[641] ТЭП отдела «История Советской Карелии» (1952 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121. Л. 19; История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Правда, 1938. С. 54.

высадки десанта у олонецкого села в осуществлении «гениального Сталинского стратегического плана обороны Петрограда»[642]. Помимо телеграмм и картины художника В. Н. Попова посетители могли познакомится с деталями Видлицкой операции с помощью исторической карты, на которой была обозначена схема боевых действий, а также с карикатурой бегства белофиннов из Видлиц[643], дополнявшей негативный образ врага уничижительной характеристикой.

В экспозиции с помощью собственно музейных предметов и вспомогательных материалов реализовывался «классовый подход», который был одним из атрибутов формационной теории. Классовая принадлежность указывалась на этикетках, сопровождавших музейные предметы, и других текстовых материалах. Акцент на классовой принадлежности ставился при помощи контрастного показа или сообщения определенных характеристик, присваиваемых комплексу предметов. Например, в экспозиции 1952 г. следом за текстовым сообщением о предательстве председателя Мурманского Совдепа, «переметнувшегося на сторону англо-французских империалистов», располагалась фотография рабочего-железнодорожника, активного борца против интервентов, организатора Сорокского отделения РКП(б)[644].

Противопоставление представителей антагонистических классов в экспозициях, повествовавших о дореволюционных событиях, а также о временах российских революций и Гражданской войны, было одним из основных приемов музейной репрезентации. Тема борьбы с несправедливым устройством классового общества являлась связующим звеном, соединявшим текст экспозиции единой идеей. В структуре экспозиций отдела истории советского периода Государственного историко-краеведческого музея КФССР противопоставлялись западный капитализм и дореволюционное прошлое России и впечатляющие успехи Советского Союза, достигнутые во всех сферах жизни.

В подразделе, посвященном истории Карелии в годы довоенных пятилеток, в отличие от музейного показа 1948 г., сосредоточивавшегося на репрезентации главных строек индустриализации, рассказывалось об экономическом развитии республики в целом, давалась характеристика ключевым отраслям производства. Музейный показ был организован на основе тематического принципа, экспозиционные комплексы располагались по отраслям народного хозяйства, отдельные комплексы рассказывали о деятельности крупных промышленных предприятий. На стендах были представлены фотографии нового заводского оборудования, стахановцев и победителей социалистического соревнования, схемы производственных процессов, диаграммы, показывавшие экономический рост к 1940 г. Предметный ряд составляли орудия труда, образцы продукции заводов и фабрик Карелии.

---

642 ТЭП отдела «История Советской Карелии» (1952 г.) Л. 26.
643 Там же. Л. 26–27.
644 ТЭП отдела «История Советской Карелии» (1952 г.). Л. 21.

Далее следовал музейный рассказ о коллективизации сельского хозяйства в 1930-е гг. и развитии сельскохозяйственного производства в довоенный период. Графики и диаграммы о росте коллективных хозяйств и увеличении производимой ими продукции свидетельствовали о победе колхозного строя по всей Карелии, фотографии колхозных праздников показывали благотворное влияния объединения крестьянских хозяйств на уровень жизни села. Цитаты из учебника «История ВКП(б). Краткий курс» разъясняли посетителям сущность реформы сельского хозяйства, ее необходимость, показывали успехи в ее реализации[645]. Тематический блок по истории коллективизации завершался фотографиями И. В. Сталина и В. М. Молотова на съезде колхозников-ударников и заседания комиссии по выработке примерного устава сельскохозяйственной артели[646]. Включенные в экспозицию фотографии производственных процессов, новых объектов колхозного строительства, новой сельскохозяйственной техники свидетельствовали о качественном росте сельского хозяйства республики.

Развитие транспортной сети в Карелии в годы довоенных пятилеток было показано на примере строительства Беломорско-Балтийского канала. Визуальный ряд составляли те же экспонаты, что и в экспозиции 1948 г.: картина с изображением вождя и его соратников, осматривающих канал, фотографии строительства и первых судов, прошедших по нему[647]. Диаграммы и фотографии демонстрировали рост дорожного строительства, увеличение грузооборота по всем видам транспорта, развитие телеграфной и телефонной сетей.

Репрезентации непроизводственной сферы (просвещение, здравоохранение, искусство) в экспозиции было уделено не так много места. Цитата И. В. Сталина из речи, произнесенной на «съезде победителей» 1934 г., о преобразовании темной, неграмотной и некультурной страны в страну с «громадной сетью… школ»[648] задавала тон восприятию экспозиции, побуждала посетителей сравнить увиденное ранее в отделе истории дореволюционного периода плачевное состояние народного образования до революции и советскую систему просвещения, охватывавшую молодежь всех национальностей. Фотографии деятелей культуры и искусства, видных врачей республики, а также новых культурно-просветительных и лечебных учреждений должны были наглядно показать подъем уровня жизни населения Карелии, возможности профессиональной реализации граждан и признание важности их труда.

Как и в экспозиции 1948 г., отдельный тематический комплекс, озаглавленный «Победа социализма в СССР», пропагандировал государственную деятельность И. В. Сталина. На примере текстовых материалов и фотографий экспозиция рассказывала о принятии новой

---

[645] ТЭП «Карелия в период довоенных сталинских пятилеток» (1952 г.). Л. 12, 13; История ВКП(б). Краткий курс. С. 304.
[646] ТЭП «Карелия в период довоенных сталинских пятилеток» (1952 г.). Л. 13.
[647] Там же. Л. 18.
[648] Там же. Л. 21.

«сталинской»[649] конституции в 1936 г., работе высших органов власти СССР, лично И. В. Сталина и его соратников, направленной на преобразование страны и общества и скорейший переход от социализма к коммунизму[650]. Подраздел о довоенных пятилетках завершался музейным рассказом о подготовке СССР к активной обороне, главным вдохновителем которой также назывался И. В. Сталин.

На примере исторической карты экспозиционеры показывали процесс создания Советским Союзом восточного фронта против Германии. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. рассматривалась как часть этого процесса. Репрезентация Советско-финляндской войны в контексте подготовки к противостоянию с Германией соотносилась с точкой зрения, изложенной в брошюре «Фальсификаторы истории (историческая справка)», издание которой можно считать одним из следствий обострения идеологического противостояния между СССР и Западом. Предметный ряд тематического комплекса по истории Советско-финляндской войны по сравнению с экспозицией 1948 г. был значительно сокращен, солдатским письмам в нем места не нашлось, как и рассказам о мужестве и героизме солдат и командиров Красной Армии. В целом яркая и экспрессивная негативная риторика, использовавшаяся для описания событий 1939–1940 гг. и роли Финляндии в разжигании войны, исчезла из экспозиции.

Можно предположить, что изменения в репрезентации Советско-финляндской войны связаны с заключением между СССР и Финляндией в 1948 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, на основе которого впоследствии развивались отношения между двумя странами. Однако уже в следующем разделе экспозиции, посвященном Великой Отечественной войне, тексты изобиловали эмоционально окрашенными эпитетами, использовавшимися для характеристики финских оккупационных войск (враг «злейший», «коварный», «палачи», «захватчики», «мерзавцы», «изверги» и др.). Более вероятным представляется, что включение событий Советско-финляндской войны в общий исторический нарратив внешней политики Советского государства в период перед Великой Отечественной войной снижало «кризисность» истории советско-финляндского противостояния и способствовало сохранению целостности исторического нарратива. Выстраивание причинно-следственных связей между внешнеполитическими событиями конца 1930-х гг., снижение градуса накала в языке экспозиции, деперсонификация и в то же время героизация конфликта превращали историю острого потенциально спорного военного конфликта в часть продуманного плана по подготовке к ключевому противостоянию — Великой Отечественной войне, победа в которой на долгие годы стала одним из столпов советской, а затем уже и российской идентичности. Для того чтобы избежать возникновения альтернативных трактовок этого события, экспозиционеры

[649] Там же. Л. 25.
[650] Там же. Л. 29.

стремились максимально «закрыть» музейный показ, ограничив текстовый и визуальный ряд, «спрятав» экспозиционные материалы о советско-финляндском конфликте среди более яркого и разнообразного предметного ряда о территориальных приобретениях 1939–1940 гг.

Реэкспозиция комплексов, связанных с Великой Отечественной войной, была произведена в 1952 г., они экспонировались в разделе постоянной экспозиции «История Советской Карелии», не нарушая хронологической последовательности всей экспозиции. Таким образом, созданный в 1948 г. музейный показ не просуществовал и нескольких лет. Новая экспозиция в плане структуры и сюжета была наследницей предыдущей. Предметный ряд был незначительно обновлен, основное место на стендах по-прежнему отводилось текстовым и иллюстративным материалам. Тематические экскурсии по проблемам Великой Отечественной войны подвергались критике, а экскурсоводы упрекались в том, чтоони «не говорят языком экспонатов», излагают общеизвестный материал, не останавливаются на характеристике подлинных исторических памятников[651].

В ТЭПе раздела по истории Великой Отечественной войны было довольно много вводных и общих тем, не относящихся непосредственно к событиям в Карелии. Местный материал, в том числе и экспонатура, подчас терялся на фоне общесоюзных сюжетов. Из экспозиции исчезли все тексты, копии документов, фотографии, связанные с деятельностью Г. Н. Куприянова на посту 1-го секретаря ЦК КП(б) КФССР. Более того, в тексте экспозиции не встречалось ни одного упоминания партийного руководства республики. Партийно-политическая работа на фронте и в партизанских отрядах была представлена подлинниками и фотокопиями документов партийных ячеек, заявлений о приеме в партию, фотографиями политруков[652].

Деление экспозиции на тематические разделы соответствовало периодизации истории войны, сложившейся к концу 1940-х гг. и закрепленной в сборнике «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Ключевой фигурой освободительной борьбы был показан И. В. Сталин. Каждый тематический подраздел начинался и заканчивался цитатами из его речей и статей. Эти цитаты служили вступлением к теме, настраивали на ее восприятие, подводили своеобразный итог в конце. Именно образ И. В. Сталина был связующим звеном, сквозной темой разделов экспозиции. На протяжении музейного повествования этот образ претерпевал изменения, развивался от талантливого руководителя до подлинного вождя советских народов.

Раздел экспозиции, подготовленный научным сотрудником музея Н. Н. Горбачевой и посвященный послевоенному восстановлению народного хозяйства, достижениям республики в 4-й пятилетке, был открыт летом 1953 г. согласно приказу Министерства культуры КФССР от

---

[651] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 3/35. Л. 35.

[652] ТЭП выставки «Участие Карело-Финской ССР в Великой Отечественной войне» (1952 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 23–24, 42.

17 июля 1953 г.[653] Цель создания этого подраздела заключалась в показе основных итогов послевоенного развития края. После осмотра экспозиции посетители должны были получить целостное представление о современном экономическом и культурном облике Карелии[654]. Экспозиционный раздел был организован на основе цитат из отчетного доклада секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова XIX Съезду партии, состоявшемуся в октябре 1952 г. После смерти И. В. Сталина и до сентября 1953 г. Г. М. Маленков занимал пост председателя Совета Министров СССР, который ранее принадлежал И. В. Сталину, в партийных кругах и обществе он воспринимался как наследник и продолжатель дела советского вождя. Таким образом, в ТЭПе нашла отражение сложившаяся после смерти И. В. Сталина общественно-политическая ситуация, когда на первый план на непродолжительное время в качестве советского лидера был выдвинут бывший секретарь ЦК ВКП(б).

Цитаты из отчета Г. М. Маленкова наглядно иллюстрировались в экспозиции на основе местных примеров, свидетельствовавших о развитии экономики региона и подъеме народного благосостояния. Например, вслед за цитатой о росте заработной платы и реальных доходов рабочих и служащих[655] следовали фотографии жителей Карелии, едущих на отдых в собственном автомобиле или на мотоцикле, получающих ключи от новых квартир, проживающих в благоустроенных общежитиях с паровым отоплением и радиоточкой[656]. Предметный ряд этого подраздела составляли заполненные расчетные книжки, лицевые счета и другие документы, показывавшие рост доходов населения. Однако реальность начала 1950-х гг. часто не соответствовала музейной репрезентации.

В 1959 г. музей работал над созданием новой постоянной экспозиции. Подготовка экспозиционного плана по теме «Социалистическая культура и быт трудящихся» вновь была поручена Н. Н. Горбачевой. Один из рецензентов нового ТЭПа упрекал автора за стремление «приукрасить, подлакировать действительность»[657]. Нарекание вызвала включенная в проект экспозиции фотография рабочего Онежского завода, отправляющегося на отдых с семьей на собственной «Волге». Автор рецензии делал вывод, что составитель ТЭПа неверно ориентирован в вопросах показа социалистической действительности. Призыв к борьбе с «лакировкой» в показе многогранной жизни советского государства звучал, например, в представленном XX съезду доклада А. И. Микояна[658]. Подход к репрезентации

---

[653] ТЭП «Социалистическая культура и быт трудящихся КФССР» (1952 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 1.
[654] Иваницкий И. П. Методика построения экспозиции краеведческих музеев по истории послевоенных лет (1945–1958 гг.) / И. П. Иваницкий, М. П. Симкин. М., 1961. С. 5.
[655] ТЭП «Социалистическая культура и быт трудящихся КФССР» (1952 г.). Л. 69; Маленков Г. М. Отчетный доклад XIX Съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б) 5 окт. 1952 г. М.: Госполитиздат, 1952. С. 69.
[656] ТЭП «Социалистическая культура и быт трудящихся КФССР» (1952 г.). Л. 9–11.
[657] НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1604. Л. 37.
[658] Речь тов. А. И. Микояна (Заседание шестое) // XX съезд Коммунистической партии Советского Союза: 14-25 февраля 1956 года: Стенографический отчет. Ч. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. С. 325.

социалистического настоящего, считавшийся приемлемым в начале 1950-х гг., перестал быть актуальным в эпоху после XX съезда КПСС, когда в культуре и искусстве стало возможным практиковать более критичное освещение действительности.

Завершал музейный показ экспозиционный комплекс, посвященный участию трудящихся Карелии в борьбе за мир. Одно из центральных мест в структуре комплекса принадлежало Красному знамени, присланному трудящимися Корейской Народной Республики трудящимся Петрозаводска в честь 34-й годовщины Октябрьской революции. Рядом со знаменем располагалось приветственное письмо на корейском языке. Предметный ряд составляли также копии постановлений, резолюций и воззваний Советского комитета защиты мира и Всемирного Совета мира, Стокгольмского воззвания 1950 г. и др., фотографии делегатов Карело-Финской республики на республиканской конференции сторонников мира 1951 г., колхозников Шуйского сельсовета, подписывающихся под обращением Всемирного Совета мира[659].

Экспозиционные материалы, представленные в этом подразделе, свидетельствовали о массовой поддержке движения за мир, его интернациональности, добровольности участия жителей Карелии в миротворческой деятельности. В заочном споре с зарубежными оппонентами, настаивавшими, что Советский комитет защиты мира был аффилирован с партийными органами и был полностью подконтрольным советскому государству, контраргументами советской стороны как раз служила массовость и добровольность общественного движения[660]. Интересно, что экспозиционеры акцентировали поддержку движения со стороны рабочих и колхозников, представляя их главным активом борьбы за мир, тогда как на протяжении всего периода существования Советского комитета защиты мира в его составе значительную долю занимали представители творческой и научной интеллигенции, обладавшие в том числе опытом партийной и организационной работы[661].

Появление в экспозиции 1952–1953 гг. и последующих музейных показах этого тематического комплекса обусловлено тем, что с конца 1940-х гг. движение за мир пропагандировалось в СССР как действенный инструмент внешней политики, успешная инициатива, поддержанная многими странами. Кроме того, на внешней арене Советский комитет позволял продвигать социалистическую идеологию, подчеркивая ее миролюбивый характер[662]. Музейный показ начала 1950-х годов, направленный на внутреннюю аудиторию, пропагандировал преимущества социалистического строя среди советских граждан, представляя в выгодном свете не только успехи в народном хозяйстве, но и достижения в

---

[659] ТЭП «Социалистическая культура и быт трудящихся КФССР» (1952 г.). Л. 64-67.
[660] Раева Т. В. Советское движение за мир в послевоенной культурной дипломатии: институты, дискурсы, практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17. № 2. С. 20–21.
[661] Там же. С. 21.
[662] Там же. С. 24.

международной политике, противопоставляя агрессивные действия «империалистов» последовательной политике мира, реализуемой СССР.

В заключении экспозиции приводилась цитата из речи, произнесенной Г. М. Маленковым на траурном митинге в день похорон И. В. Сталина 9 марта 1953 г.: «С твердой верой в свои неисчерпаемые силы и возможности, советский народ творит великое дело строительства коммунизма. В мире нет таких сил, которые могли бы остановить поступательное движение советского общества к коммунизму»[663]. Несмотря на то что речь носила траурный характер, приведенная из нее цитата должна была утвердить посетителей музея в мысли о том, что цель, с которой большевики пришли к власти в 1917 г., будет достигнута.

Интересно, что способ организации экспозиций вокруг цитат из партийных и программных документов, материалов съездов и пленумов Центрального комитета партии будет взят на вооружение музейными работниками и активно применяться в экспозициях 1960–1980-х гг. Недостатком подобной структуры можно назвать быстрое устаревание музейного показа и утрата им актуальности и политической остроты. Так, например, экспозиция 1960 г. цитировала материалы XXI съезда, состоявшегося в 1959 г. Однако уже на следующем внеочередном съезде был принят один из ключевых документов хрущевской эпохи — Программа КПСС. Экспозиция по советскому периоду, открытая в 1963 г., цитировала программные положения, вслед за которыми располагались предметы и материалы, характеризовавшие ту или иную отрасль народного хозяйства Карелии на момент создания экспозиции и обозначавшие перспективу дальнейшего развития. К 1967 г. стало понятно, что СССР может так и не достигнуть амбициозной цели построить коммунизм к 1980 г. Жизнеутверждающая экспозиция 1963 г. была заменена в 1967 г., в основу ее организации были положены материалы XXIII съезда, состоявшегося в 1966 г. Новая экспозиция уже не обращалась к будущему, сосредоточившись на репрезентации достижений настоящего, так же как и экспозиции 1983, 1987 гг., которые ориентировались на материалы XXVI и XXVII съездов. Для организации экспозиции 1987 г. использовалась новая редакция Программы КПСС, принятая на партийном форуме в 1986 г., однако специфика программного документа, не обозначавшего сроки выполнения основных положений, не рисовала четкой картины будущего.

Экспозиция 1952 г. создавалась как полноценный постоянный музейный показ, рассчитанный на десятилетие экспонирования. Проведение реэкспозиции — это сложный и трудоемкий процесс, сопряженный с серьезными материальными затратами, организацией изучения фондовых коллекций и их научного описания, научной проработки концепции и тематических планов экспозиции. Однако после оглашения решений XX съезда КПСС некоторые тенденции в

[663] ТЭП «Социалистическая культура и быт трудящихся КФССР» (1952 г.). Л. 67; 10 марта 1953 г. на Красной площади в Москве состоялись похороны Иосифа Виссарионовича Сталина: Речь тов. Г. М. Маленкова // Ленинское знамя. 1953. 10 марта (№ 55). С. 1.

советской исторической науке, характерные для сталинской эпохи, стали оцениваться как «субъективистские ошибки в изучении истории», «чуждые марксизму-ленинизму»[664].

Экспозиции 1957, 1960, 1963 гг.

Рассмотрим некоторые особенности экспозиций Государственного историко-краеведческого музея КАССР, созданных в хрущевскую эпоху. В 1957 г. к юбилею революции 1917 г. был реэкспонирован подраздел, посвященный революционным событиям и Гражданской войне в России и Карелии. В 1960 г. музей полностью сменил свою постоянную экспозицию, а в 1963 г. были улучшены некоторые разделы, наибольшее количество изменений коснулось отдела по истории советской Карелии.

Лейтмотивом исследований советских историков было освещение роли народных масс как главной созидающей силы общественного развития. Традиционными сюжетами, привлекавшими внимание советских ученых, по-прежнему оставались классовая борьба и роль «передовых классов» в истории России[665]. В связи с реабилитацией многих революционеров, репрессированных в годы правления И. В. Сталина, и возвращением к ленинским революционным ценностям, новый виток актуальности переживали исследования по истории Октябрьской революции и Гражданской войны.

Если в историографии период со второй половины 1950-х до начала 1970-х гг. был временем восстановления «ленинской концепции» исторического процесса, а также преодоления сталинских ошибок и извращений[666], то в советском музееведении он ознаменовался противоборством двух подходов к построению экспозиции. С одной стороны, иллюстративный подход к репрезентации исторических событий и преобладание вспомогательных и текстовых материалов воспринимались в музейном сообществе как явный недостаток экспозиции. С другой — у сторонников музейной подлинности не было альтернативных музейных средств для преодоления этого недостатка[667].

Так, например, в отзыве на новый ТЭП старшего сотрудника НИИ музееведения М. П. Симкина, полученном карельским музеем в августе 1957 г., отмечалось, что существенным недочетом разделов экспозиции по истории революции и Гражданской войны являлось чрезмерное обилие объяснительных текстов и многословие[668]. В тексте отзыва подчеркивалась мысль о том, что в музейных экспозициях обязательно должны присутствовать

---

[664] Данилова Л. В. Указ. соч. С. 65; Шерман И. Л. Советская историография гражданской войны в СССР (1920–1931). Харьков: Изд-во Харьк. ун-та., 1964. С. 6; Дубровский А. М. Указ. соч. С. 788.
[665] Данилова Л. В. Указ. соч. С. 63.
[666] Афанасьев Ю. Н. Указ. соч. С. 28.
[667] Поляков Т. П. Указ. соч. С. 38.
[668] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 5/80. Л. 51.

подлинные исторические памятники, и в этом отношении в экспозиции музея оставался очень большой пробел[669]. Более того, в представленном на рецензирование плане отсутствовали реликвийные предметы, такие как наградное оружие, знамена, без которых показ революционных событий был неполон.

Эти же недостатки провинциальных музейных экспозиций отмечались и в приказе Министерства культуры СССР № 397 от 17 июня 1957 г. «О мерах по улучшению деятельности краеведческих музеев». В приказе указывались такие общие недостатки экспозиций краеведческих музеев, как «схематизм, цитатничество, догматическая трактовка важных вопросов» и др. Первопричиной этих недостатков называлось преобладание вспомогательных и текстовых материалов, а не подлинных музейных памятников[670]. Карельские экспозиционеры учли рекомендации, полученные из НИИ музееведения, и в новую версию тематико-экспозиционного плана были добавлены новые экспонаты, однако проблема со вспомогательными материалами все равно не была решена.

Анализ протоколов музейного совета, обеспечивавшего научно-методическое руководство экспозиционной работы и принимавшего решения об утверждении или доработке ТЭПов, показывает, что музейные работники не видели проблему в фактическом отсутствии экспонатов. На первый план в их обсуждениях выходили конкретные исторические сюжеты, которые требовалось воплотить в экспозиции или наоборот скорректировать. То есть первичным для самих музейщиков выступало событийное наполнение исторических экспозиций, а не демонстрация богатств фондовых коллекций. Так, на заседании совета, проходившем 6 июля 1957 г. и посвященном обсуждению экспозиции по революции и Гражданской войне, не было сказано ни слова о необходимости введения новых экспонатов, напротив, предлагаемое увеличение количества репрезентируемых исторических сюжетов подразумевало использование все тех же текстовых, вспомогательных и документальных материалов. Обсуждение формы представления и подачи исторического материала в экспозиции подменялось дискуссиями о сути и значении исторических событий времен революции и Гражданской войны[671].

В целом центральный раздел экспозиции по истории советского периода повторял структуру экспозиции 1952 г.: использовались те же ленинские цитаты, документы и достаточно ограниченный предметный ряд. Несмотря на то что в этот период были изданы обобщающие труды по истории Октябрьской революции в Карелии (например, монография М. И. Шумилова «Борьба большевистских организаций Карелии за победу и упрочение советской власти (1917–1918 гг.)», выпущенная в том же юбилейном 1957 г.), они не оказали значительного влияния на текст экспозиции, который все еще ориентировался на «Краткий курс». В 1950–1960-е гг.

---

[669] Там же.
[670] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 5/80. Л. 139 об.
[671] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 5/81. Л. 36–38.

политический режим, сформировавшийся в 1930-е гг., продолжал сохранять свои важнейшие черты и идеологические ценности[672]. В этой связи многие тенденции в историографии рассмотренного периода в полной мере не проявлялись в ТЭПах 1957, 1960 гг.

В 1960 г. завершилась реконструкция здания Государственного историко-краеведческого музея КАССР, увеличилась экспозиционная площадь[673]. Это привело к необходимости разработки новой экспозиции. Кроме того, 1960 г. был юбилейным для республики, отметившей свое 40-летие. Согласно плану мероприятий Министерства культуры КАССР по подготовке к юбилейным торжествам, музею поручалось открыть новую экспозицию по разделам «КАССР за годы Советской власти»[674]. В этом же году сотрудники музея завершили разработку тематических экспозиционных планов по отделам дореволюционного прошлого и советского периода.

9 января 1960 г. было издано постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Одной из главных задач, ставившихся партией и правительством в том числе перед культурно-просветительными учреждениями, называлось «формирование нового человека с коммунистическими чертами характера, привычками и моралью»[675]. В основе партийной пропаганды, согласно постановлению, должны лежать история партии и страны, исторические примеры «самоотверженной борьбы советского народа за победу коммунизма»[676]. Подчеркивалось, что воспитание молодежи должно опираться на боевые традиции прошлого и героику настоящего. Музеям, как подлинным центрам агитационно-пропагандистской работы, отводилась в политическом воспитании не последняя роль. На примере музейных исторических репрезентаций посетители, прежде всего молодежь, приобщались к богатому историко-культурному наследию края, вдохновлялись успехами трудящихся Карелии на современном этапе. Предполагалось, что экспозиции краеведческих музеев по истории советского периода наглядно продемонстрируют успешное претворение в жизнь идей марксизма-ленинизма в народнохозяйственной, культурной и общественных сферах в своем регионе[677]. Тем не менее особенности общественно-политической и историографической ситуации конца 1950-х гг. наложили определенный отпечаток на то, насколько успешно музей выполнял задачи, возложенные на него постановлением ЦК КПСС.

Новая экспозиция была лишена объемной «вступительной части», однако общеисторический контекст революционных событий в Карелии также не остался без внимания. На музейные

---

[672] Дубровский А. М. Указ. соч. С. 788.
[673] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 8/117. Л. 29.
[674] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 8/117. Л. 16.
[675] Постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» (9 января 1960 г.) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 9. 1956–1960. М.: Политиздат, 1986. С. 491.
[676] Там же. С. 502.
[677] Иваницкий И. П. Указ. соч. С. 10.

витрины и стенды были возвращены портреты революционеров и участников Гражданской войны, репрессированных в 1930-е гг. Например, предметный ряд экспозиции 1960 г. дополнился необычным экспонатом — фрагментом игрушки, подаренной В. И. Лениным сыну финского революционера Г. С. Ровио, расстрелянного в 1938 г., у которого В. И. Ленин жил во время пребывания в Гельсингфорсе (Хельсинки) в 1917 г.[678]

ТЭП 1960 г. в целом сохранил структуру раздела по истории Гражданской войны экспозиции 1952 г. Место общероссийского материала в экспозиции заняли сюжеты, связанные с комсомольской организацией и партизанским движением в Карелии. Так, из сюжета о десанте Онежской флотилии в с. Видлице Олонецкого уезда в июне 1919 г. исчезли упоминания об участии И. В. Сталина в планировании этой военной операции. В то же время приводился текст его телеграммы В. И. Ленину из Петрограда в Москву, сообщавшей о поражении финнов под Видлицей[679]. Уже в следующей экспозиции 1963 г. эта телеграмма будет заменена на публикацию в газете «Петроградская правда» об успехах советских войск в районе с. Видлица[680].

Одним из новых подразделов в экспозиции 1960 г. по истории Гражданской войны был тематический комплекс «Тыл — фронту». Анахроничное репрезентируемому периоду название комплекса отсылает к лозунгу времен Великой Отечественной войны, подталкивая посетителей проводить исторические параллели между двумя войнами. К образам Великой Отечественной войны апеллировал и заголовок другого подраздела «Карельские партизаны — боевые помощники Красной армии»[681]. Эти примеры демонстрируют реализацию одного из мотивов, использовавшихся советскими экспозиционерами в репрезентации военных конфликтов, а именно преемственности боевых традиций советского народа, солидарности граждан в достижении победы. В свою очередь обеспечение преемственности является одной из целей создания исторических репрезентаций, преемственность показывает связь между эпохами, легитимирует существующий порядок вещей как обусловленный историческим прошлым. Таким образом, история страны или народа «становится важнейшим актом самоидентификации»[682].

Следующий раздел был посвящен показу истории Карелии в период восстановления и реконструкции народного хозяйства в 1921–1940 гг. Раздел начинался с цитаты из резолюции XVII съезда ВКП(б), состоявшегося в 1939 г., об осуществлении в СССР первой фазы

---

[678] ТЭП «История Карельской АССР» (1960 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. Л. 33.
[679] Там же. Л. 27.
[680] ТЭП «История Советской Карелии (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.)» (1963 г.) / Сост. Л. Андреева, В. Хапов // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215. Л. 31.
[681] ТЭП «История Карельской АССР» (1960 г.). Л. 30.
[682] Тишков В. А. Диалог истории и антропологии // Валерий Тишков: Институт этнологии и антропологии РАН. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/dialog_ist.html (дата обращения: 25.12.2025).

строительства коммунистического общества — социализма и закреплении победы социализма в новой конституции, принятой в 1936 г.[683] Далее следовал ведущий текст о том, что за годы советской власти благодаря заботе партии и правительства Карелия превратилась из «отсталой окраины царской России» в республику с «высокоразвитой экономикой и культурой». Дальнейшие разделы экспозиции должны были доказывать справедливость данного утверждения. Для этого экспозиционеры использовали сравнительные таблицы, статистические данные, позволявшие сравнить экономическое и культурное развитие региона до и после 1917 г. Некоторые тематические экспозиционные комплексы выстраивались как зеркальное отражение комплексов по истории дореволюционной Карелии, посвященных той же теме. Подобный прием использовался, чтобы показать контраст между дореволюционным прошлым и советским настоящим.

Раздел был организован на основе тематико-хронологического принципа расположения экспозиционных комплексов, посвященных истории развития разных отраслей промышленности, — от ключевых в экономике Карелии к второстепенным. Как и в отделе по истории дореволюционной Карелии, последовательность репрезентации тематических комплексов определялась тем, относились ли они к базисным явлениям или надстроечным. Таким образом, тематические комплексы, рассказывавшие о «надстройке» — развитии культуры, образования, медицины и др. — располагались в конце раздела. На основе этого принципа строились и остальные постоянные экспозиции 1960—1980-х гг., повествовавшие о развитии экономики и непроизводственной сферы в Советской Карелии.

Основу предметного ряда составляли орудия труда, детали оборудования, модели станков, образцы продукции предприятий Карелии, а также награды за достижения в производстве (переходящие знамена, вымпелы, медали, наградные вещи передовиков). Визуальный ряд дополнялся фотографиями предприятий и цехов, производственных процессов, передовиков и стахановцев. Аналогичным образом были устроены и подразделы по истории развития непроизводственной сферы. Можно отметить, что состав и организация предметного ряда, сложившиеся к 1960 г., оставались практически неизменными на протяжении рассматриваемого периода. В подразделах постоянной экспозиции по истории Карелии показывалась эволюция средств производства и производственных процессов, рост уровня культуры, образования, медицины от начала социалистического строительства до периода развитого социализма, однако принципиально новых подходов к репрезентации развития народного хозяйства и народного благосостояния музейщиками не предлагалось. Таким образом, как на уровне структуры, так в плане предметного ряда в музее сложился определенный канон репрезентации

[683] Резолюция XVIII Съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова // XVIII Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) 10-21 марта 1939 г.: Стенографический отчет. М.: ОГИЗ: Гос. изд-во полит. лит., 1939. С. 648.

социалистической эпохи. В то же время на событийную канву музейного повествования оказывали значительное влияние преобладавшие в разное время тенденции в историографии и общественно-политической жизни.

Если в предыдущих экспозициях большое значение имела репрезентация индустриализации и коллективизации, раскрывались цели, задачи и основные успехи периода первых «сталинских» пятилеток, то в новом музейном показе 1960 г. термин «индустриализация» исчез из музейных текстов. Коллективизация крестьянских хозяйств была представлена с помощью таблицы, свидетельствовавшей о росте численности колхозов в 1930–1936 гг., более этот термин также в текстах не встречался. Некоторые причины исчезновения ключевых для репрезентируемой эпохи терминов можно отыскать как раз в особенностях историографической и общественно-политической ситуации, сложившейся на момент создания экспозиции.

В советской историографии после XX съезда партии и ослабления партийно-идеологического давления на историков усилился интерес к проблемам истории аграрной политики большевиков. Обозначились тенденции к пересмотру устоявшихся взглядов на процесс коллективизации, которые во многом были обусловлены доминированием исторических концепций, изложенных в учебнике «История ВКП(б). Краткий курс», в предыдущую историографическую эпоху. В научный оборот вводились новые архивные документы конца 1920-х — начала 1930-х гг., расширился круг проблем по истории аграрных преобразований, историки получили возможность публиковать исследования критического характера по отдельным аспектам коллективизации. В частности, высказывалось сомнение в массовости поддержки колхозного движения и соблюдения принципа добровольности при вступлении в колхозы[684].

Похожие процессы наблюдались и в исторических работах, посвященных индустриализации. Например, в фокус исследования попала проблема эффективности и производительности труда, отмечались отдельные просчеты, приводившие к проблемам на производстве. Говоря об укомплектованности предприятий кадрами, невозможно было не коснуться вопроса о репрессиях в отношении руководящих кадров[685]. Таким образом, ключевые исторические явления сталинской эпохи теряли однозначность интерпретации, стали объектом критического анализа. Кроме того, по некоторым вопросам недавней истории СССР еще не было выработано четкой позиции как в партийных кругах, так и в историческом сообществе. После XX съезда историки, отказавшиеся от сталинского прочтения истории и получившие доступ к архивным документам, стремились к научной истине, а не подтверждению готовых концепций, тем не

[684] Иванов В. В. Коллективизация сельского хозяйства в освещении советской историографии // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 4. С. 204–205.
[685] Володин С. Ф. Историография периода «оттепели» (1953–1964 гг.) об эффективности труда в годы первых пятилеток // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12–1 (62). С. 46–47.

менее оставаясь в рамках, очерченных марксизмом-ленинизмом[686].

Определенное ослабление идеологического давления на общество в период оттепели дало возможность обсуждать более открыто причины возникновения культа личности, по-новому взглянуть на экономические, политические и социальные проблемы, корни которых находились в сталинской эпохе[687]. В молодежной студенческой среде зачастую рождались взгляды, прямо противоречившие курсу партии и правительства. Молодежь стремилась к самостоятельной социальной жизни, не всегда довольствуясь отведенными для нее рамками комсомола и неформальных студенческих объединений[688]. Радикализации взглядов и умонастроений молодых людей также способствовали Венгерское восстание и волнения в Польше 1956 г.: жесткие действия советского правительства по отношению к восставшим вызывали протест и несогласие даже у лояльной молодежи, после этих событий в студенческой среде стали появляться нелегальные политические группы, кружки[689].

Для того чтобы защитить музейный нарратив от возможных неправильных интерпретаций, не побуждать музейную аудиторию, прежде всего молодежь как основной объект воздействия воспитательной политики, к дискуссиям, музейщики предпочли убрать из текста экспозиции термины «индустриализация» и «коллективизация», а также несущий ярко выраженную негативную окраску термин «кулак» по отношению к зажиточному крестьянству. Аналогичным образом экспозиционеры поступили и с другими событиями, отношение к которым в обществе было неоднозначным, например Советско-финляндской войной 1939–1940 гг.

Особенностью репрезентации довоенного периода в ТЭПе 1960 г. можно назвать отсутствие периодизации истории Карелии, основные вехи которой в предыдущую историографическую эпоху отсчитывались по первым пятилетним планам, а также важнейшим событиям в истории СССР — партийным съездам, выборам. В 1960 г. в фокусе внимания создателей экспозиции находилась экономическая история Карелии, событийное наполнение экспозиции складывалось из дат основания новых предприятий, введения передовых технологий на производстве, участия карельских колхозов во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. То есть в музейном пространстве не нашлось места для репрезентации общественно-политической жизни республики 1920–1930-х гг. Более того, Советско-финляндская война 1939–1940 гг., включение в состав республики новых районов, преобразование Карелии в союзную республику также не были отражены в экспозиции. Карело-Финская ССР перестала существовать в 1956 г.,

---

[686] Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997. С. 4–5.

[687] Бокова Я. М. Эволюция общественных настроений и массового сознания советского общества в середине 50-х — первой половине 60-х гг. XX века // Исторические исследования: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). Казань: Бук, 2015. С. 41–45. URL: https://moluch.ru/conf/hist/archive/129/7977 (дата обращения: 24.12.2025).

[688] Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 277, 279.

[689] Там же. С. 279–280.

репрезентация обстоятельств ее создания и преобразования в автономную республику, вызванных в том числе и внешнеполитическими причинами, к 1960 г. в условиях значительного улучшения отношений с соседней Финляндией могла быть воспринята аудиторией неоднозначно. Кроме того, в первой половине 1960-х гг. Карелию стали посещать иностранные туристические группы, прежде всего из Финляндии[690], отсутствие в исторической экспозиции «неудобных» исторических сюжетов могло способствовать повышению имиджа Карелии как вполне «дружелюбного» туристического места.

Следующий раздел постоянной экспозиции был посвящен истории Карелии в период Великой Отечественной войны. Раздел начинался с ведущего текста, весьма вольно заимствующего и интерпретирующего некоторые фразы из вступительной части первого тома обобщающего труда по истории Великой Отечественной войны, изданного в 1960 г. Первая книга многотомника рассказывала о международной обстановке, сложившейся в Европе перед нападением Германии на СССР. Заявлялось, что «монополистические реакционные круги США, Англии и Франции вскормили гитлеризм» и помогли подготовиться к нападению на СССР[691], «империалисты… потворствовали агрессорам»[692], целью же их было, в конечном счете, с помощью Германии уничтожить Советский Союз. В тексте экспозиции указывалось, что монополистические группы этих стран «вдохновили» Германию напасть на СССР[693]. Если в цитируемом издании говорилось о содействии капиталистических держав гитлеровской Германии на этапе подготовки войны против СССР, то составители экспозиции делали их соучастниками германской агрессии. В следующей экспозиции по истории Великой Отечественной войны, созданной в 1964 г., для составления пояснительного текста о начальном этапе войны использовались цитаты из книги «История Коммунистической партии Советского Союза», изданной в 1963 г. Выбранные цитаты уже не содержали никаких упоминаний об империалистских пособниках Германии[694].

Тенденция возлагать вину заусиление международной напряженности предвоенных лет на капиталистические страны в пику зарубежным историкам, которые разделяли ответственность за развязывание войны своих правительств с правительством СССР, утвердилась с началом холодной войны. Пересмотр роли союзников в достижении победы над Германией также стал

---

[690] Шорохова И. В. Иностранные туристы в Карелии: становление туристической отрасти Края в 1960-е годы // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 8. Самара, 2020. С. 117. URL: http://sbornik.libsmr.ru/(дата обращения: 26.12.2025).

[691] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: В 6 т. Т. 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. М.: Воениздат, 1960. С. XVII.

[692] Там же. С. XVIII.

[693] ТЭП «История Карельской АССР» (1960 г.). Л. 57.

[694] История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. 2-е, доп. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1963. С. 537; ТЭП раздела «Карелия в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» (1964 г.) / Сост. И. М. Мулло, Л. А. Андреева // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 283. Л. 7.

следствием обострения отношений между социалистическим и капиталистическим блоками[695]. Одним из ведущих направлений в советской историографии стала борьба с буржуазными фальсификаторами истории, стремившимися проблематизировать причины начала Второй мировой войны, используя опубликованную в 1948 г. дипломатическую переписку между СССР и Германией 1939–1940 гг.[696] В СССР подлинность этих документов долгое время отвергалась. Появление в экспозиции 1960 г. вступительного ведущего текста, в котором обличалась предвоенная политика Запада, можно назвать следствием обострения внешнеполитической обстановки, а также наследием предыдущей историографической эпохи.

В представленном на XX съезде КПСС докладе Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» большое значение было уделено вопросам истории Великой Отечественной войны. Значительное место уделялось критике военного руководства И. В. Сталина, методы вождя прямо назывались «порочными», а действия — противоречившими «здравому смыслу»[697]. Осуждению подверглось и утвердившееся в годы войны и первое послевоенное десятилетие представление о том, что победа являлась результатом «гения Сталина»[698]. Особенно отмечалось, что изучение истории войны приобрело огромное политическое и воспитательное значение для общества, в этой связи необходимо было в новых исторических трудах подчеркнуть огромную роль партии и народа в достижении победы[699]. В докладе опровергался тезис о внезапности нападения Германии на Советский Союз. Первый секретарь обращал внимание съезда на то, что И. В. Сталин обладал достоверной информацией из многочисленных источников о подготовке Германии к войне с СССР, но не предпринял мер для организации эффективной обороны страны[700].

Из текста экспозиции 1960 г. по истории Великой Отечественной войны в Карелии исчезли все упоминания о И. В. Сталине, на этикетки к фотокопиям документов за подписью И. В. Сталина указывалась только должность «Верховный главнокомандующий»[701]. Материалы музейного показа в большей степени рассказывали о людях — жителях Карелии, бойцах Карельского фронта, партизанах и подпольщиках, жертвах оккупационного режима.

В 1960 г. в Государственном историко-краеведческом музее КАССР сложилась схема

---

[695] Мазур Л. Н. Особенности начального этапа историографии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Ноябрьские историко-архивные чтения в Пермском партархиве, 2020: [сборник]. Пермь: Б. и., 2021. С. 10–19. // Пермский государственный архив социально-политической истории. URL: https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/november-readings/noyabrskie-istoriko-arhivnye-chteniya-v-permskom-partarhive-v-2020-godu/materialy-nauchnoj-konferentsiii-noyabrskie-istoriko-arhivnye-chteniya-2020-g/osobennosti-nachalnogo-etapa-istoriografii-velikoj-otechestvennoj-vojny-1941-1945-gg.html (дата обращения: 26.12.2025).

[696] Афанасьев Ю. Н. Указ. соч. С. 283.

[697] «О культе личности и его последствиях». Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1956 г. // Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 89.

[698] Там же. С. 91.

[699] Там же. С. 84, 92-93.

[700] Там же. С. 84.

[701] ТЭП «История Карельской АССР» (1960 г.). С. 68.

репрезентации Великой Отечественной войны, которая оставалась практически неизменной на протяжении 1960–1980-х гг. Значительное влияние на формирование схемы показа событий войны оказало изданное Научно-исследовательским институтом музееведения в 1957 г. методическое пособие, в котором была предложена типовая схема подраздела о войне в краеведческих музеях. Подчеркивалось, что военный раздел имел в структуре музейного показа важное воспитательное значение, оказывал глубокое эмоциональное воздействие на посетителей. Основной задачей, которая стояла перед музейщиками, проектировавшими этот раздел, называлось воспитание чувства гордости за советскую Родину и Коммунистическую партию[702]. Посещение экспозиции по истории войны должно было привести музейную аудиторию к мысли о превосходстве социалистической системы над капиталистической, а также морально-политическом единстве советского народа перед лицом смертельной опасности[703].

Автор методического пособия подчеркивал, что рассказ о событиях Великой Отечественной войны должен строиться на местном материале, предостерегал от иллюстративности и перегруженности музейного показа плоскостными материалами[704]. Следуя методическим указаниям, составители ТЭПа убрали из экспозиции материалы, не относящиеся напрямую к истории Карелии, соответственно, исчезли характерные для предыдущего историографического этапа особенности периодизации истории. Оставшиеся «карельские» тематические экспозиционные комплексы составили основу новой и последующих экспозиций.

В музейных показах 1960-х гг. впервые появился сюжет, который сложно было представить в экспозиции предыдущего периода, а именно положение советских военнопленных на оккупированной территории. Этикетка под экспонатом — дверью камеры Олонецкого концлагеря для советских военнопленных — гласила, что военнопленные страдали от издевательств и непосильной работы, пыток и насилия[705]. Как и раньше, в экспозиционный комплекс входили личные вещи заключенных петрозаводских концлагерей для гражданского населения. Комплекс также включал в себя знаменитую фотографию Г. З. Санько «Узники фашизма», сделанную в освобожденном Петрозаводске в 1944 г., и агитационные плакаты с призывом к воинам Красной Армии отомстить и «громить фашистов в святом бою»[706].

Как и в экспозициях 1950-х гг., репрезентация ужасов оккупационного режима использовалась для того, чтобы вызвать у аудитории определенное чувство — ненависть к врагу. Так, в методическом пособии 1957 г. указывалось, что этот раздел воспитывает ненависть к фашизму и «ко всем тем, кто пытается в настоящее время проповедовать

[702] Симкин М. П. Великая Отечественная война Советского Союза в экспозиции краеведческого музея / НИИ музееведения. М.: Госкультпросветиздат, 1957. С. 4.
[703] Симкин М. П. Указ. соч. С. 4.
[704] Там же.
[705] ТЭП «История Карельской АССР» (1960 г.). Л. 60–61.
[706] Там же. Л. 61.

человеконенавистнические взгляды и теории и готовит новую войну»[707], подразумевая под новыми врагами западных империалистов. В центральной газете КАССР «Ленинская правда», как и во многих региональных органах печати, последняя полоса отводилась для репортажей и заметок по внешнеполитическим вопросам. Газетные заметки рассказывали о войнах колониальных стран за независимость, например Алжирской войне 1954–1962 гг., зачастую используя ярко окрашенную лексику и живописуя ужасы войны. Советские медиа, частью которых являлись и идеологически заряженные музейные экспозиции, в послевоенный период транслировали антикапиталистические настроения. С нарастанием напряженности и обострением холодной войны все более отчетливо транслировалось противопоставление «мы–они»: СССР поддерживает и последовательно проводит политику мира, что особо подчеркивалось в докладах Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС и 3-й сессии Верховного Совета СССР 1959 г., в противовес западным поджигателям войны[708]. Для усиления этого образа часто использовались исторические параллели, в том числе с периодом Великой Отечественной войны, а также специфическая лексика, отсылавшая к языковым штампам военного периода. Например, в советских газетах, в том числе и карельском «Ленинском знамени», распространенной практикой было использование яркой, эмоционально окрашенной лексики для описания действий капиталистических стран в отношении своих колоний или стран третьего мира. Подобная лексика в годы Великой Отечественной войны употреблялась для описания действий фашистов на захваченных территориях[709].

Значительно пополнились экспонатами подразделы о деятельности подпольных партийных и комсомольских ячеек и партизанских отрядов в тылу противника. Так, посетители могли познакомиться с устройством походной типографии Шелтозерской подпольно-комсомольской группы, выпускаемыми подпольщиками листовками и газетами. Неизменный интерес у посетителей вызывали личные вещи и документы Героев Советского Союза М. В. Мелентьевой и А. М. Лисицыной. Одними из центральных экспонатов тематического экспозиционного комплекса о партизанах Карельского фронта являлись предметы боевого снаряжения партизан: оружие, компас, маскхалат, плащ-палатка. Предметный ряд подраздела о работе тыла все также

---

[707] Симкин М. П. Указ. соч. С. 24.

[708] Доклад тов. Н. С. Хрущева «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы» // Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза: 27 января — 5 февраля 1959 года: Стенографический отчет. Ч. 2. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 72–84; Доклад Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева о международном положении и внешней политике Советского Союза на III сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1959 г. // Внешняя политика СССР: Документы и материалы. Вып. IV (октябрь–декабрь 1959 г.). Б. м., 1959. С. 217–218.

[709] См., напр.: Злодеяния американских агрессоров в отношении военнопленных // Ленинское знамя. 1952. 22 ноября (№ 231). С. 4; Американская авиация продолжает варварские бомбардировки мирных городов и сел Кореи // Ленинское знамя. 1952. 9 декабря (№ 242). С. 4; Американские агрессоры применяют газы против военнопленных // Ленинское знамя. 1953. 13 февраля (№ 33). С. 4; Произвол французских властей в Марокко // Там же; Филиппины под гнетом американских империалистов // Ленинское знамя. 1953. 3 марта (№ 48). С. 4 и др.

составляли переходящие Красные знамена, врученные передовым трудовым коллективам, портреты Героев труда, макеты и образцы продукции, поставлявшейся на фронт предприятиями Карелии, и др. Следующие несколько экспозиционных комплексов, посвященных освобождению Карелии и Советского Заполярья, были дополнены новыми экспонатами — медалями времен Великой Отечественной войны и наградными документами, макетами и картинами боевых операций. В указанных разделах много места уделялось описанию подвигов конкретных бойцов, партизан и тружеников тыла, подчеркивалось, что ведущую роль и на фронте, и на производстве играли коммунисты и комсомольцы[710].

Вслед за пожеланиями, высказанными Н. С. Хрущевым к содержанию и направленности исследований по истории войны, в исторических работах, появившихся после XX съезда, одним из главных факторов в достижении победы называлась руководящая и организаторская роль партии и ее членов — активных коммунистов[711]. Именно эту идею, согласно методичке НИИ музееведения 1957 г., необходимо было донести до посетителей, она была ключевой для всего раздела[712]. Роль коммунистической партии в достижении победы подчеркивалась в исторических исследованиях по истории Карелии, созданных в этот период. Так, в монографии «Освобождение Советской Карелии», изданной в 1956 г., автор А. Д. Борисов указывал, что главная заслуга в победоносном завершении войны на Карельском фронте принадлежала «мудрой Коммунистической партии, героическому советскому народу и его доблестным вооруженным силам»[713]. Таким образом, советские медиа после XX съезда КПСС унифицировали транслируемый советскому обществу нарратив о факторах достижения победы в Великой Отечественной войны, среди которых ключевым была руководящая роль коммунистической партии.

В экспозиции музея эту идею подтверждали представленные на стендах и витринах экспонаты: армейский боевой листок 1944 г. под заголовком «Личный пример наших коммунистов», комсомольские и партийные билеты, пробитые осколками снарядов, «залитые кровью солдата-комсомольца», фотокопии заявлений красноармейцев о приеме в партию и в комсомол, составленные перед боем[714]. Личные документы партийных солдат и партизан, сохранившие на себе следы войны, должны были показать, что коммунисты первыми шли в бой, вели за собой товарищей, отдавали свои жизни, защищая Родину.

В ТЭП 1960 г. по истории Великой Отечественной войны также был включен комплекс о восстановлении народного хозяйства после освобождения республики. Экспозиционный

---

[710] ТЭП «История Карельской АССР» (1960 г.). Л. 69.
[711] Афанасьев Ю. Н. Указ. соч. С. 286.
[712] Симкин М. П. Указ. соч. С. 26, 30.
[713] Борисов А. Д. Освобождение Советской Карелии (1944 год). М.: Военное изд-во Мин-ва обороны СССР, 1956. С. 98.
[714] ТЭП «История Карельской АССР» (1960 г.). С. 68–69.

комплекс составляли фотографии восстановленных предприятий и нового промышленного строительства, передовиков производства и рационализаторов, орудия труда, модели сельскохозяйственных машин, рыболовецких судов, строящихся стандартных жилых домов[715]. Верхней хронологической границей этого подраздела можно считать конец 1940-х гг., так как представленные в экспозиционном комплексе предметы прямо отсылали к этому периоду, например фотографии Петрозаводского домостроительного комбината, открытого в 1948 г., модель построенного в 1949 г. комбинатом панельного дома и др.

Следующий раздел постоянной экспозиции был посвящен развитию Карелии на современном этапе. На текст ТЭПа огромное влияние оказали материалы XXI съезда КПСС, который состоялся в 1959 г. Интересно, что период до и после XX съезда не был показан в экспозиции. В ТЭПе 1960 г. по истории советского периода не было ни одной цитаты из материалов съезда, ни одного экспоната, связанного с проведением партийного форума, несмотря на то, что решения, принятые на съезде, очевидно, оказали огромное влияние на репрезентацию прошлого в музее. Создатели музейного показа вновь прибегли к приему умолчания для того, чтобы «обезопасить» свой нарратив от возможных дискуссий, случайных интерпретаций и любого намека на идеи, не соответствовавшие ключевым установкам музейного показа. Музейное сообщество ожидало от историков необходимые для концептуальной основы экспозиционной работы теоретические обобщения, разработки конкретных тем новейшей истории СССР, которые музеи не могли решать в «порядке творческой самодеятельности»[716].

После XX съезда КПСС в советском обществе действительно наблюдалась некоторая растерянность, те же настроения были характерны и для академической среды. Двойственность формулировок в докладе Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, с одной стороны, открывшего путь к анализу новейшей истории СССР с критических позиций, а с другой — настаивавшего на непогрешимости партии, что обозначило сущностное противоречие эпохи оттепели[717]. Возникающие в этой связи неразрешимые вопросы (например, вопрос об отношении партии к репрессиям, о перегибах в политике коллективизации и многие другие) вели к опасности деконструкции всей мифологии Страны Советов. Под угрозой находилась система убеждений части рефлексирующих советских граждан, к которым относилась в том числе многочисленная студенческая молодежь[718], не последняя по численности группа музейной аудитории.

Таким образом, постановления XX съезда на короткий промежуток времени, до того, как

---

[715] Там же. Л. 75.
[716] Иваницкий И. П. Указ. соч. С.6.
[717] Юрганов А. Л. «Оттепель» в СССР: две модели рефлексии после XX съезда КПСС // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 3. С. 132.
[718] Там же. С. 132.

партия вновь вернула себе идеологический контроль, угрожали идейно-политическому единству партии и народа[719]. О преодолении этой опасной черты, в частности, говорилось на XXI съезде КПСС 1959 г. Все попытки ревизионистов посеять «смятение в умах отдельных незрелых, неустойчивых людей из среды творческих работников», предпринятые в пику «прямой и честной критики культа личности и его последствий», с «позором провалились»[720]. Кроме того, внеочередной XXI съезд, объявивший о победе социализма в СССР и начале развернутого строительства коммунистического общества[721], актуализировал другие задачи в различных сферах жизни Советского государства. Объявлялось, что культ личности был преодолен, ошибки, допущенные в период культа личности, исправлены, партия вернулась к соблюдению ленинских норм партийной жизни[722].

Сама структура музейного показа 1960 г. позволяла избегать репрезентации общественно-политической жизни, так как повествование сосредоточилось на показе достижений в промышленности, сельском хозяйстве, культуре и других сферах карельской действительности конца 1950-х — начала 1960-х гг. Руководствуясь тематическим принципом организации экспозиционных комплексов, который также использовался при разработке разделов по истории довоенной Карелии, музейщики создавали внутри однотипно структурированных комплексов замкнутое на одной узкой теме повествование. Каждый комплекс начинался с ведущего текста — цитаты из материалов XXI съезда (прежде всего доклада Н. С. Хрущева), вслед за цитатой о уже достигнутых результатах и планах развития разных отраслей народного хозяйства следовали материалы, свидетельствовавшие о воплощении постановлений съезда в жизнь в Карельской АССР. Хронологическую связанность музейному показу придавали многочисленные таблицы и диаграммы, демонстрировавшие последовательный рост показателей в различных отраслях народного хозяйства республики с 1913 по 1960 г. Таким образом, канвой музейного повествования можно считать материалы XXI съезда, связывавшие между собой тематические экспозиционные комплексы. Как уже отмечалось ранее, использование материалов съезда придавало музейной экспозиции политическую заостренность, направленность на пропаганду целей и задач, поставленных партией перед советским обществом, в то же время укорачивая «жизнь» экспозиции.

Ведущий текст, предварявший экспозиционные комплексы о современной Карелии, отсылал к цели развития Советского государства, поставленной на XXI съезде, — созданию материально-технической базы коммунистического общества: «Героическим трудом воздвигнем

---

[719] Сидорова Л. А. Указ. соч. С. 57.
[720] Обсуждение доклада тов. Н. С. Хрущева: речь тов. Е. А. Фурцевой (Заседание 5-е) // Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза: 27 января — 5 февраля 1959 года: Стеногр. отчет. Т. 1. С. 268.
[721] Доклад тов. Н. С. Хрущева «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы» (Заседание первое и второе) // Там же. С. 20.
[722] Обсуждение доклада тов. Н. С. Хрущева: речь тов. А. И. Кириченко (Заседание девятое) // Там же. С. 467.

величественное здание коммунизма»[723]. Далее следовала пространная цитата из постановления пленума ЦК КПСС «О работе партийных и советских организаций и Советов Народного хозяйства по выполнению решений XXI съезда КПСС об ускорении технического прогресса в промышленности и строительстве» 1959 г. Указывалось, что на текущем этапе ключевой экономической задачей СССР является достижение уровня наиболее развитых капиталистических стран, в том числе и США, по производству продукции на душу населения и даже превышение этого уровня[724]. Решению данной задачи должно способствовать активное участие советских граждан в движении за коммунистический труд.

Фотографии и документы, представленные на музейных стендах, показывали, что жители Карелии горячо поддержали решения XXI съезда. Фотографии запечатлели работу делегатов от Карельской АССР на внеочередном съезде КПСС, собрания рабочих, обсуждающих решения XXI съезда, республиканское совещание бригад коммунистического труда, победителей социалистического соревнования в разных отраслях народного хозяйства и др. Под заголовком «Трудиться, учиться и жить по-коммунистически» демонстрировалось постановление Карельского обкома КПСС и Карельского областного Совета профсоюзов о присвоении бригаде машинистов Шуйско-Виданского леспромхоза Прионежского района высокого звания бригады коммунистического труда, а также решение собрания рабочих Онежского тракторного завода о включении в социалистическое соревнование за досрочное выполнение семилетнего плана[725]. В следующих подразделах на примере конкретных отраслей народного хозяйства показывалось, каких успехов достигла экономика и культура Карелии за годы между съездами.

Рассмотрим несколько примеров. Тематический комплекс о развитии лесной промышленности располагался под заголовком «Лес — основа экономики Карелии»[726]. Далее следовала цитата из материалов XXI съезда КПСС о задачах, поставленных партией перед лесной и деревообрабатывающей промышленностью, а именно повышение производительности предприятий, улучшение использования древесины и переработки круглого леса, сокращение перевозки древесины в необработанном виде[727]. Для выполнения этой задачи требовалась модернизация средств производства и всего производственного процесса. В экспозиции последовательно были представлены орудия труда лесорубов 1930-х, 1940-х, 1950-х. гг.,

---

[723] ТЭП ИСК «Социалистическая экономика и культура КАССР» (1960 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 235. Л. 3.
[724] ТЭП ИСК «Социалистическая экономика и культура КАССР» (1960 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 235. Л. 3; Постановление пленума ЦК КПСС 24–29 июня 1959 г. «О работе партийных и советских организаций и Советов Народного хозяйства по выполнению решений XXI съезда КПСС об ускорении технического прогресса в промышленности и строительстве» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9. 1956–1960. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1986. С. 436.
[725] ТЭП ИСК «Социалистическая экономика и культура КАССР» (1960 г.). Л. 4–5, 7.
[726] Там же. Л. 21.
[727] Доклад тов. Н. С. Хрущева «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы». С. 484.

фотографии демонстрировали технику разных десятилетий. Модели использовавшихся в лесной отрасли тракторов, передвижных электростанций для питания электропил, автолесовозов и др. техники свидетельствовали о модернизации отрасли и повышении производительности[728].

Выполнению задач, поставленных партией и правительством перед лесной отраслью, способствовали трудовые подвиги передовиков производства, знатных лесорубов, организаторов и победителей социалистического соревнования, пропагандистов коммунистического отношения к труду. На них следовало ровняться рабочим коллективам. На стендах и витринах были представлены портреты Героев Социалистического труда — работников лесной отрасли, их награды — грамоты, вымпелы победителей социалистического соревнования, наградные вещи, например часы «Победа». Знатный электропильщик Л. Л. Эро получил этот «ценный подарок Министерства лесной промышленности СССР за инициативу организации валки леса без помощника»[729].

В завершении тематического комплекса посетители могли познакомиться с передовой технологией и новой организацией труда в Паданском леспромхозе Медвежьегорского района, применявшем крупнопакетную погрузку леса. Диаграммы показывали значительный рост производительности труда рабочих леспромхоза, а переходящее Красное знамя Совета Министров КАССР, которым было награждено предприятие, свидетельствовало о высокой оценке внедренного в производство передового опыта[730]. Тематический комплекс открывал перспективу развития лесной промышленности, создатели экспозиции стремились убедить посетителей, что подобным образом будет организован труд в каждом леспромхозе Карелии.

Задачу улучшить использование древесины и переработку круглого леса, поставленную XXI съездом, решала деревообрабатывающая промышленность Карелии. Экспонаты — фотографии новых и модернизированных лесозаводов Соломенского, Медвежьегорского, модель технологичной пилорамы, образцы продукции, выпускавшейся заводами, — свидетельствовали о том, что предприятия Карелии активно работали над выполнением решений съезда[731]. На примере материалов о передовиках производства (фотографии, награды, документы) создатели экспозиции подчеркивали повсеместное распространение коммунистического отношения к труду[732].

Подраздел о лесной и деревообрабатывающей промышленности завершался показом экспонатов, связанных с открытым в г. Петрозаводске в 1948 г. Петрозаводским домостроительным комбинатом. Посетители могли увидеть модели деревянных каркасных домов, которые строил комбинат, а также оценить технологичность производства с помощью

[728] ТЭП ИСК «Социалистическая экономика и культура КАССР» (1960 г.). Л. 25–27, 32–34.
[729] Там же. Л. 29.
[730] Там же. Л.34–36.
[731] Там же. Л. 47–49.
[732] Там же. Л. 53.

фотографий, графиков и технических чертежей. Готовая продукция комбината, каркасные дома, поставлялась во многие регионы страны, то есть предприятием выполнялась задача вывозить готовую продукцию, а не лесные материалы. Приметой времени можно считать появление в экспозиции экспонатов о рационализаторах. Этикетка под фотографией рационализаторов и передовиков комбината сообщала, что за 1956–1959 гг. работниками-рационализаторами было внесено более 400 рацпредложений, давших свыше 2 миллионов рублей экономии[733]. Движение рационализаторов и изобретателей в конце 1950-х гг. получило новый импульс к развитию, на предприятиях увеличилось количество рационализаторов, возобновился выпуск журнала «Изобретательство в СССР», в 1958 г. было создано Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов (ВОИР).

Остальные тематические комплексы, рассказывающие о Карелии конца 1950-х — начала 1960-х гг., создавались в похожем ключе. Необходимо отметить, что предметный ряд экспозиций по разделу о Советской Карелии на современном этапе на протяжении рассматриваемого периода типологически не изменялся. Его основу составляли средства производства, диаграммы и таблицы, свидетельствовавшие о росте производительности труда и производства в целом, фотографии заводов и цехов, чертежи и схемы производственных процессов, образцы продукции предприятий, фотографии, наградные документы и предметы передовиков и отличников производства. Схема организации экспозиционных комплексов, раскрывавших современное состояние непроизводственной сферы, также была схожей. Помимо графиков, диаграмм, фотографий и материалов о деятелях культуры, искусства и науки, медицинских работниках, учителях, основу предметного ряда составляли новые произведения (литературы — книги карельских авторов, науки — статьи и сборники ученых, искусства — афиши и программки театров), орудия труда (например, медицинские инструменты).

Интересен подраздел «Новое в быту советских людей», рассказывавший об улучшении культурно-бытового обслуживания жителей Карелии. На стендах и витринах были представлены фотографии рабочих со своим личным транспортом — мотоциклами и велосипедами (вызвавшая критику фотография рабочего Онежского тракторного завода на собственной «Волге» в экспозиции осталась, но демонстрировалась без этикетки). В 1959 г. в г. Петрозаводске был открыт телецентр, после этого в домохозяйствах жителей Карелии стали появляться телевизоры. О распространении телевидения свидетельствовали фотографии рабочих семей, проводящих свой досуг у голубых экранов. Не только жители городов чувствовали улучшение материально-бытовых условий: фотографии интерьера квартир рабочих в лесных поселках демонстрировали постепенное преодоление разницы в условиях жизни

[733] ТЭП ИСК «Социалистическая экономика и культура КАССР» (1960 г.). Л. 60.

города и деревни[734]. Материалы подраздела вновь предлагали посетителям взглянуть на перспективу развития республики: автомобили, ныне доступные лишь единицам, и более распространенные среди населения мотоциклы должны будут прочно войти в обиход советских семей. Телевизоры вскоре появятся в каждом доме, не только в городе, но и на селе. Культурно-бытовое обслуживание советских граждан с каждым годом будет улучшаться. Таковым в представлении сотрудников музея было будущее, уготованное жителям республики.

Раздел по истории Советской Карелии, как и в экспозиции 1952–1953 гг., завершался показом темы «Трудящиеся Карелии за мир и дружбу между народами». Экспозиционный комплекс предварялся цитатой из доклада Н. С. Хрущева, представленного на III сессии Верховного Совета СССР, о том, что Советский Союз открыл перед человечеством путь развития общества без войн, на основах мирного сотрудничества[735]. В подтверждение этой цитаты следовали материалы об участии карельской делегации в III Всемирном фестивале молодежи и студентов 1951 г. (пригласительные билеты, программы фестиваля, фотографии), пригласительный билет и документы республиканской конференции сторонников мира, состоявшейся в 1951 г., и др. Как и в ТЭПе 1953 г., одно из центральных мест в этом подразделе отводилось Красному знамени, подаренному петрозаводчанам трудящимися Корейской Народной Республики[736]. Предметный ряд подраздела практически не поменялся. В отличие от экспозиции 1952–1953 гг., тематический комплекс выполнял в музейном показе скорее вспомогательную функцию, он иллюстрировал цитату из доклада Н. С. Хрущева, наглядно демонстрируя формы миролюбивой политики СССР, а также поддержку, оказываемую жителями Карелии делу борьбы за мир.

На экспозицию 1960 г. по истории Советской Карелии большое влияние оказали материалы XXI съезда КПСС, однако она была создана в рамках общественно-политических и историографических тенденций, установившихся после XX съезда 1956 г. Последствия решений, принятых на партийном форуме 1956 г., отразились на целостности исторического нарратива Советского государства, так как затронули чувствительные вопросы внутренней и внешней политики конца 1920-х — начала 1940-х гг. Рациональные вопросы общества к советскому мифу, возникавшие вследствие недосказанности, туманности многих формулировок и половинчатости решений съезда, приводили к опасности расшатывания или даже деконструкции мифологии Страны Советов. Профессиональное историческое сообщество также ждало разъяснений от партии и правительства относительно того, как оценивать последствия культа личности и как их преодолевать в исторических трудах, более десяти лет

[734] ТЭП ИСК «Социалистическая экономика и культура КАССР» (1960 г.). Л. 172–173.
[735] ТЭП ИСК «Социалистическая экономика и культура КАССР» (1960 г.). Л. 229; Доклад Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева о международном положении и внешней политике Советского Союза на III сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1959 г. С. 220.
[736] ТЭП ИСК «Социалистическая экономика и культура КАССР» (1960 г.). Л. 229–231.

ориентировавшихся на учебник «История ВКП(б). Краткий курс» 1938 г.

Карельские историки только приступали к созданию обобщающего труда по истории Советской Карелии, поэтому музейные работники ориентировались на общероссийские монографии и исследования по новейшей истории СССР. Репрезентация революционных событий 1917–1918 гг. и Гражданской войны структурно по-прежнему находилась под влиянием концепции, представленной в кратком курсе истории ВКП(б). Тем не менее, в отличие от предыдущих экспозиций, новый музейный показ практически полностью строился на местном материале. На примере экспозиции 1960 г. музеем реализовывалась задача формирования не только общесоюзной идентичности граждан, но и региональной.

Благодаря опоре на местный материал экспозиционеры уходили от неудобных общих вопросов истории СССР, консенсус по которым в историческом сообществе пока не был достигнут или разъяснения которых от партийных органов представлялись не очень четкими. Кроме того, сама структура раздела по истории Советской Карелии, где чередовались исторические и тематические подразделы, позволяла сосредоточиться на экономических темах, не ориентируясь на периодизацию отечественной истории. Несмотря на то что многие исторические сюжеты оказались вне рамок музейного показа, экспозиционерам удалось создать целостное музейное повествование вокруг исторических (революция, Гражданская и Великая Отечественная войны, строительство крупных предприятий) и тематических однотипных экспозиционных комплексов с повторяющейся структурой (экономика и культура).

В 1963 г. был создан новый ТЭП по истории Советской Карелии. Как и в случае с реэкспонированными в этот же год разделами по истории дореволюционной Карелии, разработка нового ТЭПа была вызвана необходимостью «улучшения идейно-политической направленности» экспозиции в свете решений XXII съезда КПСС, который состоялся в 1961 г., и совершенствования художественного оформления всего музейного показа[737]. Его авторами выступили научные сотрудники В. Г. Хапов, автор большинства разделов экспозиции 1960 г., и Л. А. Андреева.

В ТЭПе 1963 г. значительно обновился фонд цитат классиков марксизма-ленинизма. Например, открывающая музейный показ на протяжении 1940–1950-х гг. выдержка из ленинских «Апрельских тезисов» о переходе от первого этапа революции 1917 г. ко второму[738] сменилась на другую цитату вождя. Теперь посетителей встречала не менее известная цитата из доклада В. И. Ленина, произнесенного перед Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7 ноября) 1917 г. после свержения Временного правительства и установления власти большевиков. В своем докладе В. И. Ленин провозгласил победу

[737] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 11/151. Л. 240.
[738] Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции // Ленин В. И.: Полное собрание сочинений. Изд-е 5. Т. 31. М.: Изд-во полит. лит., 1969. С. 114; ТЭП «История Карельской АССР» (1960 г.). Л. 41.

революции и наступление нового этапа в истории России, ведущего к победе социализма[739]. Эта цитата соответствовала духу принятой в 1961 г. на XXII съезде КПСС Программы партии. Текст Программы начинался со слов о значении Октябрьской революции 1917 г., которая открыла новую эру не только в истории страны, но и всего мира, утвердив коммунистические идеи как ориентир для всего прогрессивного человечества. Далее в документе констатировалось, что в Стране Советов восторжествовал социализм[740]. Таким образом, ленинское видение будущего, представленное в самом первом после Октябрьской революции докладе, воплотилось в жизнь в Советском Союзе, правящая партия которого в 1956 г. провозгласила возвращение к его идеям и неуклонное следование им.

Подраздел по истории первых лет советской власти значительно увеличился в объеме по сравнению с предыдущим музейным показом, расширился предметный ряд. В экспозицию были добавлены подлинные фотографии и документы, принадлежавшие членам первых большевистских и советских организаций г. Петрозаводска и Олонецкой губернии. Среди них можно отметить удостоверения первого председателя Исполкома Петрозаводского городского Совета В. М. Парфенова, председателя Олонецкого губернского Совета народного хозяйства Т. Д. Анисимова и др.[741] На одной из витрин располагался врученный Т. Д. Анисимову уже в более поздние годы Орден Трудового Красного Знамени.

Структура подраздела по истории революционных событий 1917–1918 гг. и установления советской власти в Карелии соответствовала содержанию переизданной в 1957 г. монографии В. И. Машезерского «Установление советской власти в Карелии (1917–1918)». Названия подразделов повторяли соответствующие наименования глав, пояснительные тексты цитировали или опирались на текст монографии[742]. Исследование В. И. Машезерского, основанное на изучении широкого круга архивных документов, а также воспоминаний самих участников революционных событий, являлось одним из первых обобщающих трудов по проблеме установления советской власти в Карелии[743].

Подраздел строился на местном материале, общероссийский контекст раскрывался за счет цитат В. И. Ленина о ходе, результатах и значении революции и первых преобразований нового советского правительства. Экспозиция пополнилась целым рядом подлинных предметов, а плоскостной и вспомогательный материал был перемещен на третий план экспозиции — в

---

[739] Ленин В. И. Доклад о задачах власти Советов // Ленин В. И.: Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1969. С. 2; ТЭП «История Советской Карелии (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.)» (1963 г.) / Сост. Л. А. Андреева, В. Г. Хапов // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215. Л. 3.
[740] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1961. С. 3.
[741] ТЭП «История Советской Карелии (октябрь 1917 — июнь1941 гг.)» (1963 г.). Л. 12–13.
[742] См., напр., ТЭП «История Советской Карелии (октябрь 1917 — июнь1941 гг.)» (1963 г.). Л. 10; Машезерский В. И. Установление советской власти в Карелии (1917-1918). Петрозаводск.: Гос. изд-во КАССР, 1957. С. 167.
[743] Машезерский В. И. Установление советской власти в Карелии (1917–1918). С. 3–4.

альбом-турникет, дополнявший содержательную часть основной экспозиции 1963 г.[744] В частности, в альбом вошли материалы о реализации Декрета о земле, решении продовольственных вопросов в 1917–1918 гг. и др.

Следующий подраздел, посвященный Гражданской войне, начинался с цитаты В. И. Ленина о стремлении врагов Советской России отнять завоевания Октябрьской революции[745], использовавшейся и ранее, в 1960 г., в качестве вступления к показу этой темы. В отличие от репрезентации революционных событий, общероссийский исторический контекст задавался не только цитатами В. И. Ленина, оформленными в виде ведущих текстов, но и с помощью подлинных брошюр, плакатов, а также фотокопий важнейших постановлений ВЦИК о создании Красной Армии и обороне советской власти. На первом стенде была помещена карта, на которой обозначались основные фронты Гражданской войны[746]. Гражданская война в Карелии была показана как часть большого общероссийского процесса защиты завоеваний Октября.

Лейтмотивом исследований советских историков в конце 1950-х гг. можно назвать освещение роли народных масс как главной созидающей силы общественного развития[747]. В обновленной экспозиции 1963 г. акцент делался на репрезентации роли заводских рабочих, крестьян, солдат и партизан в борьбе против интервентов и белогвардейцев. В ТЭПе представлено большое количество портретов, биографических справок, личных вещей и документов участников Гражданской войны в Карелии[748].

Памятные вещи и документы участников Гражданской войны размещались в двух отдельных витринах, среди них выделялись удостоверения красных партизан, записная книжка железнодорожника большевика А. Д. Грасиса, в 1920 г. находившегося в тюрьме у белогвардейцев, компас командира отряда Красной гвардии А. К. Гринина, а также демонстрировавшиеся ранее в экспозиции 1960 г. часы с надписью «Честному воину Карельского фронта». Далее следовали изобразительные материалы о видных участниках Гражданской войны — скульптуры И. Д. Спиридонова, П. Ф. Анохина, фотография В. П. Солунина, рисунок «Видлицкие коммунары 1919 г.». Помимо оружия времен Гражданской войны в витрине помещалась шинель красногвардейца дружины Александровского завода А. А. Огаркова, участника боев под г. Петрозаводском 1919 г., дореволюционная кавалерийская сабля бывшего офицера царской армии Н. К. Иванова, перешедшего на сторону большевиков и погибшего в боях под Петрозаводском в 1919 г.[749] Показывая мемориальные предметы и

---

[744] ТЭП «История Советской Карелии (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.)» (1963 г.). Л. 15–19.
[745] Ленин В.И. Речь на митинге в Бутырском районе 2 августа 1918 г. // В. И. Ленин: Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 37. М.: Изд-во политич. лит-ры, 1969. С. 27.
[746] ТЭП «История Советской Карелии (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.)» (1963 г.). Л. 23–24.
[747] Данилова Л. В. Указ. соч. С. 63.
[748] ТЭП «История Советской Карелии (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.)» (1963 г.). Л. 24–26.
[749] Там же. Л. 27–32.

изобразительные материалы о воинах Гражданской войны, создатели экспозиции подчеркивали, что, вступая в Красную гвардию, сторону большевиков поддерживали самые широкие слои населения — представители рабочих и крестьян, интеллигенция.

Дополнительные сведения об участниках Гражданской войны посетители могли получить из двух альбомов-турникетов с фотографиями, фотокопиями документов и краткими биографическими справками. То есть на этапе создания экспозиции сотрудники музея оказывались перед выбором: информацию о ком из революционеров, большевиков и первых красноармейцев поместить на витрину, а какую «спрятать» в альбом, который открывался отнюдь не каждым гостем музея. Исходя из анализа экспозиционных комплексов по истории Гражданской войны, можно сделать вывод, что, принимая экспозиционные решения, музейщики учитывали два основных фактора. Первый — значимость того или иного исторического деятеля для музейного повествования, второй — наличие связанных с ним подлинных материальных памятников и их экспозиционная аттрактивность.

Включенные в альбом имена принадлежали как крупным советским государственным деятелям и военным, так и рядовым большевикам и красноармейцам, бойцам Онежской и Ладожской флотилий, участвовавшим в боях за Советскую Карелию. Например, на первых страницах альбома помещались фотографии Э. А. Рахья, финского революционера и коммуниста, комиссара воевавшей в Карелии стрелковой дивизии[750]. Большинство мемориальных предметов, связанных с ним, находилось на хранении в музеях Ленинграда. Чтобы избежать перегрузки экспозиции плоскостными материалами сведения об этом деятеле могли быть помещены в альбом. Напротив, мемориальные предметы упоминаемого в материалах альбома бывшего красноармейца и государственного деятеля С. С. Ракчеева[751] в фондах музея были, однако они относились к более позднему периоду его деятельности — 1930—1950-м гг., соответственно, размещение их в подразделе о Гражданской войне представлялось нецелесообразным. Создание альбома стало возможным благодаря большой собирательской работе карельских государственных музея и архива, которые к началу 1960-х гг. активно занимались сбором материалов, воспоминаний, фотографий «старых большевиков».

Как и в предыдущем музейном показе отдельные подразделы затрагивали боевую деятельность карельских партизан и работу тыла и завершали показ темы «Карелия в годы иностранной интервенции и гражданской войны». На стендах были представлены фотографии партизан, краткие биографические справки с описанием боевых операций и подвигов. Изобразительные материалы составляли основу визуального ряда и подраздела о работе тыла, к ним относились плакаты, фотографии, фотокопии документов о проведении первых в Карелии

[750] ТЭП «История Советской Карелии (октябрь 1917-июнь 1941 гг.)» (1963 г.). Л. 42.
[751] Там же. Л. 50.

субботников, осуществлении ремонта паровозов на бывшем Александровском заводе и др. В одной из витрин размещались первые денежные знаки Советской республики: они демонстрировались как примеры пожертвований рабочих в рамках недели фронта и транспорта, организованной красногвардейцем Петрозаводского отряда В. А. Козыревым. Пояснительный текст к комплексу денежных знаков и фотографии В. А. Козырева сообщал о внушительных размерах пожертвований, собранных активистом.

Подраздел о событиях Гражданской войны дополнялся двумя экспозиционными комплексами о первых преобразованиях большевиков в области народного просвещения и создании комсомола в Карелии. На стендах были представлены ключевые постановления центральных и местных властей, касавшиеся народного просвещения, методические пособия и журналы для учителей, протоколы первых комсомольских собраний, фотографии деятелей комсомола, членские билеты ЛКСМ. В завершении подраздела рассказывалось об освобождении Карелии от интервентов в 1920 г. и образовании Карельской Трудовой Коммуны.

Экспозиционный комплекс об образовании КТК открывался монтажом фотографий председателя и членов Карельского революционного комитета в 1920 г. Многие из запечатленных на фотографиях политических деятелей, например Э. А. Гюллинг, Я. Т. Мяки, в 1930-х гг. подверглись репрессиям. На витрине были представлены важнейшие документы, связанные с организацией в составе РСФСР нового государственного образования, — копия декрета ВЦИК об образовании КТК, мирный договор с Финляндией 1920 г., брошюра с первыми постановлениями органов власти коммуны. Экспозиционный комплекс и весь подраздел завершались показом фотографии участников I Всекарельского съезда Советов. Размещенный в конце раздела экспозиции пояснительный текст сообщал, что с образованием Карельской Трудовой Коммуны были ликвидированы установленные «царизмом искусственные административные перегородки», и карельский народ воссоединился в рамках своего единого национально-государственного образования[752]. Создатели экспозиции подчеркивали, что с появлением на карте России новой административно-территориальной единицы была подведена черта под историческим прошлым Карелии как отсталой окраины Российской империи и началась истории Советской Карелии, равноправной республики в братской семье народов нового государства.

Продолжая тенденцию, заложенную в разделе о революционных событиях в Карелии, авторы ТЭПа музейным языком рассказывали о событиях Гражданской войны и военной интервенции через призму человеческих судеб, биографий конкретных участников войны, тружеников тыла. Этому во многом способствовал и предметный ряд, основу которого составляли мемориальные вещи и фотографии. Событийная канва выстраивалась с помощью цитат, фотокопий архивных

[752] ТЭП «История Советской Карелии (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.)» (1963 г.). Л. 41.

документов, немногочисленных пояснительных текстов. Если в предыдущих экспозициях музейщики стремились подробно и полно изложить суть революционных событий и основных сражений периода Гражданской войны на территории Карелии, расставить их в хронологическом порядке, то в 1963 г. подход к исторической репрезентации стал более музейным. Создатели экспозиции, формируя экспозиционные комплексы, в большей степени отталкивались от наличия или отсутствия подлинных музейных предметов, в то же время не забывая о значении цитат классиков марксизма-ленинизма для формирования отношения к репрезентируемым историческим событиям и явлениям.

Следующие подразделы, посвященные восстановлению народного хозяйства после Гражданской войны, проведению индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства в Карелии, были организованы на основе периодизации, предложенной в учебнике «История КПСС» 1959 г. Учебник имел «решающее значение в деле создания в краеведческих музеях исторических экспозиций» по послевоенному периоду, так как предлагал научную периодизацию основных этапов истории партии и страны[753]. Например, наименования подразделов экспозиции Государственного историко-краеведческого музея КАССР соответствовали оглавлению учебника, содержание подразделов соотносилось с его содержанием. Тем не менее музейное повествование опиралось на достаточно объемный предметный ряд: в значительной части экспозиционных комплексов музейный рассказ выстраивался вокруг материальных памятников, а тексты и изобразительные материалы выполняли вспомогательную функцию. Таким образом, экспозиция 1963 г. стремилась как можно ближе подойти к идеалу музейности.

Так, например, коллекция денежных знаков первых лет советской власти помогала рассказать о целесообразности денежной реформы 1922–1924 гг., ручные орудия труда и фотографии, запечатлевшие карельских крестьян начала 1920-х гг., свидетельствовали об отсталости края в хозяйственном отношении и сохранившейся после войны хозяйственной разрухе[754]. В подразделах об индустриализации карельской промышленности демонстрировались частично или полностью механизированные орудия труда, макеты машин, станков и заводского оборудования, фотографии модернизированных и новых промышленных предприятий. Графики, диаграммы и пояснительные тексты дополняли натурные экспонаты. Народнохозяйственные экспозиционные комплексы, таким образом, сообщали посетителям о качественном скачке ключевых отраслей промышленности Карелии и появлении новых — рыбной, целлюлозно-бумажной[755]. Посетители, сравнивая дореволюционные и советские орудия труда, внешний вид цехов и оборудование промышленных предприятий, должны были

[753] Иваницкий И. П. Указ. соч. С. 7.
[754] ТЭП «История Советской Карелии (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.)» (1963 г.). Л. 66–67, 68–69, 75–76.
[755] Там же. Л. 92–93.

сделать вывод о том, что республика за очень короткое время достигла значительных успехов в создании материальной базы социализма.

В отличие от предыдущей экспозиции, сосредоточившейся на показе экономических и народно-хозяйственных вопросов, в музейном показе 1963 г. чередовались экономические и посвященные конкретным историческим событиям и процессам экспозиционные комплексы. Так, после рассказа о начале восстановительных процессов в народном хозяйстве республики в начале 1920-х гг. следовал экспозиционный комплекс о ликвидации белофинской авантюры и походе Т. А. Антикайнена на Кимасозеро[756]. Сюжеты об успехах индустриализации чередовались с историей прохождения Северного морского пути за одну навигацию капитаном В. И. Ворониным, чьи мемориальные вещи поступили на хранение в музей в начале 1960-х гг.[757]

В экспозиции нашли отражение характерные для конца 1920-х — начала 1930-х гг. процессы и явления. Например, отдельный экспозиционный комплекс «Трудовой подъем рабочих Карелии» рассказывал о развитии социалистического соревнования и ударничества. Как и прежде, на стендах и витринах размещались фотопортреты первых стахановцев, наградные и личные документы передовиков, переходящие Красные знамена, памятные подарки, врученные передовикам, и др.[758]

Пояснительные текст к группе документов и фотографий сообщал, что одним из следствий победы социализма стало разложение «социальных корней религии в СССР». Приметой времени стали массовые закрытия церквей, соборов, монастырей[759]. На одной из витрин был представлен протокол вскрытия раки с мощами святого Елисея Сумского от 1929 г., результаты которого опровергли тезис об их нетленности. В предыдущих экспозициях по истории Советской Карелии материалы или экспонаты, связанные с религией, не включались в музейный показ — религия, по мнению экспозиционеров 1940–1950-х гг., осталась в дореволюционном прошлом. Появление материалов о разоблачении религии и закрытии церквей можно связать с усилением атеистической пропаганды в начале 1960-х гг. На примере этого небольшого комплекса экскурсоводы могли рассказывать о преобразованиях в культурной и духовной сферах, произошедших за годы советской власти. Место религии заняли советское школьное и профессиональное образование, об успехах которого свидетельствовали включенные в экспозицию разнообразные школьные учебники, книги, насыщенные школьные программы, фотографии учебных заведений и др. Достижения в культурном строительстве демонстрировались с помощьюафиш культурных мероприятий, фотографий изб-читален, фольклорных коллективов, отдельных артистов и др.

---

[756] Там же. Л. 69–70.
[757] ТЭП «История Советской Карелии (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.)» (1963 г.). Л. 95–97.
[758] Там же. Л. 93–95.
[759] Там же. Л. 101.

Как и в разделах экспозиции 1963 г., посвященных репрезентации периода империализма и революционных событий 1917 г., в подразделах о советской истории упоминались имена репрессированных в 1930-е гг., показывались предметы, связанные с ними. Рассказывая о развитии культуры, экспозиционеры знакомили посетителей с деятельностью Карельского отделения Союза советских писателей, первым председателем которого был поэт Я. Виртанен. На витрине располагалась книга стихов «народного поэта», на стенде висела его фотография[760]. В подраздел о развитии сельского хозяйства также вошли документы и предметы, связанные с Э. Стенфорсом, американским финном, коммунистом, первым трактористом Карелии, одним из организаторов сельскохозяйственной коммуны «Сяде». В экспозицию были включены подлинный членский билет Коммунистической партии Канады, а также инструменты, принадлежавшие Э. Стенфорсу: отвертка, плоскогубцы, напильник и др.[761] В кратких биографических справках о Я. Виртанене, Э. Стенфорсе перечислены их заслуги, награды и звания, обозначен партийный стаж, однако ничего не сказано о том, как оборвались их судьбы.

Возвращение имен реабилитированных жертв политических репрессий в официальное публичное пространство не влекло за собой диалога или обсуждения в рамках этого пространства самих репрессий, их причин и виновников. Создатели экспозиции, используя материалы и памятники, принадлежавшие жертвам политического террора, сознательно избегали упоминаний о репрессиях в отношении них.

В то же время дискуссии, которые вызвал доклад Н. С. Хрущева, разоблачавший культ личности И. В. Сталина и повлекший за собой вопросы о политических репрессиях, не утихали в советском обществе на протяжении всего рассматриваемого периода. Предоставленные партией и правительством ответы на эти вопросы общество не удовлетворяли, более того, поляризация общественного мнения о культе личности и его последствиях, одним из которых назывались массовые репрессии, ярко проявилась сразу же после ознакомления с докладом широких масс[762]. Советские идеологические институты так и не смогли предложить пути сближения двух полюсов.

Завершающая тема подраздела о довоенном развитии Карелии охватывала период 1938–1941 гг. Музейное повествование начиналось с цитаты из материалов XVIII съезда ВКП(б) о завершении строительства бесклассового общества и переходе от социализма к коммунизму[763]. Далее следовала краткая информация об основных решениях съезда, на витрине был

---

[760] Там же. Л. 100.
[761] ТЭП «История Советской Карелии (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.)» (1963 г.). Л. 97.
[762] Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2010. С. 216–217.
[763] ТЭП «История Советской Карелии (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.)» (1963 г.). Л. 109; Доклад делегации ВКП(б) в ИККИ на XVIII съезде ВКП(б). Докладчик т. Мануильский // XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стеногр. отчет. М.: ОГИЗ, 1939. С. 47.

представлен стенографический отчет 1939 г. Следующие экспозиционные комплексы рассказывали о развитии народного хозяйства Карелии в предвоенный период: строительстве Сегежского целлюлозно-бумажного комбината, успехах, достигнутых бригадой новаторов лесной промышленности под руководством П. П. Готчиева, участии карельских колхозов на ВСХВ. На примере документов и фотографий показывалось расширение территории республики и включение в ее состав новых районов, однако причина расширения границ на запад не раскрывалась — Советско-финляндская война 1939–1940 гг. по-прежнему оставалась за рамками музейной репрезентации.

Подготовка отдельного ТЭПа по истории Великой Отечественной войны велась в течение 1963–1964 гг., открыть новую экспозицию по планировалось к 20-летию освобождения республики от немецко-финских захватчиков в 1964 г. Музейный рассказ основывался на втором томе обобщающего труда по истории Карелии «Очерки истории Карелии», изданном в том же 1964 г. Второй том был посвящен советскому периоду развития республики. Этот труд стал результатом многолетних исследований ученых Института языка и литературы Карельского филиала АН СССР и Петрозаводского государственного университета. Впервые на обширном архивном материале было представлено систематизированное знание по многим проблемам истории Советской Карелии. «Очерки» стали основой для университетского курса по истории Карелии[764], а также базой для содержательной части экспозиции Государственного музея КАССР 1967 г. Более того, обобщающий труд на долгие годы воспринимался как историографическая основа, от которой ученые отталкивались в дальнейших научных поисках[765].

Издание монографии можно назвать частью общероссийской тенденции, возобладавшей в начале 1960-х гг. В это время в советской исторической науке велась активная работа над созданием обобщающих трудов по истории СССР, КПСС, советских республик и регионов, в которых учитывалась новая конъюнктура, связанная с критикой культа личности Сталина. В духе времени в качестве методологической основы в них использовались произведения В. И. Ленина, отношение к дореволюционной и западной историографии было более взвешенным[766].

В экспозиции, как и в обобщающем труде, акцент в освещении событий войны делался на руководящую и направляющую роль партии и местных партийных организаций в борьбе с врагом и мобилизации населения[767]. В «Очерках» редко встречалось, а в некоторых разделах не

---

[764] Жербин А. С. Основные этапы изучения истории Советской Карелии // Историография Советской Карелии. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1986. С. 11.
[765] Филимончик С. Н. Карелия в период советской модернизации 1920–1930-х гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2024. С. 9.
[766] Сидорова Л. А. Указ. соч. С. 164.
[767] Макуров В. Г. Великая Отечественная война в Карелии: Историографический очерк. Изд. 2-е, доп.

упоминалось вовсе имя И. В. Сталина. Оно заменялось названиями партийных и государственных учреждений, членом которых являлся И. В. Сталин: «Государственный Комитет Обороны», «Ставка Верховного Главнокомандования», «партия», «правительство»[768] и др. Таким образом, создавалась видимость, что все эти институты действовали как органы коллективного руководства[769]. Из экспозиции также исчезли все цитаты И. В. Сталина. Более того, даже такой устоявшийся в историографии термин, как «Сталинградская битва», был заменен на выражение «Разгром немцев на Волге»[770].

Как и в 1960 г., акценты в новой экспозиции смещались с показа общеисторических сюжетов на местные. Больше рассказывалось о боях на Карельском фронте, деятельности подпольных групп. Значительное экспозиционное пространство занимала репрезентация партизанской борьбы. Раскрывая данную тему, создатели экспозиции старались показать преемственность воинских традиций, помещая рядом фотографии и личные вещи двух поколений партизан, отцов и детей, партизан времен Гражданской войны и бойцов партизанских отрядов, действовавших в Великую Отечественную войну[771].

В экспозиции 1964 г. появился сюжет, сложно представимый в более ранних музейных показах, а именно положение советских военнопленных на оккупированной территории. В экспозицию был включен необычный экспонат — щепка, найденная в Олонецком концлагере в 1944 г., с надписью на карельском языке: «Верьте нам, что сидящие в этой камере олончане идут в финскую армию только для того, чтобы помогать Красной Армии»[772].

Выводом к рассмотренному разделу экспозиции служила цитата из материалов XX съезда КПСС о том, что в мире нет сил, которые могли бы остановить поступательное развитие социалистического общества, и об образовании «могучей мировой социалистической системы»[773]. Последний экспонат, карта-схема, демонстрировал процесс формирования мирового социалистического лагеря после войны. В экспозиции последовательно реализовывалась идея о руководящей и направляющей роли КПСС в деле победы над фашизмом.

В 1967 г. при создании новой постоянной экспозиции Государственного музея КАССР было принято решение не разрабатывать новый ТЭП по подразделу, посвященному истории Великой Отечественной войны, а «восстановить его по старым монтажным местам, улучшив

Петрозаводск: Карелия, 2013. С. 7.

[768] Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 343–399.

[769] Кулиш В. М. Указ. соч. С. 289.

[770] ТЭП отдела «История Советской Карелии» по теме «Карелия в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» (1964 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 283. Л. 4.

[771] ТЭП отдела «История Советской Карелии» по теме «Карелия в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» (1964 г.). Л. 9–10.

[772] Там же. Л. 23.

[773] Там же. Л. 64.

художественное оформление»[774]. Таким образом, структурно и идеологически экспозиция оставалась прежней вплоть до 1983 г.

В 1961 г. НИИ музееведения подготовил и издал методические рекомендации по построению разделов экспозиций краеведческих музеев, посвященных послевоенному развитию регионов. Авторы методички обозначали ключевые цели, к ним относились прежде всего «мобилизация масс на успешное претворение в жизнь семилетнего плана» и показ лучших образцов коммунистического труда и быта[775]. Каким именно событиям и явлениям новейшей советской истории предстояло воплотиться на музейных стендах и витринах, музеям должна была подсказать советская историческая наука. Методическое пособие рекомендовало опираться на положения и периодизацию, изложенные в учебнике «История КПСС» 1959 г.[776] Этот учебник и его второе издание 1963 г. во многом определили периодизацию и содержание предыдущих тематических комплексов экспозиции 1963 г. Государственного историко-краеведческого музея КАССР. Разрабатывая новый ТЭП по периоду 1945–1963 гг., экспозиционеры опирались в большей степени на структуру и содержание, предложенные авторами методического пособия 1961 г.

Вслед за периодизацией, предложенной в учебнике и методическом пособии, в структуре экспозиции выделялись несколько подразделов: восстановление и развитие народного хозяйства после Великой Отечественной войны (1945–1953 гг.), Карелия в период завершения строительства социализма в СССР (1953–1958 гг.), Карелия в период развернутого строительства коммунистического общества (с 1959 г.)[777]. Название последнего тематического комплекса «Трудящиеся Карелии в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма», охватывавшего период до 1963 г., повторяло основную задачу, которая была поставлена перед советским обществом в 1961 г. новой Программой КПСС[778]. Согласно методичке, основу предметного ряда должны были составлять подлинные экспонаты, помимо них рекомендовалось использовать документы (материалы партийных съездов и пленумов ЦК КПСС, постановления партии и правительства, местных органов власти), аутентичные плакаты, фотографии, знамена, флаги и вымпелы, значки наградного характера, сувениры в память международных фестивалей, приезда зарубежных делегаций и др.[779]

Ключевое место в экспозиции отводилось местным материалам. Общесоюзные документы, в которых обозначались конкретные задачи, поставленные партией, привлекались для создания

---

[774] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 15/181. Л. 12.
[775] Иваницкий И. П. Указ. соч. С. 10.
[776] Иваницкий И. П. Указ. соч. С. 10.
[777] ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1437. Л. 1; История Коммунистической партии Советского Союза. М.: Гос. изд-во. полит. лит., 1959. С. 742–743.
[778] ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.). Л. 1; Программа Коммунистической партии Советского Союза (1961 г.). С. 66.
[779] Иваницкий И. П. Указ. соч. С. 15–16.

контекста и подчеркивали руководящую роль КПСС в жизни региона[780]. Анализ предметного ряда экспозиции по материалам ТЭПа показывает, что при отборе экспонатов научные сотрудники Государственного историко-краеведческого музея КАССР в значительной мере опирались на методические рекомендации 1961 г., а также использовали уже сложившиеся в 1950-х гг. экспозиционные комплексы. В то же время экспозиционеры оставляли за собой право отказаться от реперезентации некоторых тем, которые не могли быть в полной мере поддержаны предметным и визуальным рядом.

Тем не менее иногда реальные условия, в которых существовал музей, вынуждали карельских музейщиков принимать решения, шедшие вразрез с методическими рекомендациями. Например, настоятельно советовалось располагать все тематические комплексы в хронологической последовательности[781], но в условиях весьма ограниченных экспозиционных площадей карельским музейщиком пришлось пренебречь этой рекомендацией. Так, в вестибюле музея перед входом в основные залы был организован показ некоторых тем по современной Карелии. Экспозиция в вестибюле носила название «вводной», она рассказывала гостям музея о месте Карелии в «братской семье народов СССР»[782]. Встречающий посетителей музея текстовый экспонат (панно) цитировал Программу КПСС 1961 г., сообщая об основной цели Советского государства и, соответственно, Карельской АССР, как его неотъемлемой части, — построение коммунизма. Следующие текстовые экспонаты раскрывали это ключевое для советского человека понятие: коммунизм является будущим человечества, он утверждает на земле мир, свободу, равенство и счастье[783].

Далее в духе Программы 1961 г. с помощью документов, фотографий и цитат классиков марксизма-ленинизма рассказывалось о заботе партии и правительства о развитии Карелии. Посетители могли познакомиться с декретом ВЦИК 1920 г. о создании КТК, постановлением о восстановлении хозяйства республики после Гражданской войны. Фотографии государственных и партийных деятелей, посещавших Карелию (М. И. Калинина, С. М. Кирова, Н. С. Хрущева)[784], свидетельствовали о том внимании к республике и ее нуждам, которое оказывалось партией и правительством. Гости Карелии из других регионов могли получить информацию о составе и численности населения, структуре экономики Карелии, основных отраслях народного хозяйства, росте уровня жизни. Статистические данные в таблицах позволяли сравнить основные показатели за 1913–1962 гг. и сделать вывод о качественном скачке в развитии республики за годы советской власти. Кроме того, вводная экспозиция давала возможность заглянуть в будущее и увидеть, каких результатов достигнет экономика

[780] Там же. С. 21.
[781] Иваницкий И. П. Указ. соч. С. 13.
[782] ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.). Л. 3.
[783] Там же. Л. 4; Программа Коммунистической партии Советского Союза (1961 г.). С. 6.
[784] Там же. Л. 4–5.

республики к 1965 г. в ходе осуществления семилетнего плана. Интересно, что в ТЭПе имеются карандашные отметки напротив каждого показателя, сделанные уже после 1965 г.: показатели плана зачеркнуты, а рядом представлены другие, вероятно, реальные цифры, свидетельствовавшие о том, что народнохо-зяйственный план в большинстве отраслей экономики, за исключением вывозки древесины и рыбодобычи, выполнен не был[785].

Экономические связи Карелии демонстрировались с помощью географической карты с обозначенными на ней торговыми путями, фотографий промышленных предприятий и передовых трудовых коллективов, работавших на экспорт, документов о поставках карельских товаров в другие регионы, образцов экспортной продукции. Об обширных культурных связях свидетельствовали подарки и сувениры, которые трудящимся республики преподносили их коллеги из разных уголков Советского Союза, а также документы об участии делегаций из Карелии в различных культурных форумах и юбилейных торжествах. Таким образом, экспозиционеры доказывали программные положения об интенсивности обмена материальными и духовными богатствами между народами, постепенном сближении народов и достижении ими в перспективе полного единства, а также о росте вклада Карелии как одного из регионов СССР в дело построения коммунистического общества[786].

В основных музейных залах развернулась постоянная экспозиция по истории Советской Карелии 1945–1963 гг. В границах ранее упомянутых основных тем экспозиционные комплексы должны были отражать решение конкретных народно-хозяйственных вопросов, которые ставились перед трудящимися[787]. Согласно тематической структуре, предложенной в методическом пособии 1961 г., на первые подразделы экспозиции краеведческого музея возлагалась задача показать масштабы и объемы разрушений, причиненных войной, а также охарактеризовать конкретные мероприятия по восстановлению промышленных предприятий и сельского хозяйства и переход к мирной жизни (на примере демобилизации вооруженных сил)[788]. Авторы методички призывали краеведческие музеи подчеркнуть, что развертывание социалистического соревнования и народной инициативы явилось одним из факторов, повлиявших на скорость возвращения к мирной жизни[789].

На стендах и витринах Государственного музея КАССР были представлены фотографии разрушенных промышленных центров Карелии, фотокопии постановлений центральных и республиканских партийных и государственных органов о мероприятиях по восстановлению народного хозяйства, постановления и плакаты о демобилизации вооруженных сил, образцы продукции Онежского машиностроительного завода, Кондопожского целлюлозно-бумажного

[785] ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.). Л. 9.
[786] Программа Коммунистической партии Советского Союза (1961 г.). С. 113.
[787] Иваницкий И. П. Указ. соч. С. 11.
[788] Там же. С. 22.
[789] Там же. С. 12.

комбината, макеты нового оборудования заводов и комбинатов, сельскохозяйственной техники карельских колхозов, орудия труда передовиков, наградные документы, медали и знамена победителей социалистического соревнования[790]. Помимо предложенных методичкой экспозиционных материалов создатели музейного показа включали в предметный ряд экспонаты, характеризовавшие известных людей республики не только как производственников, но и как активных коммунистов, разносторонне развитых личностей. Так, например, посетители могли познакомиться с книжной полкой работника Онежского завода, передовика и коммуниста Н. Я. Горожанкина. Среди его книг были тома специальной литературы по физике и токарному делу, автобиографическая повесть токаря-скоростника, лауреата Сталинской премии П. Б. Быкова «Путь к счастью»[791].

Хронологический порядок расположения комплексов позволял включать в экспозицию материалы о важнейших событиях в жизни республики, праздновании юбилейных дат, помещая их в соответствующие подразделы[792]. К таким комплексам можно отнести материалы о праздновании 25-летия КАССР (1948 г.) и 100-летия народного эпоса «Калевала» (1949 г.). Первый комплекс предварялся ведущим текстом о том, что Карелия за годы советской власти из отсталой окраины превратилась «в цветущую социалистическую республику»[793]. На стендах и витринах были представлены приветственные адреса и подарки от союзных республик, фотографии народных гуляний, изданные к юбилею брошюры с героями Советского Союза — уроженцами Карелии, деятелями революционного движения и др., а также вышитая к юбилею скатерть работы мастериц артели «Заонежская вышивка»[794]. Комплекс, посвященный памятной дате, связанной с изданием эпоса «Калевала», сложился еще в 1948 г. и экспонировался в предыдущих экспозициях 1950-х гг. Включение в музейное повествование этих комплексов позволяло подчеркнуть самобытность края, уникальность его исторического пути.

Следующий объемный подраздел был посвящен развитию Карелии в «период завершения строительства социализма в СССР» (1953–1958 гг.). В соответствии с предложениями авторов методического пособия 1961 г. первая тема рассказывала о «крутом подъеме сельского хозяйства»[795]. Экспозиционеры организовали показ темы о развитии различных отраслей сельского хозяйства, используя сложившуюся в 1950-е гг. схему, ставшую своеобразным образцом. В соответствии с этой схемой были выстроены и остальные народно-хозяйственные комплексы экспозиции 1963 г. Показ комплексов начинался с цитаты из партийных документов (постановления Пленумов ЦК КПСС, доклады на партийных съездах, Программа КПСС

[790] ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.). Л. 41-46.
[791] ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.). Л. 41.
[792] Иваницкий И. П. Указ. соч. С. 14.
[793] ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.). Л. 46.
[794] Там же. Л. 46–48.
[795] ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.). Л. 56; Иваницкий И. П. Указ. соч. С. 55.

1961 г.), которая задавала определенный вектор музейной репрезентации, далее приводились статистические сведения в форме графиков, таблиц, диаграмм, натурные экспонаты были представлены фотографиями производственных процессов, трудовых коллективов, образцами продукции, макетами, новыми средствами производства. Экспозиционные комплексы, как правило, завершались рассказом о передовиках и мастерах своих профессий, их достижениях и наградах.

Материалы о XX съезде КПСС 1956 г. занимали одно из центральных мест в подразделе о развитии Карелии в 1953–1958 гг. Создатели экспозиции охарактеризовали XX съезд как «поворотный пункт» в жизни всей страны[796]. Портрет В. И. Ленина, включенный в тематический комплекс о партийном форуме, символизировал провозглашенное с трибуны зала заседаний Верховного Совета СССР возвращение к ленинским принципам партийной жизни: идеи вождя должны были «озарять путь человечества к коммунизму»[797]. Далее следовали экспозиционные материалы, предложенные методическими рекомендациями 1961 г. для репрезентации этой темы,[798] — плакаты, брошюры, связанные со съездом, в том числе брошюра «О преодолении культа личности и его последствий», тома стенографических отчетов, фотографии делегатов от Карельской АССР и др.

В отличие от музейного показа 1960 г., создатели которого в целом отказались от репрезентации общественно-политической жизни, сосредоточившись на показе экономики и достижений в области культуры, новая музейная экспозиция, имевшая под собой прочную теоретическую базу, предложенную НИИ музееведения, не избегала рассказов об основных вехах в политической истории страны. Разрыв в историческом нарративе Советского государства, появившийся вследствие осуждения культа личности и повлекший за собой переоценку событий и процессов недавней истории, создавал угрозу целостности советской идентичности. После XXI съезда, а также появления нового учебника по истории партии своеобразный эффект новизны, созданный решениями предыдущего партийного форума, был утрачен, новые явления были вписаны в историческую традицию[799]. Общество адаптировало новые идеи, сохранив свою идентичность.

Следующие экспозиционные комплексы, посвященные достижениям в народном хозяйстве Карелии в период между съездами, свидетельствовали об успешном выполнении задач, поставленных перед народом на XX съезде партией и правительством. XXI (1959 г.) и XXII (1961 г.) съезды были представлены в экспозиции в этом же ключе, на примере идентичного

[796] ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.). Л. 64.
[797] Там же.
[798] Иваницкий И. П. Указ. соч. С. 77.
[799] Дзялошинский И. М. Указ. соч. С. 759.

ряда экспонатов. Материалы о съездах задавали направление репрезентации народно-хозяйственным тематическим комплексам.

Выполнение принятого на XXI съезде семилетнего плана развития народного хозяйства провозглашалось главной задачей партии и советского народа и должно было стать важной вехой в создании материально-технической базы коммунизма[800]. «Прекрасные дела ударников и бригад коммунистического труда»[801] в свою очередь приближали наступление коммунистического будущего. Пропаганда решений съезда, мобилизация граждан на выполнение семилетнего плана и агитация за участие в движении за коммунистический труд в начале 1960-х гг. являлись приоритетными задачами советских музеев[802]. Государственный историко-краеведческий КАССР, показывая портреты передовиков, их личные комплексные планы и социалистические обязательства, наградные документы и предметы (медали, значки, вымпелы, переходящие Красные знамена)[803], вел пропаганду коммунистического отношения к труду, ударничества и, по мысли руководящих органов, способствовал расширению круга участников социалистического соревнования.

Практически сразу после исторического полета Ю. А. Гагарина, 26 апреля 1961 г. Президиум ЦК КПСС издал секретное постановление «О мерах по дальнейшему ознаменованию и популяризации первого полета советского человека в космос». Пропагандистская кампания внутри страны, согласно постановлению, должна была проводиться под знаком воспитания трудящихся, особенно молодежи, «в духе советского патриотизма» и мобилизации граждан на досрочное выполнение семилетнего плана[804]. Фотографии жителей Карелии у радиоприемника, слушающих передачу об историческом полете Ю. А. Гагарина, митингов трудящихся г. Петрозаводска, приветствующих первого человека в космосе, вызывали чувство гордости за достижения Советского государства и вдохновляли на новые достижения. В экспозицию также были включены созданные карельскими умельцами произведения декоративно-прикладного искусства, посвященные космонавтам, — портрет Ю. А. Гагарина (инкрустация по дереву), статуэтка «В космос» в форме глобуса и др.[805] — как практическое воплощение вызванного космическим полетом вдохновения.

Воодушевить жителей Карелии на трудовые подвиги призван был и последний крупный тематический раздел экспозиции Государственного историко-краеведческого музея КАССР,

---

[800] Доклад тов. Н. С. Хрущева «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы» (Заседание первое и второе). С. 20.
[801] Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1960. 28 мая (№ 126). С. 1.
[802] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 8/117. Л. 3; Иваницкий И. П. Указ. соч. С. 99.
[803] ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.). Л. 74.
[804] Постановление Президиума ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему ознаменованию и популяризации первого полета советского человека в космос». 26 апреля 1961 г. // Первый пилотируемый полет. Российская космонавтика в архивных документах: В 2 кн. Кн. 2. М.: Родина МЕДИА, 2011. С. 27–28.
[805] ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.). Л. 82.

посвященный XXII съезду КПСС 1961 г. и перспективам выполнения Программы КПСС, принятой на съезде. Раздел носил название «Трудящиеся Карелии в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма», музейный показ строился по отраслевому принципу на основе народно-хозяйственных экспозиционных комплексов. В качестве ведущих текстов, очерчивавших рамку репрезентации темы, выступали цитаты из Программы КПСС 1961 г. Выдержки из партийного документа обозначали задачи развития той или иной отрасли народного хозяйства, а материалы экспозиционного комплекса наглядно демонстрировали, как в Карелии выполняются поставленные партией и правительством задачи. Музейный показ, в текстовых материалах которого использовалось будущее время глаголов или их повелительное наклонение (будет сделано, построено, должно быть выполнено. обеспечено и т. д.), устремлял посетителей в будущее, а музейные экспонаты, как материальное воплощение этих устремлений, придавали уверенность в том, что «светлое» будущее достижимо.

В отличие от всех предыдущих экспозиций, повествование которых оканчивалось историческим или недавним прошлым, музейный показ 1963 г. предлагал взглянуть на перспективу развития Карелии, на будущее республики. Историческое прошлое Советской Карелии, показанное в экспозиции 1963 г., начиная с периода империализма и заканчивая недавними успехами в развитии народного хозяйства после XXI съезда КПСС и великим достижением советского народа — полетом человека в космос, позволили посетителям музея взглянуть на пройденный путь с точки зрения его значения для понимания настоящего и прогнозирования будущего региона и всей страны[806]. Событийный и предметный ряд демонстрировал эволюцию как экономики и средств производства, так и уровня образования и культуры жителей Карелии. Благодаря хронологической структуре музейного показа у посетителей не оставалось сомнений в том, какие исходные исторические события привели к сегодняшним успехам[807]. Таким образом, историческая память использовалась не только как инструмент формирования коллективной идентичности, но и как ресурс для проектирования идеального будущего[808].

На примере нескольких экспозиционных тем рассмотрим особенности предложенного Государственным историко-краеведческим музеем КАССР советского проекта Карелии будущего.

Подраздел «Дальнейшее развитие машиностроительной и металлургической промышленности Карелии» предварялся цитатой из Программы КПСС 1961 г. о том, что развитие машиностроения имеет первостепенное значение для технического перевооружения

[806] Нестеренко А. Н. Указ. соч. С. 4.
[807] Маловичко С. И. Указ. соч. С. 139.
[808] Дзялошинский И. М. Указ. соч. С. 754.

всего народного хозяйства[809]. Таким образом, Программа обозначала конкретную задачу, которая ставилась перед страной, — строительство и модернизация машиностроительных предприятий, а наименование подраздела отсылало к тому, что эта задача в Карелии уже активно решается. На стендах и витринах были представлены материалы об осуществлении коллективом Онежского тракторного завода, крупнейшего машиностроительного предприятия республики, «технического прогресса в тракторостроении»: модели новых тракторов и только назначенных к массовому выпуску машин, а также тракторов, которые успешно прошли или только проходят испытания на производстве. На этикетках к экспонатам сообщалось, что новые модели сельскохозяйственных и лесных машин вскоре будут повсеместно использоваться не только в Карелии, но и по всему Союзу[810]. Фотографии строительной площадки нового завода бумагоделательных машин, который должен был открыться в 1964 г., свидетельствовали об активном промышленном строительстве. Бурный рост предприятий тяжелой промышленности демонстрировался с помощью фотографий и макета вновь построенного 3-го корпуса Надвоицкого алюминиевого завода. Пояснительный текст сообщал, что после окончания строительства 4-го корпуса производство алюминия увеличится в 2,1 раза[811].

Одной из ключевых задач, поставленных Программой КПСС и «имеющих всемирно-историческое значение», было обеспечение в СССР самого высокого уровня жизни граждан по сравнению с развитыми капиталистическими странами[812]. То, как уже решается эта задача в Карелии начала 1960-х гг., демонстрировалось в подразделе «Подъем материального благосостояния народа». Первые же экспозиционные материалы, следовавшие за цитатой из программного документа, предлагали взглянуть на прогнозируемый рост национального дохода в СССР к 1980 г., а также сравнить уже достигнутые показатели 1959 г. с 1913 г. не в пользу последнего[813]. Копии постановлений правительства о мероприятиях по улучшению качества жизни трудящихся, расчетные книжки рабочих и служащих, свидетельствовавшие о росте заработной платы, пенсионные удостоверения, фотографии товарного изобилия в магазинах, новые доступные модели телевизоров, образцы эргономичной мебели показывали заботу Советского государства о гражданах и «неуклонный рост материального благосостояния» народа[814]. Более того, музейные тексты, апеллировавшие к будущему, создавали уверенность в том, что этот рост будет непрерывным («почти треть населения республики получит новые благоустроенные квартиры», «жилой фонд Кондопоги... увеличится... более чем в 2 раза»,

[809] ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.). Л. 113; Программа Коммунистической партии Советского Союза. 1961 г. С. 70.
[810] ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.). Л. 114.
[811] Там же. Л. 115.
[812] ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.). Л. 127; Программа Коммунистической партии Советского Союза. 1961 г. С. 90–91.
[813] ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.). Л. 127.
[814] Там же. Л. 128.

«на благоустройство Петрозаводска предусмотрено израсходовать около 100 млн рублей» и др.)[815].

Музейная экспозиция завершалась показом темы, вновь отсылавшей к перспективам развития общества и озаглавленной «Человек коммунистического будущего формируется сегодня». Программа КПСС провозглашала, что формирование нового человека происходит в процессе строительства коммунизма под воздействием всей выстроенной системы воспитания[816]. Экспозиционные материалы показывали лучшие образцы и практики этой системы, например участие граждан в добровольных народных дружинах (фотографии, значки, почетные грамоты и удостоверения дружинников), посещение лекций в народных университетах (абонементы на лекции, памятки слушателя), занятия в коллективах художественной самодеятельности (программы выступлений, концертные костюмы) и спортивных обществах (уставы обществ и фотографии спортсменов).

Воспитанию человека будущего должна была способствовать система школьного и профессионального образования. Посетители могли познакомится с программами школ КАССР, с помощью статистических данных оценить рост школьной сети, увидеть реальную связь школы и производства на примере учетных рапортичек учащихся трудовых политехнических школ и др. Этикетки к фотографиям студентов и преподавателей техникумов и университетов сообщали о росте числа студентов, подъеме качества профессионального образования. Издания научных трудов и фотографии научных сотрудников, докторов наук свидетельствовали о развитии различных направлений науки.

Таким образом, создатели экспозиции, показывая перспективы развития республики, подчеркивали, что для достижения коммунистического будущего требуется вклад каждого гражданина, начиная с учащихся и заканчивая высококвалифицированными специалистами и передовиками производства. Рекомендованный методичкой показ лучших образцов коммунистического труда и быта[817], в отличие от предыдущих экспозиций, воспринимался не как «лакировка действительности», а проект будущего. Если еще не везде трудящиеся присоединились к движению за коммунистический труд, занимаются самообразованием и участвуют в художественной самодеятельности, то в будущем эти практики станут повсеместными. Если еще не в каждом доме стоит новый телевизор и не во всех рабочих поселках уровень жизни сопоставим с городским, то в перспективе будет так, как указано в Программе КПСС 1961 г. Необходимо отметить, что экспозицию 1963 г. можно назвать

---

[815] Там же. Л. 130, 132.
[816] ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.). Л. 141; Программа Коммунистической партии Советского Союза. 1961 г. С. 117.
[817] Иваницкий И. П. Указ. соч. С. 10.

единственной устремленной в будущее, последующие музейные показы ограниченно показывали перспективы развития региона, но не предлагали полноценного проекта будущего.

Итак, музейное повествование экспозиций 1960 и 1963 гг. базировалось на изданиях учебника «История КПСС» 1959 и 1963 гг., а также материалах партийных съездов. На структуру и текст экспозиции 1963 г. большое влияние оказали методическое пособие по вопросам построения экспозиций краеведческих музеев по современному периоду, а также Программа КПСС, принятая в 1961 г. Предметный ряд экспозиций 1960 и 1963 гг. дополнился подлинными памятниками, а доля текстового, изобразительного и вспомогательного материала несколько снизилась.

В исторических разделах обеих экспозиций большее место стала занимать репрезентация становления и деятельности партийных органов в Карелии после Октябрьской революции, подчеркивалась роль партии как движущей силы экономических и общественно-политических преобразований. Если создатели экспозиции 1960 г. избегали репрезентации противоречивых событий и явлений периода 1930-х гг., то через несколько лет те же сотрудники, вооруженные официальным методическим пособием, смело рассказывали о них музейным языком. На стендах и витринах экспозиций 1960 и 1963 гг. появились фотографии и материальные памятники, связанные с именами репрессированных в 1930-е гг. государственных, партийных, хозяйственных деятелей, но в то же время экспозиционные тексты не сообщали о том, что они были подвергнуты репрессиям и впоследствии реабилитированы. В обоих музейных показах отсутствовали материалы, связанные в Советско-финляндской войной 1939–1940 гг.

Создатели экспозиции 1960 г. в разделах о послевоенной истории сосредоточились на показе экономического развития республики, практически не касаясь общественно-политической сферы. В экспозиции 1963 г., напротив, последовательно рассмотрены все преобразования, произошедшие после каждого партийного форума, ставившего определенные народно-хозяйственные задачи, а также обозначены перспективы развития республики.

Экспозиция 1967 г.

К юбилею Октябрьской революции Государственный музей КАССР планировал представить публике новую постоянную музейную экспозицию. Несмотря на то что предыдущий музейный показ открылся всего несколько лет назад, общественно-политическая ситуация в СССР значительно поменялась. Эти изменения требовали внести определенные корректировки в музейную историческую репрезентацию для того, чтобы экспозиция приобрела правильную идейно-политическую направленность. Историографической основой экспозиции стал второй том обобщающего труда по истории Карелии «Очерки истории Карелии», изданный в 1964 г.

Цитаты из «Очерков» активно включались в текст экспозиции 1967 г. в качестве главных и поясняющих текстов.

В соответствии с утвердившейся периодизацией истории Карелии, закрепленной во втором томе «Очерков», постоянная экспозиция отдела истории Советской Карелии подразделялась на следующие разделы: Карелия в период Октябрьской революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.), Карелия в период восстановления народного хозяйства и довоенных пятилеток (1921–1941 гг.), Великая Отечественная война (ТЭП был создан в 1964 г., подраздел восстановлен без изменения экспозиционных материалов), Карелия в период завершения строительства социализма и развернутого строительства коммунизма (1945–1967 гг.). Завершающий раздел «Быт и культура трудящихся Карелии» был посвящен достижениям в культуре и искусстве последних лет, а также рассказывал о повышении уровня и качества жизни трудящихся Карелии.

Рассмотрим особенности репрезентации истории Советской Карелии в экспозиции 1967 г. на примере основных экспозиционных разделов.

К 1967 г. в музее сформировался своеобразный канон репрезентации Октябрьской революции и установления Советской власти в Карелии. Этот канон оставался практически неизменным до конца советской эпохи. Таким образом, на протяжении 1960–1980-х гг. посетителей неизменно встречали гипсовый бюст В. И. Ленина, включенный в экспозицию 1963 г., и Красное знамя коллектива Кировской (Октябрьской) железной дороги, на стендах были представлены те же портреты большевиков-революционеров и архивные документы.

Новый ТЭП был составлен Н. М. Гвоздевым, одним из опытных сотрудников музея, пришедшим на работу в 1950-х гг. В целом экспозиционный план содержательно практически не отличался от плана 1963 г., тем не менее в экспозицию были добавлены новые экспонаты и материалы. Например, часы с проходной Александровского завода. Этикетка к экспонату сообщала, что по этим часам подавались заводские гудки, призывавшие рабочих на митинги, в том числе и на демонстрацию 4 января 1918 г.: «В эти дни была провозглашена в Карелии Советская власть»[818]. В одной из витрин экспонировалась делопроизводственная печать Олонецкого губсовета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов 1918 г. — «первая печать Советской власти в Карелии»[819]. Как и во втором томе «Очерков истории Карелии», большое место в экспозиции уделялось созданию большевистского Олонецкого губернского революционного исполкома в 1918 г. Среди экспонатов были представлены фотокопии документов Олонецкого губернского революционного исполкома, изгнавшего эсеров из советских органов, сообщения первого председателя губревисполкома П. Ф. Анохина В.

[818] ТЭП«Карелия в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) (1967 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 320. Л. 7.
[819] Там же. Л. 8.

И. Ленину об исключении эсеров из состава Совета, бюст П. Ф. Анохина, фотография членов Олонецкого губревисполкома, а также работников Олонецкой чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, помогавшей подавлять контрреволюционные выступления в Петрозаводске и уездах[820].

Структура подраздела экспозиции, посвященного Гражданской войне, во многом повторяла содержание соответствующей главы «Очерков истории Карелии», тексты экспозиции цитировали обобщающий труд. В отличие от предыдущих музейных показов, впервые в репрезентации Гражданской войны акцент ставился на борьбу карельского народа с интервентами и белогвардейцами, подчеркивалось, что карелы принимали активное участие в защите советской власти на Севере России. Так, например, демонстрировавшаяся ранее в альбоме-турникете фотография государственного деятеля С. С. Ракчеева, участника Гражданской войны, в 1967 г. размещалась на основном стенде, на этикетке к фотографии указывалось, что Сергей Семенович — вепс по национальности[821], в альбоме 1963 г. сведения о национальности отсутствовали[822]. Как и отдел экспозиции 1967 г. по истории дореволюционной Карелии, в котором подчеркивалась роль коренного населения Карелии в историческом процессе, отдел по советской истории был направлен на формирование региональной идентичности.

Подраздел о событиях Гражданской войны завершался сюжетом о создании Карельской Трудовой Коммуны в 1920 г., который был показан на более широком комплексе экспозиционных материалов, чем в 1963 г. Вступлением к музейному рассказу служили слова В. И. Ленина, сказанные в разговоре с одним их организаторов КТК Э. А. Гюллингом: «Карелы народ трудолюбивый. Я верю в их будущее!»[823] Далее следовали фотографии государственных деятелей, стоявших у истоков создания нового государственного образования, фотокопии учредительных документов, делопроизводственные печати органов власти, карта территорий, вошедших в коммуну. Этикетка к карте сообщала, что 63 % населения нового региона — карелы. Под фотографией делегатов I Всекарельского съезда Советов указывалось, что перед коммуной стояла цель поднять все карельское и русское население на укрепление советской власти на Севере России[824]. Завершался показ цитатой В. И. Ленина о сложнейшей задаче, стоящей перед советской властью, — победе на бескровном фронте, то есть в борьбе за восстановление разрушенного в годы Гражданской войны народного хозяйства[825]. Цитата

---

[820] Там же. Л. 8, 13, 14.
[821] ТЭП«Карелия в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) (1967 г.). Л. 44.
[822] ТЭП «История Советской Карелии (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.)» (1963 г.). Л. 50.
[823] ТЭП«Карелия в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) (1967 г.). Л. 69.
[824] Там же. Л. 11, 12.
[825] Ленин В. И. Доклад Центрального комитета 29 марта: IX съезд РКП(б) 29 марта — 5 апреля 1920 г. // Ленин В. И. : Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 40. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1974. С. 255–256.

использовалась в качестве логического перехода к следующему подразделу, повествующему о восстановлении экономики Карелии в 1920-х гг.

В подразделе, охватывавшем период с 1920 по 1926 г., экономические экспозиционные комплексы о восстановлении народного хозяйства, строительстве новых промышленных предприятий, росте производительности труда не претерпели значительных изменений по сравнению с 1963 г. К новым сюжетам, впервые показанным в экспозиции, можно отнести создание пионерской организации Карелии, деятельность карельских профсоюзов, подъем женского движения, работу Транспортно-промышленного колонизационного комбината Мурманской железной дороги.

Посетители могли познакомиться с фотографиями участников первых пионерских собраний 1922 г., делегаток I Всекарельского съезда женщин 1924 г., деятелей профсоюзного движения, на витринах были представлены членские книжки пионерской и профсоюзных организаций[826]. Расчетная книжка переселенца и водворительный билет на жительство в Карелию, выданные Транспортно-промышленным колонизационным комбинатом Мурманской железной дороги, брошюры о работе комбината рассказывали о хозяйственном освоении Карелии[827]. Включение новых тем расширяло представления об истории Карелии, придавало новизну экспозиции.

Следующий подраздел был посвящен репрезентации социалистической реконструкции народного хозяйства Карелии в 1926–1941 гг. Этот исторический период в историографии Карелии, прежде всего во втором томе «Очерков истории Карелии», характеризовался как успешная реализация ленинского плана социалистического строительства[828] (в экспозициях конца 1940-х — начала 1950-х гг. этот же план назывался «сталинским»). В отличие от экспозиции 1960 г. и отчасти 1963 г., в новом музейном показе термины «индустриализация» и «коллективизация» не только включались в экспозиционные тексты, но и выносились в качестве заголовков к тематическим комплексам: «Индустриализация Советской Карелии», «Завершение сплошной коллективизации сельского хозяйства»[829]. Появление этих подразделов стало следствием того, что в историографии с санкции органов идеологического контроля была выработана определенная позиция к оценке процессов и явлений сталинской эпохи. Так, в «Очерках истории Карелии» отмечалось, что индустриализация как генеральная линия партии проводилась в соответствии с указаниями В. И. Ленина о том, что крупная промышленность — это основа социализма, массовая коллективизация крестьянских хозяйств также являлась

[826] ТЭП «Карелия в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) (1967 г.). Л. 83–84.
[827] ТЭП «Карелия в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) (1967 г.). Л. 89–91.
[828] Филимончик С. Н. Карелия в период советской модернизации 1920–1930-х гг. С. 9.
[829] ТЭП «Карелия в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) (1967 г.). Л. 94, 117.

частью ленинского кооперативного плана[830]. Перегибы, допущенные на местах, и имевшие место нарушения социалистической законности никак не отменяли достигнутых успехов в промышленности и сельском хозяйстве, которые заложили фундамент экономики СССР.

Помимо экспозиционных комплексов, свидетельствовавших о развитии лесной, машиностроительной, горнодобывающей, энергетической промышленности, а также о появлении новых отраслей (целлюлозно-бумажной, химической, рыболовной), в структуру музейного показа включались материалы о появлении в Карелии новой народной интеллигенции, участии трудящихся в социалистическом соревновании, поддержке стахановского движения, массовом освоении техники. Экспозиционные комплексы по коллективизации содержали материалы об организациях деревенской бедноты (членские удостоверения, фотографии участников и копии постановлений Всекарельской конференции деревенской бедноты и др.), которые первыми стали объединяться в колхозы[831]. Далее в пояснительном тексте сообщалось, что «наряду с беднотой в колхоз пошел середняк»[832]. Экспонаты (приходные ордера передачи имущества от вступающих в колхозы, описи колхозного имущества, фотографии новой сельскохозяйственной техники, поступившей в распоряжение коллективных хозяйств, и др.) свидетельствовали о добровольности вступления крестьян в колхозы и качественном улучшении условий труда и быта. Подраздел о коллективизации завершался цитатой из Программы КПСС 1961 г. о революционном значении коллективизации для всего уклада крестьянской жизни[833]. Эти материалы показывали широкую общественную поддержку социалистических преобразований в городе и деревне, готовность жителей Карелии своим трудом поддержать политику партии и правительства.

Новыми экспонатами пополнился тематический комплекс, посвященный принятию новых конституций СССР и Карельской АССР в 1936 и 1937 гг. Посетителям были представлены депутатские билеты и наградные знаки депутатов от Карелии в Совете национальностей Верховного Совета СССР. Пояснительный текст к экспозиционному комплексу сообщал, что конституция законодательно закрепила победу социализма, одержанную трудящимися Карелии под руководством компартии, с братской помощью народов СССР[834].

Как и в предыдущих экспозициях 1960-х гг., в новом музейном показе отсутствовали материалы о Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. Несмотря на то что в архивных документах и самих ТЭПах нет сведений о том, почему создатели экспозиции приняли решение

---

[830] Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 200, 236.
[831] ТЭП «Карелия в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) (1967 г.). Л. 115-116.
[832] ТЭП «Карелия в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) (1967 г.). Л. 116.
[833] ТЭП «Карелия в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) (1967 г.). Л. 117–118; Программа Коммунистической партии Советского Союза(1961 г.). С. 44.
[834] ТЭП «Карелия в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) (1967 г.). Л. 126.

(или им его продиктовали) не рассказывать посетителям об этой странице истории Карелии (хотя с конца 1940-х гг. уже существовали сложившиеся экспозиционные комплексы по этой теме), можно предположить, что на это решение повлияло развитие дружеских отношений между двумя странами. Косвенно подтверждение подобной позиции музея можно найти в письме директора В. М. Ионовой, отправленном в марте 1967 г. в ответ на письмо ветерана Гражданской войны. Ветеран спрашивал у руководства музея, планируется ли в республике отмечать 45-летие ликвидации белофинской авантюры. В. М. Ионова отвечала, что «по-видимому широко отмечать эту дату не будут, учитывая наши современные дружеские отношения с Финляндией и изменения, которые произошли во взаимоотношениях с соседним государством»[835].

Конец 1950-х гг. совпал с активизацией деятельности карельского отделения общества дружбы «СССР—Финляндия». Отделение возглавлял писатель, председатель Союза писателей КАССР А. Н. Тимонен. Языком литературного творчества А. Н. Тимонена был финский, его произведения публиковались не только в СССР, но и в Финляндии и способствовали развитию плодотворного культурного диалога между двумя странами, принадлежавшими к разным политическим лагерям. Советское государство, участвуя в культурной дипломатии, имело целью формирование позитивного образа СССР у граждан Финляндии. Ежегодно Советскую Карелию посещало большое количество финских туристических групп по линии Карельского отделения ВАО «Интурист», активная деятельность общества «СССР—Финляндия» приводила к увеличению и так значительного туристического потока[836]. Рост межкультурных контактов и широкое использование средств массовой информации как инструментов взаимодействия с иностранной аудиторией привели к тому, что во второй половине 1960-х гг. не только «прогрессивная» интеллигенция, но и массовые туристы стали рассматриваться в качестве целевой аудитории для воздействия советской пропаганды[837]. Посещение краеведческого музея обычно входило в культурную программу финских туристов, следовательно, материалы музейной экспозиции потенциально могли использоваться и использовались для пропаганды советского образа жизни и преимуществ социалистического строя.

В экспозиции историко-краеведческого музея присутствовали сюжеты, связанные с взаимоотношениями СССР и Финляндии. Прежде всего к этим сюжетам можно отнести события Гражданской войны и «белофинской авантюры» 1921–1922 гг., а также Великой Отечественной войны. Кроме того, на стендах и витринах располагались фотографии и мемориальные вещи, принадлежавшие военным, государственным, хозяйственным, культурным

[835] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 15/183. Л. 74.
[836] Шорохова И. В. Карельское отделение общества «СССР–Финляндия» в системе советской культурной дипломатии 1960-х гг.: от межкультурного диалога к межкультурной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 100.
[837] Там же. С. 101.

деятелям Карелии — финнам по национальности (многие из них в 1930-е гг. были репрессированы, но об этом в музейных материалах, как было сказано ранее, не сообщалось). Многие финны стояли у истоков карельской государственности, боролись за советскую власть в годы Гражданской войны, защищали СССР и Карелию в Великую Отечественную войну. Тем не менее события Гражданской и Великой Отечественной войн, когда Советское государство находилось в позиции защищающегося от иностранной агрессии и успешно преодолело смертельные для всего советского строя угрозы, позволяли экскурсоводам с позиции победителей рассказывать о героизме советских граждан, превосходстве социализма над капитализмом. В то время как репрезентация Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. изначально могла столкнуться сразу с несколькими проблемами.

Во-первых, советская историография в рассказе о причинах и последствиях войны опиралась на речи наркома иностранных дел В. М. Молотова 1939–1940 гг., а также брошюру «Фальсификаторы истории» 1948 г.[838] В. М. Молотов был непосредственным участником переговоров между СССР и Финляндией как до, так и после войны, активно выступал в средствах массовой информации, формируя отношение к войне советских граждан. К 1967 г. исключенный из партии уже бывший министр иностранных дел находился в опале. Если в экспозициях 1950-х гг. ссылка на речи В. М. Молотова и актуальную для сталинской эпохи брошюру была уместна, то во второй половине 1960-х гг. потеряла целесообразность. Этот тезис подтверждается тем, что в изданном в 1964 г. втором томе «Очерков истории Карелии» имя наркома иностранных дел ни в одной главе не упоминается, а в списке литературы к параграфу о Советско-финляндской войне отсутствует издание «Фальсификаторы истории». Вместо него автор параграфа А. И. Андриайнен ссылается на два тома воспоминаний участников войны «Бои в Финляндии» (1941 г.) и книги финских «прогрессивных» историков[839].

Во-вторых, в самой Финляндии неизменной с 1940-х гг. оставалась точка зрения о том, что страна подверглась неспровоцированному нападению со стороны более сильного соседа, однако финское общество сплотилось и дало отпор, позволивший сохранить государственный суверенитет[840]. Вопрос о том, какая из сторон конфликта первой начала военные действия, в тех же «Очерках истории Карелии» осторожно опускался. Автор параграфа сообщал, что Карелия стала прифронтовым тылом, это обстоятельство оказало влияние на всю ее внутреннюю жизнь[841]. Не вполне четкие формулировки использовались для характеристики войны и в учебнике 1959 г. «История КПСС», который предлагалось использовать советским музеям в качестве концептуальной основы. Войне с Финляндией было посвящено два абзаца,

[838] Авилкин А. М. Указ. соч. С. 2
[839] Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 555.
[840] Вихаванен Т. Финляндская историография Зимней войны: лекция. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2010. С. 10. URL: http://elibrary.petrsu.ru/books/9813 (дата обращения: 01.03.2026).
[841] Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 321.

ответственность за начало конфликта возлагалась на финских реакционеров, подстрекаемых мировым империализмом[842].

Таким образом, в распоряжении карельских экспозиционеров не было историографической и идеологической «почвы» для репрезентации Советско-финляндской войны. Кроме того, существовал и моральный аспект проблемы: СССР, который, согласно публичным заявлениям своих лидеров, всегда последовательно отстаивал политику мира, в конфликте с Финляндией 1939–1940 гг., по крайней мере по мнению финляндской стороны, выступал в качестве агрессора. Возможно, для того чтобы избежать противоречий в музейном нарративе, сохранить позитивный имидж музея и Карелии у ставших многочисленными финских туристов, экспозиционеры отказались от показа Советско-финляндской войны как в 1963 г., так и в 1967 г.

Интересно, что А. И. Андриайнен, равно как и В. И. Машезерский, в 1967 г. знакомился с проектами ТЭПов, участвовал в их обсуждении на заседаниях Научного совета музея. Так, А. И. Андриайнен высказывал пожелания, чтобы в тематическом комплексе о довоенных пятилетках больше внимания уделялось роли трудящихся Карелии в социалистическом строительстве, а также нашло отражение участие иностранных рабочих (видимо, имелись в виду рабочие-финны, прибывшие из Америки строить социализм) в строительстве социализма[843]. Второе пожелание выполнено не было, вклад американских финнов в социалистическую реконструкцию народного хозяйства впервые полноценно будет представлен только в музейном показе 1987 г. Стоит отметить, что в протоколах заседания совета не зафиксированы какие-либо возражения автора «Очерков истории Карелии» об отсутствии в экспозиции Советско-финляндской войны.

Раздел экспозиции по истории Великой Отечественной войны, как упоминалось ранее, был создан в 1964 г. и с незначительными изменениями воссоздан в новом музейном показе 1967 г. Структура раздела экспозиции о Великой Отечественной войне повторяла структуру соответствующей главы в «Очерках», ведущие и пояснительные тексты, включенные в экспозицию, были прямыми цитатами из этой книги[844]. На основе обновленной экспозиции в 1974 г. была создана методическая разработка к экскурсии. Основной ее целью было показать «массовый героизм советских воинов на Карельском фронте»[845], что соответствовало установившейся тенденции в репрезентации истории войны в историографии. Для реализации этой цели экскурсовод должен был подробно останавливаться на событиях и сражениях на Карельском фронте, героических подвигах фронтовиков и разведчиков. Целевой аудиторией экскурсии были школьники и учащиеся средних специальных учебных заведений. Тема

[842] История Коммунистической партии Советского Союза. 1959. С. 496.
[843] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 15/179. Л. 16.
[844] См. напр.: Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 348; ТЭП отдела «История Советской Карелии» по теме «Карелия в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» (1964 г.). Л. 10.
[845] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 21/249. Л. 1.

Великой Отечественной войны вызывала особый интерес учащихся, а музейщикам позволяла достигать одной из важнейших целей деятельности советских музеев — воспитывать молодое поколение в духе патриотизма, укреплять их в этом чувстве[846].

Следующие разделы, посвященные периоду 1945–1959 гг., в целом повторяли экспозицию 1963 г. Основные вехи истории Карелии и всей страны отмерялись по партийным форумам, в периоды между ними трудящиеся Карелии работали над выполнением задач, поставленных партией и правительством. По этому же принципу был организован подраздел, охватывавший 1959–1967 гг.: на XXI съезде была поставлена задача о выполнении семилетнего плана развития народного хозяйства, и материалы экспозиции, расположенные по отраслям производственной и непроизводственной сфер, свидетельствовали о вкладе республики в его выполнение. Предметный ряд экспозиции значительно не поменялся и строился на основе уже существовавших экспозиционных комплексов, актуализированных на 1966 г. Помимо цитат из материалов съездов и Программы КПСС создатели экспозиции использовали новые документы. Например, вступлением к теме «Социализм в СССР победил», посвященной периоду после XXI съезда КПСС, служила цитата из постановления ЦК КПСС от 4 января 1967 г. «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции», в которой говорилось о переходе к строительству коммунизма как самом важном результате революционных преобразований[847]. О повышении материальной заинтересованности трудовых коллективов в результате создания специальных фондов предприятий сообщала цитата из утвержденного сентябрьским пленумом ЦК КПСС 1965 г. «Положения о социалистическом государственном производственном предприятии»[848].

В 1966 г. Карельская АССР за успехи в развитии народного хозяйства была награждена орденом Ленина. Это знаменательное событие нашло отражение в экспозиции. Посетители могли познакомиться с копией указа о награждении, орденом Ленина (макет), фотографиями торжеств и визитов правительственных делегаций по случаю награждения, подарками трудящихся республик СССР и областей РСФСР в честь присуждения важной награды[849].

Вывод ко всему разделу гласил, что в результате претворения в жизнь ленинских идей индустриализации Карелия стала высокоразвитой промышленной республикой[850].

Отдельный ТЭП был составлен для проектирования раздела экспозиции, посвященного быту

---

[846] Левыкин К. Г. Роль государственных музеев в расширении и углублении знаний учащихся, развитии их познавательных способностей // Коммунистическое воспитание учащихся музейными средствами: Сборник научных трудов. М.: НИИК, 1983. С. 66.

[847] ТЭП «Карелия в период завершения строительства социализма и развернутого строительства коммунизма (1945–1967)» (1967 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3857. Л. 39; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. за 50 лет. Т. 6.: 1966 — январь–июнь 1968 гг. М.: Политиздат, 1968. С. 311.

[848] ТЭП «Карелия в период завершения строительства социализма и развернутого строительства коммунизма (1945–1967)» (1967 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3857. Л. 94.

[849] Там же. Л. 112–113.

[850] Там же. Л. 40.

и культуре трудящихся Карелии на современном этапе. Подразделы ТЭПа строились на основе отраслевого принципа и демонстрировали успехи трудящихся, достигнутые в повышении уровня жизни, образовании и культуре. Подразделы предварялись цитатами из материалов XXIII съезда КПСС 1966 г. (директив, доклада Л. И. Брежнева и др.).

Так, подраздел о развитии народного образования в республики начинался с цитаты из доклада Л. И. Брежнева на XXIII съезде КПСС о советской школе, которая должна формировать у учащихся материалистическое мировоззрение и коммунистическую нравственность[851]. Далее следовали материалы о развитии среднего и профессионального образования в республике: графики и таблицы о количестве учебных заведений и учащихся, примеры учебных пособий и работ учеников и студентов, фотографии лучших учителей школ и преподавателей техникумов и вузов. Вслед за таблицей о количестве средних школ в республике и численности учащихся следовала цитата из Директив XXIII съезда о том, что в течение пяти лет необходимо увеличить число школ и учащихся средних школ, а также учащихся школ рабочей молодежи[852]. Однако этот пример дает возможность взглянуть на зарождающиеся проблемы, с которыми в будущем придется иметь дело карельским музейщикам, а именно, малый рост (отсутствие роста, зачастую снижение) цифровых показателей как в экономике, так и в непроизводственных сферах, не поспевающий за грандиозными планами, намеченными партией и правительством. Если во многих отраслях промышленности Карелии к 1967 г. еще наблюдался рост, то в непроизводственных сферах наметилась тенденция к стагнации.

В таблице показано сокращение школ и небольшой прирост учащихся, а также рост численности техникумов, но сокращение количества учеников и выпущенных средними специальными учебными заведениями специалистов. При то же количестве высших учебных заведений увеличилось количество их выпускников, но прирост по сравнению с 1958–1965 гг. оказался не таким существенным[853] и т. д. К началу 1980-х гг., когда советская экономика начала заметно стагнировать, таблицы с экономическими показателями стали все реже использоваться экспозиционерами.

Необходимо отметить, что в 1967 г. НИИ музееведения были изданы методические рекомендации по проектированию постоянных экспозиций краеведческих музеев, посвященных периоду развернутого строительства коммунизма (1959–1965 гг.). Согласно методичке, в этом разделе музеи должны были показать «величественные итоги пути, пройденного трудящимися

---

[851] ТЭП «Быт и культура трудящихся Карелии» (1967 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 597. Л. 19; Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Первого секретаря ЦК товарища Л. И. Брежнева // XXIII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта — 8 апреля 1966 г.: Стеногр. отчет: В 2 т. Т. I. М.: Политиздат. 1966. С. 80.

[852] ТЭП «Быт и культура трудящихся Карелии» (1967 г.). Л. 19; Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 годы // XXIII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта — 8 апреля 1966 г. Стеногр. отчет. В 2-х т. Т. 2. М.: Политиздат, 1966. С. 359.

[853] Там же. Л. 19, 21, 23.

края за годы Советской власти»[854]. Разработка и утверждение ТЭПов новой экспозиции в Государственном музее КАССР в общих чертах завершились к началу 1967 г.[855], а открытие состоялось в августе 1967 г.[856], поэтому сотрудники музея, даже ознакомившись с рекомендациями института, не имели достаточно времени и возможности полностью воплотить их в жизнь. Тем не менее готовящаяся экспозиция в общих чертах соответствовала требованиям к идейной направленности, структуре музейного показа и содержанию экспозиционных комплексов, изложенным в методичке.

Авторы методического пособия отмечали, что проблемы новейшей истории СССР еще недостаточно разработаны, отсутствовали фундаментальные исследования и обобщающие труды. Вследствие этого музеи вынуждены были самостоятельно решать многие вопросы, связанные с репрезентацией событий и явлений последних лет[857]. Действительно, при подготовке нового музейного показа научные сотрудники, ответственные за разработку ТЭПов, активно обращались к специалистам разных отраслей народного хозяйства для консультаций, получения статистических данных, содействии в сборе экспонатов и т. д.[858] В результате экспозиция 1967 г. содержала новейшую информацию об экономике и культуре края, научное содержание базировалось на актуальных партийных документах и материалах, исторические разделы основывались на актуальном обобщающем труде по истории Карелии. Таким образом, экспозиция соответствовала требованиям методички к актуальности, идейно-политической направленности и опоре на историографию. Экспозиция 1967 г. с некоторыми изменениями и дополнениями продолжала работать вплоть до 1979 г., когда из-за аварийного состояния здания музей был закрыт.

Научным сотрудникам советских краеведческих музеев не предоставлялась возможность реализовывать принципиально новые схемы исторической репрезентации. К середине 1960-х гг. сформировались определенные каноны нарратива о ключевых событиях советской истории: Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войнах. В историографии был преодолен своеобразный кризис, вызванный положениями XX съезда и осуждением культа личности, в результате события и процессы середины 1920–1930-х гг. были непротиворечиво вписаны в историческое повествование, неудобные вопросы игнорировались или их значение преуменьшалось. Идеологическая направленность подразделов о новейшей истории определялась ключевыми задачами, ставившимися перед советскими гражданами на съездах КПСС: отраслевой принцип построения этих подразделов позволял показать, как обозначенные

---

[854] Период развернутого строительства коммунизма в экспозиции краеведческого музея: (метод. материалы). М., 1967. С. 5.
[855] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 14/175. Л. 11–12.
[856] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 15/181. Л. 21.
[857] Период развернутого строительства коммунизма в экспозиции краеведческого музея: (метод. материалы). С. 8.
[858] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 15/181. Л. 18.

задачи решались в различных сферах народного хозяйства. Методические рекомендации, единые для всех музеев СССР, требовали строгого соблюдения хронологического принципа при организации музейного показа, следовательно, большинство экспозиций советских музеев зачастую были невыразительными, похожими друг на друга несмотря на региональную специфику[859].

Экспозиция Карельского музея во многом потеряла свою устремленность в будущее, в ТЭПах 1967 г. для организации тематических комплексов практически не использовались цитаты из Программы КПСС 1961 г. Напротив, экспозиционные материалы фиксировали достижения в народном хозяйстве на 1966–1967 гг., за исключением нескольких случаев, не предлагая взглянуть на перспективу развития региона. К концу хрущевской эпохи идеологическим институтам удавалось увлечь идеей ударного строительства коммунизма все меньшее количество советских граждан. Всплеск энтузиазма, вызванный принятием новой Программы КПСС в 1961 г., обещавшей достижение коммунизма в обозримом будущем, в отсутствие реальных материальных стимулов ударного труда постепенно угасал[860]. Музейная экспозиция 1967 г. пропагандировала уважительное отношение к труду, показывала энтузиазм тружеников Карелии и полученные ими награды (в основном имевшие символическое значение, о премиях или материальных подарках сведений в экспозиции практически не содержалось), однако призывы к ударному труду находили все меньший отклик. Об этом свидетельствуют, например, книги отзывов музея, в которых в конце 1960–1970-х гг. звучала гордость за достижения республики, ее богатую историю, но исчезли упоминания о людях труда и их вкладе в строительство коммунистического общества.

Экспозиция 1982–1983 гг.

Отдел по истории Советской Карелии, который нес на себе основную идеологическую нагрузку и воспринимался ключевым инструментом формирования коммунистического мировоззрения, был реэкспонирован в 1983 г. Экспозиция 1982–1983 гг. создавалась к 60-летнему юбилею образования СССР. В создании ТЭПа приняли участие заведующий отделом по истории Советской Карелии А. И. Грибушин, научные сотрудники отдела Г. П. Пудовкина, М. Ю. Данков, В. Г. Кондратьев. Несмотря на то что в экспозицию был включен целый ряд знаковых исторических памятников, в нем важное место по-прежнему занимал плоскостной и текстовый материал[861]. В период начала 1980-х гг. музейщикам приходилось вносить многочисленные изменения в экспозиционные тексты, вставлять новые цитаты в связи со

[859] Златоустова В. И. Указ. соч. С. 288.
[860] Пыжиков А. В. Указ. соч. С. 141.
[861] Кондратьев В. Г. Экспозиции по истории Советской Карелии в КГКМ ([1989 г.]) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 762. Л. 6.

сменой лидеров СССР, проведением съездов, особенно от подобных обновлений «страдал» отдел истории Советской Карелии[862].

Репрезентация Октябрьской революции и Гражданской войны, как и другие исторические тематические комплексы в отделе Советской Карелии, была значительно сокращена и в основном следовала канону, сложившемуся к концу 1960-х гг. В подразделе о довоенных пятилетках музейщики сосредоточились на показе крупных строек индустриализации, процессе коллективизации крестьянских хозяйств и развитии различных отраслей народного хозяйства Карелии. На ограниченном экспозиционном пространстве, отведенном под размещение отдела «История Советской Карелии», необходимо было разместить дополнительные подразделы, посвященные периоду с 1966 по 1983 г., которые должны были играть значительную роль в пропаганде «развитого социализма». Пропаганда музейными средствами достижений советского общества по-прежнему оставалась ключевой задачей советских музеев[863].

Раздел, посвященный истории Карелии в годы Великой Отечественной войны, предлагалось разделить на два тематических комплекса и разместить их в разных зданиях. Первый комплекс должен был располагаться в главном здании музея и представлять темы «Тыл — фронту», «Герои Советского Союза — уроженцы Карелии». В экспозиционных комплексах в отдельном музейном здании на ул. Энгельса, д. 5 предполагалось раскрыть темы партизанского и подпольного движений[864]. Торжественное открытие второго экспозиционного комплекса состоялось 8 мая 1984 г. и было приурочено к 40-летию освобождения Карелии от немецко-финских захватчиков[865].

Экспозиция, посвященная партизанам и подпольщикам, рассматривалась как составная часть мемориального комплекса Партизанской славы. Еще в 1975 г. Петрозаводским горсоветом был объявлен конкурс на проект «Поляны партизанской славы»[866]. Несмотря на то что конкурс состоялся, ни один из проектов так и не был тогда воплощен. К идее создания мемориального комплекса партизан и подпольщиков вернулись в 1982 г., когда пост Генерального секретаря ЦК КПСС занял Ю. В. Андропов, руководивший в годы Великой Отечественной войны комсомолом Карелии и участвовавший в организации подпольного движения[867]. Оформление

---

[862] Кондратьев В. Г. Карельский государственный музей. 1980-е гг. // Вестник Национального музея Республики Карелия. Вып. 8. Петрозаводск, 2021. С. 44.
[863] Златоустова В. И. Указ. соч. С. 290.
[864] ТЭП «Великая Отечественная война и партизанское движение в Карелии» (1983 г.) // НА НМ РК. Ф.1. Оп. 1. Д. 600. Л. 2.
[865] Ленинская правда. 1984. 9 мая (№ 109).
[866] ТЭП «Великая Отечественная война и партизанское движение в Карелии» (1983 г.). Л. 83–85.
[867] Волохова В. В. История памятника воинам, партизанам и подпольщикам Карельского фронта: петрозаводчане в борьбе за собственную память о войне // Россия и мир XXI веке: материалы II научно-практической конференции молодых ученых ПетрГУ. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 3–4.

мемориального комплекса в честь партизан на пересечении улиц Гоголя и Энгельса началось в юбилейном 1984 г.[868]

В 1983 г. был разработан новый ТЭП. Перед экспозиционерами стояла задача показать руководящую роль ЦК Компартии и комсомола республики в создании подпольных партийных и комсомольских организаций и групп[869]. Акцент на роли комсомола нельзя назвать случайным, создатели ТЭПа стремились подчеркнуть роль Ю. В. Андропова в организации партизанского и подпольного движений. Большинство тематических разделов экспозиции начиналось и заканчивалось цитатами из его выступлений и статей, на стендах размещались фотокопии документов с его подписью и фотографии генерального секретаря. Завершающий раздел экспозиции назывался «Борьба за мир — забота человечества». Борьба за мир в общественно-политической повестке вновь возникла в результате обострения отношений между СССР и США в начале 1980-х гг. Раздел предварялся фотопортретом Ю. В. Андропова, под которым на стенде располагались написанные им книги. Завершался показ цитатой из выступления Ю. В. Андропова в Кремлевском дворце съездов 21 декабря 1982 г. о важности борьбы за мир[870]. Цитата размещалась под фотографией антивоенного митинга в Петрозаводске, проходившего в 1983 г.

Необходимо отметить, что сюжеты экспозиций 1952 и 1983 гг. удивительно схожи — они повествовали о становлении вождя, который провел народ через испытания к миру и продолжает борьбу за мир. В экспозиции 1952 г. это был И. В. Сталин, а в экспозиции 1983 г. — Ю. В. Андропов.

Рассказ о послевоенном восстановлении республики структурно и содержательно повторял экспозицию 1967 г. Тем не менее он пополнился целым рядом новых экспонатов, например, в него был включен экспозиционный комплекс, посвященный первым после окончания войны республиканским выборам в государственные органы власти, состоявшимся в 1947 г. Посетители могли познакомиться с предвыборными агитационными плакатами этого периода (например, кандидата в депутаты Верховного Совета Ю. В. Андропова), мемориальными вещами депутатов, прежде всего избранного председателем Президиума Верховного Совета КФССР О. В. Куусинена. На витрине были представлены личные вещи и печатные издания за авторством О. В. Куусинена[871].

В следующих разделах кратко рассказывалось об основных достижениях в экономике и культуре Карелии в период до 1959 г.: строительстве новых промышленных предприятий, повышении производительности труда, передовиках и рационализаторах. В отличие от

---

[868] Великая Отечественная война в Карелии: Памятники и памятные места. Петрозаводск: Кирья, 2015. С. 50.
[869] ТЭП «Великая Отечественная война и партизанское движение в Карелии» (1983 г.). Л. 28.
[870] ТЭП «Великая Отечественная война и партизанское движение в Карелии» (1983 г.). Л. 73.
[871] ТЭП «История Советской Карелии» (1917–1983 гг.) (1983 г.) / А. И. Грибушин, М. Ю. Данков, В. Г. Кондратьев, М. П. Лисютина, Г. П. Пудовкина // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 462. Л. 98–99.

предыдущих экспозиций, для которых пропаганда выполнения задач последних съездов КПСС и Программы КПСС 1961 г. представлялась актуальной и важной задачей, в первой половине 1980-х гг. директивы партийных форумов 1960-х гг., как и Программа партии, уже принадлежали прошлому. В новом музейном показе материалы XX–XXIII съездов КПСС в виде брошюр и томов стенографических отчетов, памятных подарков трудящихся к съездам, мандатов делегатов и фотографий карельских делегаций совокупно помещались в подраздел о руководящей роли КПСС в жизни советского общества[872].

Основное внимание в экспозиции уделялось репрезентации задач, поставленных XXVI съездом КПСС 1981 г., а также деятельности карельской партийной организации. Съезд конкретизировал стратегию партии, направленную на то, чтобы «советские люди год от года жили лучше»[873]. Следующие разделы экспозиции должны были демонстрировать развитие экономики Карелии и рост народного благосостояния.

Важными событиями в истории СССР явились принятие новой конституции и выборы 1977 г. В экспозиции об этих событиях свидетельствовали издание конституции, номер газеты «Известия» с сообщением о принятии нового Основного закона, избирательный бюллетень выборов 1977 г. Пояснительный текст к нему сообщал, что кандидатов из блока коммунистов и беспартийных поддержали 99,7 % избирателей[874]. На стендах размещались фотографии народных депутатов Карелии. Еще одним экспонатом, включенным в этот комплекс, была фотография Ю. В. Андропова, который в 1978 г. вручал орден Трудового Красного Знамени г. Петрозаводску на торжественном заседании Петрозаводского горкома КПСС и Петрозаводского горсовета[875].

Как и в прежних экспозициях, экспозиционные комплексы о развитии промышленности и сельского хозяйства демонстрировали успехи в выполнении конкретных постановлений съездов КПСС, прежде всего XXVI съезда, касающихся той или иной отрасли народного хозяйства. Акцент в репрезентации хозяйственной жизни Карелии ставился на взаимосвязи экономики края с экономикой страны в целом и расширении экономических связей между различными регионами. Само название подраздела «Экономика КАССР — составная часть единого народнохо-зяйственного комплекса страны» отсылало к тезисам, озвученным докладчиками XXVI съезда, и постановлениям партийного форума в сфере экономики. В материалах съезда указывалось, что экономика СССР представляла собой единый народно-хозяйственный комплекс, выполнение намеченных съездом задач позволило бы ускорить всестороннее

---

[872] Там же. Л. 120–121.
[873] ТЭП «История Советской Карелии» (1917–1983 гг.) (1983 г.). Л. 122–123; Речь Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова на пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 г. // Материалы пленума Центрального комитета КПСС 22 ноября 1982 года. М.: Изд-во полит. лит., 1982. С. 22.
[874] ТЭП «История Советской Карелии» (1917–1983 гг.) (1983 г.). Л. 131.
[875] Там же. Л. 135.

развитие и сближение экономик советских республик в рамках этого комплекса, развитие экономики СССР подразумевало сбалансированный рост всех отраслей народного хозяйства, как составных частей единого целого[876].

Для репрезентации экономических связей Карелии использовались экономические карты, например карта энергосистемы Карелии, где были обозначены крупные электростанции Карелии, а также «питающиеся» от них промышленные предприятия соседних регионов[877]. Этикетки к представленным в экспозиции образцам продукции предприятий республики сообщали, какая доля произведенных товаров отправлялась на экспорт, например продукция Онежского тракторного завода, целлюлозно-бумажных комбинатов, зверосовхозов.

Музейный рассказ об экономике края завершался показом нового экспозиционного комплекса под заголовком «Многонациональный отряд рабочего класса республики». На примере этого комплекса экспозиционеры демонстрировали практическую реализацию тезисов, изложенных в юбилейном докладе Ю. В. Андропова к 60-летию СССР, о важности воспитания советских людей в духе взаимного уважения и дружбы народов[878]. Следом за цитатой из доклада о многонациональных трудовых коллективах как среде, где укрепляется дружба народов[879], на стендах были представлены материалы о работниках предприятий Карелии—представителях различных национальностей: фотография и рабочие инструменты токаря Петрозаводского судостроительного завода «Авангард» финна А. Ф. Лазунена, награды лесозаготовителей Надвоицкого леспромхоза, кавалеров ордена Трудового Красного Знамени белоруса И. П. Дикуна и русского П. Ф. Полежаева[880] и др.

С помощью цитат из текста Основного закона СССР 1977 г. были организованы тематические экспозиционные комплексы о росте благосостояния трудящихся Карелии. Например, тематические комплексы о развитии здравоохранения и образования носили названия, соотносящиеся со статьями советской конституции: «Граждане СССР имеют право на охрану здоровья», «Граждане СССР имеют право на образование»[881]. Далее следовали экспозиционные материалы о развитии сети медицинских и образовательных учреждений, экспонаты (медицинские инструменты, школьные принадлежности, учебники и т. д.), фотографии лучших врачей и учителей республики. Таким образом, подчеркивалось, что положения Основного

---

[876] Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Изд-во полит. лит., 1981. С. 121, 133, 137.
[877] ТЭП «История Советской Карелии» (1917–1983 гг.) (1983 г.). Л. 136.
[878] Шестьдесят лет СССР: Доклад [Ю. В. Андропова] на совместном торжественном заседании Центрального комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1982 года // Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М.: Политиздат, 1983. С. 12.
[879] ТЭП «История Советской Карелии» (1917–1983 гг.) (1983 г.). Л. 171; Шестьдесят лет СССР: Доклад [Ю. В. Андропова]. С. 11.
[880] ТЭП «История Советской Карелии» (1917–1983 гг.) (1983 г.). Л. 171, 176.
[881] ТЭП «История Советской Карелии» (1917–1983 гг.) (1983 г.). Л. 189, 206; Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Конституция РФ. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/?ysclid=mm943cn495536097344 (дата обращения: 22.02.2026).

закона в Карелии неукоснительно исполняются, а граждане пользуются всеми правами и свободами, гарантированными советской конституцией.

Подраздел о росте народного благосостояния завершался показом темы о гражданских обрядах. Во второй половине 1960–1970-х гг. в жизнь граждан активно внедрялись новые советские обряды и праздники, посвященные важным событиям частной жизни. Одной из целей этой политики было предотвращение влияния церкви на повседневную жизнь советских людей[882]. Новые обряды и праздники активно пропагандировались культурно-просветительными учреждениями, в том числе музеями. В экспозиции были представлены брошюры о порядке проведения советских обрядов, а также фотографии торжественных регистраций брака, посвящений в рабочий класс, проводов в армию и др., свидетельствовавшие о распространении новой советской обрядности в Карелии[883].

Итак, экспозиция 1983 г., созданная после вынужденного длительного перерыва в работе музея, задумывалась как полноценный постоянный музейный показ, рассчитанный на десятилетие экспонирования. Историческая часть экспозиции была значительно сокращена, репрезентация ключевых событий в истории СССР и Карелии строилась на основе сложившегося канона, несмотря на включение в нее новых исторических памятников и целых экспозиционных комплексов. В то же время в ТЭПе зафиксировано увеличение объема подразделов об экономике и культуре современной Карелии. Как и предыдущие музейные показы, новая экспозиция пропагандировала решения и задачи очередного XXVI съезда КПСС, а также новую Конституцию СССР, принятую в 1977 г. Создатели экспозиции активно цитировали речи и доклады Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова, стараясь приблизить идейное содержание к актуальным общественно-политическим реалиям. Однако, как было показано ранее, обращение к новейшим политическим текстам и материалам при очередном изменении политического курса приводило к стремительному устареванию музейного контента и требовало замены как минимум фонда цитат, как максимум — целых экспозиционных комплексов. Так, кончина Ю. В. Андропова в 1984 г., а затем приход к власти М. С. Горбачева в 1985 г. и начало политики перестройки в 1987 г. вновь поставили перед Государственным историко-краеведческим музеем КАССР задачу по реэкспонированию отдела «Истории Советской Карелии».

Экспозиция 1987 г.

18 декабря 1986 г. коллегия Министерства культуры КАССР издала постановление

---

[882] Сапсай А. В. Попытка замены православных таинств новой советской обрядностью в 1960–1980-е гг. (на примере Пермской области) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2024. Вып. 117. С. 159.
[883] ТЭП «История Советской Карелии» (1917–1983 гг.) (1983 г.). Л. 243.

«О перспективах экспозиционно-выставочной работы Карельского государственного краеведческого музея и его филиалов». Согласно постановлению, Государственному историко-краеведческому музею КАССР предписывалось к 70-летию Октябрьской революции провести реэкспозицию отдела истории советского общества в соответствии с основными задачами КПСС и Советского государства по ускорению социально-экономического развития страны[884]. В музее началась работа над созданием новой системы основных экспозиций, завершившаяся в 1987 г. На материалы ТЭПа новой экспозиции оказали влияние решения пленума ЦК КПСС, состоявшегося в начале 1987 г., и XXVII съезда КПСС 1986 г. В предисловии к ТЭПу указывалось, что цель экспозиции состоит в «раскрытии значения Октябрьской революции, великих достижений советского народа в строительстве социализма», а также пропаганде преимуществ социалистического образа жизни»[885]. Посещение экспозиции и ознакомление с представленными в ней историческими памятниками должны были внести ощутимый вклад в формирование коммунистического мировоззрения посетителей[886].

В 1987 г. на январском пленуме ЦК КПСС было объявлено о новом направлении развития государства — перестройке. В этом же году перестройка началась и в исторической науке. Главные изменения произошли в риторике и подходах к тому, как советские ученые начали говорить о прошлом, на страницах исторических журналов регулярно появлялись критические и полемические материалы[887].

В среде историков в это время чувствовалась некоторая растерянность. Необходимостью представлялось очищение исторической науки от искажений, замалчиваний и комментаторства[888], однако как это сделать в рамках существовавшей системы и идеологии, где история неотделимо связана с политической конъюнктурой, было неизвестно. Музейные работники, зависевшие от исторического сообщества, предоставлявшего историографическую основу для экспозиционных построений, также находились в непростом положении. Как показано выше, музейщики зачастую не обладали творческой самостоятельностью в вопросах построения экспозиций: им предписывалось следовать методическим рекомендациям и опираться на актуальные политические документы. Кроме того, ТЭПы и концепции экспозиций по-прежнему согласовывались с партийными органами, не допускавшими каких-либо отступлений от устоявшихся и даже канонических представлений о советской истории и советской действительности. Соответственно, советские музеи все более отставали от актуального взгляда на пройденный Советским государством исторический путь.

---

[884] НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4748. Л. 3.
[885] ТЭП отдела «История Советской Карелии. 1917–1987 гг.» (1987 г.) / А. И. Грибушин, В. Г. Кондратьев и др. // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 537. Л. 3.
[886] Там же. Л. 2.
[887] Бордюгов Г. А. Указ. соч. С. 10.
[888] Там же. С. 14.

На XXVII съезде провозглашалась главная цель работы партийных и советских органов на ближайшее время — удовлетворение духовных запросов людей[889]. Выполнению этой цели подчинялась работа музеев. В научной концепции экспозиции 1987 г. основной целью создания нового музейного показа называлось представление истории региона с партийных позиций, раскрытие своеобразия и особенностей исторических процессов на территории Карелии[890].

В создании ТЭПа постоянной экспозиции по истории Советской Карелии 1987 г. принимали участие авторы музейного показа 1983 г. А. И. Грибушин и В. Г. Кондратьев, а также молодые сотрудники музея. Работая над проектом 1987 г., экспозиционеры стремились избежать чрезмерного использования текстового и вспомогательного материала, которыми изобиловали экспозиции прошлых лет. Доля пояснительных текстов была значительно сокращена, уменьшилось количество цитат, используемых в экспозиции. Несмотря на это, среди средств музейного показа подлинные музейные предметы заметно уступали в количестве документам и фотографиям. Кроме того, в отличие от экспозиционеров 1950–1960-х гг., которым необходимо было охватить музейным повествованием несколько десятилетий, работникам музея второй половины 1980-х гг. предписывалось показать все 70 лет советской власти.

Разделы экспозиции были значительно укрупнены. В отличие от предыдущих музейных показов, в структуре новой экспозиции выделялось три раздела: победа Октябрьской революции и установление советской власти в Карелии (1917–1920 гг.), Карелия в период построения и упрочения социализма (1921 — нач. 1960-х гг.), Карелия в период совершенствования социализма (1960-е — 1987 гг.). Укрупненная тематика позволила значительно сократить показ исторических тем, оставив только ключевые для реализации целей экспозиции.

Раздел, посвященный Октябрьской революции, установлению и упрочению советской власти в Карелии, в целом соответствовал канону репрезентации событий и процессов первой четверти XX в., сложившихся в историографии Карелии к 1980-м гг. Тем не менее создатели «Научной концепции» и ТЭПа 1987 г. старались показать не только устоявшиеся, стереотипные оценки событий, переходящие из одной экспозиции в другую, но и обратить внимание на неочевидные их аспекты. Так, в музейный рассказ о событиях Октябрьской революции были включены материалы о соратниках В. И. Ленина, живших и работавших в Карелии, супругах Г. Э. и Л. Г. Ялава, связных с последним подпольем вождя, Г. С. Ровио, на квартире которого В. И. Ленин укрывался, находясь в Гельсингфорсе[891].

В новую экспозицию был включен значительный комплекс экспонатов, репрезентирующих деятельность финских «коммунистов-интернационалистов», оказывавших поддержку

[889] Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII Съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева // XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля — 6 марта 1986 года: Стеногр. отчет. Т. 1. М.: Изд-во полит. лит., 1986. С. 90.
[890] Научная концепция экспозиции «История Советской Карелии» (1987 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 525. Л. 5.
[891] ТЭП отдела «История Советской Карелии. 1917–1987 гг.» (1987 г.). Л. 5–6.

населению Карелии в борьбе с интервентами в годы Гражданской войны[892]. Появление на страницах ТЭПа «красных финнов» объясняется тем, что после 1986 г. начался новый этап работы по реабилитации жертв политических репрессий, среди которых было много представителей красных финнов. Их имена начали возвращаться в публичное пространство.

Предметный ряд первого раздела экспозиции не претерпел значительных изменений: все также в него входили оружие 1920-х гг., личные вещи участников революционных и военных событий, документы, агитационные плакаты. Из текста экспозиции исчезли яркие эмоциональные индикаторы, которые обычно сопровождали репрезентацию образа «врага», такие как «империалисты» или «бандиты», что соответствовало духу перестроечного времени.

Вторая часть экспозиции, охватывавшая период 1921 — начало 1960-х гг., включала в себя несколько крупных тематических комплексов. Первые темы раскрывали становление карельской государственности и образование СССР. Посетители могли познакомиться с документами о создании Карельской Трудовой Коммуны, фотографиями государственных и политических деятелей, стоявших у истоков карельской государственности, принадлежавшими им мемориальными предметами. Так, на одной из витрин размещались личные вещи первого руководителя Карельской Трудовой Коммуны Э. А. Гюллинга: настольный письменный прибор, деревянный молоточек, спичечница[893]. Несмотря на то что авторы ТЭПа ставили перед собой задачи ликвидировать «закрытые темы», показывать не только парадную сторону исторического процесса, реализовывать принцип гласности[894], открыто рассказать о судьбе репрессированных граждан они так и не решились. Как и в предыдущих экспозициях, в кратких биографических справках государственных и хозяйственных деятелей Карелии, например Г. А. Ровио, Э. А. Гюллинга, А. В. Шотмана, ставших жертвами политического террора, сведения о фактах нарушения социалистической законности по отношению к ним отсутствовали.

Следующие темы раскрывали особенности реализации в Карелии ленинского плана построения социализма, а именно индустриализации, коллективизации и повышения уровня культуры. Помимо материалов о крупных индустриальных стройках конца 1920-х — начала 1930-х гг., а также возникновения социалистического соревнования и стахановского движения, в экспозицию был включен экспозиционный комплекс о помощи зарубежных интернационалистов, американских финнов, в социалистической реконструкции народного хозяйства. Финские коммунисты, иммигранты из США и Канады, в 1930-е гг., сообщалось в пояснительном тексте к комплексу, оказали труженикам Карелии значительную практическую помощь в строительстве нового общества[895]. Помимо ранее уже присутствовавших в музейных

---

[892] Там же. Л. 6.
[893] ТЭП отдела «История Советской Карелии. 1917–1987 гг.» (1987 г.). Л. 48.
[894] Там же. Л. 12.
[895] Там же. Л. 67.

показах документов и рабочих инструментов одного из первых трактористов Карелии Э. Стенфорса, на витринах были представлены партийные и профсоюзные билеты, орудия труда и личные вещи других финнов-коммунистов, трудившихся в промышленности и сельском хозяйстве края.

Новшеством можно считать появление в экспозиции бытового интерьера 1930-х гг. В интерьер были включены предметы мебели, патефон 1940 г. с пластинками, настенный громкоговоритель, полки с книгами, портреты политических деятелей, швейная машинка, музыкальный инструмент (гармонь) и др.[896] Бытовые комплексы, ранее в музее представленные только в отделе дореволюционной истории, пользовались неизменным успехом у посетителей, повышали интерес аудитории к экспозиции.

В новой экспозиции появился тематический комплекс, повествующий о повышении обороноспособности страны в конце 1930-х гг. и содержащий материалы о Советско-финляндской войне. К концу 1980-х гг. события войны 1939–1940 гг. привлекли внимание историков и общества: советско-финляндский конфликт во многом оставался белым пятном в истории, а также нередко становился предметом политических дискуссий, в том числе и в периодической печати[897]. Если в предыдущие годы сотрудники Государственного музея КАССР стремились избежать спорных исторических вопросов в экспозициях для того, чтобы не порождать в общественности каких-либо дискуссий, то в 1987 г. они оказались в ситуации, когда дискуссия уже разгорелась. В экспозиции была представлена официальная точка зрения на события 1939–1940 гг., согласно которой СССР вынужден был 30 ноября 1939 г. начать наступление на Финляндию, так как его принудили к этому шагу «реакционные круги Финляндии»[898]. Тематический комплекс включал в себя фотографии, награды, личные вещи Героев Советского Союза, участников Советско-финляндской войны П. М. Петрова, А. Н. Яковлева и др., газеты военного периода, два тома воспоминаний участников войны «Бои в Финляндии» (1941 г.).

В период перестройки начался процесс рассекречивания документов о советско-финляндском конфликте, советские историки только приступали к их тщательному изучению и взвешенному анализу, вследствие этого они не могли предложить обществу исчерпывающие комментарии ключевых внешнеполитических проблем конца 1930-х гг.[899]. Возможно, пользуясь своим институциональным авторитетом, музей принял решение если не положить конец дискуссиям об инициаторах войны, ее жертвах и последствиях, то по крайней мере разъяснить своей

---

[896] Там же. Л. 78–79.
[897] Никифоров Ю. А. Освещение истории советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в отечественной историографии: К 70-летию окончания советско-финляндской войны / Ю. А. Никифоров, Р. Ф. Субханкулов // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1. С. 2.
[898] ТЭП отдела «История Советской Карелии. 1917–1987 гг.» (1987 г.). Л. 85.
[899] Никифоров Ю. А. Указ. соч. С. 2.

аудитории официальную позицию партии и правительства на эти вопросы, показать героизм советских граждан, проявленный при защите интересов своей страны.

К юбилею освобождения Карелии от немецко-финских захватчиков в 1984 г. в отдельном здании музея на ул. Энгельса была открыта экспозиция по истории партизанского и подпольного движения в Карелии, экспозиционные комплексы по истории войны были разделены между двумя экспозициями. В новой постоянной экспозиции 1987 г. раскрывались героические подвиги граждан Карелии на фронте и в тылу, а также рассказывалось о тяжести оккупационного режима, установленного на захваченных противником территориях[900]. Экспозиционные комплексы во многом повторяли предыдущий музейный показ, тем не менее экспозиция пополнилась новыми экспонатами периода Великой Отечественной войны, переданными в дар музею от поисковых обществ. Кроме того, репрезентация Великой Отечественной войны не заканчивалась Днем Победы, 9 мая 1945 г.: в экспозиции были представлены личные вещи, предметы снаряжения и документы уроженцев Карелии — участников боевых действий на Дальневосточном фронте. Завершал военную тему плакат 1946 г. с текстом «И на Тихом океане свой закончили поход»[901].

Остальные исторические разделы экспозиции о восстановлении народного хозяйства после войны, крупных промышленных стройках, механизации и развитии сельского хозяйства, задачах, ставившихся партийными съездами, идейно и содержательно были похожи на материалы музейного показа 1983 г. и основывались на уже сложившихся экспозиционных комплексах. Материалы съездов 1960-х — начала 1980-х гг. и Программа КПСС 1961 г., которые ранее играли роль обязательных ориентиров, задававших направление планомерного движения всей страны, в новой экспозиции даже не упоминались. Исторический период с 1945 до начала 1980-х гг. был как бы спрессован в несколько тематических экспозиционных комплексов о восстановлении народного хозяйства после войны, промышленном развитии, успехах в сельском хозяйстве и культурном строительстве. Значение этих подразделов состояло в том, чтобы показать, как сформировались ключевые отрасли в экономике Карелии и какое место Карелия заняла в региональном разделении труда в рамках Советского государства, а также зафиксировать тезис о планомерном росте материального благосостояния и подъеме культурного уровня жителей Карелии[902]. Эти подразделы раскрывали предысторию, необходимую для понимания настоящего Карелии и перспектив ее будущего развития.

Музейное повествование о современной Карелии было организовано вокруг материалов XXVII съезда партии, а также текста новой редакции Программы КПСС, принятой на съезде 1986 г. XXVII съезд подтвердил тезис о развитии экономики страны в рамках единого народно-

[900] ТЭП отдела «История Советской Карелии. 1917–1987 гг.» (1987 г.). Л. 8.
[901] ТЭП отдела «История Советской Карелии. 1917–1987 гг.» (1987 г.). Л. 112.
[902] Там же. Л. 8.

хозяйственного комплекса, вклад в который должна вносить каждая республика в соответствии со своим материальным и духовным потенциалом[903]. Экономический блок экспозиции 1987 г., озаглавленный «Экономика Карелии — составная часть единого народнохозяйственного комплекса страны»[904], был призван подтвердить представленный на съезде тезис и показать результаты выполнения экономических задач, поставленных перед регионами партией и правительством. Для обозначения главной линии развития народного хозяйства Карелии на современном этапе также использовались прозвучавшие на съезде новые понятия, ставшие впоследствии базисом для политических лозунгов, такие как «ускорение» и «интенсификация»[905]. Представленные на стендах и витринах экспозиционные материалы демонстрировали, что республика двигалась курсом ускорения научно-технического прогресса и интенсификации экономики.

Музейный показ начинался с цитаты из Программы КПСС в редакции 1986 г. об историческом призвании социализма: поставить на службу коммунистическому строительству достижения передовой науки, «совершенную и могучую технику»[906]. В витрине размещались брошюры с актуальными статьями Генерального секретаря М. С. Горбачева, буклеты и номер газеты «Ленинская правда» с информацией о программе экономического развития «Интенсификация-90» в КАССР. Экспонаты — образцы продукции предприятий Карелии, макеты произведенной на заводах Карелии техники и промышленного оборудования, документы о введении на предприятиях госприемки — свидетельствовали о высоком качестве продукции, освоении новой техники и технологии на производстве, усложнении технологических процессов, что соответствовало поставленным на съезде задачам.

Отдельный комплекс был посвящен строительству и введению в эксплуатацию новых предприятий: Костомукшского горно-обогатительного комбината (фотографии торжественной церемонии открытия комбината, первой свадьбы строителей Костомукши, железорудные окатыши из первой промышленной партии и др.), завода медицинской лабораторной техники в г. Питкяранте (фотография церемонии закладки первого камня, первый приказ директора строящегося предприятия, каски строителей и др.)[907]. Необходимо отметить, что строительство завода медицинской лабораторной техники было заморожено в 1989 г., предприятие так и не было открыто. Как и в предыдущих экспозициях, значительное место в структуре показа занимали материалы о передовиках производства, победителях социалистического

---

[903] Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII Съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева. С. 75.
[904] ТЭП отдела «История Советской Карелии. 1917–1987 гг.» (1987 г.). Л. 129.
[905] Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII Съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева. С. 25, 42.
[906] Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. С. 141.
[907] ТЭП отдела «История Советской Карелии. 1917–1987 гг.» (1987 г.). Л. 134–135.

соревнования, рационализаторах, Героях труда (фотографии, биографические справки, наградные документы, ордена, медали, значки, переходящие Красные знамена, вымпелы и др.).

Следующий тематический блок рассказывал о росте благосостояния жителей Карелии: социальной политике государства, росте жилищного строительства, реализации государственной программы «Здоровье», развитии всех ступеней народного образования. Музейный показ вновь начинался с цитаты из Программы КПСС о «неослабной заботе» Советского государства в решении социальных вопросов труда, быта и культуры, которая является законом для всех государственных органов СССР[908]. Интересно, что в экспозиции 1963 г. цитаты из Программы КПСС 1961 г. отсылали к будущему, утверждали музейную аудиторию в мысли о том, что программа — это ключевой ориентир деятельности партии, она будет выполнена в полном объеме. Доказательством этому служили в том числе экспозиционные материалы о следовании программному курсу в разных отраслях народного хозяйства. В новом музейном показе положения Программы 1986 г. цитировалась для констатации определенных фактов и взглядов партии на те или иные вопросы, что объяснялось особенностью самого текста программы. В экспозиции акцент делался на пропаганде достижений настоящего, репрезентации тезиса о том, что социализм, о победе которого было объявлено еще в 1959 г., являлся высшей ступенью прогресса, достигнутого человечеством[909]. Говоря о социализме как высшей ступени развития общества, карельские музейщики вслед за основными тезисами, представленными на XXVII съезде и в Программе КПСС 1986 г., констатировали, что перевод задач по строительству коммунизма в практическую плоскость оказался преждевременным[910]. В своем докладе М. С. Горбачев, говоря о необходимости утверждения новой редакции Программы КПСС, а не полностью нового документа, косвенно подтверждал, что поставленные в Программе 1961 г. цели оказались недостигнутыми, а определение каких-либо временных рамок построения коммунизма на современном этапе нецелесообразно[911]. Таким образом, в новой экспозиции в духе обновленного программного документа были обозначены лишь некоторые перспективы развития региона на ближайшее время, а не полномасштабный план построения общества будущего, как это было в 1963 г.

Реализация социальной политики государства демонстрировалась на примере заботы о нетрудоспособных гражданах. На витринах размещались личные документы пенсионеров (пенсионные книжки, рецепты на лекарства с 50 % скидкой), ордер на получение трехкомнатной квартиры семьей инвалида войны Н. А. Борисова, получившего ранение в боях при

---

[908] ТЭП отдела «История Советской Карелии. 1917–1987гг.» (1987 г.). Л. 176; Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. С. 150.
[909] ТЭП отдела «История Советской Карелии. 1917–1987 гг.» (1987 г.). Л. 9.
[910] Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII Съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева. С. 116.
[911] Там же. С. 116–118.

«выполнении интернационального долга в составе ограниченного контингента войск в Демократической Республике Афганистан», страницы из книги отзывов из магазина для ветеранов и др.[912] Появление в экспозиции материалов об инвалидах, участниках войны в Афганистане, можно назвать следствием реализации политики гласности. Ранее, до 1985 г., средства массовой информации, руководствуясь указаниями Политбюро от 27 декабря 1979 г. «О наших шагах в связи с развитием обстановки вокруг Афганистана», ограничивали информацию как о ходе боевых действий, так и о потерях личного состава[913].

Тематические комплексы о развитии здравоохранения и образования, как и в 1983 г., начинались с цитат из Основного закона СССР, гарантировавшего гражданам Советского государства право на охрану здоровья и бесплатное образование. Значительное место в репрезентации политики государства в области заботы о здоровье граждан заняли материалы о проведении антиалкогольной кампании, начавшейся в стране в 1985 г. Несмотря на широкую пропаганду антиалкогольных мероприятий в советских СМИ, поддержку научного и медицинского сообщества, политика трезвости не только не снискала популярности у граждан, но и привела к единодушному общественному протесту[914].

Государственный музей КАССР, используя свою постоянную экспозицию, включился в пропаганду движения за трезвость. Отдельный экспозиционный комплекс рассказывал о сущности движения за трезвость (брошюры Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость, членское удостоверение, значок), массовой поддержке движения в советском обществе (таблица о росте численности членов общества в Карелии, документы о поддержке движения за трезвость на крупных предприятиях), негативных явлениях, связанных с пьянством (протокол об административном нарушении, совершенном рабочим Онежского тракторного завода в нетрезвом состоянии, с указанием суммы штрафа в 150 рублей (1985г.))[915]. Далее в экспозиции показывалась альтернатива потреблению алкоголя, а именно способы проведения культурного досуга. На стендах и витринах были представлены документы о деятельности спортивных обществ, фотографии массовых спортивных праздников, получивших распространение в Карелии в конце 1970-х — начале 1980-х гг., медали и кубки выдающихся спортсменов республики, настольные игры (например, комплекты для игры в шахматы и го, а также фотография победителя первенства РСФСР по игре в го из Карелии)[916] и др. Экспозиционный комплекс свидетельствовал о разнообразии и массовости внетрудовой

[912] ТЭП отдела «История Советской Карелии. 1917–1987 гг.» (1987 г.). Л. 191.
[913] Якупова Д. В. Советское общество и война в Афганистане в оценках Центрального разведывательного управления / Д. В. Якупова, Р. А. Якупов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2019. № 2 (50). С. 88.
[914] Соколова Т. Л. Антиалкогольная кампания в СССР в годы перестройки: к историографии проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 158.
[915] ТЭП отдела «История Советской Карелии. 1917–1987 гг.» (1987 г.). Л. 199–200.
[916] Там же. Л. 204.

культурной активности трудящихся Карелии, создании благоприятных условий и обеспечении доступности интересного и полезного досуга вне питейных заведений.

Экспозиционеры заявляли, что в новом музейном показе они намерены представить не только позитивные явления и процессы прошлого и современности, но и противоречия и теневые стороны советской жизни[917]. Выполнение поставленной задачи затруднялось тем, что на протяжении всего периода существования музея он комплектовался в основном материалами, свидетельствовавшими об успехах и достижениях в отраслях народного хозяйства и непроизводственной сферы. На момент разработки экспозиции 1987 г. в распоряжении музейных работников не оказалось необходимых экспонатов для того, чтобы продемонстрировать негативные стороны советской действительности, не говоря уже об истории. Тем не менее появление в экспозиции документов, свидетельствовавших о существовании такого явления, как пьянство, говорило о том, что музей внес изменения в политику комплектования. В то же время нетрезвый образ жизни был показан в экспозиции как единичное и нераспространенное явление, что соответствовало представлениям, транслировавшимся в советской печати, о том, что в советском обществе отсутствовали социальные корни для распространения алкоголизма, но не коррелировало с действительностью[918].

Новшеством в сфере народного образования в эпоху перестройки стало включение в 1985 г. в школьную программу нового предмета — информатики. Появление в карельских школах передового на тот момент предмета нашло отражение в экспозиции краеведческого музея. Посетители могли познакомиться с учебными пособиями по информатике, образцами электронно-вычислительной техники, использовавшейся на практических занятиях, фотографиями учебных классов и школьников на занятиях в компьютерных классах[919]. Экспозиционные комплексы о развитии всех ступеней народного образования призваны были показать связь школы с производством: система школьного и профессионального образования Карелии была направлена на подготовку квалифицированных кадров для народного хозяйства. Для этого в музейный показ включались договоры между предприятиями и школами об организации производственной практики школьников, предметы, изготовленные учащимися на уроках труда, и др.

Завершающие подразделы постоянной экспозиции отдела «История Советской Карелии» 1987 г. рассказывали об обширных экономических и культурных связях Карелии, международном сотрудничестве, участии жителей Карелии в деятельности регионального отделения Советского комитета защиты мира. Помимо ранее экспонировавшихся музейных

---

[917] Там же. Л. 12.
[918] Соколова Т. Л. Указ. соч. С. 158.
[919] ТЭП отдела «История Советской Карелии. 1917–1987 гг.» (1987 г.). Л. 209, 211.

предметов в экспозиции были показаны материальные свидетельства побратимских связей Карелии и г. Петрозаводска с зарубежными городами и странами. Большой комплекс материальных памятников свидетельствовал о реализации совместного проекта Финляндии и СССР по возведению Костомукшского горно-обогатительного комбината и жилищному строительству в г. Костомукше. Посетителям были представлены рекламные и информационные проспекты акционерного общества «Финн-строй», каски рабочих с указанными на них названиями фирм, входящих в акционерное общество, фотографии со строек, мастерки финских строителей Костомукши. На эффективность и плодотворность совместного труда указывали договоры о соревновании между рабочими Финляндии и Карелии, медали победителей соцсоревнования между советскими и финскими рабочими[920]. Материалы заключительного подраздела демонстрировали, как в Карелии реализуется «внутренняя потребность советских народов» в интернационализме, дружбе и братстве[921].

Экспозиция 1987 г., созданная к 70-летнему юбилею Октябрьской революции, стала последним постоянным музейным показом Государственного историко-краеведческого музея КАССР, созданным в советское время. Несмотря на то что советское теоретическое и практическое музееведение ненамного отстало от западного (последние экспозиции музея отвечали большинству требований, предъявляемых к современному музейному показу), к середине 1980-х гг. музейное дело в СССР накопило целый ряд нерешенных проблем, начиная с недостатка финансирования и заканчивая отношением к музеям как прежде всего пропагандистам достижений советского строя, что приводило к проблемам в научно-исследовательской и фондовой работе[922]. Все эти проблемы наблюдались и в деятельности музея: ограниченное финансирование на проведение научных экспедиций, однобокость в комплектовании фондов, десятилетиями нерешенный вопрос о новом (или полноценном капитальном ремонте старого) здании музея.

К середине 1980-х гг. научная база деятельности музеев, а именно историческая концепция, разработанная историками-марксистами, уже не могла в полной мере удовлетворять потребностям общества. Объявленная партией политика перестройки началась и в исторической науке. Главные изменения произошли в риторике и подходах, в том, как советские ученые начали говорить о прошлом, на страницах исторических журналов стали печататься критические, полемические материалы[923]. Экспозиция Государственного историко-краеведческого музея КАССР, при формальной поддержке музейщиками современных общественных тенденций, создавалась в русле советской историографии. Авторы экспозиции,

[920] ТЭП отдела «История Советской Карелии. 1917–1987 гг.» (1987 г.). Л. 237–238.
[921] Речь тов. Патиашвили Д. И., первого секретаря ЦК Компарии Грузии // XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля — 6 марта 1986 года: Стенографический отчет. С. 168.
[922] Златоустова В. И. Указ. соч. С. 290.
[923] Бордюгов Г. А. Указ. соч. С. 31.

как и ранее, стремились избегать включения в ТЭПы материалов, которые могли бы вызвать вопросы или недовольство у государственных и партийных органов, в чью задачу входило утверждение музейных документов и выдача санкции на демонстрацию музейных показов широкой аудитории.

Текст экспозиции 1987 г. несет на себе характерные черты историографии советской эпохи, но в то же время в нем можно проследить влияние актуальных общественно-политических тенденций — кампании за трезвость, расширения круга тем для критики, гласности. Советские музеи, в том числе и Государственный историко-краеведческий музей КАССР, являлись консервативными и менее мобильными в плане переосмысления прошлого, чем историческое научное сообщество, имевшее в своем распоряжении более широкий диапазон инструментов взаимодействия с обществом. Музеи вынуждены были оставаться в рамках официальной риторики.

По форме и структуре музейный показ во многом наследовал предыдущим постоянным экспозициям, не отличаясь по форме и структуре репрезентации истории Карелии, представленной в нем. Идейное содержание, соответствовавшее актуальным партийным документам — материалам XXVII съезда и обновленной Программе КПСС, в то же время заметно отставало от запросов общества, требовавшего ликвидации белых пятен советской истории, открытой дискуссии по многим противоречивым историческим вопросам. Представляя официальную точку зрения на события и явления прошлого и настоящего, музейная репрезентация советской истории вслед за падением авторитета партии и правительства теряла позиции легитимизирующего существовавший политический и общественный строй национального нарратива, следовательно, утрачивала статус ресурса формирования гражданской идентичности.

Итак, на протяжении рассматриваемого периода репрезентация исторического прошлого в отделе «История Советской Карелии» имела следующие характерные черты:

- Центральное место в структуре постоянных экспозиций неизменно отводилось разделам, посвященным Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войнам — именно эти тематические блоки выполняли ключевую легитимирующую функцию, демонстрируя историческую закономерность утверждения и превосходства советской власти и обосновывая ведущую роль комумнистической партии в судьбах страны и региона. В основе структуры нарратива находились официальные партийные и историографические источники («Краткий курс истории ВКП(б)», учебники по истории КПСС, программные документы партии) и подкреплялся системой экспозиционных приемов, которые придавали достоверность и убедительность идеологическим тезисам.

- Динамика музейной репрезентации в 1950–1980-е гг. отражает зависимость

экспозиционной политики от колебаний политического курса: корректировка трактовок после XX съезда КПСС, включение в экспозицию 1960–1963 гг. материалов о репрессированных деятелях (без упоминания факта репрессий), изъятие сюжетов о Советско-финляндской войне 1939–1940 гг., актуализация содержания через цитаты из материалов съездов КПСС. Несмотря на обилие местных материалов и акцентирование региональной специфики, опора на типовые методические рекомендации и единые каноны подачи материала приводили к тиражированию стандартизированных нарративов, а стремление избежать «неудобных» тем ограничивало возможности научного и творческого поиска экспозиционеров.

- К середине 1980-х гг. обозначился кризис легитимирующей функции музейной экспозиции: несмотря на попытки соотнести содержание с актуальными общественно-политическими тенденциями (гласность, кампания за трезвость), музейный показ не выходил за рамки официальной риторики и заметно отставал от запросов общества, заинтересованного в раскрытии «белых пятен» советской истории. Устаревание экспозиционного контента, обусловленное быстрой сменой политического курса, и системные проблемы (недостаток финансирования, ограниченность в комплектовании фондов, инфраструктурные сложности) снижали убедительность транслируемого нарратива. В результате музейная репрезентация, традиционно выступавшая ресурсом конструирования гражданской идентичности, постепенно утрачивала статус легитимирующего национального нарратива, что особенно отчетливо проявилось в экспозиции 1987 г., ставшей последним советским опытом исторической репрезентации советской истории в Государственном музее КАССР.

1.4. Восприятие экспозиций Государственного историко-краеведческого музея КАССР (КФССР) (по материалам книг отзывов посетителей)

Источником, позволяющим получить информационный срез первых впечатлений и эмоций, которыми хотели поделиться экскурсанты, являются книги отзывов. Ключевой функцией книг отзывов можно назвать коммуникацию между посетителями и музеем, получение музеем обратной связи от гостей. Отзывы посетителей содержат также элементы автокоммуникации, их авторы делятся своими впечатлениями и переживаниями, размышляют об увиденном, осмысляют новые знания[924]. Книги отзывов регулярно просматривались администрацией музеев для контроля и внесения изменений в культурно-массовую работу, оценки деятельности отдельных сотрудников и учреждения в целом.

Анализ отзывов посетителей музея, оставленных в рассматриваемый период, позволяет сделать вывод о том, что одной из основных целей посещения музея было получение новых знаний и приобщение к культурным и историческим ценностям, хранящимся в музее. За отзывами просматривается традиционный институциональный авторитет музеев. Исторические репрезентации, представленные в форме экспозиций, воспринимались как идеалистически объективное воспроизведение прошлого. В книгах отзывов Государственного музея КАССР отсутствуют голоса, которые выражали бы несогласие или категорическое неприятие музейного нарратива. В то же время сам музейный нарратив способствовал легитимации версии прошлого, основанной на марксистской теории и соответствовавшей конкретной общественно-политической ситуации, сложившейся на момент создания экспозиции. Представления о прошлом, полученные в ходе осмотра экспозиции, входили в историческую память музейной аудитории, присваивались и воспринимались ею как часть личных воспоминаний[925].

Основными посетителями Карельского государственного историко-краеведческого музея были учащиеся — школьники и студенты. Ежегодно музей и его филиалы обслуживали более 35 тысяч школьников[926]. Их доля в музейной аудитории составляла более 3/4 от всех посетителей. Также значительное количество составляли местные жители, военнослужащие

---

[924] Шуматова Т. В. Фактор адресата в речевом жанре «Книга отзывов и предложений» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 2 (46). С. 170.
[925] Нестеренко А. Н. Указ. соч. С. 7.
[926] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 19/214.

ближайших воинских частей. С середины 1960-х гг. музей активно посещался туристическими группами из разных уголков Советского Союза, прибывавших в г. Петрозаводск на туристических теплоходах, а также иностранными туристами.

Большинство отзывов, оставленных посетителями музея в 1950–1980-х гг., имели типичную структуру, обязательными элементами которой были представление группы экскурсантов, информация о месте жительства, работы или учебы, благодарности экскурсоводам, описание впечатлений, дата посещения музея. Влияние на позитивный или негативный характер отзывов могли оказывать работа экскурсоводов, музейный сервис, отсутствие той или иной информации в экспозициях. Критике подвергались в основном личные и профессиональные качества самого экскурсовода, организация туристического обслуживания в музее, художественное оформление музейных показов.

Школьники и студенты, посещавшие экспозиции в рамках учебной или внеклассной работы, воспринимали музей в первую очередь как источник новых знаний или способ подтвердить уже полученные. В своих отзывах учащиеся отмечали, что посещение музея позволило укрепить знания, приобретенные на уроках истории в школе или на политзанятиях[927], узнать новое о героической борьбе народов Карелии и защитниках западных рубежей Родины[928], получить более полное представление об историческом прошлом Карелии[929] и проследить весь путь ее развития[930]. Так, в 1953 г. группа учеников 5-го класса с большим интересом познакомилась с материалами, связанными с М. И. Калининым: в школе они уже изучали этот материал и с помощью экскурсии закрепили его[931]. Однако некоторые отзывы учащихся свидетельствовали о том, что посещение музея дало им гораздо больше, чем приращение знаний. В 1960 г. группа петрозаводских школьников записала в книге отзывов: «Зная прошлое, мы лучше будем понимать настоящее нашей республики»[932]. В этом же году учащийся 4-го класса отмечал, что увиденное в музее принесет большую пользу «в будущей моей жизни»[933].

Зачастую в своих отзывах посетители отмечали наиболее аттрактивные экспонаты музея. В 1950-е гг. гостей музея привлекали тематические интерьеры, в первую очередь «изба крестьянина», репрезентировавшая бытовую обстановку крестьянского жилища Карелии

---

[927] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КФССР] за 1952–1954 гг. // НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 1. Д. 1/4г. Л. 26 об.
[928] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КФССР (КАССР)] за 1955–1958 гг. // НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 1. Д. 1/6. Л. 4 об.
[929] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1967–1968 гг. // НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 1. Д. 2/24. Л. 19, 21; Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1985–1989 гг. // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3563. Л. 22.
[930] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1970–1971 гг. // НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 1. Д. 2/27. Л. 22.
[931] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КФССР] за 1952–1954 гг. Л. 49.
[932] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1960 г. // НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 28.
[933] Там же. Л. 10 об.

XIX в., а также экспонаты Петровской эпохи[934]. Особенно противоречивые эмоции тематический интерьер крестьянской избы вызывал у представителей старшего поколения, которые застали довоенный деревенский быт. Две посетительницы музея, познакомившиеся с экспозициями в 1957 г., признавались, что их очень взволновала «изба прошлого», обстановка которой была им знакома, что навело их на воспоминания о молодых годах. Вспоминая молодость, женщины отмечали, что им пришлось много работать, со страниц книги отзывов они благодарили советское правительство за «солнечное, радостное время», в котором предстояло жить советским детям[935]. Семья из Вытегорского района, побывавшая в музее годом ранее, напротив, критиковала советскую деревню — крестьянские орудия труда XVIII–XIX вв., которые они увидели в музее, до сих пор использовались («не искоренились») в современном им сельском быте[936].

В 1960-х гг., когда активизировалась экспозиционная деятельность Государственного музея КАССР, в книгах отзывов можно найти записи, которые отмечали позитивные преображения музея. В 1960 и 1967 гг. после открытия новых экспозиций посетители писали, что музей изменился в лучшую сторону, выражали радость по поводу его обновления[937]. В 1967 г., посетив новую экспозицию, лектор Ленинградского обкома КПСС В. Матюшин благодарил создателей музейного показа и восхищался широким диапазоном исторического прошлого Карелии, воплощенного в музее. Свой отзыв лектор заканчивал пожеланиями творческих успехов в «бытописи» и пропаганде социализма[938]. Преподаватель Петрозаводского государственного университета с восторгом замечал, что жители Карелии с полным правом могут гордиться современной экспозицией музея, так же как и историей своей республики[939].

В следующем десятилетии наблюдался заметный рост туристического потока в Карелию как советских граждан, так и иностранных туристов, которые стали активно посещать республику еще во второй половине 1960-х гг.[940] К примеру, в 1950 г. музей принял 30900 гостей, в 1960 г. — 34357[941], в 1975 г. — 47307[942], в туристический сезон музей, как правило, работал без выходных, что позволяло обслуживать большее количество посетителей. В 1970-е гг. на

---

[934] См., напр.: Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КФССР] за 1952–1954 гг. Л. 44, 64.
[935] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КФССР (КАССР)] за 1955–1958 гг. Л. 38 об.
[936] Там же. Л. 23.
[937] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1960 г. Л. 5 об.; Книга отзывов за 1967–1968 гг. Л. 8.
[938] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1967–1968 гг. Л. 2.
[939] Там же. Л. 8.
[940] Шорохова И. В. Туристическая отрасль Карелии в 1960-е годы (на примере организованного иностранного туризма в крае) // Вестник науки и образования Северо-Запада России: Научный рецензируемый электронный журнал. 2019. Т. 5. № 2. С. 3. URL: http://vestnik-nauki.ru/wp-content/uploads/2019/07/2019-N2-Shorohova.pdf (дата обращения: 01.08.2025).
[941] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 19/214. Л. 14–15.
[942] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 23/278. Л. 17.

страницах книг отзывов наблюдался рост количества комментариев, оставленных туристами, приехавшими в Карелию из других регионов и республик СССР, а также иностранцами.

Гости Карелии обычно находили экспозицию краеведческого музея интересной или занимательной, благодарили экскурсоводов, отмечали музейный сервис. В то же время жители г. Петрозаводска и Карелии, которые посещали музей, оставляли развернутые отзывы, более личные и эмоциональные, именно у них музейные показы чаще вызывали чувство гордости за родной край и его историю. Тем не менее основные идеи, заложенные в экспозиции, считывались экскурсантами независимо от того, откуда они прибыли. Так, в 1971 г. работник Домодедовского машиностроительного завода писал, что на фоне прошлого Карелии «яснее видны грандиозные изменения», которые произошли за годы советской власти[943]. Годом позднее туристическая группа из Казахстана на страницах книги отзывов сравнивала историю своей республики и Карелии, называя оба края «дикими и неграмотными», преобразившимися за годы советской власти. Туристы с гордостью отмечали в Карелии те же перемены к лучшему, что произошли и в Казахстане[944].

Для отзывов конца 1980-х гг. характерны критические замечания в адрес администрации музея, связанные с затянувшимся ремонтом здания, невозможностью познакомиться со всеми отделами экспозиции, значительная часть которых была недоступна для посещения[945]. Особенно недоставало посетителям отдела дореволюционного прошлого Карелии и отдела природы. Один из гостей в 1986 г. записал: «Стыдно и больно смотреть на настоящее музея. 20 лет назад я был в этом музее ребенком и сегодня посетил его с дочерью. Почему так долго делается ремонт...?»[946] Критике подвергалась не только администрация музея, но и органы власти, в частности Петрозаводский городской Совет, обвинявшийся в равнодушии и бесхозяйственности[947]. В то же время появлялись отзывы, которые свидетельствовали о запросе общества на альтернативный взгляд на историческое прошлое, отличающийся от предлагаемого советскими музеями. Например, в 1988 г. экскурсант из Москвы призывал работников музея становиться инициаторами возвращения старинным городским улицам Петрозаводска их первоначальных названий и предлагал начать с переименования ул. К. Маркса в Нагорную[948].

Несмотря на некоторые различия в тематике и содержании записей в книгах отзывов, а также

---

[943] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1970–1971 гг. // НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 1. Д. 2/27. Л. 116.
[944] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1972 г. // НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 20/228. Л. 54.
[945] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1985–1989 гг. Л. 8 об., 29, 76, 98.
[946] Там же. Л. 43.
[947] Там же. Л. 28.
[948] Там же. Л. 96 об.

контингенте их авторов, на протяжении рассмотренных десятилетий существенную группу отзывов всегда составляли мнения и суждения посетителей, касающиеся их восприятия «миссии музея», ценностных установок и ключевых идей, заложенных в экспозициях. Эти отзывы являются важным показателем того, насколько успешно музей справлялся со своей работой[949], в том числе с задачей по воспитанию и формированию идентичности советских граждан.

Образ прошлого, который транслировался при помощи музейных экспозиций, вызывал у посетителей чувство гордости за свою историю, предков, родной край. Чувство гордости, пробуждаемое исторической памятью, способствовало ощущению единства «мы-группы», обеспечивало ее устойчивость и жизнеспособность[950]. В отзывах посетители заявляли, что гордятся «своей Карелией»[951], родным краем и его богатствами, историей, предками[952], карельским народом, живущим в «братской семье народов СССР»[953], достижениями республики за годы советской власти и даже непосредственно экспозицией музея[954].

Еще одно чувство, которое описывали посетители после просмотра экспозиций Государственного музея КАССР, — это любовь к родному краю, Родине. Гости музея отмечали: «мы еще больше полюбили этот край, его талантливый народ»[955], «еще раз встрепенулись наши души и мы обещаем любить, охранять и украшать наш край»[956], «мы будем еще больше любить свою Родину»[957] и др. Группа офицеров, сержантов и солдат, посетившая музей в 1953 г., благодарила экспозиционеров за их работу и, по итогам ознакомления с экспозицией правильно интерпретировав миссию музея, желала им и дальше воспитывать массы на героической истории народа Карелии «в духе любви и преданности нашей Социалистической Родине и Советскому правительству»[958].

Важным аспектом формирования идентичности является противопоставление «свой»-«чужой», которое в экспозициях карельского музея было реализовано на примерах классового антагонизма, а также противостояния внешним врагам в военных конфликтах. Медийный дискурс в рассматриваемый период характеризовался периодическим обострением противостояния «значимому другому» в лице абстрактных «капиталистов-империалистов» или

---

[949] Шорина Д. Е. Книга отзывов как инструмент исследования и формирования имиджа музея / Д. Е. Шорина, О. В. Шестак // Ценности и смыслы. 2017. № 4 (50). С. 111.
[950] Нестеренко А. Н. Указ. соч. С. 6, 8.
[951] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КФССР] за 1952–1954 гг. Л. 35.
[952] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1967–1968 гг. Л. 34 об.
[953] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КФССР] за 1952–1954 гг. Л. 40 об.
[954] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1967–1968 гг. Л. 6.
[955] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1960 г. Л. 17.
[956] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1972 г. Л. 4.
[957] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1985–1989 гг. Л. 3.
[958] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КФССР] за 1952–1954 гг. Л. 35 об.

коллективного Запада. Заявляя о наличии угрозы, политические акторы призывали к защите общих ценностей и интересов[959]. После знакомства с экспозициями музея многие посетители на страницах книг отзывов обещали охранять и защищать свою Родину. Так, в 1960 г. военнослужащие давали зарок с большей энергией овладевать военным ремеслом, чтобы в «страну Калевалы» никогда больше не пришла война[960]. В 1985 г. учащиеся школы № 27 г. Петрозаводска обещали защищать свою Родину, как в прошлом защищали ее бойцы «нашей армии»[961].

Экспозиции музея призваны были не только сплотить посетителей вокруг общего прошлого и защиты настоящего, но и побудить их к действиям, творчеству и развитию, то есть вдохновить на новые достижения. О вдохновении, испытанном после посещения музея, также свидетельствуют книги отзывов. Например, в 1953 г. гости музея признавались, что визит в музей вдохновил их «на новые победы в строительстве коммунистического общества»[962], а в 1971 г. иностранный посетитель музея указал, что считает историю Карелии вдохновляющей[963].

В то же время с конца 1960-х по 1980-е гг. в отзывах советских посетителей практически отсутствовали фразы, свидетельствовавшие о том, что визит в музей побудил их на какие-либо активные действия: включиться в соцсоревнование, трудиться на благо народа, строить коммунизм и т. д. К середине 1980-х гг. в книгах отзывов все более стали получать распространение свидетельства о негативном опыте посещения музея.

В целом для рассмотренного периода характерны отзывы, исполненные благодарности сотрудникам, восхищением и любовью к истории и культуре своего региона и всей страны. С помощью экспозиционной и экскурсионной работы музей, несмотря на отдельные неудачи в коммуникации с посетителями, вполне успешно реализовывал просветительскую и воспитательную функции. Советские граждане, прежде всего жители Карелии, посещавшие музей в 1950–1980-х гг., в отзывах сообщали о любви к своей Родине и родному краю, обязались оберегать и защищать их. Посещение музея сплачивало граждан вокруг общих ценностей. С середины 1980-х гг. в связи с финансовыми и материально-хозяйственными трудностями, а также нарастанием кризисных явлений в советской историографии и советском государстве в целом, Государственный историко-краеведческий музей КАССР начал испытывать определенные трудности в коммуникации с посетителями, перестав удовлетворять общественный запрос на новый подход к показу истории края.

---

[959] Фадеева Л. А. Секьютеризация политики идентичности как аналитический инструмент // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17. № 2. С. 102.
[960] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1960 г. Л. 17.
[961] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1985–1989 гг. Л. 3.
[962] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КФССР] за 1952–1954 гг. Л. 39.
[963] Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1970–1971 гг. Л. 97 об.

Глава 2. Репрезентация исторического прошлого в постоянной экспозиции Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи»

2.1. Становление системы основной экспозиции музея «Кижи» (1940-е — 1966 гг.)

Ансамбль Кижского погоста был взят под охрану государства и получил статус памятника истории и культуры в 1920 г. Управление по делам искусств при СНК АКССР начало изучение и подготовительные реставрационные работы в Преображенской церкви в 1938 г. С началом Великой Отечественной войны все исследовательские работы прекратились, а сам остров до 1944 г. находился в оккупации. Старинные иконы из Преображенской и Покровской церквей были вывезены в Финляндию и возвращены только в 1945 г.

На заседании бюро СНК КФССР от 2 октября 1945 г. поднимался вопрос о создании на острове Кижи архитектурного заповедника и его границах. Председатель СНК КФССР П. С. Прокконен высказывал сомнения по поводу придания всей территории острова статуса заповедной, так как там располагались жилые дома и колхозные земли. На заседании также обсуждалась задача по перевозке других памятников на остров. Согласно постановлению СНК КФССР № 604 от 2 октября 1945 г., изданному на основе решений, принятых на заседании бюро, в целях сохранения Кижского архитектурного ансамбля территория Кижского погоста была объявлена заповедником в границах сохранившейся вокруг погоста каменной ограды, были намечены мероприятия по переносу на территорию заповедника «уникальных памятников гражданского зодчества»[964].

В послевоенные годы Управление по делам архитектуры возглавлял Д. С. Масленников. Он заложил основу для будущего музея, укрепляя материально-техническую базу, проводя подготовительные работы перед реставрацией архитектурных памятников. По инициативе Д. С. Масленникова академик И. Э. Грабарь организовал изучение, научное описание

[964] НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 3. Д. 137/1045. Л. 4, 12.

и реставрацию возвращенных из Финляндии икон[965]. Тогда же был разработан проект по восстановлению иконостасов церквей Кижского погоста. Его автором была выдающийся реставратор, искусствовед В. Г. Брюсова.

В 1948 г. на основании постановления Совета Министров СССР № 3898 от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры» Кижский архитектурный ансамбль был внесен в государственные списки памятников культуры общесоюзного значения. Уже в следующем году была создана проектно-реставрационная мастерская для проведения реставрационных работ, возглавлял работы архитектор А. В. Ополовников[966].

В 1940-е гг. перед правительством республики, архитекторами и учеными стояла насущная задача сохранения памятников архитектуры, их учет и реставрация. Превращение памятников в музеи могло состояться только после проведения основных мероприятий по обеспечению их сохранности. Поэтому в документах этих лет сложно найти упоминание о создании на территории острова музея. В советском музееведении теоретические и практические аспекты создания музеев под открытым небом стали предметом интенсивных исследований только к концу 1950-х гг. В специализированных научных журналах публиковались статьи, посвященные проблеме формирования экспозиций подобных музеев. Специалисты в области музейного дела и архитектуры объединяли свои усилия в деле сохранения историко-культурного наследия народов СССР и предлагали уникальные для каждого музея варианты построения экспозиций. В это время активно развивались уже существующие музеи — Коломенское в Москве и Бривдабас-музей в Латвийской ССР — и появлялись новые[967]. В основном они создавались на базе архитектурных памятников и комплексов памятников, расположенных на ограниченной по площади территории.

Советские исследователи и практики музейного дела наделяли экспозиции музеев-заповедников таким качеством, как жизненная правда в репрезентации прошлого[968], отмечали их возможности в показе закономерностей исторического развития общества в соответствии с представлениями об общественно-экономических формациях. В отличие от традиционных музеев, архитектурные музеи-заповедники позволяли показать не только особенности архитектуры, но и различные стороны народного быта в их взаимосвязи с местными условиями

---

[965] Гущина В. Руководитель, который понимал значение культурного достояния: К 100-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Масленникова, стоявшего у истоков создания музея-заповедника «Кижи» // Кижи: газета Федерального государственного бюджетного учреждения культуры Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи» (далее — Кижи: газета ФГБУК ГИАМЗ «Кижи»). Петрозаводск, 2012. № 3 (87). С. 2.

[966] Архитектор и его музей / Подгот. Е. Добрынина // Кижи: газета ФГБУК ГИАМЗ «Кижи». Петрозаводск, 2011. № 7 (74). С. 2.

[967] Маковецкий И. В. Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи // Советская этнография. 1963. № 2. С. 7.

[968] Маковецкий И. В. Указ. соч. С. 8; Ополовников А. В. Музеи деревянного зодчества. М.: Изд-во лит. по строительству, 1968. С. 5.

природы.

Остров Кижи в Онежском озере обладал всеми предпосылками для превращения в музей-заповедник. Его сердцем был выдающийся памятник деревянного зодчества — архитектурный ансамбль Кижского погоста. К концу 1950-х гг. можно отнести идею создания музея под открытым небом в Кижах, а опыт, накопленный советской музеологией, и наличие на острове уже перевезенных архитектурных памятников подготовили почву для ее реализации. Необходимо отметить, что Кижский музей-заповедник стал первым опытом создания музеев деревянного зодчества в СССР. Для успешной реализации такого грандиозного проекта, каким задумывался музей, необходимо было преодолеть немало трудностей и проблем как методологического и организационного, так и научно-практического характера.

Будущая экспозиция памятников деревянного зодчества на острове Кижи начала формироваться с 1951 г., когда был перевезен крестьянский дом Ошевнева[969]. Основной целью музеефикации памятников деревянной архитектуры и перемещения их на остров было сохранение историко-архитектурного наследия народов Севера. Такую цель ставило перед собой Управление по делам строительства и архитектуры КФССР, в ведении которого находились Кижский погост и часть территории острова с перевезенными памятниками. Памятники деревянного зодчества в 1950-е гг. перевозились и устанавливались вне определенной исторически и этнографически обоснованной концепции. Один из организаторов музея архитектор А. В. Ополовников отмечал, что сохранить памятники по-другому в условиях нарастающего процесса урбанизации и, как следствие, исчезновения деревень было невозможно. В то же время он признавал, что при переезде на новое место архитектурный памятник терял какую-то часть своей исторической ценности, правдивости, какую-то долю самого себя[970]. С критикой принятого подхода к построению экспозиции музея выступал советский музеевед И. В. Маковецкий, который отмечал, что ландшафт острова оказался «застроенным» перевезенными на остров деревянными сооружениями и потерял свой исконный облик[971]. Отбор памятников для перемещения был обусловлен их архитектурным своеобразием, степенью сохранности, древностью постройки. На начальном этапе создания музея сохранение подлинных предметов быта для реконструкции внутреннего убранства перевозимых строений не было в приоритете[972]. Таким образом, на этом этапе отсутствовал концептуальный план развития музея, который стал бы основой для комплектования его экспозиции.

В 1955 г. остров посетили первые туристические группы. Несмотря на труднодоступность

---

[969] Гущина В. А. Из истории построения основной экспозиции музея «Кижи» и отражения в ней вопросов социально-классового расслоения крестьянства в конце XIX — нач. XX вв. (1976 г.) // Научный архив музея «Кижи» (далее — НА МК). Ф. 1. Оп. 3. Д. 2359. Л. 3.
[970] Ополовников А. В. Указ. соч. С. 15.
[971] Маковецкий И. В. Указ. соч. С. 16.
[972] Ополовников А. В. Указ. соч. С. 85.

ставших уже всесоюзно известными архитектурных памятников в Кижах, с каждым годом возрастало количество посетителей острова. Растущая популярность Кижей как туристического объекта подтолкнула власти республики к созданию полноценного музея традиционной деревянной архитектуры. В 1957 г. для туристов был издан один из первых путеводителей по острову, подготовленный Управлением по делам строительства и архитектуры КАССР. В путеводителе нашел свое отражение принятый подход к формированию экспозиции, разъяснялись основные задачи, стоявшие перед музеем, а именно — пропаганда памятников и воспитание прежде всего юных и молодых посетителей в духе гордости за великие свершения своего народа[973]. Эта задача решалась через репрезентацию образа народных умельцев, построивших самобытные произведения русского деревянного зодчества. На страницах путеводителя строители представлялись талантливыми, мудрыми, проявляющими исключительное мастерство и находчивость в обращении с такими нехитрыми орудиями труда, как топор и долото. Все их конструкторские решения продуманы и целесообразны, а уважительно передающиеся традиции деревянного зодчества позволяли создавать сооружения, с большим эстетическим вкусом сочетающиеся друг с другом. Заключительная глава путеводителя была посвящена описанию уже проведенных и намечающихся реставрационных работ, а также плана превращения Кижского погоста в музей-заповедник. Отмечалось, что уже перевезенный дом Ошевнева мог быть превращен в музей народного быта, а на остров запланированы к перевозке новые памятники[974]. Однако отсутствие обоснованного и четкого плана развития музея ограничивало возможности репрезентации исторического прошлого описанием Кижского восстания и технологических процессов обработки дерева и деревянного строительства до 1917 г. Тем не менее уже в 1950-е гг. специалисты обращали внимание на этнографический потенциал формирующейся экспозиции.

Попытки создать научно обоснованный план комплектования экспозиции музея предпринимались Государственным историко-краеведческим музеем КАССР, который в качестве методической организации участвовал в обсуждении проектов создания музея. В 1956 г. было предложено перевести на остров объекты, принадлежавшие крестьянам разной степени зажиточности, и восстановить в них аутентичные интерьеры, убедительно показывающие картину имущественного неравенства, экономического положения и бытовых условий, в которых находилось крестьянство. Эти объекты могли бы в будущем стать основой для репрезентации социально-классового расслоения крестьянства в конце XIX — начале XX в.[975] Однако дома крестьян-бедняков, намеченные для перемещения, так и не были

[973] НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 12/155. Л. 54.
[974] Кижский погост: Путеводитель / [В. П. Орфинский, Л. Ю. Тарлер] и др.; Управление по делам строительства и архитектуры Министерства коммунального хозяйства КАССР. Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1957. С. 44.
[975] Гущина В. А. Из истории построения основной экспозиции музея «Кижи» и отражения в ней вопросов

перевезены по различным причинам, и экспозиция продолжала комплектоваться наиболее ценными и уникальными с архитектурной точки зрения памятниками. К идее на примере архитектуры показать классовое расслоение крестьянства — от зажиточного крестьянина до бедняка — и ее воплощению в музее вернулись только в 1974 г., когда в экспозицию был включен дом, состоявший только из одной избы и сеней.

Несмотря на устоявшийся подход к комплектованию музея, среди специалистов музейного дела Карелии не было единства в определении концептуального наполнения системы его основных экспозиций. На поверхности лежала идея создания музея народного быта, базой для которого стали бы интерьеры крестьянских домов. В июле 1959 г. в г. Петрозаводске состоялось зональное научно-техническое совещание работников органов культуры и архитектуры по вопросам охраны, реставрации и популяризации памятников истории и культуры. На совещании были разработаны рекомендации о создании на базе Кижского комплекса памятников музея архитектуры и народного быта на открытом воздухе. Отдел охраны памятников Главного управления культурно-просветительных учреждений Министерства культуры РСФСР поддержал эти рекомендация. Летом этого же года начался сбор экспонатов для музея народного быта. Совет Министров КАССР обратился с просьбой в Министерство культуры РСФСР поддержать идею создания нового музея и определить для него соответствующее штатное расписание[976]. Получив необходимую поддержку, 16 ноября 1960 г. Совет Министров КАССР издал постановление об организации в Кижах архитектурного музея-заповедника на открытом воздухе. Однако по ряду причин реализация постановления была отложена, а проведение экскурсионно-массовой работы временно возлагалось на Государственный историко-краеведческий музей КАССР[977].

Планировка нового музея была поручена Центральным научно-реставрационным мастерским, которые к 1961 г. подготовили проект развития музея на перспективу до 1968 г. Согласно новому проекту планировки музея он приобретал этнографическую направленность. Жилые и хозяйственные деревянные сооружения XVIII–XIX вв., которые представляли собой наиболее типичные образцы построек различных этнических групп, проживавших на территории Карелии, получили приоритет при отборе памятников для комплектования музея.

Проектом предусматривалось разделение музея на сектора, которые должны были организовываться вокруг подлинных архитектурных памятников, принадлежавших представителям разных этносов — русским, карелам, вепсам[978]. Предполагалось, что центром каждого сектора станет крестьянская усадьба, представляющая из себя целый комплекс

социально-классового расслоения крестьянства в конце XIX — нач. XX вв. (1976 г.). Л. 9.

[976] НА РК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 78/452. Л. 100.

[977] НА РК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 176/935. Л. 63.

[978] Гущина В. А. Из истории построения основной экспозиции музея «Кижи» и отражения в ней вопросов социально-классового расслоения крестьянства в конце XIX — нач. XX вв. (1976 г.). Л. 12.

архитектурных памятников жилого и хозяйственного назначения[979]. В каждый такой комплекс должны были войти постройки, связанные между собой функциональной, географической, социальной и исторической общностью. Все постройки предлагалось снабдить присущими им прежде предметами внутреннего оборудования и убранства. Таким образом, появилась концепция острова как своеобразной карты, на которую наносятся исторические, этнографические и историко-архитектурные особенности народов Карелии[980]. Более того, экспозиционные сектора не должны были ограничиваться репрезентацией основных этносов. По задумке авторов проекта планировалось дополнить уже существовавшие сектора или создать новые на основе памятников архитектуры других самобытных этнографических групп, например русских Поморья, не только южных, но и северных карел.

Одной из основных причин того, что музей как самостоятельное учреждение так и не появился, стала нехватка финансирования для реализации столь масштабного проекта. Несмотря на то что власти РСФСР в целом поддержали идею создания музея, до начала 1960-х гг. реальной финансовой помощи центра на проведение организационных мероприятий не было.

Организуемый музей на о. Кижи стал отделом Государственного историко-краеведческого музея КАССР, а затем в 1964 г. был преобразован в филиал. Главный музей республики, осуществлявший методическое руководство экскурсионной работой и формированием экспозиции, столкнулся с тем, что в управлении островом отсутствовала централизация, затруднявшая решение насущных проблем. Директором музея Г. И. Мезенцевым было предложено ускорить создание на острове самостоятельного музея-заповедника, чтобы вся работа по реставрации, охране, пропаганде памятников находилась в одних руках, а не распылялась по нескольким ведомствам[981].

В это же время продолжался рост туристической популярности острова, который был включен в один из девяти всесоюзных маршрутов для иностранных туристов[982] и стал обязательным остановочным пунктом круизных теплоходов, совершавших путешествие по Онежскому озеру. В 1964 г. Кижский ансамбль праздновал свое 250-летие, что только подогрело интерес туристов к посещению заповедного острова. В этот юбилейный год киножурнал «Советская Карелия» один из своих сюжетов посвятил, по выражению академика И. Э. Грабаря, «несравненной сказке куполов», каким авторы сюжета представляли себе остров Кижи. Центральным мотивом сюжета стало мастерство народных умельцев, создавших уникальный шедевр деревянной архитектуры.

---

[979] Ополовников А. В. Указ соч. С. 82.
[980] Гнедовский Б. Музей ста островов // На рубеже. 1964. № 6. С. 82.
[981] НА РК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 176/935. Л. 68.
[982] Архитектор и его музей. С. 2.

В 1962 г. Н. В. Воробьевым, заведующим отделом «Кижи», было составлено методическое пособие «Кижский архитектурно-бытовой музей-заповедник»[983], предназначенное для использования при проведении обзорных и тематических экскурсий по острову. В пособии был зафиксирован сложившийся к началу 1960-х гг. подход к комплектованию экспозиции, зафиксирован акцент на архитектурной составляющей музея. Методичка в целом повторяла структурно и содержательно путеводитель по музею 1957 г. В отличие от экскурсий, проводимых в Государственном музее КАССР, организованных на основе тематико-хронологичсеского принципа, музейные нарративы Кижской экспозиции выстраивались на основе мотивов — повторяющихся тем и элементов повествования. К подобным повторяющимся темам относится, например, мотив мастерства и таланта народных зодчих, который раскрывался в рассказах об архитектурных памятниках независимо от эпохи их создания и функционального назначения.

В экскурсиях по музею-заповеднику важное место должно было уделяться атеистической пропаганде. Но как выполнить эту задачу на примере Кижского ансамбля, шедевра деревянного зодчества, и других памятников, тесно связанных с православной культурой? Еще на этапе обсуждения плана развития музея-заповедника в 1960-е гг. рассматривалась проблема о перенасыщенности экспозиции памятниками архитектуры культового назначения[984]. Многие из этих памятников появились на острове на первом этапе формирования экспозиции, когда первоочередной задачей было сохранение наиболее ценных образцов деревянного зодчества. Для того чтобы вписать их в общую концепцию архитектурного музея в экскурсионной работе, сотрудникам предлагалось большее внимание уделять классовой сущности религии, подчеркивать утилитарное использование церковью таких видов искусства, как архитектура и живопись. Начинать рассказ о предметах религиозного назначения с погружения экскурсантов в исторический контекст, показывая связь религии с самодержавием, подчеркивая ее реакционную сущность, и в последнюю очередь указывать на функциональное значение предмета[985]. Пропагандируя памятники, связанные с церковью, сотрудники музея прежде всего акцентировали внимание на их эстетическом значении[986]. Мотив мастерства и таланта народных зодчих противопоставлялся мотиву реакционности и классовой сущности религии. Этот подход к репрезентации памятников архитектуры культового назначения сохранялся и в последующие годы существования музея.

---

[983] Воробьев Н. В. Методическое пособие в помощь экскурсоводу «Кижский архитектурно-бытовой музей-заповедник» (1962 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 959.
[984] Гущина В. А. Предложения по созданию экспозиции и организации экскурсионных маршрутов в Кижском музее (1969 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2202. Л. 3.
[985] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 6/102. Л. 28–29.
[986] Гущин Б. А. Использование памятников архитектуры и живописи культового назначения в антирелигиозной пропаганде (1974 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1528. Л. 7.

Помимо интенсивной экскурсионной работы, сотрудники Государственного музея КАССР вели большую собирательскую и экспозиционную деятельность. Кроме образцов деревянного зодчества посетителям музея были представлены оборудованные в этих же памятниках музейные выставки на различные темы. Уже в 1961 г. заведующим отделом Н. В. Воробьевым был создан ТЭП масштабной выставки «История нашего края (Заонежье)», повествующей о важнейших событиях в истории Заонежья, социально-экономическом положении крестьянства в дореволюционные времена, достижениях народного хозяйства при советской власти, участии заонежан в Гражданской и Великой Отечественной войнах. Выставка была размещена в перевезенном на остров доме Ошевнева, позднее, в 1966 г., она была упразднена в связи с началом работ по оборудованию интерьера зимней крестьянской избы. Раздел выставки «Народное творчество Заонежья», наиболее объемный по содержанию, был перенесен в горницу дома Ошевнева, дополнен и превращен в самостоятельную выставку[987], которая действовала и в 1970-х гг. Центральная идея показа дореволюционного прошлого Заонежья была представлена в форме ведущего текста: «Дореволюционная Карелия была глухой бездорожной окраиной царской России, местом политической ссылки»[988]. Эта же мысль была ключевой в концепции системы основных экспозиций по дореволюционной истории в Государственном историко-краеведческом музее КАССР. Традиционно для советских исторических экспозиций раздел выставки о советском Заонежье был построен на контрасте с образом дореволюционных Заонежских погостов Олонецкой губернии. В разделе, повествовавшем о событиях 1917–1918 гг., центральное место занимали репрезентация деятельности первых советских органов власти в районе и борьба против иностранных интервентов, оккупировавших Заонежье и угрожавших г. Петрозаводску. Основной мыслью, транслировавшейся создателями экспозиции, была поддержка советской власти, оказанная крестьянством. События Великой Отечественной войны в Заонежье раскрывались на основе материалов и экспонатов истории партизанского и подпольного движений. На стендах были представлены фотографии карельских партизан и подпольщиков, которые проводили боевые операции в Заонежье. На почетном месте был размещен живописный портрет Героя Советского Союза заонежанина Николая Ивановича Ригачина[989]. Послевоенные достижения в народном хозяйстве района были представлены в последнем разделе «Медвежьегорский район в семилетке (1959–1965 гг.)». Важное место занимали фотографии Героев Социалистического Труда — уроженцев Медвежьегорского района.

Выставка по истории Заонежья создавалась по лекалам постоянной экспозиции центрального музея республики, посвященной дореволюционной и советской истории. На стендах и витринах

[987] НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3425. Л. 1.
[988] Воробьев Н. В. ТЭП «История нашего края (Заонежье)» (1961 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4117. Л. 13.
[989] Там же. Л. 17.

выставки нашли свое отражение представление об общественно-экономических формациях, вопросы классовой борьбы крестьянства против феодального гнета, защита Отечества от иноземных захватчиков, культурное и экономическое развитие района при советской власти. Единство принципов построения экспозиции выставки и подходов к репрезентации событий истории Карелии, используемых в Государственном историко-краеведческом музее КАССР, позволяет рассматривать выставку как своеобразную копию основной экспозиции главного музея Карелии, но меньшего масштаба.

Итак, на первом этапе своего развития будущий музей представлял собой коллекцию памятников архитектуры, организованных вокруг центрального объекта — ансамбля Кижского погоста. Экспозиция комплектовалась наиболее древними и выдающимися в архитектурном плане образцами деревянного зодчества безотносительно их классовой и этнической принадлежности. Экскурсионный показ памятников строился на основе мотивов, объединявших созданные в разные эпохи и для разных целей архитектурные памятники.

Разворот в сторону репрезентации этнографических особенностей каждого подрегиона Карелии, произошедший в конце 1950-х гг., оказал ключевое влияние на дальнейшее формирование экспозиции, так как в основе политики комплектования теперь лежала четко определенная концепция. В рамках этой концепции предполагалась реконструкция крестьянских усадеб (домов, хозяйственных построек, интерьеров), принадлежавших крестьянам разных этносов, этнографических групп и разной степени зажиточности, то есть критерии отбора памятников не только архитектурных, но и этнографических стали более четкими.

2.2. Реализация генерального плана развития музея (1966–1980-е гг.)

Новый этап в развитии музея начался с постановлений Совета Министров РСФСР от 14 июля и Совета Министров КАССР от 11 августа 1965 г. В постановлениях был установлен срок открытия самостоятельного музея на базе памятников деревянного зодчества на острове Кижи — 1 января 1966 г. Реализация постановлений была возложена на Министерство культуры КАССР[990]. Основными задачами музея провозглашались изучение и сохранение уникальных памятников деревянной народной архитектуры и всестороннее использование этих

[990] НА РК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 201/1067. Л. 63.

памятников в пропаганде идей советского патриотизма. Массовая и научно-исследовательская работа музея должна была строиться на основе «классового, революционного анализа явлений и деятелей прошлого»[991].

В связи с ориентацией на показ этнографических памятников музей стал развивать новое направление в своей исследовательской и массовой работе. Перед этнографическими музеями стояла задача на примере своих экспозиций воспитывать граждан в «духе подлинного интернационализма»[992], участвуя тем самым в формировании человека коммунистической эпохи, свободного от «религиозно-бытовых пережитков»[993]. Репрезентация в музее этнографических особенностей представителей разных этнических групп, проявлявшихся в архитектуре и бытовом укладе, должна была способствовать выполнению этой задачи. Неотъемлемым средством идеологической борьбы для экскурсоводов оставалась антирелигиозная пропаганда, которая была непременным условием музейного показа предметов и памятников культового назначения. Таким образом, необходимость идеологически вооружать советского человека оказывала влияние на то, в каком ключе будут представлены те или иные экспонаты музеев и каким образом будет строиться рассказ экскурсовода.

Штат музея к 1 января был укомплектован и составлял 23 человека, в том числе: два старших научных сотрудника, художник-оформитель, четыре реставратора, шесть музейных служителей[994]. Директором музея был назначен Владимир Иванович Смирнов, военный журналист, офицер, политработник, участник Великой Отечественной войны. Несмотря на то что первый директор музея не имел специального исторического или музейного образования, он не только занимался административной и организаторской работой, но и проводил экскурсии, работал с туристическими группами[995]. Среди первых сотрудников музея были Н. А. Гринин, с 1967 г. — заместитель директора по научной части, ранее долгое время работавший в Государственном музее КАССР и его филиале в д. Дворцы; В. И. Пулькин, писатель, историк, собиратель фольклора; Б. В. Моталев, заместитель директора по реставрации и строительству, ранее руководивший секцией реставрации проектной конторы Министерства коммунального хозяйства КАССР. Большую роль в жизни музея сыграли научные сотрудники, супруги Б. А. и В. А. Гущины, которые приехали работать на остров по окончании историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета и проработали в нем свыше 50 лет. Они активно участвовали в обсуждении и реализации генерального плана,

---

[991] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 17.
[992] Задачи этнографии и этнографического музееведения // Советская этнография. 1963. № 2. С. 6.
[993] Ионова О. В. Этнографические материалы в экспозициях отделов истории советского общества краеведческих музеев // Советская этнография. 1963. № 2. С. 38.
[994] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 14.
[995] Шидловская Т. Владимир. Владеющий миром по имени Кижи // Кижи: газета ФГБУК ГИАМЗ «Кижи». Петрозаводск, 2005. № 3 (10). С. 5.

экспертизе памятников, подлежавших перевозке на остров, разработке текстов экскурсий и работе с экскурсионными группами. Кроме того, они были одними из составителей первого каталога музейных фондов, изданного в 1973 г., который стал результатом огромной работы по учету и описанию памятников.

В 1960-е гг. учет памятников, находящихся в фондах музея и вновь поступивших, был одной из важнейших задач, стоявших перед сотрудниками. Государственному музею КАССР было приказано передать в ведение нового учреждения все фонды, имеющие отношение к острову Кижи и истории Заонежья. До 25 августа 1966 г. все работы по передаче предметов, инвентаризации и проверки наличия фондов были завершены[996]. Фонды пополнились переданными из Государственного историко-краеведческого музея КАССР предметами быта, сельскохозяйственными орудиями труда, одеждой крестьян Заонежья, Прионежья, Пудожа XIX — начала XX в., а также иконами, коллекцией старопечатных книг[997]. Таким образом, у музея появилась необходимая база для осуществления планов по дальнейшей реконструкции интерьеров не только крестьянских домов, но и входящих в усадьбы хозяйственных построек. С 1961 по 1966 г. комплектование фондов этнографическими предметами было ограничено районом Заонежья, экспедиции проводились по населенным пунктам, расположенным вокруг острова Кижи. С получением музеем самостоятельного статуса, а также в связи с определением его профиля география исследовательской и собирательской работы значительно расширилась и стала включать в себя Пряжинский, Суоярвский, Пудожский, Прионежский районы[998]. Сбор экспонатов из этих районов являлся необходимым условием успешной реализации генерального плана и формирования полноценных экспозиционных секторов.

Для проектирования экспозиции по линии создания этнографических экспозиционных комплексов в 1966 г. Центральными научно-реставрационными мастерскими (далее — ЦНРМ) был подготовлен проект генерального плана музея. Проект воплощал основные идеи, сформулированные еще в начале 1960-х гг. Остров Кижи должен был представлять собой своеобразную этнографическую карту Карелии, на которую нанесены характерные особенности каждой этнической группы, выраженные в архитектуре, интерьерах жилых домов и хозяйственных постройках, промысловых орудиях. Был уточнен список архитектурных сооружений, которые предполагалось перевезти на остров, всего эксперты выделили 87 объектов[999]. Остров разделялся на этнографические сектора, центром которых должны были стать крестьянские усадьбы, представлявшие уклад жизни сельских обывателей конца XIX в.

---

[996] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 1/6. Л. 1–2.

[997] Шилов Н. Свидетели былых времен: комплектование фондовых коллекций музея-заповедника «Кижи». 1966–2010 годы // Кижи: газета ФГБУК ГИАМЗ «Кижи». Петрозаводск, 2011. № 1. С. 6.

[998] Государственный историко–архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи»: каталог / Авт.-сост.: А. Т. Беляев, Б. А. Гущин, В. А. Гущина. Петрозаводск, 1973. С. 51.

[999] Гнедовский Б. Указ. соч. С. 83.

Памятники, перевозимые из Заонежья, Пудожского и Прионежского районов, предстояло разместить в восточном секторе, посвященном репрезентации этнографических особенностей русского населения Карелии. В южном секторе должны были разместиться постройки вепсов и карел-ливвиков. Северо-запад острова отводился под репрезентацию коренного населения Севера Карелии — поморов. Предполагалось, что там будут реконструированы соляные варницы, склады для лодок, памятники рыбного промысла[1000]. В отличие от остальных секторов, которые в том или ином виде были сформированы, северо-западный сектор так и не был создан.

На протяжении 1966–1968 гг. шло активное обсуждение проекта; специалистами музейщиками, реставраторами, историками высказывались предложения и критические замечания. Например, с критикой плана перевозки и размещения памятников на острове выступил главный хранитель музея-заповедника А. Т. Беляев. Его опасения касались перенасыщения территории острова вблизи Кижского погоста культовыми памятниками. По мнению А. Т. Беляева, реализация плана в таком виде привела бы к нарушению гармонии исторического ландшафта, превращению не только перевозимых памятников, но и веками стоявших на своем месте церквей Кижского погоста в обезличенную экспонатуру. Главный хранитель предлагал создать для центрального архитектурного ансамбля приближенные к исторической реальности условия, то есть оставить их в окружении только предусмотренных проектом комплексов крестьянских хозяйств с жилыми домами и примыкающими к ним постройками хозяйственно-бытового назначения[1001]. Замечания А. Т. Беляева, поддержанные многими специалистами, были услышаны, и в конечном варианте генерального плана было минимизировано размещение перевозимых памятников вблизи Кижского погоста.

В апреле 1969 г. на заседании ученого совета музея был вынесен вопрос о проекте планировки и застройки крестьянских усадеб в музее. Автором проекта выступил один из основателей и идеологов музея архитектор ЦНРМ А. В. Ополовников. В ходе обсуждения было сформулировано две точки зрения на решение этого вопроса: 1) создать насыщенные постройками замкнутые комплексы крестьянских усадеб, 2) при создании комплексов использовать минимальное количество построек без четко выраженного приусадебного участка[1002]. Первый вариант, предполагавший перевозку на остров большого количества самобытных в архитектурном или даже в техническом плане построек, таких как мельницы, риги, гумна, не характерных для большинства крестьянских усадеб, можно назвать подлинно «музейным». Он предлагал репрезентацию не «типового» крестьянского хозяйства Олонецкого

[1000] Гнедовский Б. Указ. соч. С. 83–84.
[1001] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 1/6. Л. 49.
[1002] Гущина В. А. Наши предложения по созданию комплексов крестьянских усадеб на о. Кижи. (1972 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2206. Л. 1.

края, а идеального, то есть помещал памятники архитектуры в искусственную среду, как экспонаты на витрину. Второй вариант был более приближенным к исторической действительности, однако менее эффектным в плане репрезентации крестьянского уклада жизни, архитектуры и быта.

Проект, представленный ЦНРМ, не вполне устроил руководство республики. Перспектива развития музея «Кижи» вышла далеко за рамки классического музея деревянной архитектуры и эффективного способа сохранения деревянных памятников. Музей под открытым небом должен был стать крупным туристским центром, местом притяжения гостей республики, визитной карточкой Карелии. В 1969 г. для окончания работ над генеральным планом был нанят новый подрядчик — Московский государственный институт проектирования городов «Мосгипрогор», в задачи которого входили разработка туристской инфраструктуры, прокладка коммуникаций, модернизация пристани для судов, улучшение жилищных и рабочих условий сотрудников музея.

В этом же году сменился не только проектировщик, но и директор музея. Новым руководителем по представлению Карельского обкома КПСС был назначен В. А. Ниеми, который продолжительное время работал в отделе научно-технической информации Онежского тракторного завода. В. А. Ниеми окончил Карельский педагогический институт по специальности «учитель истории», преподавал в техникумах, состоял лектором при Народном комиссариате просвещения КФССР. В своих воспоминаниях о периоде работы в музее он признавался, что пришел на работу в музей неподготовленным[1003]. Несмотря на отсутствие опыта, а также музейного образования, новый директор тем не менее сумел завоевать авторитет и уважение среди сотрудников, вскоре стал сам проводить экскурсии по музею в том числе для иностранных туристов. Именно при нем началась реализация генерального плана, а также проекта инженерного укрепления главного объекта музея — Преображенской церкви, стартовало активное формирование экспозиционных секторов, на остров было перевезено более 20 памятников.

В 1969–1970 гг. институтом «Мосгипрогор» была проведена съемка территории, а также геологические изыскания, в 1971–1972 гг. — разработан новый генеральный план, осуществление которого было рассчитано до 2000 г. Генеральным планом предусматривалось сохранение в форме резервата и развитие д. Ямка, одной из древнейших деревень на острове, как типичной заонежской деревни XIX в. Сохранившиеся дома необходимо было отреставрировать, на месте безвозвратно утраченных должны были возводиться аутентичные объекты, перевезенные из других заонежских деревень. Идея создания резервата принадлежала А. В. Ополовникову, он же стал автором большинства проектов реставрации памятников

[1003] Воспоминания бывшего директора музея В. А. Ниеми // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 958. Л. 2.

д. Ямка[1004]. Тогда же началась разработка плана детальной планировки 1-й очереди музея, в котором подробно расписывался состав экспозиционных секторов вплоть до каждого памятника. Согласно постановлению Карельского обкома КПСС и Совета Министров КАССР о дальнейшем развитии музея-заповедника «Кижи», принятого 14 сентября 1972 г., проект детальной планировки 1-й очереди музея, прежде всего сектора «Заонежская деревня», институт должен был выполнить к апрелю 1973 г.[1005] Однако составление плана значительно затянулось.

Научные сотрудники музея, посвятившие большое количество времени изучению особенностей северных крестьянских усадеб и архитектуры, высказывали свои предложения по планированию и воссозданию на острове крестьянских усадеб. Например, старший научный сотрудник В. А. Гущина предлагала размещать перевозимые памятники на территории девяти существовавших ранее на острове малодворных деревень. Используя пространство, где исторически были расположены кижские деревни, можно было сосредоточить на месте каждой из них две-три крестьянские усадьбы с традиционными хозяйственными постройками, не перенасыщая экспозицию[1006]. В традиционной усадьбе крестьянина конца XIX в. было не так много хозяйственных построек, к ним относились баня и амбар. Рига, гумно и мельница не входили в число дворовых служб, находились на отдалении от дома, в том числе и в целях пожарной безопасности[1007]. Сотрудники музея отмечали, что даже баня необязательно входила в состав крестьянского хозяйства, тогда как проектировщик предполагал укомплектовать банями чуть ли не каждую усадьбу. Например, в д. Ямка, по свидетельствам местных жителей, собранных сотрудниками музея, в начале XX в. на девять крестьянских дворов было всего три бани. Помимо этого, музейные работники в доказательство своей точки зрения о месте бани в крестьянском хозяйстве приводили свидетельство этнографического характера, а именно старинную заонежскую поговорку: «В которой деревне ригач много — крестьяне хлебные, бань много — крестьяне здорные» (т. е. недружные, скандальные)[1008]. Ученый совет постановил рекомендовать проектировщику при окончательной разработке проекта учесть предложения сотрудников музея.

Трудности работы с институтом «Мосгипрогор» как с подрядчиком возникали прежде всего из-за отсутствия у специалистов опыта и методики музейного строительства. Рассматривались даже варианты о замене проектировщика на институт «Карелгражданпроект» или

[1004] Гущин Б. А. Заонежская деревня XIX в. (д. Ямка на о. Кижи): Материалы к экскурсии (1974 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1527. Л. 16.
[1005] НА РК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 2062. Л. 80.
[1006] Гущина В. А. Предложения по созданию экспозиции и организации экскурсионных маршрутов в Кижском музее (1969 г.). Л. 1–2.
[1007] Гущина В. А. Наши предложения по созданию комплексов крестьянских усадеб на о. Кижи (1972 г.). Л. 2.
[1008] Беляев А. Т. ТЭП развития музея «Кижи» до 1980 г. по линии деревень Ямка—Васильево (1972 г.) / А. Т. Беляев, В. А. Гущина // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2053. Л. 5.

«Спецпроектреставрация»[1009]. Второй проблемой было комплектование этнографических секторов памятниками архитектуры и сам выбор памятников для их формирования. К 1973 г. списка с конкретными адресами памятников, анализом их сохранности и сметы реставрационных работ еще не было. Согласно постановлению Коллегии Министерства культуры КАССР от 24 декабря 1973 г., музею «Кижи» совместно с ЦНРМ предписывалось в течение 1974–1975 гг. завершить выявление, инвентаризацию и составление документации на памятники, подлежащие перевозу на о. Кижи в количестве, обеспечивающем полную реализацию генерального плана развития музея-заповедника[1010]. В результате основной список памятников был подготовлен в 1975 г., однако он уточнялся и дополнялся вплоть до 1981 г. Кроме того, не утихали споры о подходах к комплектованию секторов.

Отдельные постройки, которыми предполагалось комплектовать усадьбы, этнографически не соответствовали формируемым музейным комплексам. Так, при формировании сектора «Заонежская деревня» возражение вызывало включение в усадьбу заонежского типа сарая для сена и рыбного сарая. Усадьба Елизарова должна была стать репрезентацией типичного хозяйства заонежского крестьянина-середняка, однако в этот комплекс была включена водяная мельница — постройка, более характерная для зажиточных крестьян. Это было вызвано тем, что исторически мельница располагалась рядом с постройкой, на фундаменте которой разместился в свое время перевезенный на остров дом Елизарова. В дальнейшем при формировании секторов и резерватов пожелания сотрудников музея были во многом выполнены: однодворные и малодворные деревни пряжинского и пудожского секторов формировались из меньшего количество построек, чем это было предусмотрено генеральным планом.

Другой стороной вопроса было то, что к изменениям в генеральном плане музея и уменьшению количества памятников в экспозиционных секторах приводил недостаток финансирования, утрата уже учтенных памятников на местах, а также невозможность их приобретения у частных лиц[1011]. Реализация генерального плана оказалась очень масштабным и дорогостоящим мероприятием, средства на которое ни центральные, ни республиканские власти не отпускали в достаточном количестве. По воспоминаниям директора музея В. А. Ниеми, при изыскании средств он сталкивался с оппозицией Министерства культуры КАССР, «на совещаниях на словах обещались миллионы, а на деле невозможно было выбивать сотни»[1012].

Далеко не все мероприятия, предусмотренные генпланом, были осуществлены. Например,

---

[1009] НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1243. Л. 44.
[1010] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 7/111. Л. 6.
[1011] НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2301. Л. 8.
[1012] Воспоминания бывшего директора музея В. А. Ниеми. Л. 2.

не были реализованы предложения по части проектирования и создания сети региональных музеев Карелии на базе музея-заповедника «Кижи», не были сформированы сектора «Вепсы», «Северные карелы», а от идеи создания этнографического сектора «Поморы», на воплощение которой музейщики надеялись вплоть до конца 1980-х гг., вообще пришлось отказаться.

Формирование этнографических экспозиционных секторов, помимо заонежского, который к этому времени был практически укомплектован, началось в 1975 г. Генеральным планом предусматривалось создание следующих секторов: «Юг Карелии», «Восток Карелии», «Север Карелии» и «Заонежье». В 1970-е гг. были перевезены памятники архитектуры вепсов и северных карел, которые, как предполагалось, в будущем также станут основой для новых экспозиционных секторов[1013]. В последующем название секторов и их комплектность менялись. Появление новых музейных комплексов значительно расширило тематику экскурсий, а также поле научных исследований по этнографии народов Карелии.

На конец 1983 г. в музее было сосредоточено 88 экспонатов деревянного зодчества, 43 памятника были перевезены в 1972–1982 гг. Архитектурная экспозиция 1-й очереди музея, формирование которой согласно генплану предполагалось завершить к 1980 г., была укомплектована на 70 %. Из 134 объектов, намеченных к включению в экспозицию, фактически имелось 93 сооружения, некоторые из них находились в разобранном виде. Экспозиционные маршруты включали в себя 27 памятников, что составляло 30 % от экспонатов. В основном эти экспонаты концентрировались в южной части острова и входили в сектора «Кижский погост» и «Заонежская деревня»[1014]. В целом итоги реализации генерального плана, в том числе и экспозиционной работы, рассмотренные на Ученом совете музея и научно-методическом совете Министерства культуры РСФСР в 1982 г., руководство музея признало неудовлетворительными.

В 1970-е — начале 1980-х гг. музей-заповедник развивался в основном по линии деревень-резерватов Ямка и Васильево: перевозились памятники, в экспозицию вводились новые объекты показа. В экспозицию деревни-резервата Ямка изначально был включен дом, принадлежавший бедным крестьянам, что позволяло на примере воссозданной традиционной планировки деревни рассказывать о классовой дифференциации крестьянства дореволюционного времени[1015]. В туристическом сезоне 1975 г. в некоторые маршруты была включена экскурсия по деревне Ямка, материалы к экскурсии были подготовлены еще в 1974 г. научным сотрудником музея Б. А. Гущиным. Деревня была представлена историко-бытовым и архитектурно-

[1013] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 2/33. Л. 14.
[1014] НА МК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1243. Л. 63–64.
[1015] Гущина В. А. Из истории построения основной экспозиции музея «Кижи» и отражения в ней вопросов социально-классового расслоения крестьянства в конце XIX — нач. XX вв. (1976 г.). Л. 16.

художественным памятником свободолюбивому и талантливому северному крестьянству[1016].

В 1972 г. на остров был перевезен дом Сергина из д. Мунозеро, работы по его восстановлению в музейном секторе «Малодворная деревня Васильево» продолжались до 1976 г. В 1978 г. в помещении дома открылась выставка прикладного искусства и народного быта Карелии XVIII–XIX вв.[1017] Помимо богатого декоративного убранства фасада и архитектурных особенностей дома, он был ценен и как памятник по истории партизанского движения в Карелии в годы Великой Отечественной войны, так как в период оккупации в нем находилась явочная квартира, действовавшей в тылу врага разведгруппы А. М. Орлова. К 40-летнему юбилею Победы, широко отмечавшемуся в 1985 г., в доме Сергина были оборудованы тематический интерьер «Заонежская крестьянская изба в годы Великой Отечественной войны», мемориальный интерьер «Явочная квартира разведгруппы А. М. Орлова» и выставка по истории партизанского движения в Заонежье[1018]. Экскурсии по историко-бытовому, этнографическому и архитектурному комплексу в доме Сергина имели прежде всего идейно-политическое и воспитательное значение. Экскурсовод должен был раскрыть истоки свободолюбия и патриотизма местного населения, на примере героизма во вражеском тылу показать всенародный характер борьбы, подчеркнуть мысль о преемственности поколений в борьбе против порабощения и закономерности победы как результата преимуществ социалистического общественного строя[1019].

В 1980-е гг. в музее продолжалось формирование этнографических экспозиционных секторов. Был оформлен Пудожский сектор, представлявший собой реконструкцию малодворной деревни Пудожского уезда конца XIX в., в которую входили три крестьянские усадьбы. В 1988 г. научным сотрудником музея М. Ф. Куликовой были разработаны методические рекомендации к экскурсии по Пудожскому сектору по теме «Материальная культура Пудожского края». Помимо целей эстетического и идейно-нравственного воспитания, одной из задач, которые ставились перед экскурсоводом, было осуществление экологического воспитания на основе анализа тесной взаимосвязи человека и природы, бережного отношения крестьян к среде обитания[1020].

В северной части острова началось формирование этнографического сектора «Вепсы», центром его должна была стать вепсская малодворная деревня, состоящая из трех крестьянских усадеб, принадлежавших крестьянам разной степени зажиточности. В 1983 г. научным

[1016] Гущин Б. А. Заонежская деревня XIX в. (д. Ямка на о. Кижи): материалы к экскурсии (1974 г.). Л. 22.
[1017] НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1243. Л. 43–44.
[1018] Солонен В. А. Методическая разработка экскурсии по теме «Партизаны и подпольщики Заонежья в годы ВОВ» (1985 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1571. Л. 6.
[1019] Там же. Л. 8–9.
[1020] Куликова М. Ф. Методическая разработка экскурсии по теме «Материальная культура Пудожского края» (1988 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1583. Л. 2.

сотрудником В. А. Гущиной был составлен ТЭП этнографического сектора, в который также были включены часовни, конюшня с сеновалом, кузница, рига с гумном, кожевня, причалы для лодок и другие хозяйственные постройки. Предполагалось перевезти на остров памятник деревянной архитектуры XIX в. из с. Шелтозера дом Мелькина[1021], в котором в начале 1990-х гг. разместится Шелтозерский вепсский этнографический музей.

Дом так и не был перевезен в том числе из-за протеста краеведов и старожилов с. Шелтозера, для которых этот памятник имел огромное значение. На самой северной оконечности острова планировался сектор северных карел, куда были перевезены ветряная мельница и рига из д. Гафостров[1022]. В связи с недостатком финансирования и огромным объемом работ по консервации и реставрации уже перевезенных и восстановленных памятников, работа над формированием экспозиционных секторов в 1980-е гг. была фактически остановлена. Дальнейшая экспозиционная работа была сосредоточена на совершенствовании и дополнении уже существовавших экспозиционных комплексов.

2.3. Репрезентация исторического прошлого в музее-заповеднике «Кижи» на примере секторов «Погост» и «Заонежская деревня»

На примере ТЭПов и материалов к экскурсиям 1970–1980-х гг. рассмотрим особенности репрезентации исторического прошлого в экспозициях сектора «Погост», который являлся ключевым в системе экспозиции музея, а также в секторе «Заонежская деревня», наиболее полном по составу и воплотившем идеи, представленные в генеральном плане развития музея.

Сектор «Погост»

Сектор «Погост», включавший в себя ансамбль шедевров деревянного зодчества 22-главой Преображенской и Покровской церквей, колокольню XIX в., обнесенных невысокой каменной оградой, являлся центром всего архитектурного музея. Именно ради того, чтобы воочию увидеть выдающиеся памятники Кижского погоста, многочисленные туристы посещали заповедный остров. С конца 1950-х гг. при обсуждении планов развития музея архитекторы

[1021] Гущина В. А. ТЭП архитектурно-этнографического сектора «Вепсы» (1983 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 948. Л. 7.
[1022] Гущин Б. А. Из истории создания архитектурно-этнографической экспозиции музея «Кижи» ([2005 г.]) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4483. Л. 28.

музейные работники, реставраторы, представители власти сходились во мнении, что доминантой всей экспозиции должен оставаться Кижский погост[1023], новые экспозиционные комплексы необходимо выстраивать в гармонии с основными памятниками и окружающим ландшафтом. Этот подход был закреплен в генеральном плане развития музея-заповедника, главным положением которого было сохранение ансамбля «Погост» как уникального памятника национальной истории, культуры, воссоздание его утраченных пространственно-композиционных и ландшафтных особенностей исторической среды[1024].

Высокий статус памятников Кижского погоста, их культурно-историческая значимость, туристическая аттрактивность не отменяли того факта, что они создавались в религиозных целях, представляли для их строителей, крестьян XVIII в., духовную ценность и были тесно связаны с православной культурой. Одним из подходов к показу памятников культового характера было акцентирование их эстетического значения, использование мотива о мастерстве и таланте народных строителей. На примерах памятников культового значения проводилась атеистическая пропаганда, подчеркивалась классовая сущность религии, направленной на угнетение крестьян. В путеводителях по музею 1950-х гг. религиозная составляющая памятников отходила на второй план, уступая место рассказу об архитектурных особенностях и конструктивных решениях церквей погоста. Искусствоведческий подход к показу религиозных памятников без партийно-классовой оценки на следующем этапе развития советского музееведения признавался ошибочным[1025].

Антирелигиозная и атеистическая пропаганда была одной из задач советских музеев[1026], усиление антирелигиозной кампании наблюдалось в начале 1960-х гг. в связи с возвращением к атеизму как основе отношения Советского государства к религии и церкви[1027]. Компромисс между религией и коммунистической идеологией признавался невозможным, религия рассматривалась как противник идей научного коммунизма[1028]. Музейные экспозиции представлялись орудием борьбы с религией, они были призваны демонстрировать «вред религиозных пережитков, являющихся серьезным тормозом в деле формирования коммунистической морали»[1029]. Музейные работники как пропагандисты идей научного коммунизма и советского образа жизни должны были повышать свой идейный уровень и следить за идеологической направленностью проводимых ими экскурсий. В первой половине

[1023] Гнедовский Б. Указ. соч. С. 84.
[1024] НА МК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2301. Л. 3.
[1025] Шердаков В. Н. Атеистическая пропаганда на современном этапе и задачи музеев // Музеи в атеистическом воспитании: Сборник статей. Л., 1974. С. 6.
[1026] Закс А. Б. Указ. соч. С. 88.
[1027] Поспеловский Д. В. Указ. соч. С. 294.
[1028] Шердаков В. Н. Атеистическая пропаганда на современном этапе и задачи музеев. С. 4.
[1029] Королева А. С. Роль краеведческих музеев в пропаганде морального кодекса строителя коммунизма // Роль музеев в коммунистическом воспитании трудящихся / Министерство культуры РСФСР, Научно-исследовательский институт музееведения; под ред. А. С. Королевой. М., 1966. С. 50.

1970-х гг. сотрудники музея «Кижи» проходили стажировки в Государственном Музее истории религии и атеизма в г. Ленинграде, участвовали в тематических конференциях, проводили семинары и теоретические занятия внутри коллектива, посвященные вопросам атеистического воспитания музейными средствами. Тенденция к усилению антирелигиозной пропаганды в музее была зафиксирована в постановлении Коллегии Министерства культуры от 5 декабря 1974 г. об усилении социально-классовых принципов в экспозиционной и массовой научно-просветительской работе музея «Кижи, в котором еще раз была подчеркнута необходимость применения классового подхода при показе памятников, имевших культовое значение[1030].

Одним из направлений в показе памятников сектора «Погост» было расширение значения памятников, прежде всего Преображенской церкви, которое закладывалось при их строительстве, с узко религиозных до патриотических. Преображенская церковь называлась в экскурсиях «величественным гимном» исторической победы русского народа в Северной войне, которая велась в Петровскую эпоху[1031]. Рассказывая о времени строительства памятника, экскурсоводы обращали внимание на значение государственных преобразований и военных побед Петра I на развитие Олонецкого края, подчеркивали патриотический подъем, вызванный победами. Таким образом, религиозные по своему назначению памятники приобретали в рассказах экскурсоводов иной смысл, который объединял зодчих прошлого и советских людей, а именно патриотизм, чувство гордости за ратные подвиги и победы. Эти чувства служили вдохновением при сооружении Преображенской церкви в XVIII в. и монументальных величественных памятников воинам Великой Отечественной войны в XX в.

Ансамбль Кижского погоста репрезентировался как подлинно народный, в нем проявились талант и выдающееся мастерство русского народа. В экскурсиях по музею-заповеднику подчеркивалось, что русская культура создавалась не церковью, а народными мастерами, зачастую вопреки церковным канонам[1032]. Экскурсоводы рассказывали, какие именно особенности храмов свидетельствовали об отходе от канонов при возведении ансамбля, объясняли, что строители игнорировали указания церкви намеренно, руководствовались своими представлениями о красоте и целесообразности[1033]. В свою очередь священнослужители в XIX в. способствовали искажению памятников Кижского погоста в результате «поновлений»,

---

[1030] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 7/111. Л. 63.

[1031] См., напр.: Воробьев Н. В. Методическое пособие в помощь экскурсоводу «Кижский архитектурно-бытовой музей-заповедник» (1962 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 959. Л. 32; Юдина Л. В. Методическая разработка по теме «Памятники народного деревянного зодчества в Кижах»: Обзорная экскурсия по экспозиции музея (1972 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1518. Л. 4; Солонен В. А. Методические рекомендации по обзорной экскурсии по экспозиции музея-заповедника «Кижи» для школьников 5–8 классов (1974 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1532. Л. 11–12.

[1032] Байер О. Н. Пропаганда научного атеизма в экскурсиях музея «Кижи» (1976 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1535. Л. 12.

[1033] Муравьева Т. Т. Атеистическая направленность в экскурсии: Сообщение на конференции по атеизму (1982 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1562. Л. 7.

которые нередко характеризовались как «варварские». Красота деревянного сруба Преображенской церкви была скрыта тесовой обшивкой, луковичные главки обиты жестью, оконные проемы расширены, Покровская церковь изнутри была отштукатурена. Из-за многочисленных переделок артель легендарного мастера Нестора вряд ли узнала бы свою работу[1034]. Советское правительство, взяв под охрану памятники Кижского погоста, позаботилось об их бережной реставрации и возвращении к первоначальному облику, задуманному народными мастерами. В ходе экскурсии туристы узнавали о кропотливой работе реставраторов под руководством А. В. Ополовникова, направленной на сохранение уникальных памятников, а также о генеральном плане развития музея, свидетельствовавшем о внимании и заботе партии и правительства о сохранении историко-культурного наследия народов СССР[1035]. Таким образом, с помощью приема контрастного показа подчеркивалась мысль о народном характере памятников Кижского погоста, пострадавших от церковных «поновлений», но возвращенных к исконному состоянию деятельной заботой советской власти.

Одним из ключевых сюжетов в рассказе экскурсоводов о памятниках погоста в 1960–1980-х гг. было Кижское восстание 1769–1771 гг. В постановлении Совета Министров КАССР от 26 января 1966 г. № 26 «О дальнейшем развитии Государственного историко-архитектурного музея “Кижи”» дирекции музея предписывалось отразить в экспозиции восстание олонецких крестьян XVIII в., центром которого был Кижский погост[1036]. Во исполнение этого постановления уже в туристическом сезоне 1966 г. в помещениях Покровской церкви открылась выставка «Кижское восстание». По заказу музея была изготовлена резная деревянная мемориальная доска со следующим текстом: «Здесь, у стен Кижского погоста, 1 июля 1771 г. отряд карателей подавил пушечным огнем восстание крестьян Олонецких Петровских заводов». Расположенная на ограде погоста мемориальная доска встречала посетителей музея у главного входа в Кижский архитектурный ансамбль[1037]. В экскурсиях больше времени стало уделяться рассказу о событиях второй половины XVIII в., тяжелом положении приписных крестьян, классовой борьбе против угнетателей — местных властей и заводской администрации. Для художественного оформления выставки музеем приобретались картины художников К. Л. Буторова, М. А. Макарьевского и др., на которых были представлены отдельные эпизоды восстания[1038]. Таким образом, постановление Совета Министров можно было считать выполненным.

[1034] Гущин Б. А. Использование памятников архитектуры и живописи культового назначения в антирелигиозной пропаганде: Сообщение на районной конференции по атеизму в г. Медвежьегорске (Февраль 1974 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1528. Л. 6.
[1035] Юдина Л. В. Указ. соч. Л. 4.
[1036] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 1/11. Л. 2.
[1037] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 5.
[1038] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 1/6. Л. 39.

В 1969 г. отмечалось 200 лет Кижского восстания, выставка, посвященная этому событию, была обновлена и размещена в колокольне Кижского погоста. Выставка насчитывала 16 экспонатов, две фотокопии с документов, три фотографии образцов продукции Петровского завода, картосхему на оргстекле и аннотацию о ходе восстания[1039]. Историографической базой для ТЭПа выставки, который был дополнен и улучшен в 1981 г., и методических рекомендаций к проведению экскурсий по этой теме стали труды доктора исторических наук, профессора Я. А. Балагурова по истории приписных крестьян Карелии и их антифеодальной борьбы[1040], ярким эпизодом которой было Кижское восстание. Методические рекомендации, подготовленные научным сотрудником музея В. А. Гущиной в 1973 г.[1041], повторяли структуру повествования и цитировали монографию Я. А. Балагурова «Кижское восстание 1769–1771», изданную в 1969 г.[1042]

Сотрудниками музея была проделана большая собирательская работа для наполнения выставки подлинными историческими памятниками, изготовлены фотокопии архивных документов. На стендах были представлены свидетельства тяжелой жизни приписных крестьян — фотокопии челобитных, в которых описывалось несправедливое отношение к рабочим на заводах, примитивные ручные орудия труда, фоторепродукции с видами заводов и Тивдийских мраморных ломок. С помощью приема контрастного показа демонстрировалось оружие восставших крестьян (вилы, мотыги, топоры) и правительственных войск (стволы пушек, ядра, бердыш, пищаль и др.), наглядно отображавшие одну из причин поражения восставших. Для раскрытия темы Кижского восстания экскурсоводы использовали также прием исторической реконструкции. Находясь в трапезной Преображенского собора, центре общественной жизни всего погоста в XVIII в.[1043], экскурсовод подчеркивал, что именно в этом месте более 200 лет назад принималось судьбоносное решение о начале восстания и борьбы против угнетателей. Таким образом, Кижское восстание XVIII в., представленное как один из эпизодов антифеодальной борьбы и предвестник крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева, стало примером совместной борьбы русских, карел, вепсов против общего врага — крепостнического государства[1044]. Мотив классовой борьбы использовался также при переходе от рассказа о памятниках Кижского погоста к архитектурной экспозиции «Заонежская деревня» и служил прологом к рассказу о классовом расслоении в деревне.

[1039] Гущин Б. А. ТЭП выставки «200 лет Кижского восстания» (1969 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4121. Л. 2–3.
[1040] Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1962. 351 с.
[1041] Гущина В. А. Материал к экскурсии по выставке «Кижское восстание» 1769–1771 гг. (1973 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1522.
[1042] Балагуров Я. А. Кижское восстание 1769–1771. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1969. 95 с.
[1043] Солонен В. А. Методические рекомендации по обзорной экскурсии по экспозиции музея-заповедника «Кижи» для школьников 5–8 классов (1974 г.). Л. 14–15.
[1044] Балагуров Я. А. Кижское восстание 1769–1771. С. 91–92.

Используя описанные выше стратегии повествования и конкретные исторические сюжеты, экскурсоводы как бы «нейтрализовывали» первоначально религиозное значение памятников Кижского погоста. На первый план выходили рассказы о талантливых народных зодчих, сопротивлявшихся церковным канонам, классовой борьбе приписных крестьян против угнетателей-феодалов, искажении памятников церковными «поновлениями», заботе партии и правительства о восстановлении и сохранении подлинно народной архитектуры. Все эти сюжеты укладывались в теорию об общественно-экономических формациях, приводили к мысли о закономерности возникновения Советского государства, о народном характере Страны Советов. Более того, даже иностранные туристы в своих отзывах отмечали справедливость подобных взглядов. Например, директор музея В. А. Ниеми, проводя экскурсию для туристов из Финляндии, признавался, что незаметно для последних пропагандировал преимущества социалистического строя и находил в представителях капиталистической страны благодарных слушателей[1045].

В 1970-х гг. пространство острова и музея воспринималось как воплощение гармонии, не только с природной средой, но и внутренним миром человека, его духовностью. Гармония преподносилась как основа бытия древнерусского человека[1046], экскурсоводам предлагалось раскрыть этот мотив на примере характера связи Кижского ансамбля с ландшафтом, со всей окружающей материально-пространственной средой: архитектурой деревянных памятников, интерьеров крестьянских домов, предметов крестьянского труда и быта. Нравственный идеал человека советской формации также характеризовался стремлением к гармонии с окружающим миром и природой, которая была обязательным условием для реализации человеком своего предназначения — преобразования действительности согласно своим идеалам[1047].

В художественной литературе этого периода за островом закрепился образ идиллического места, где в гармонии сливались природа, духовность и рукотворные памятники старины. Религиозная сакральность, которая изначально была присуща Кижскому погосту, в советское время трансформировалась в иные формы, например коллективистскую, патриархально-родовую, но она сохраняла свое значение для острова[1048]. Кижский погост был одной из популярных тем для живописных работ карельских и российских художников, среди них можно отметить Б. Н. Поморцева, А. И. Авдышева, Н. П. Федосова и др. Н. П. Федосов называл Кижи «святыней красоты»[1049].

[1045] Воспоминания бывшего директора музея В. А. Ниеми. Л. 4а.

[1046] Витухновская М. А. Древнерусская живопись Карелии»: Методическая разработка к экскурсии (1977 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1540. Л. 5.

[1047] Шердаков В. Н. Нравственный идеал и атеистическое воспитание. М.: Изд-во «Знание», 1985. С. 47–49.

[1048] Шилова Н. Л. Кижи как идиллический локус в русской прозе 1970-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. Т. 2. №. 7 (136). С. 78.

[1049] Гущина В. А. Из кижских воспоминаний. 1945-1980-е годы: Вера Брюсова и Никита Федосов // Кижи: газета ФГБУК ГИАМЗ «Кижи». Петрозаводск, 2014. № 8. С. 3.

Сосуществование сакрального и светского, религиозного и атеистического в советской действительности нашло свое отражение и в воспоминаниях сотрудников музея. Так, бывший директор музея В. А. Ниеми оказывал сопротивление идеологическому «натиску» со стороны ответственных работников, отстаивая право на некоторую свободу в рассказе о памятниках, в том числе имеющих религиозное значение[1050]. Заместитель директора по научной части музея «Кижи» Н. И. Долголенко, работавший в музее в 1960-е гг., с большой теплотой вспоминал встречу с советским историком Н. В. Устюговым, посетившим остров вместе с группой своих студентов. Н. И. Долголенко, заметив большой интерес к иконостасу Преображенской церкви со стороны профессора Н. В. Устюгова и опознав в нем «большого знатока древнерусской живописи», предложил последнему поменяться с ним ролями и самому занять место экскурсовода. Н. В. Устюгов рассказал, что окончил духовную семинарию и какое-то время служил священником. В течение двух часов он читал своеобразную лекцию о древнерусской живописи, после которой научным сотрудникам музея «стало значительно легче проводить экскурсии на эту тему»[1051]. Научный сотрудник музея Л. В. Трифонова, которая начала свою работу в музее в 1972 г., вспоминала, что утром перед началом работы некоторые экскурсоводы совершали определенный ритуал — возлагали букет цветов на ступени церкви Лазаря Муромского, старейшей церкви на Севере России, а 19 августа, когда православные христиане отмечали праздник Преображения Господня, «тайно» украшали икону «Преображение» в главном храме Кижского погоста[1052]. Несмотря на формально разделяемую непримиримую позицию к религии и активную пропаганду в экскурсиях идей атеизма, сотрудники музея могли отступать от пропагандируемых ими идеалов, находили возможности для самореализации, творчества и общения вне или помимо советской системы ценностей[1053].

Если методичка к обзорной экскурсии по музею полностью повторяла как структурно, так и идейно методические рекомендации 1970-х — начала 1980-х гг., то разработка к экскурсии 1990 г. предлагала другой подход к показу памятников Кижского погоста. В соответствии с задачами экскурсии — познакомить посетителей музея с богатой духовной культурой русского населения Заонежья, дать представление об особенностях религиозного сознания Заонежского крестьянства, раскрыть идейно-художественную основу культового народного зодчества[1054] — религиозная основа памятников погоста не отрицалась и не подменялась исключительно эстетической. Преображенская церковь была представлена как выдающийся образец

[1050] Воспоминания бывшего директора музея В. А. Ниеми. Л. 7.
[1051] Долголенко Н. И. Воспоминания к 25-летию музея-заповедника «Кижи» (1990 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 957. Л. 5.
[1052] Трифонова Л. Романтика семидесятых // Кижи: газета ФГБУК ГИАМЗ «Кижи». 2011. № 7 (74). С. 4.
[1053] Сомов В. А. Советская ментальность: маркеры социально-исторической идентичности / В. А. Сомов, Е. С. Волков // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4. С. 1042.
[1054] Куликова М. Ф. Методическая разработка к экскурсии на тему «Материальная и духовная культура русских Заонежья» (1990 г.). Л. 5.

плотницкого мастерства в системе культовых памятников Русского Севера. Рассказ о строительстве церкви был поводом затронуть тему о составе плотницкой артели, правовых и морально-нравственных отношениях крестьянского мира и плотницкой артели[1055]. В Преображенской церкви внимание туристов обращалось на цветовое решение в интерьерах, пластику дерева, гармонию иконостаса и внутреннего убранства церкви. Кроме того, в трапезной размещалась выставка, посвященная древнерусской живописи, на которой были представлены иконы как кижских, так и других заонежских церквей. У ограды погоста экскурсоводу предлагалось рассказать о Кижском восстании XVIII в., основных событиях крестьянского движения, предводителях, подавлении восстания правительственными войсками. Особенностью этой репрезентации было то, что от остросоциальной темы феодального гнета делался переход к рассуждению об основных чертах характера северян, сложившихся в борьбе с суровой природой, обусловленных историческими особенностями развития края. Экскурсовод должен был отметить, что исследователями-этнографами XIX — начала XX в. выделялись сила духа, гордость, свободолюбие жителей Карелии[1056].

Как и в начальный период существования музея, на первый план в музейном показе выходила эстетическая составляющая деревянной архитектуры. В 1950-е гг. подход к репрезентации кижских памятников в духе официальной идеологии еще только предстояло разработать, поэтому идейная составляющая уступала место рассказам об архитектуре, конструктивных особенностях строений, эстетических свойствах памятников. Как и в случае с выставкой «Памятники природы, истории и культуры в фондах КГКМ», представленной Государственным историко-краеведческим музеем КАССР в 1987 г., возвращение к эстетике в музейном рассказе о Кижах свидетельствовало о кризисе в официальном музееведении и историографии. Усталость от жестких идеологических рамок приводила к поиску новых подходов к репрезентации исторического прошлого и памятников архитектуры как его составляющего.

Согласно генеральному плану развития музея-заповедника, к экспозиционному сектору «Погост» в качестве объекта экскурсионного показа была отнесена находящаяся на острове братская могила партизан, погибших в годы Великой Отечественной войны[1057]. Долгое время считалось, что в ней погребены воины-красноармейцы, однако в 1966 г. сотрудниками музея была проведена исследовательская работа по установлению личностей погибших. Сотрудники музея предположили, что на острове захоронены бойцы партизанского отряда им. Тойво Антикайнена. К летнему сезону 1966 г. на могиле появились надгробные мемориальные плиты

[1055] Куликова М. Ф. Методическая разработка к экскурсии на тему «Материальная и духовная культура русских Заонежья» (1990 г.). Л. 11.
[1056] Там же. Л. 16.
[1057] Беляев А. Т. ТЭП развития музея «Кижи» до 1980 г. по линии деревень Ямка—Васильево (1972 г.). Л. 20.

из малинового кварцита, на которых были выгравированы имена погибших бойцов[1058]. Окончательное благоустройство братской могилы было завершено в 1967 г. Однако точка в деле установления имен захороненных в братской могиле бойцов была поставлена значительно позже. В начале 2000-х гг. в архивах Карелии проводилась большая работа по рассекречиванию документов, связанных с историей партизанского движения на Карельском фронте. В 2001 г. научный сотрудник музея-заповедника Б. А. Гущин провел собственное исследование, основанное на изучении архивных документов, и пришел к выводу, что в братской могиле на острове Кижи покоятся бойцы диверсионной группы Хиззата Георгиевича Фахрутдинова. пять бойцов и их командир погибли вблизи острова в феврале 1943 г.[1059] На сегодняшний день эта версия считается основной, ее при посещении братской могилы туристическими группами воспроизводят экскурсоводы.

В советское время посещение братской могилы обычно предваряло или завершало основную экскурсию по музею. Останавливаясь около братской могилы, экскурсовод рассказывал о партизанском движении, героизме жителей Заонежья, проявленном в грозные военные годы[1060]. В 1970-х гг. вокруг этого места памяти стали проводить особые ритуалы. Экскурсоводы отмечали посещение братской могилы минутой молчания, возложением цветов. Экскурсанты-мужчины должны были снимать головные уборы, пионеры отдавали салют[1061]. С 1975 г. в музее организовывались дни специального обслуживания, приходившиеся на начало мая и приуроченные к празднованию Дня Победы. Ветераны партизанского движения на Карельском фронте приезжали на остров, встречались с молодежью, возлагали цветы на братскую могилу[1062].

Методические разработки к экскурсиям предлагали для логического перехода к показу памятников деревянного зодчества использовать цитату из статьи поэта, доктора философских наук Ю. В. Линника, который активно сотрудничал с музеем и был частым гостем в Кижах[1063], о чувстве исторической связи между мастерами-зодчими, восставшими заонежскими крестьянами и партизанами, отдавшими свою жизнь за свободу Родины[1064]. Мотивы народного характера крестьян, закаленного в борьбе с природой, унаследованного их потомками,

---

[1058] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 6.
[1059] Гущин Б. А. Кижи во время оккупации (1941–1944 гг.) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. № 8. С. 48–66.
[1060] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 6/69. Л. 14.
[1061] Трифонова Л. В. Методическая разработка по теме «Обзорная экскурсия по русскому историко-архитектурному и этнографическому сектору музея-заповедника “Кижи” (р-н Заонежье) (1980–1982 гг.). Л. 17.
[1062] ТЭП выставки «Экскурсионная и методическая работа музея-заповедника Кижи в 1971–1975 гг.» (1975 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2324. Л. 5.
[1063] Мельникова Н. Юрий Линник и Кижи // Книга воспоминаний о Юрии Линнике. Петрозаводск: Национальная библиотека Республики Карелия, 2019. С. 53–54. URL: http://avtor.karelia.ru/elbibl/moskin/o_linnike_new/52/index.html (20.06.2026).
[1064] Солонен В. А. Методическая разработка на тему «Обзорная экскурсия по экспозиции музея-заповедника “Кижи” (1976 г.). Л. 31; Трифонова Л. В. Методическая разработка по теме «Обзорная экскурсия по русскому историко-архитектурному и этнографическому сектору музея-заповедника «Кижи» (р-н Заонежье) (1980–1982 гг.). Л. 44.

боровшимися с внутренними врагами и способными противостоять врагам внешним рефреном, повторялся при рассказе о памятниках, расположенных на острове. Таким образом, памятники разных эпох, объединялись в рассказе экскурсовода в одно непротиворечивое историческое полотно, целью которого было вызвать чувство гордости и восхищения достижениями и подвигами предков, способствовать утверждению идентичности советского человека.

Напротив, о кризисе советской идентичности в конце 1980-х — 1990-х гг. свидетельствовал текст методических рекомендаций к обзорной экскурсии по музею 1990 г. Рассказывая об оккупационном режиме в Заонежье, экскурсоводу предлагалось не «сгущать краски» и в то же время избегать идеализации оккупационного режима, уделять особое внимание темам, которые порой неполно и однобоко освещались в советской историографии[1065]. В методичке был отмечен вклад в изучение кижских памятников финского ученого, историка архитектуры Л. Петтерсона, который занимался исследованиями архитектуры Заонежья в военные годы. В 1950 г. по результатам своих исследований он опубликовал монографию о деревянном зодчестве Заонежья. Интересно, что монография финского исследователя стала камнем преткновения при подготовке к изданию первого каталога фондового собрания музея-заповедника в 1970-е гг. В список литературы к каталогу было включено издание Л. Петтерсона, которое сотрудники музея получили в дар в ходе визита в Финляндию. Однако Карельское управление по делам литературы и издательств предписало убрать из списка монографию, так как книга оккупанта не могла быть включена в каталог[1066]. Меньше чем два десятилетия спустя фигура финского исследователя перестала быть фигурой умолчания. Отношение к Великой Отечественной войне и победе в ней как к одной из основ идентичности советского человека[1067] на протяжении нескольких десятилетий было примером согласия народа и власти. Изменения в отношении к событиям 1941–1945 гг. можно рассматривать как кризис этого согласия.

Сектор «Заонежская деревня»

Традиционно с 1960-х гг. наряду с сектором «Погост» «Заонежская деревня» демонстрировалась в ходе обзорной экскурсии по музею-заповеднику. Как уже было упомянуто, в 1975 г. завершилось оформление архитектурно-этнографического сектора «Заонежская деревня» (ныне — «Русские Заонежья»). Он репрезентировал малодворную заонежскую деревню, где проживало русское население, застывшую во времени на границе двух веков. Музейная деревня состояла из трех крестьянских усадеб, принадлежавших хозяевам разной степени зажиточности. Уже в 1956 г. предлагалось перевезти на остров памятник, дом

[1065] Куликова М. Ф. Методическая разработка к экскурсии на тему «Материальная и духовная культура русских Заонежья» (1990 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1586. Л. 16.
[1066] Гущин Б. А. Первый в СССР, или Зеленая улица и закрытый семафор: к 40-летию издания первого каталога фондового собрания музея-заповедника «Кижи» // Кижи: газета ФГБУК ГИАМЗ «Кижи». 2013. № 2 (97). С. 4.
[1067] Хёслер И. Указ. соч. С. 160–161.

крестьянина-бедняка, однако в то время основной задачей было сохранение наиболее выдающихся в архитектурном плане деревянных строений, к каким сложно отнести ничем не примечательный бедняцкий дом.

В историографии советского периода закрепился устойчивый образ дореволюционной Карелии «как отсталой окраины царской России». Этот образ входил в противоречие с теми материальными памятниками, которые составляли как историко-архитектурную, так и бытовую части экспозиции, а также рассказом экскурсовода о тяжелой жизни карельского крестьянина. Посетители музея по окончании осмотра могли прийти к выводу, что в Карелии жил богатый, зажиточный народ, что противоречило классовой направленности в рассказе экскурсовода[1068].

Появлению на острове бедняцкого дома предшествовало издание ряда постановлений Коллегии Министерства культуры КАССР, направленных на повышение идейного и теоретического уровня музейной работы, прежде всего экспозиционной и культурно-массовой. В декабре 1973 г. на заседании Коллегии рассматривался вопрос об итогах работы карельских музеев. Отмечалось, что уровень научно-исследовательской, выставочной, экспозиционной и массово-просветительной работы государственных музеев Карелии не отвечал возросшим требованиям. По итогам заседания Коллегии было издано постановление, которое музеи приняли к руководству и скорейшему исполнению. Прежде всего музеи обязались устранить недостатки, отмеченные членами совещательного органа, директора музеев должны были принять неотложные меры по улучшению руководства вверенными им учреждениями и повышению их идейного уровня, музейными средствами проводить широкую пропаганду решений XXIV съезда КПСС среди трудящихся[1069].

Главными претензиями к работе музея «Кижи», высказанными Коллегией, было то, что во время экскурсий недостаточно ясно выявлялось подлинное значение памятников архитектуры (какой смысл в понятие «подлинное значение» вкладывалось членами Коллегии в материалах постановления, не уточнялось). В рассказах экскурсоводов отсутствовала связь истории с современной жизнью республики, а формы массовой научно-просветительной работы не отличались разнообразием. Не отвечал возросшим требованиям архитектурно-художественный облик «Кижей»[1070] (здесь имелся в виду перекос в репрезентации культовых памятников и сооружений, принадлежавших зажиточным крестьянам). Музей обязался завершить работу по выявлению, инвентаризации и составлению документации на памятники, подлежащие перевозу на остров Кижи в количестве, обеспечивающем полную реализацию генерального плана

[1068] Гущина В. А. Из истории построения основной экспозиции музея «Кижи» и отражения в ней вопросов социально-классового расслоения крестьянства в конце XIX — нач. XX вв. (1976 г.). Л. 14-15.
[1069] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 7/111. Л. 4–5.
[1070] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 7/111. Л. 3.

развития музея-заповедника в 1974–1975 гг.[1071] Уже в следующем году сотрудники музея подготовили целый ряд методических рекомендаций и пособий в помощь экскурсоводам по использованию памятников архитектуры и живописи в антирелигиозной пропаганде, а также показе классового расслоения крестьянства на основе памятников[1072]. Музейщики переработали или создали заново методички к большинству тематических экскурсий, в которых были учтены в том числе пожелания Коллегии. Например, в методичках 1974 г. экскурсоводу, рассказывающему о домах Ошевнева и Елизарова, предписывалось указать на то, что в экспозиции музея, а именно во вновь открытом для показа секторе «Ямка», воссоздававшем одноименную Заонежскую деревню, представлен и дом бедняка[1073].

5 декабря 1974 г. было издано новое постановление Коллегии Министерства культуры КАССР, которое касалось вопроса об усилении социально-классовых принципов в экспозиционной и массовой научно-просветительной работе музея «Кижи». В документе перечислялись как сильные, так и слабые стороны существовавшей в музее экспозиции памятников деревянного зодчества. В частности, отмечалось, что памятники убедительно свидетельствовали о мастерстве и таланте русского и карельского народов, в то же время указывалось на односторонний подход к их отбору. Отмечались просчеты в реализации генерального плана, заключавшиеся, главным образом, в перевозке и восстановлении уникальных архитектурных сооружений и недостаточном внимании к укомплектованию музейной экспозиции постройками, которые отражали бы социальное расслоение дореволюционного крестьянства Карелии[1074]. В научно-просветительской работе музея, прежде всего экскурсионной, предписывалось более четко определять классовую сущность включенных в экспозицию построек, подчеркивать современное значение их как памятников архитектуры, акцентировать сюжеты о классовых противоречиях и тяжелой жизни крестьянства в дореволюционной Карелии, привлекать конкретные экспонаты, например исторические орудия труда, для наглядного подкрепления своей позиции.

Это постановление потребовало от администрации музея немедленной реакции, в ответ на него директор музея В. А. Ниеми издал приказ о мероприятиях по усилению социально-классовой направленности и научно-просветительной работы. Были намечены следующие мероприятия: подготовка предложения и заявки на обмер, перевозку и реставрацию бедняцкого дома на погост с включением этих работ в план научно-реставрационной мастерской на 1975 г., пересмотр и необходимая переработка всех методических разработок по основной

[1071] Там же. Л. 6.
[1072] Никулина Т. В. Социальная направленность в рассказе о быте крестьян Заонежья. Материалы к экскурсии // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1529.
[1073] Юдина Л. В. Указ. соч. Л. 10.
[1074] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 7/111. Л. 62.

экскурсионной тематике музея в свете современных требований[1075]. В своих воспоминаниях В. А. Ниеми писал о том, что из-за давления, оказанного на него в ходе кампании Министерства культуры КАССР за «идеологическую чистоту экскурсионной работы»[1076], он в итоге вынужден был уйти со своего поста. На место директора музея в 1975 г. была назначена В. М. Ионова.

В экспозиции появился новый объект показа, завершивший формирование основной части сектора «Заонежская деревня». На примере трех комплексов гражданских сооружений — усадьбы зажиточного крестьянина, усадьбы середняка, дома бедняка — экскурсоводы могли убедительно рассказать о социально-экономическом расслоении крестьян, а также с помощью мотива классовой борьбы непротиворечиво связать повествование об основных экспозиционных комплексах — «Погосте» и «Заонежской деревне». Об этом же свидетельствовала специальная выставка на эту тему, создание которой рекомендовало Министерство культуры. Выставка была развернута в 1975 г. в крестьянском доме Ошевнева[1077]. Ожидалось, что в будущем каждая усадьба, обозначаемая в экскурсиях и между музейными работниками по имени бывшего владельца (Ошевнева, Елизарова, Щепина), в комплексе с перевезенными хозяйственными постройками, прежде не имевшими никакой связи с ними, будет называться в соответствии с социальным происхождением их бывших хозяев: усадьба зажиточного крестьянина, середняка, дом бедняка[1078].

В рамках экскурсии туристам рассказывали о памятниках церковного и гражданского деревянного зодчества Заонежья. Дома Ошевнева, Елизарова, Сергеева, имевшие разную планировку и внутреннее устройство, отличавшиеся своеобразием архитектурных форм, свидетельствовали о мастерстве и таланте народных зодчих, дополняли рассказ о величии строителей Преображенской и Покровской церквей Кижского погоста, а также наглядно показывали преемственность традиций деревянного зодчества, передававшихся из поколения в поколение[1079]. С появлением дома крестьянина-бедняка акцент сместился с показа архитектурных особенностей к отличительным чертам социально-бытового устройства заонежской деревни конца XIX — начала XX в.

Одним их приоритетных направлений деятельности музея и важной частью этнографической работы было воссоздание интерьеров крестьянских домов. Ранее размещенная в доме Ошевнева музейная выставка по истории Заонежья в 1966 г. была упразднена в связи с реконструкцией интерьера крестьянского дома. В течение 1966–1968 гг. интерьеры совершенствовались,

---

[1075] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 7/112. Л. 18–19.
[1076] Воспоминания бывшего директора музея В. А. Ниеми. Л. 7.
[1077] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 8/128. Л. 3.
[1078] Гущина В. А. Из истории построения основной экспозиции музея «Кижи» и отражения в ней вопросов социально-классового расслоения крестьянства в конце XIX — нач. XX вв. (1976 г.). Л. 15.
[1079] См., например: Кожарина Н. М. Тематическая разработка экскурсии по теме «Архитектура и интерьер крестьянского жилища в Заонежье в конце XIX — нач. XX в.» (1964 г.) // НА НМ РК. Фонд музея. Оп. 1. Д. 1217.

дополнялись новыми экспонатами. К открытию туристического сезона 1968 г. площадь интерьеров, восстановленных в находящихся на острове крестьянских домах, составляла 1741 квадратный метр[1080]. Реконструкция интерьеров домов Ошевнева и Елизарова была полностью завершена к 1969 г.[1081] В последующие годы интерьеры усовершенствовались, в них добавлялись новые предметы, собранные сотрудниками музея в ходе этнографических экспедиций. В 1975 г. была проведена работа по созданию интерьера в доме крестьянина Щепина. Оборудованная в доме экспозиция давала наглядное представление о быте и жизни небогатых слоев крестьянства Карелии в начале XX в.[1082] Таким образом, посетители музея имели возможность не только познакомиться с архитектурными особенностями памятников деревянного зодчества, но и «заглянуть в гости» к заонежским крестьянам.

В целом тексты экскурсий середины 1970–1980-х гг., посвященных гражданской архитектуре Заонежья на примере трех усадеб, практически не отличались друг от друга. Их различия были связаны с возрастными особенностями туристических групп. Экскурсии для школьников, как правило, проводились по особым методичкам. Национальный состав групп тоже имел определенное значение в выборе вектора повествования экскурсовода: для иностранцев также использовались отдельные методические рекомендации. Принципы и формы рассказа экскурсоводов в этот период оставались неизменными: воспитание коммунистического мировоззрения — основная цель любого взаимодействия с посетителями музея, конкретно-исторический подход к показу развития общественных отношений, оценка социальных процессов с позиции исторического материализма.

Экскурсовод не просто должен был рассказывать туристам об историческом прошлом, но пропагандировать идеи партии, осуществлять задачи коммунистического воспитания советских людей[1083]. Иностранным экскурсантам преподносились сведения о преимуществах социалистического строя, закономерностях исторического развития, приведших к его утверждению в России и в Карелии[1084]. Экскурсовод нес персональную ответственность за идейную направленность и научную достоверность содержания экскурсии. Все сотрудники музея, участвовавшие в экскурсионной работе, проходили прослушивание с участием специалистов Министерства культуры, а также партийных работников. Тексты экскурсий в обязательном порядке рассматривались на заседаниях Ученого совета музея, а затем утверждались Министерством культуры КАССР. Таким образом, практически каждое слово

[1080] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 1/22. Л. 11.
[1081] НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3425. Л. 1; Гущин Б. А. ТЭП дома Елизарова (1969 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4123. Л. 3.
[1082] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 8/128. Л. 2.
[1083] Солонен В. А. Методическая разработка на тему «Обзорная экскурсия по экспозиции музея-заповедника “Кижи”» (1976 г.). Л. 13.
[1084] Гурвич Л. И. Методические рекомендации к обзорной экскурсии по музею «Кижи» для работы с иностранными туристами (1979 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1547. Л. 6.

в рассказе экскурсовода было выверено, тезисы и утверждения подчинены реализации основной цели экскурсии. Тем не менее в повседневной работе у экскурсоводов оставалось поле для творческого переосмысления своих текстов.

До появления в экспозиции дома крестьянина-бедняка экскурсии по гражданским сооружениям Заонежья начинались с дома зажиточного крестьянина (дома Ошевнева). В методичке обзорной экскурсии 1976 г. и в пособиях, созданных позднее, экскурсоводам предлагалось начинать свое повествование именно с дома Щепина, несмотря на то, что географически он находился намного дальше от погоста, откуда начиналось большинство маршрутов. То есть экскурсионная группа проходила по восточному берегу острова, минуя усадьбы Ошевнева и Елизарова, останавливаясь около церкви Воскрешения Лазаря, и направлялась прямиком к дому крестьянина-бедняка.

Необходимо отметить, что перевезенный на остров дом, который должен был репрезентировать типичное жилище рядового заонежского крестьянина, каковых было большинство в структуре населения Великогубской волости Петрозаводского уезда конца XIX — начала XX в., принадлежал крестьянину-ремесленнику. Из-за небольших размеров долгое время в музейных документах он значился как дом бедняка[1085]. В соответствии с этим представлением о социальном положении бывшего хозяина дома Я. П. Щепина в помещениях был воссоздан интерьер жилища бедняка. В настоящее время в интерьере дома представлены предметы, характерные для мастерской бондаря, так как именно бондарным ремеслом зарабатывал себе на жизнь Я. П. Щепин в начале XX в.

С этого памятника начинался рассказ экскурсовода о социальном расслоении и тяжелом положении крестьян Олонецкого края. Для логического перехода к теме о гражданских сооружениях в экспозиции музея предлагалось использовать цитату В. И. Ленина о различии в архитектуре домов как о признаке социального расслоения в деревне: «рядом с лачугами стоят расписные хоромы, рядом с нищими живут богатые, рядом с униженными и оскорбленными — пирующие и ликующие»[1086]. В то же время необходимо было подчеркнуть достоинства дома как архитектурного памятника, для этого использовался мотив о мастерстве и таланте народных зодчих. Экскурсоводам предлагалось процитировать архитектора Р. М. Габе, писавшего в книге «Карельское деревянное зодчество» о монументальности деревянных крестьянских изб, которые также были отмечены гением народа, как и церкви[1087].

Конструктивные особенности дома (отсутствие хозяйственной части — двора и украшений в

[1085] Гущин Б. А. Из истории создания архитектурно-этнографической экспозиции музея «Кижи». ([2005 г.]). Л. 15.
[1086] Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Ленин В. И.: Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1971. С. 73.
[1087] Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество / Под ред. Н. Н. Соболева. М.: Гос. архит. изд-во, 1941. С. 3; Трифонова Л. В. Методическая разработка по теме «Обзорная экскурсия по русскому историко-архитектурному и этнографическому сектору музея-заповедника “Кижи”» (р-н Заонежье) (1980–1982 гг.). Л. 31.

интерьере — традиционных воронцов и полиц, тип кровли)[1088] демонстрировали принадлежность хозяина к крестьянам-беднякам: у них не было скота, а также средств заплатить мастерам за работу по украшению жилища. В музейный комплекс памятников «заонежского бедняка» входили также причал и лодка. На примере этих экспонатов рассказывалось о побочных занятиях крестьянского населения, которое не могло прокормить себя земледелием. Отмечалось, что таковых крестьянских семей было более 50 %[1089]. Рыболовство и охота в конце XIX в. приобрели товарный характер[1090] и являлись одним из способов обеспечить свою семью.

Рассказ экскурсовода украшали заонежские народные пословицы и поговорки, связанные с этнографией, бытом, хозяйственной деятельностью, материальной и духовной культурой народа. С их помощью экскурсовод мог образно и живо донести до слушателей тот или иной момент из быта дореволюционных крестьян[1091]. Повествование о жизни бедных крестьян на примере дома Щепина также могло сопровождаться сложенными в Карелии пословицами: «Изба брата всем богата: два полена, три ушата», «Рогатого скота — петух да курица, а медной посуды — крест да пуговица»[1092]. Логическим переходом к повествованию об усадьбах более зажиточных крестьян предлагалось использовать мысль о том, что полуголодное существование толкало бедняков в кабалу к своим богатым соседям, которые пользуясь положением, забирали у своих должников урожай или рыбный улов.

Несколько другой образ дома Щепина складывался в методичке к обзорной экскурсии, разработанной в 1990 г. Целью экскурсии было нравственное и эстетическое воспитание экскурсантов, задачами — привить уважение к культурному наследию прошлого и любовь к родному краю[1093]. Эти установки значительно отличались от преобладавших в 1970–1980-х гг. и являлись следствием общей либерализации и демократизации страны в конце 1980-х гг. в ходе политики перестройки и гласности. В карельской исторической науке эти тенденции стали находить отражение с 1989 г.[1094] Акцент в экскурсии ставился на гармонию человека и природы, архитектурного и местного ландшафтов, реализованную в материальной и духовной жизни Заонежья в конце XIX в. Духовная жизнь крестьян, проявлявшаяся в фольклоре, традициях, обрядах, внутрисемейной этике, становилась во главу угла музейного показа. На примере дома

[1088] НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4406. Л. 47.
[1089] Солонен В. А. Методическая разработка на тему «Обзорная экскурсия по экспозиции музея-заповедника “Кижи”» (1976 г.). Л. 26.
[1090] Никулина Т. В. Указ. соч. Л. 4.
[1091] Гущина В. А. Справочное пособие «Использование устного народного творчества в обзорной экскурсии по музею “Кижи” на примере памятников гражданского назначения» (1975 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2208. Л. 1.
[1092] Там же. Л. 8.
[1093] Куликова М. Ф. Методическая разработка к экскурсии на тему «Материальная и духовная культура русских Заонежья» (1990 г.). Л. 6.
[1094] Пашков А. М. Изучение истории Карелии на рубеже эпох // История, археология, этнография Карелии: Библиогр. указ. лит. за 1966–1995 гг. / Сост. О. П. Кошкина и др. Петрозаводск, 2002. С. 8.

Щепина экскурсоводы по-прежнему рассказывали о социальном расслоении крестьянства и имущественном неравенстве, однако уже в это время в доме был оборудован интерьер бондарной мастерской, позволявший начать разговор о своеобразии народных промыслов и связанных с ними традиций и обрядов. Следующим экспонатом была воссозданная и оборудованная в конце 1980-х гг. кузница, расположенная на южной оконечности острова. В отличие от экскурсий предыдущего периода в структуре экскурсионного показа 1990 г. дом Щепина завершал рассказ о жилых постройках в гражданской архитектуре Заонежья.

Следующим памятником в составе Заонежского сектора был дом из д. Середка (Потаневщина), перевезенный на остров в 1961 г., и комплекс хозяйственных построек вокруг него, входивших в музейную усадьбу крестьянина-середняка Елизарова. Экспонат назывался по фамилии бывшего владельца, построившего дом в 1880 г. и принадлежавшего к крестьянам-середнякам. Уже в 1964 г. в доме были оборудованы интерьеры жилых и хозяйственных помещений. Собирательская работа в Заонежье и дополнение интерьеров новыми предметами продолжались и в начале 1970-х гг. Для оборудования интерьеров в доме Елизарова потребовалось более 300 экспонатов[1095].

В экскурсиях 1960-х гг. дом Елизарова рассматривался в основном с точки зрения архитектурного своеобразия. Одной из причин его появления на острове являлся не столько богато украшенный резьбой экстерьер, сколько внутреннее устройство, прежде всего курная изба, свидетельствовавшая о традиционной топке печи «по-черному». В конструкции такой печи отсутствовал дымоход, дым из избы выходил через специальный люк — дымницу, которую хозяева открывали во время топки печи. Экскурсантам показывали закопченный дымом потолок избы, рассказывали о преимуществах и недостатках такой конструкции. Печь «по-черному» давала больше тепла и расходовала меньше топлива, дым от нее «крепил» (укреплял) новые рыболовные сети, которые подвешивались под потолком, и предотвращал стены от загнивания, сушил их[1096]. Однако постоянное наличие дыма в помещении приводило к возникновению болезней глаз и легких. Для создания яркого образа крестьянского быта в курной избе предлагалось обратиться к фольклору и озвучить перед экскурсантами одну из народных поговорок, связанных с печью: «Дымные горести не претерпев, тепла не видати»[1097].

Большую часть дома занимали хозяйственные помещения, в которых также были оборудованы интерьеры. Экскурсанты могли познакомиться с традиционными занятиями русского населения Заонежья, осмотреть орудия труда хозяина (пила, рыболовные сети, соха) и хозяйки (ткацкий стан, прялки, кухонная утварь). Весь комплекс крестьянского жилища

[1095] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 6/99. Л. 16.
[1096] Гущин Б. А. ТЭП дома Елизарова (1969 г.). Л. 5.
[1097] Гущина В. А. Справочное пособие «Использование устного народного творчества в обзорной экскурсии по музею “Кижи” на примере памятников гражданского назначения» (1975 г.). Л. 5.

характеризовался как удобный, эргономичный, каждая конструктивная деталь представлялась оправданной как вековыми традициями деревянного зодчества, так и полезностью в крестьянском хозяйстве.

Тематико-экспозиционный план и методические пособия для проведения экскурсий по дому Елизарова 1960-х гг. не предполагали включение в текст экскурсии большого количества историко-этнографического материала, связанного с бытовыми предметами, которыми был обставлен дом. В то же время экскурсовод имел возможность обратить внимание туристической группы на тот или иной предмет в интерьере, рассказать о его истории, назначении, месте в крестьянском быту. Насколько частым было обращение к предметам, зависело от экскурсовода.

Методические пособия для проведения экскурсий в 1970–1980-х гг. предлагали использовать в показе памятников метод контраста. Экскурсовод, сопоставляя жилище бедняка с домами зажиточных и средних крестьян, раскрывал проблему социального расслоения крестьянства в дореволюционной деревне[1098]. Кроме того, в 1970-х гг. дом Елизарова «оброс» целым рядом хозяйственных построек, перевезенных из разных уголков Заонежья. Они формировали музейную усадьбу крестьянина-середняка, в которую входили баня, рига, ветряная мельница. Все эти строения свидетельствовали о благополучии хозяина усадьбы и оттеняли еще выразительнее недостаточность хозяйства бедняка. Экскурсовод сравнивал число строителей двух домов, время, затраченное на строительство, состав усадьбы, внутреннее убранство дома, обстановку и утварь, наглядно показывая, в чем проявлялись последствия социального расслоения крестьян. Рекомендовалось также обратить внимание на использование наемного труда в хозяйствах середняков и зажиточных крестьян как следствие развития капиталистических отношений. В то же время производительность труда оставалось низкой, орудия труда — отсталыми, сам труд — изнурительным. Этот тезис доказывался на примере репрезентации трудоемких процессов обработки земли, переработки льна и пряжи[1099], которые описывались экскурсоводом с привлечением материальных памятников — орудий труда конца XIX в.

Каждый предмет интерьера мог многое рассказать о непростых условиях жизни в дореволюционной деревне и, соответственно, работать на реализацию общей идеи музейного повествования. В то же время декоративные украшения одежды, орудий труда, бытовых предметов, витиеватые орнаменты на ткани должны были подчеркнуть «удивительную радостность и поэтическую приподнятость народного искусства»[1100]. Таким образом, в ходе

[1098] Солонен В. А. Методические рекомендации по обзорной экскурсии по экспозиции музея-заповедника «Кижи» для школьников 5–8 классов (1974 г.). Л. 5.
[1099] Там же. Л. 21.
[1100] Солонен В. А. Материалы к экскурсии «Комплексы крестьянских хозяйств в экспозиции Кижского музея и социально-экономический уклад заонежской деревни во второй половине XIX — начале XX в. (1976 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1079. Л. 9.

экскурсии создавался образ тяжелой жизни заонежского крестьянина, особенно беспросветной она была для бедняцкого населения. Далее экскурсовод мог рассказать об условиях жизни в современной деревне, где было электричество, механизированный труд, дети обучались в школе.

В 1980 г. исполнилось 100 лет со дня постройки дома Елизарова. Специально к столь значимой дате старший научный сотрудник музея В. А. Гущина подготовила фотовыставку. Центральным мотивом выставки было описание работ, которые проделали реставраторы и сотрудники музея для того, чтобы сохранить памятник и вернуть ему первозданный вид, нарушенный наслоениями городского происхождения в конце XIX — начале XX в.[1101] В обзорных экскурсиях также обращалось внимание на переделки дома согласно городской моде, этот факт становился поводом рассказать об отходничестве, поиске крестьянами дополнительного заработка в крупных российских городах, прежде всего в Санкт-Петербурге. Крестьяне, посещавшие Санкт-Петербург, подмечали конструктивные и декоративные элементы каменной городской архитектуры и воплощали их в своих домах. Домашняя утварь в доме середняка свидетельствовала об отходничестве и связях Карелии с рынками России и Финляндии, развитии капиталистических отношений в деревне. Прежде всего к ним относились изделия фабричного производства, например изящные дорогие сервизы, резные, богато украшенные настенные часы, самовар, серванты для хранения посуды и др. Массовое распространение отходничества экскурсовод мог подчеркнуть с помощью народной поговорки, бытовавшей в конце XIX в.: «От каждого порога к Питеру дорога»[1102].

Методическая разработка к обзорной экскурсии 1990 г. предлагала несколько иной подход к показу усадьбы крестьянина-середняка. Архитектурные особенности памятника, совершенство пропорций, красота и лаконичность декоративных элементов должны были указать туристам на высокий уровень духовной культуры заонежских крестьян. Внутренне убранство дома характеризовалось как традиционное, органичное, целесообразное. В хозяйственной части дома, в сарае на втором этаже, был оборудован тематический интерьер, посвященный традиционным средствам передвижения в Заонежье и их изготовлению. Находясь в этой части музейного пространства, экскурсовод рассказывал об основных путях сообщения в Заонежье, экономических связях с городом, ярмарочной торговле. Особое внимание уделялось декоративным элементам, украшавшим сани и лодки и содержавшим традиционные орнаменты, истоки которых следовало искать в дохристианских временах[1103]. Рассказ о языческих символах

[1101] Гущина В. А. Материалы к фотовыставке «Дому Елизарова — 100 лет» (1980 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1666. Л. 8.
[1102] Солонен В. А. Материалы к экскурсии «Комплексы крестьянских хозяйств в экспозиции Кижского музея и социально-экономический уклад заонежской деревни во второй половине XIX — начале XX в.» (1976 г.). Л. 10.
[1103] Куликова М. Ф. Методическая разработка к экскурсии на тему «Материальная и духовная культура русских Заонежья» (1990 г.). Л. 21–22.

в орнаментах резьбы, росписи и вышивке становился логическим переходом к раскрытию темы о демонологических представлениях крестьян, особенностях их религиозного сознания, в котором непротиворечиво уживались христианские таинства и языческие обычаи. Местом обитания духов крестьяне считали баню, именно в бане, расположенной на берегу озера у дома Елизарова, перевезенной из заонежской деревни Усть-Яндомы, экскурсовод продолжал свое повествование о магии и сверхъестественных существах[1104]. В соответствии с целью экскурсии на примере усадьбы Елизарова раскрывались богатство и глубина духовной жизни заонежских крестьян, находившие выражение в разнообразных обрядах и традициях, декоративно-прикладном искусстве и архитектуре.

Самым эффектным по масштабам и архитектурным особенностям памятником, входящим в состав экспозиционного комплекса «Заонежская деревня», была усадьба зажиточного крестьянина Ошевнева. Именно с перевозки в 1951 г. и реставрации на новом месте в 1951–1958 гг. этого памятника начинался архитектурный музей. Через 10 лет после появления дома на острове, в 1961 г., в его внутренних помещениях были оборудованы интерьеры, чуть позже усадьба обзавелась целым рядом перевезенных на остров традиционных хозяйственных построек: амбарами, мельницами, банями. Таким образом, для того чтобы дом зажиточного крестьянина Ошевнева оброс соответствующими хозяйственными строениями, а во всех основных помещениях были оборудованы интерьеры, потребовалось в общей сложности 25 лет (1951–1976 гг.)[1105].

До появления в экспозиции дома крестьянина-бедняка в 1975 г. рассказ экскурсовода о памятниках гражданской архитектуры начинался с показа дома Ошевнева. В путеводителе по музею 1957 г. дом Ошевнева был охарактеризован как типичный образец крестьянского жилого дома в Заонежье, архитектурные черты которого обуславливались природными условиями и особенностями дореволюционного быта. Отмечалось, что общее конструкторское решение, основанное на вековых традициях северного деревянного зодчества, представляло огромный интерес. Нарядное декоративное убранство дома, навеянное городской архитектурой, было лишь дополнением к общему монументальному виду сооружения[1106]. В экскурсиях 1960-х — начала 1970-х гг. преобладала именно эта линия повествования: основными темами в рассказе экскурсовода были архитектурные особенности дома, характеристика социально-экономических явлений, приведших к появлению элементов городской архитектуры в убранстве дома (возникновение капиталистических отношений, отходничество и др.), раскрытие особенностей патриархального, традиционного уклада жизни заонежских крестьян на примере

[1104] Там же. Л. 22.
[1105] Гущина В. А. Из истории построения основной экспозиции музея «Кижи» и отражения в ней вопросов социально-классового расслоения крестьянства в конце XIX — нач. XX вв. (1976 г.). Л. 1.
[1106] Кижский погост: Путеводитель. С. 24.

интерьеров.

После издания постановлений Коллегии Министерства культуры КАССР 1974–1975 гг. об усилении классовой направленности в показе архитектурных памятников в музее «Кижи» вектор повествования переместился в сторону репрезентации классовых различий в крестьянской среде и социально-исторических процессов в пореформенной деревне. Рассказ об усадьбе зажиточного крестьянина предлагалось начать с высказывания старого маслодела, цитируемого В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России», о расслоении крестьянства: «Кто видал и знает современную деревню, да припоминает деревню 40–50 лет тому назад, тот поразится их различием. В старых деревнях дома всех крестьян были однообразные, и по наружному виду, и по внутренней отделке? Теперь же рядом с лачугами стоят расписные хоромы, рядом с нищими живут богатые, рядом с униженными и оскорбленными — пирующие и ликующие»[1107]. Разговор на эту тему начинался снаружи дома, размеры которого, богатое архитектурное убранство, состав усадьбы свидетельствовали о зажиточности хозяина. Размах музейной усадьбы зажиточного крестьянина ярко контрастировал со скромным по объему хозяйством бедняка, наглядно подтверждая слова экскурсовода.

Отличительной особенностью дома Ошевнева и показателем зажиточности его хозяина было наличие парадных помещений — залы и горницы. Они располагались на втором этаже дома, были обставлены дорогой городской мебелью, украшены предметами декора. В горнице располагались диван, пышно застеленная кровать, сундуки. Стол и стулья, выполненные местными мастерами, были украшены резьбой. На их примере экскурсовод отмечал принцип сочетания красоты и утилитарности в бытовых крестьянских предметах[1108]. В хозяйственных помещениях дома экскурсанты могли познакомиться с орудиями труда, основными промыслами и занятиями крестьян. Бедняки и середняки пользовались, главным образом, предметами быта, изготовленными в собственном хозяйстве. Самодельные предметы можно было увидеть, например, в доме Щепина, так как хозяин не имел средств приобрести их на рынке. Зажиточные семьи приобретали необходимые в хозяйстве вещи и инструменты на ярмарках и в городе[1109], таких предметов было достаточно в интерьерах домов Ошевнева и Елизарова.

Несмотря на большое количество предметов, свидетельствовавших о зажиточности хозяев, орудия труда, которыми пользовались крестьяне независимо от их материального положения,

---

[1107] Солонен В. А. Методическая разработка на тему «Обзорная экскурсия по экспозиции музея-заповедника “Кижи”» (1976 г.). Л. 28; Солонен В. А. Материалы к экскурсии «Комплексы крестьянских хозяйств в экспозиции Кижского музея и социально-экономический уклад заонежской деревни во второй половине XIX — начале XX в.» (1976 г.). Л. 11; Ленин В. И. Развитие капитализма в России. С. 278.

[1108] Солонен В. А. Материалы к экскурсии «Комплексы крестьянских хозяйств в экспозиции Кижского музея и социально-экономический уклад Заонежской деревни во второй половине XIX — начале XX в.» (1976 г.). Л. 12.

[1109] Никулина Т. В. Указ. соч. Л. 6.

оставались традиционными — соха, мотыга, прялка, неизменными были и условия жизни — суровый северный климат, зависимость от урожая, риск остаться без пропитания к наступлению весны. Одним из распространенных приемов в арсенале экскурсоводов была реконструкция. Находясь внутри жилых помещений дома с оборудованными интерьерами, экскурсоводы воссоздавали образную картину дореволюционного быта при помощи конкретных экспонатов. Например, в доме Ошевнева экскурсантам демонстрировались разные приспособления для освещения: светец с лучиной, свечи, керосиновая лампа. Экскурсовод предлагал представить, каково это, выполнять хозяйственные работы или просто отдыхать при свете лучины. Пояснялось, что лучина оставалась единственным средством освещения даже в избе зажиточного крестьянина, керосиновая лампа была очень дорогим удовольствием, ею пользовались только по праздникам[1110]. Таким образом, как и в доме крестьянина-середняка Елизарова, интерьеры в доме Ошевнева использовались для того, чтобы показать тяжелую жизнь крестьян в дореволюционной деревне и при помощи приема контрастного показа обратить внимание экскурсантов на то, как «далеко шагнула вперед советская деревня»[1111]. Эти приемы способствовали передаче одной из основных идей экскурсии — отсталость деревни в Олонецком крае, преодоление которой возможно было только революционным путем.

Во исполнение постановлений Коллегии Министерства культуры КАССР 1974 г. в доме Ошевнева была развернута выставка, отражавшая социальное расслоение крестьян второй половины XIX — начала XX в. На ней было представлено 115 подлинных предметов и вспомогательных документальных материалов. Выставка дополняла интерьерную архитектурно-этнографическую экспозицию и показывала социально-классовую картину в дореволюционной деревне[1112]. Однако контраст между музейным хозяйством зажиточного крестьянина и крестьянина-бедняка и так был достаточно выразительным. Оба дома-памятника с оборудованными в них интерьерами наглядно и красноречиво демонстрировали это социальное явление в пореформенной деревне.

Тем не менее выставка более подробно раскрывала социально-исторический контекст жизни крестьян Олонецкой губернии во второй половине XIX — начале XX в. Малоземельность, техническая отсталость, налоговый гнет, широкое распространение отходничества, переход от натурального хозяйства в мелкотоварное — вот основные черты, характеризовавшие жизнь дореволюционных крестьян. Структура музейного повествования повторяла соответствующую главу в обобщающем труде «Очерки истории Карелии», который также служил историографическим базисом для построения экспозиций Государственного историко-

---

[1110] Зевеке О. К. Принципы и формы рассказа на экскурсиях по экспозиции музея-заповедника «Кижи» (1975 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1533. Л. 4.
[1111] Юдина Л. В. Указ. соч. Л. 12.
[1112] НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 8/128. Л. 3.

краеведческого музея КАССР. Преемственность с «Очерками» можно наблюдать и в оценках социальных процессов в пореформенной деревне Олонецкого края, которые использовали создатели выставки[1113]. В предыдущих главах отмечалось, какую огромную роль «Очерки» играли в концепции системы основных экспозиций Государственного историко-краеведческого музея КАССР, влияние этой монографии прослеживается и в текстах экскурсий, выставок и методичек музея-заповедника «Кижи».

Состав экспонатов не сильно отличался от тех, которые использовались для оформления интерьеров домов-памятников. На стендах и витринах можно было увидеть продукты крестьянских промыслов и ремесел, орудия труда, охоты и рыболовства, а также бытовые предметы, одежду и украшения, которые характеризовали различный уровень благосостояния крестьян. В экспозиции были представлены фотографии крестьянских домов и их обитателей разной степени зажиточности в традиционной повседневной и праздничной одежде. В этикетках и пояснительных текстах нередко можно было встретить употребление слова «кулак», избегать которого старались в текстах путеводителей и методичек к экскурсиям[1114]. Появление его также можно отнести к влиянию на музейные тексты «Очерков истории Карелии», где этот термин употреблялся свободно и довольно часто.

Методическая разработка к обзорной экскурсии 1990 г. предлагала иной подход к показу дома Ошевнева. Традиционным оставался рассказ об архитектурных особенностях дома, социально-экономической характеристике зажиточного крестьянства в Карелии, составе усадьбы и хозяйственных постройках. Когда же туристы переступали порог дома, они погружались в аутентичную обстановку конца XIX — начала XX в., где экскурсовод оживлял для них яркие картины крестьянского быта, рассказывал об обрядах и верованиях, связанных с жилищем. В парадных помещениях дома экскурсанты погружались в атмосферу традиционных праздников и более неформальных молодежных гуляний — «бесёд»[1115]. На примере бытовых предметов, принадлежавших хозяину и хозяйке, туристам преподносился материал о морально-нравственных отношениях в патриархальной семье. Орудия труда могли поведать о распределении хозяйственных обязанностей между каждым ее членом, детские люлька, ходунки, игрушки — о подходах к воспитанию и отношении к детству вообще. Социально-экономические процессы в деревне, политические изменения начала XX в., даже особенности архитектуры крестьянских домов стали контекстом или в какой-то степени поводом к разговору об особенностях крестьянского мировоззрения и психологии.

Сектор «Заонежская деревня», окончательно сформированный в середине 1970-х гг.

[1113] Очерки истории Карелии. Т. 1. С. 277–280.

[1114] Трифонова Л. В. Методическая разработка по теме «Обзорная экскурсия по русскому историко-архитектурному и этнографическому сектору музея-заповедника “Кижи”» (р-н Заонежье) (1980–1982 гг.). Л. 41.

[1115] Куликова М. Ф. Методическая разработка к экскурсии на тему «Материальная и духовная культура русских Заонежья» (1990 г.). Л. 18.

и традиционно посещаемый в ходе обзорных экскурсий по музею, можно назвать наиболее близким к воплощению генерального плана и всего видения музея в начале его проектирования. Процесс становления и развития этого комплекса соотносится и со всей историей музея, профиль которого трансформировался от архитектурного к архитектурно-этнографическому. Тенденции в музейном деле, а также в историографии оказывали влияние на репрезентацию прошлого, конструируемого в рамках заонежского музейного комплекса. Дополнялись и дорабатывались интерьеры, к усадьбам воссоздавались хозяйственные постройки, в пространстве крестьянских домов организовывались новые выставки, но в целом комплекс оставался практически неизменным на протяжении почти двух десятилетий. Несмотря на это подход к интерпретации памятников и рассказу о крестьянской архитектуре и крестьянском быте заметно изменился к концу 1980-х гг., что нашло отражение в текстах экскурсий и методических рекомендациях к ним.

Восприятие экспозиции музея-заповедника «Кижи» (по материалам книг отзывов посетителей)

Роль экскурсовода оказывалась решающей для восприятия экспозиции музея-заповедника «Кижи» в силу особенностей самого музейного показа. Экспозиция представляла собой расположенный на значительной по площади территории острова комплекс архитектурных памятников традиционной крестьянской культуры, самостоятельный осмотр которых без посещения интерьеров и выставок не мог раскрыть всю глубину заложенных в экспозицию идей и смыслов. Рассказ экскурсовода претендовал на формирование определенного взгляда на историю и культуру этноса, этнической группы или населенного пункта, чье прошлое репрезентировалось в музее.

Большинство отзывов посетителей начинались или заканчивались выражением благодарности в адрес экскурсоводов и сотрудников музея. Основные качества экскурсоводов, вызывавшие признательность туристов, — это энтузиазм и доступность представления информации. Так, в книге отзывов, где представлены записи за 1966–1968 гг., восторженные отзывы посетителей относились прежде всего к работе таких выдающихся исследователей истории и культуры Кижского погоста, как В. И. Пулькин, В. А. Гущина, Б. А. Гущин, директора музея В. А. Ниеми и др. Например, группа экскурсоводов Ленинградского экскурсионного бюро с восхищением отзывалась о своем коллеге следующим образом: «Виктор Иванович [Пулькин] еще раз дал почувствовать нам, что значит красивое, волнующее живое слово»[1116], «...истинную радость встречи с большим и настоящим искусством мы испытали благодаря сердечному

[1116] Книга отзывов почетных гостей, иностранных и советских туристов [музея-заповедника «Кижи»] // НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 1/8. Л. 10.

рассказу экскурсовода Николая илларионовича Долголенко...»[1117].

Посетители музея цель своего визита видели именно в получении новых знаний и опыта восприятия культурных ценностей. Один из отзывов был оставлен «Хором старых большевиков г. Ленинграда», в нем подчеркивалась мысль о том, что на исторической пропаганде воспитывалось молодое поколение, а сама пропаганда представлялась авторам отзыва благородным делом[1118]. Пионеры г. Ленинграда, оставившие свою запись на следующей странице книги, выражали благодарность сотрудникам музея за то, что те помогли им «еще глубже понять и полюбить историю нашей Родины»[1119]. За этими отзывами просматривается восприятие традиционного институционального авторитета музея, идеалистически объективно воспроизводящего прошлое.

Основной же целью музейного показа, по мнению советских музееведов, было «воспитание советского патриотизма, любви к своей родине»[1120]. Как было раскрыто выше, эти цели ставились и перед экскурсоводами музея-заповедника «Кижи»: «показать мастерство и талант народных зодчих, вызвать у слушателей чувство патриотизма и гордости за свой народ»[1121], «показать заботу партии и правительства об охране памятников, о сохранении культурного наследия народа и страны»[1122], «воспитывать высокую идейную и политическую сознательность слушателей»[1123]. Отзывы посетителей свидетельствовали, что в большинстве случаев эти цели в ходе экскурсий так или иначе достигались. Посетители покидали остров с чувством глубокого восхищения мастерством заонежских зодчих, гордости за достижения предков[1124]. В отзывах с благодарностью говорилось о заботе властей о сохранении памятников старины, например: «С большой радостью отмечаем, что величайший памятник древнерусского деревянного зодчества Кижи является предметом заботы Управления архитектуры и Министерства культуры Карельской АССР...»[1125]. Некоторые туристы напрямую отмечали роль экскурсоводов в процессе передачи идей советского патриотизма: «экскурсовод Толстых А. А. учит людей любить свою Родину, свой край, его историю»[1126]. Часто можно встретить в отзывах образ острова как сказочного места[1127], воплощенной гармонии человека и природы[1128]. Этот же образ транслировался не только в экскурсиях, но и в художественной литературе и живописи,

---

[1117] Книга отзывов посетителей Кижского заповедника за 1961-1966 гг. // НА РК. Ф. Р-2916. Оп. 1. Д. 30/277а. Л. 35.
[1118] Там же. Л. 29.
[1119] Там же. Л. 29 об.
[1120] Королева А. С. Указ. соч. С. 50.
[1121] Методическая разработка по теме «Памятники народного зодчества в Кижах». Л. 2.
[1122] Юдина Л. В. Указ. соч. Л. 2.
[1123] Куликова М. Ф. «История создания музея-заповедника “Кижи”»: Методическая разработка к лекции (1983 г.) // НА МК. Ф.1. Оп. 3. Д. 1563. Л. 2.
[1124] Книга отзывов посетителей [музея-заповедника «Кижи»] за 1983–1986 гг. // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2652. Л. 4, 7, 15; Книга отзывов посетителей Кижского заповедника за 1961-1966 гг. Л. 15.
[1125] Книга отзывов посетителей Кижского заповедника за 1957-1960 гг. // НА РК. Ф. Р-2619. Оп. 1. Д. 21/205а. Л. 42.
[1126] Там же. Л. 46.
[1127] Книга отзывов почетных гостей, иностранных и советских туристов [музея-заповедника «Кижи»]. Л. 7.
[1128] Книга отзывов посетителей [музея-заповедника «Кижи»] за 1983–1986 гг. Л. 60.

сюжетным центром которых был остров «Кижи».

Критические отзывы в книгах можно встретить нечасто. В основном критике подвергались личные и профессиональные качества самого экскурсовода, а также организация туристического обслуживания в музее. Критические отзывы составлялись в большинстве своем отдельными людьми, тогда как большинство отзывов были коллективными, групповыми. Критика относилась к организационной части музейной экскурсии: «Что же сказать о достопримечательностях? К сожалению, сказать нечего, так как все закрыто по случаю съемок кинофильма»[1129], «...жаль, что братская могила находится в таком запущенном состоянии. Неужели нельзя посадить цветы? Хотя бы траву?»[1130] или: «...меня нигде не покормили, а у меня двое детей»[1131]. Критиковалась и работа реставраторов памятников деревянного зодчества: «Бросается в глаза, что реставраторы не с душой отнеслись к восстановлению памятников старины, особенно в Преображенской церкви»[1132]. В книгах отзывов практически отсутствуют записи, где выражалось бы несогласие с интерпретацией того или иного исторического события. Однако бывали и исключения, в которых звучал протест против подчеркнуто критического подхода к освещению роли православия в развитии культуры Карелии и духовного назначения исторических памятников Кижского погоста — главных экспонатов музея-заповедника. Так, турист, посетивший музей в 1970 г. и подписавшийся как «Философ с парохода “Орджоникидзе”», оставил следующий отзыв: «Без веры жить невозможно. Она фундамент, делающий здание жизни устойчивым, спасающим от катастроф»[1133]. Одним из сотрудников музея рядом с отзывом карандашом был написан комментарий: «Крик идеалиста, проповедника поповщины»[1134]. Комментирование отзывов в книге со стороны музейных сотрудников было довольно распространенной практикой «обезвреживания» идеологически чуждых, некорректных мнений или острой критики. Еще один посетитель в 1970 г. прокомментировал свой визит следующим образом: «Побывав здесь, еще яснее понял, как ужасна для человека потеря Бога»[1135]. Таким образом, только в двух отзывах присутствовал намек на протест против интерпретации экскурсоводом исторического процесса. Оставившие эти отзывы посетители увидели противоречие между подчеркнуто критическим подходом к освещению роли православия в развитии культуры Карелии и духовым назначением исторических памятников Кижского погоста — главных экспонатов музея-заповедника.

Эмоциональный мир человека не всегда возможно облечь в подходящие по смыслу слова для

[1129] Книга отзывов посетителей [музея-заповедника «Кижи»] за 1970 г. // НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 3/49. Л. 39 об.
[1130] Книга отзывов посетителей [музея-заповедника «Кижи»] за 1983–1986 гг. Л. 35.
[1131] Там же. Л. 40.
[1132] Книга отзывов посетителей Кижского заповедника за 1961-1966 гг. Л. 43.
[1133] Книга отзывов посетителей [музея-заповедника «Кижи»] за 1970 г. Л. 32 об.
[1134] Там же.
[1135] Там же. Л. 4.

того, чтобы описать чувства и впечатления. Посетители музея постоянно сталкивались с данной проблемой, о чем говорит употребление одних и тех же эпитетов, описывающих их эмоциональное состояние после окончания экскурсии («восхищены», «впечатлены», «искренне благодарны» и т. д.), и индикаторов, относящихся к самому острову («красота», «красотища», «памятник старины», «удивительный памятник», «памятник прошлого» и т. д.). Опыт, который переживают экскурсанты, можно описать как субъективный исторический опыт, характеризовавшийся соприкосновением с живой историей, «аурой утраченного мира»[1136]. Однако личные впечатления от этого соприкосновения сливались воедино с впечатлениями других, превращаясь в шаблонные фразы благодарности и восхищения, в силу коллективизма, отличающего отзывы советских туристов.

***

Таким образом, в 1950–1970-е гг. происходило становление нового музея, велась кропотливая работа по планированию экспозиции, осуществлялось научное и творческое осмысление путей его развития. В то же время музей проводил активную экскурсионную работу. Возросшая популярность музея приводила к резкому увеличению туристического потока. Экскурсионная работа способствовала воспитанию граждан в духе патриотизма и гордости за достижения предков, развитию эстетического вкуса и решала эти задачи в рамках принятой историографической модели. В дискуссиях специалистов музейного дела, архитекторов, искусствоведов рождался новый уникальный музей под открытым небом.

В 1980-е гг. формирование этнографических экспозиционных секторов, намеченных генеральным планом развития музея, практически остановилось. Экстенсивное пополнение экспозиции новыми памятниками уступило место интенсивному улучшению существующих экспозиционных комплексов, прежде всего заонежских историко-архитектурных и этнографических секторов, а также сохранению и консервации памятников архитектуры — экспонатов музея. Экскурсионная работа в этот период проводилась по методическим лекалам 1970-х гг., основные установки в показе памятников не претерпели существенных изменений.

Конец 1980-х гг. ознаменовался созданием ТЭПов новых экспозиционных секторов: пудожского, карельского, вепсского. Недостаток финансирования, огромный объем работ по реставрации и сохранению уже существовавших на острове-музее памятников, а также нараставший кризис в советской историографии и обществе в целом привели к тому, что эти музейные экспозиции так и остались на бумаге. В начале 1990-х гг. наметился новый подход к репрезентации экспозиционных комплексов музея, который характеризовался обращением к духовному миру человека прошлого, репрезентацией его представлений о природе, обществе,

[1136] Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. С. 368.

семейно-нравственных отношениях. В то же время можно было наблюдать возвращение к «безопасной гавани» эстетического и искусствоведческого подхода к интерпретации памятников, который был характерен на начальном этапе существования музея в 1950-е гг.

Музей-заповедник «Кижи», уникальный музей под открытым небом, прошедший необычайный путь, начавшийся с охраны памятников Кижского погоста и завершившийся превращением острова в сокровищницу деревянного зодчества, признанную объектом всемирного значения. Огромная организационная, собирательская, экспозиционная работа сотрудников музея, кропотливый труд реставраторов не только вдохнули жизнь в каждый памятник, перевезенный на остров, но и заложили основу для сегодняшней успешной деятельности музея.

Заключение

Государственные музеи Карелии играли значительную роль в сохранении и актуализации историко-культурного наследия Карелии. В рассматриваемый период 1950–1980-х гг. они активно участвовали в формировании позитивного образа Карелии как развитой в экономическом и культурном плане республики. Для внешних потребителей музейного продукта они являлись своеобразной визитной карточкой республики и ее столицы г. Петрозаводска. Музеи позиционировали Карелию как регион, игравший значительную роль в истории страны, вносящий весомый экономический вклад в благосостояние Советского государства, доказывая эти тезисы с помощью музейного повествования. Музеи утверждали в локальном сообществе чувство гордости за достижения предков, объявляли советских граждан, современных жителей Карелии, полноправными наследниками этих достижений.

В ходе исследования была определена роль советских музеев исторического профиля в процессе формирования идентичности граждан. Установлено, что музеи выступали одним из ключевых институтов политики памяти и социализации. Посредством экспозиционной и экскурсионной деятельности они транслировали официальную версию истории, закрепляли представление о развитии исторического процесса как последовательной смены общественно-экономических формаций и, соответственно, утверждали идею о закономерном переходе к коммунистической формации, тем самым укрепляя советскую идентичность. Это подтверждается анализом методических документов, в которых прямо формулировались воспитательные задачи музейной работы, а также книг отзывов, фиксировавших возникавшие у посетителей после знакомства с экспозициями чувства патриотизма, гордости за родной край и приверженности социалистическим ценностям (уважении к труду, дружбе народов и др.).

Для раскрытия и более полного использования информационного потенциала исторических музейных экспозиций как исторических источников на основе нарративного подхода была разработана методика анализа ТЭПов, методических разработок к экскурсиям и др. документов, в которых зафиксирован исторический нарратив, создаваемый музеями. Ее применение позволило выявить устойчивые смысловые конструкции, приемы идеологического кодирования и механизмы направленного формирования зрительских интерпретаций. Процедура анализа, адаптированная к синтетической природе музейного текста (сочетающего вербальные,

визуальные и предметные компоненты), подтвердила эвристическую ценность исторических музейных экспозиций для историографических и исторических исследований.

Характеристика развития музейного дела и государственной политики в области музейного дела в СССР в 1950–1980-е гг. показала, что деятельность музеев была встроена в систему идеологического воспитания. Нормативно-методическая база деятельности советских музеев закрепляла приоритет идейности, партийности и реализации культурно-просветительской функции над научно-исследовательскими задачами музеев. Эволюция экспозиционной практики отражала как общесоюзные тенденции, так и региональные особенности: от текстово-центричного нарратива 1950-х гг. к более «предметным» экспозициям в 1960–1980-х гг., усилению роли подлинных предметов, мемориальных вещей и документальных материалов, а также внедрению новых технических средств репрезентации.

Выявлена степень влияния тенденций в общественно-политической жизни советского государства на конструируемое в экспозициях историческое повествование. Оценочные рамки восприятия экспозиционных комплексов задавались как цитатами классиков марксизма-ленинизма, руководителей страны и партийных деятелей, так и партийными документами, материалами съездов КПСС, программами партии. Они выполняли функцию идеологического каркаса. При этом отдельные сюжеты корректировались в соответствии с политической повесткой. Жизненный цикл экспозиций во многом зависел от общественно-политических трансформаций: например, экспозиции историко-краеведческого музея, созданные на излете одной эпохи, быстро устаревали и требовали корректировки, тогда как экспозиция 1967 г., соответствовавшая устойчивому периоду брежневской эпохи, оказалась наиболее долговечной.

Музейный нарратив последовательно опирался на господствующую историографическую парадигму. В основе содержательного наполнения экспозиций лежали обобщающие труды по истории СССР и коммунистической партии, а также результаты исследований историков, специализировавшихся на изучении проблем, связанных с историей Карелии. Анализ форм взаимодействия музеев и исторического сообщества показал, что экспозиционная работа строилась в том числе на сотрудничестве между авторами экспозиций и профессиональными историками. Участие ученых-историков в проектировании экспозиций заключалось не только в написании рецензий и составлении рекомендаций к проектам ТЭПов, но и в живом диалоге между специалистами на заседаниях научно-методических советов музеев. В то же время авторы экспозиций оставляли за собой право принятия окончательного решения, как показывать то или иное событие и явление прошлого, оставаясь, однако, в рамках заданной «системы координат».

Методические рекомендации, типовые каноны подачи материала и единые подходы к комплектованию фондов способствовали тиражированию стандартизированных нарративов, во

многом ограничивая возможности научного и творческого поиска экспозиционеров. В то же время усиление регионального компонента, происходившее с 1960-х гг., позволило придать музейным показам большую многогранность и самобытность.

На материалах ТЭПов, методических рекомендаций к экскурсиям и книг отзывов продемонстрировано влияние музейных исторических репрезентаций на формирование идентичности советских граждан. В Государственном историко-краеведческом музее КАССР ключевую легитимирующую функцию выполняли разделы, посвященные Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войнам, обосновывавшие ведущую роль коммунистической партии и демонстрировавшие историческую закономерность утверждения советской власти. В свою очередь экспозиционные комплексы по дореволюционной истории демонстрировали контраст между Карелией как отсталой окраиной царской России и динамично развивающейся социалистической республикой после победы советской власти. В государственном историко-архитектурном и этнографическом музее-заповеднике «Кижи» экскурсионный нарратив объединял памятники разных эпох, созданные представителями разных этносов и для разных целей, в единое полотно, подчеркивая талант и мастерство народных зодчих, преемственность народного характера и боевых традиций, что способствовало утверждению советской идентичности.

К концу 1980-х — началу 1990-х гг. обозначился кризис легитимирующей функции исторического нарратива, конструируемого в музейных экспозициях: попытки привести содержание экспозиций в соответствие с актуальными общественно-политическими тенденциями не выходили за рамки официальной риторики и отставали от растущего общественного запроса на раскрытие «белых пятен» дореволюционной и новейшей истории. Обозначившийся к середине 1980-х гг. кризис в советской исторической науке, традиционно выступавшей одной из опор, на которых строились исторические музейные экспозиции, также предопределил потерю музейными историческими нарративами своей актуальности.

Полученные выводы позволяют подчеркнуть роль музея в качестве агента социализации в советском обществе и охарактеризовать экспозиционные стратегии, использовавшиеся музеями для формирования советской идентичности. Результаты исследования имеют теоретическое и практическое значение для понимания механизмов политики памяти, проводимой в СССР в 1950-е — 1980-е гг., в институциональном измерении.

В дальнейшем разработка исследовательской проблемы, связанной с формированием идентичности различных сообществ с помощью исторических музейных экспозиций, может быть направлена на сравнительное изучение музейных экспозиций российских и зарубежных музеев. Кросскультурные междисциплинарные исследования исторических нарративов, конструируемых в музеях, позволят выявить общие черты и различия во взаимодействии власти

и общества с исторической памятью, а также влияние, оказываемое на этот процесс социально-политическими и культурными особенностями разных стран. Перспективной также представляется исследовательская задача, связанная с изучением экспозиций современных региональных музеев России. Анализ экспозиций современных музеев предполагает, например, ответы на следующие вопросы: какие идеи транслируются современными экспозиционерами посредством исторических музейных повествований, какие идентичности формируются у посетителей региональных музеев, существует ли конкуренция между различными историческими нарративами, проявляется ли тенденция к унификации современных российских музейных повествований. Разработка указанных вопросов представляется важной, так как поможет понять отношение современного общества к прошлому, а также определить место музеев в процессе формирования идентичности современного россиянина.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

Неопубликованные

Научный архив Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи» (далее — НА МК).

Ф. 1. Оп. 3. Д. 1243, 2301, 3425, 4406.

Научный архив Национального музея Республики Карелия (далее — НА НМ РК).

Ф. 1. Оп. 1. Д. 124. 632, 1604, 4748.

Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК).

Ф. Р-630. «Министерство образования Республики Карелия». Оп. 1. Д. 1179.

Ф. Р-690. «Совет Министров Республики Карелия». Оп. 11. Д. 452, 935, 1067, 2062.

Ф. Р-1046. «Карельский государственный краеведческий музей». Оп. 3. Д. 1/3, 1/5, 2/26, 2/28, 3/33, 3/35, 3/36, 3/40, 4/51, 5/80, 5/81, 7/106, 8/117, 8/118, 8/127, 11/151, 12/155, 12/158, 12/159, 15/178, 13/166, 14/175, 15/178, 15/179, 15/181, 15/183, 17/196, 19/213, 19/214, 20/224, 20/225, 21/249, 22/264, 23/278.

Ф. Р-1394. «Совет министров КФССР». Оп. 3. Д. 137/1045.

Ф. Р-3017. «Министерство культуры Республики Карелия». Оп. 1. Д. 188/1252, 190/1264.

Ф. Р-3474. «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник “Кижи”». Оп. 1. Д. 1/1, 1/5, 1/6, 1/11, 1/22, 2/33, 6/69, 6/99, 6/102, 7/111, 7/112, 8/128.

1. Байер О. Н. Пропаганда научного атеизма в экскурсиях музея «Кижи» (1976 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1535.

2. Беляев А. Т. ТЭП развития музея «Кижи» до 1980 г. по линии деревень Ямка—Васильево (1972 г.) / А. Т. Беляев, В. А. Гущина // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2053.

3. Витухновская М. А. Древнерусская живопись Карелии»: Методическая разработка к экскурсии (1977 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1540.

4. Вичурина П. П. Методические рекомендации к экскурсии по отделу «Великая Отечественная война и участие в ней карело-финского народа» (1948 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30.

5. Воробьев Н. В. Методическое пособие в помощь экскурсоводу «Кижский архитектурно-бытовой музей-заповедник» (1962 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 959. Л. 28–43.

6. Воробьев Н. В. ТЭП «История нашего края (Заонежье)» (1961 г.) // НМ МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4117.

7. Воспоминания бывшего директора музея В. А. Ниеми // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 958. Л. 1–7.

8. Гурвич Л. И. Методические рекомендации к обзорной экскурсии по музею «Кижи» для работы с иностранными туристами (1979 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1547.

9. Гущин Б. А. Заонежская деревня XIX в. (д. Ямка на о. Кижи): Материалы к экскурсии (1974 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1527.

10. Гущин Б. А. Из истории создания архитектурно–этнографической экспозиции музея «Кижи» ([2005 г.]) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4483

11. Гущин Б. А. Использование памятников архитектуры и живописи культового назначения в антирелигиозной пропаганде (1974 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1528. Л. 6–7.

12. Гущин Б. А. ТЭП выставки «200 лет Кижского восстания» (1969 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4121.

13. Гущин Б. А. ТЭП дома Елизарова (1969 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4123.

14. Гущина В. А. Из истории построения основной экспозиции музея «Кижи» и отражения в ней вопросов социально–классового расслоения крестьянства в конце XIX — нач. XX вв. (1976 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2359. Л. 1–16.

15. Гущина В. А. Материал к экскурсии по выставке «Кижское восстание» 1769–1771 гг. (1973 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1522.

16. Гущина В. А. Материалы к фотовыставке «Дому Елизарова — 100 лет» (1980 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1666.

17. Гущина В. А. Наши предложения по созданию комплексов крестьянских усадеб на о. Кижи (1972 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2206.

18. Гущина В. А. Предложения по созданию экспозиции и организации экскурсионных маршрутов в Кижском музее (1969 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2202. Л. 1–3.

19. Гущина В. А. Справочное пособие «Использование устного народного творчества в обзорной экскурсии по музею “Кижи” на примере памятников гражданского назначения» (1975 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2208.

20. Гущина В. А. ТЭП архитектурно-этнографического сектора «Вепсы» (1983 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 948.

21. Долголенко Н. И. Воспоминания к 25-летию музея-заповедника «Кижи» (1990 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 957. Л. 4–5.

22. Зевеке О. К. Принципы и формы рассказа на экскурсиях по экспозиции музея-заповедника «Кижи» (1975 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1533.

23. Книга отзывов посетителей Кижского заповедника за 1957-1960 гг. // НА РК. Ф. Р-2619. Оп. 1. Д. 21/205а.

24. Книга отзывов посетителей Кижского заповедника за 1961-1966 гг. // НА РК. Ф. Р-2916. Оп. 1. Д. 30/277а.

25. Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КФССР] за 1952–1954 гг. // НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 1. Д. 1/4г.

26. Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КФССР (КАССР)] за 1955–1958 гг. // НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 1. Д. 1/6.

27. Книга отзывов[посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1960 г. // НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 1. Д. 2/18.

28. Книга отзывов за [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] 1967–1968 гг. // НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 1. Д. 2/24.

29. Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1970-1971 гг. // НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 1. Д. 2/27.

30. Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1972 г. // НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 20/228.

31. Книга отзывов [посетителей Государственного историко-краеведческого музея КАССР] за 1985-1989 гг. // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3563.

32. Книга отзывов посетителей [музея-заповедника «Кижи»] за 1970 г. // НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 3/49.

33. Книга отзывов посетителей [музея-заповедника «Кижи»] за 1983–1986 гг. // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2652.

34. Книга отзывов почетных гостей, иностранных и советских туристов [музея-заповедника «Кижи»] // НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 1/8.

35. Кожарина Н. М. Тематическая разработка экскурсии по теме «Архитектура и интерьер крестьянского жилища в Заонежье в конце XIX — нач. XX в.» (1964 г.) // НА НМ РК. Фонд музея. Оп. 1. Д. 1217.

36. Кондратьев В. Г. Экспозиции по истории Советской Карелии в КГКМ ([1989 г.]) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 762.

37. Куликова М. Ф. «История создания музея–заповедника “Кижи”»: Методическая разработка к лекции (1983 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1563.

38. Куликова М. Ф. Методическая разработка экскурсии по теме «Материальная культура Пудожского края» (1988 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1583.

39. Куликова М. Ф. Методическая разработка к экскурсии на тему «Материальная и духовная культура русских Заонежья» (1990 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1586.

40. Минин Н. М. Методическая разработка к экскурсии по теме «Боевая деятельность партизан и подпольщиков КФССР в Великой Отечественной войне» (1949 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36.

41. Муравьева Т. Т. Атеистическая направленность в экскурсии: Сообщение

на конференции по атеизму (1982 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1562.

42. Научная концепция экспозиции «История дореволюционной Карелии» / Сост. А. Д. Рылеева, Л. И. Капуста (1986 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 523.

43. Научная концепция экспозиции «История Советской Карелии» (1987 г.) / [Сост. Н. А. Гроссман, А. И. Грибушин] // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 525.

44. Никулина Т. В. Социальная направленность в рассказе о быте крестьян Заонежья: Материалы к экскурсии // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1529. Л. 1–6.

45. Об общегосударственном историческом материале в экспозициях краеведческих музеев: Инструкционное письмо / Составит. П. И. Галкина, З. А. Огризко // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3991.

46. Рылеева А. Д. Атеистическая пропаганда на материалах экспозиции «История дореволюционной Карелии» Государственного историко-краеведческого музея КАССР (1984 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 440.

47. Солонен В. А. Материалы к экскурсии «Комплексы крестьянских хозяйств в экспозиции Кижского музея и социально—экономический уклад Заонежской деревни во второй половине XIX — начале XX в. (1976 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1079.

48. Солонен В. А. Методическая разработка на тему «Обзорная экскурсия по экспозиции музея–заповедника «Кижи» (1976 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1534.

49. Солонен В. А. Методическая разработка экскурсии по теме «Партизаны и подпольщики Заонежья в годы ВОВ» (1985 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1571.

50. Солонен В. А. Методические рекомендации по обзорной экскурсии по экспозиции музея–заповедника «Кижи» для школьников 5–8 классов (1974 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1532.

51. Типовое положение о государственном краеведческом музее союзной, автономной республики, края, области, национального округа, района (1964 г.) // НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 12/155.

52. Трифонова Л. В. Методическая разработка по теме «Обзорная экскурсия по русскому историко-архитектурному и этнографическому сектору музея-заповедника «Кижи» (р-н Заонежье) (1980–1982 гг.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1561.

53. ТЭП «Быт и культура трудящихся Карелии» (1967 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 597.

54. ТЭП выставки «Экскурсионная и методическая работа музея-заповедника Кижи в 1971–1975 гг.» (1975 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2324.

55. ТЭП «Великая Отечественная война и партизанское движение в Карелии» (1983 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 600.

56. ТЭП выставки «Участие Карело-Финской ССР в Великой Отечественной войне» (1952 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106.

57. ТЭП ИСК «Социалистическая экономика и культура КАССР» (1960 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 235.

58. ТЭП «История дореволюционной Карелии» (1950 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24.

59. ТЭП «История Советской Карелии» (1917–1983 гг.) (1983 г.) / А. И. Грибушин, М. Ю. Данков, В. Г. Кондратьев, М. П. Лисютина, Г. П. Пудовкина // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 462.

60. ТЭП «История Советской Карелии (1945–1962 гг.)» (1963 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1437.

61. ТЭП «История Советской Карелии (октябрь 1917–июнь1941 гг.)» (1963 г.) / Сост. Л. Андреев, В. Хапов // НА НМ РК. Ф. 1. Оп.1. Д. 215.

62. ТЭП «Карелия в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) (1967 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 320.

63. ТЭП «Карелия в период довоенных сталинских пятилеток (1928-1940 гг.)» (1952 г.) / Сост. [Яковлев] // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 118.

64. ТЭП «Карелия в период завершения строительства социализма и развернутого строительства коммунизма (1945–1967)» (1967 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3857.

65. ТЭП «Карелия в пореформенный период (1861-1900 гг.)», «Карелия в период империализма в России (1900–1917 гг.)» (1966–1967 гг.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 596.

66. ТЭП отдела «Великая Отечественная война и участие в ней карело-финского народа» (1948 г.) // НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 5/61.

67. ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии с древнейших времен до начала XX века» (1952 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 81.

68. ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» (1960 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 241.

69. ТЭП отдела «Дореволюционное прошлое Карелии» по теме «Карелия в период империализма в России (начало XX в.)» (1963 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 250.

70. ТЭП отдела «История Советской Карелии» (1952 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121.

71. ТЭП отдела «История Советской Карелии. 1917–1987 гг.» (1987 г.) / А. И. Грибушин, В. Г. Кондратьев и др. // НА НМРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 537.

72. ТЭП отдела «История Советской Карелии» по теме «Карелия в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» (1964 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 283.

73. ТЭП отдела «Социалистическое строительство» (1947 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 650.

74. ТЭП раздела «История Карельской АССР» (1960 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240.

75. ТЭП раздела «Карелия в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» (1964 г.) / Сост. И. М. Мулло, Л. А. Андреева // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 283.

76. ТЭП «Социалистическая культура и быт трудящихся КФССР» (1952 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117.

77. ТЭПы I и II разделов отдела «История дореволюционного прошлого Карелии» и документы к ним (1967 г.) // НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322.

78. Юдина Л. В. Методическая разработка по теме «Памятники народного деревянного зодчества в Кижах»: Обзорная экскурсия по экспозиции музея (1972 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1518. Л. 1–16.

Опубликованные

Труды В. И. Ленина, И. В. Сталина, Ф. Энгельса

79. Ленин В. И. Аграрная программ социал-демократии в Первой русской революции // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Изд. 5-е. — Т. 16. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1973. — С. 193-413.

80. Ленин В. И. Доклад о задачах власти Советов // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Изд. 5-е. — Т. 35. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1969. — С. 2–3.

81. Ленин В. И. Доклад Центрального комитета 29 марта: IX съезд РКП(б) 29 марта — 5 апреля 1920 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Изд. 5-е. — Т. 40. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1974. — С. 237–257.

82. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма: Популярный очерк. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. — 230 с.

83. Ленин В. И. Коль война, так по-военному // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Изд. 5-е. — Т. 40. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1974. — С. 123–124.

84. Ленин В. И. Крах II интернационала // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Изд. 5-е. — Т. 26. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1969. — С. 209-265.

85. Ленин В. И. Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Изд. 5-е. — Т. 20. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1973. — С. 171-180.

86. Ленин В. И. О государстве: Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Изд. 5. — Т. 39. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1973. — С. 64-84.

87. Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции // В. И. Ленин: Полное собрание сочинений. — Изд. 5-е. — Т. 31. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1969. — С. 113-118.

88. Ленин В. И. О лозунге превращения империалистической войны в войну гражданскую // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Изд. 5-е. — Т. 26. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1969. — С. 362.

89. Ленин В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права // Ленин В. И.: Полное собрание сочинений. — Изд. 5-е. — Т. 20. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1973. — С. 139-142.

90. Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Изд. 5-е. — Т. 3. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1971. — 791 с.

91. Ленин В. И. Речь на митинге в Бутырском районе 2 августа 1918 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Изд. 5-е. — Т. 37. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1969. — С. 27–29.

92. Сталин И. В. Беседа с немецким писателем Э. Людвигом. 13 декабря 1931 г. // Сталин И. В. Сочинения. — Т. 13. — М.: ОГИЗ: Гос. изд-во полит. лит., 1949. — С. 104–123.

93. Сталин И. В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК ВКП(б): 19 ноября 1928 г. // И. В. Сталин. Сочинения. — Т. 11. — М.: ОГИЗ: Гос. изд-во полит. лит., 1949. — С. 245-290.

94. Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме. — М.: ОГИЗ: Гос. изд-во полит. лит., 1945. — 36 с.

95. Энгельс Ф. Анти-Дюринг: Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. — М.: Политиздат, 1988. — 482 с.

96. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Л. Г. Моргана. — М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. — 243 с.

Материалы партийных органов

97. Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966-1970 годы // XXIII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта — 8 апреля 1966 г. Стеногр. отчет. В 2-х т. — Т. 2. — М.: Политиздат, I966. — С. 321–383.

98. Доклад делегации ВКП(б) в ИККИ на XVIII съезде ВКП(б). Докладчик т. Мануильский // XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стеногр. отчет. — М.: ОГИЗ, 1939. — С. 46–68.

99. Доклад Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева о международном положении и внешней политике Советского Союза на III сессии Верховного Совета СССР

31 октября 1959 г. // Внешняя политика СССР: Док. и материалы. — Вып. IV (октябрь–декабрь 1959 г.). — Б.м., 1959. — С. 217–247.

100. Доклад тов. Н. С. Хрущева «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы» // Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза: 27 января — 5 февраля 1959 года: Стенографический отчет. — Ч. 2. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. — С. 12–120.

101. Маленков Г. М. Отчетный доклад XIX Съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б) 5 окт. 1952 г. — М.: Госполитиздат, 1952. — 108 с.

102. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1981. — 223 с.

103. «О культе личности и его последствиях». Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1956 г. // Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. — С. 51–119.

104. Обсуждение доклада тов. Н. С. Хрущева: речь тов. А. И. Кириченко (Заседание девятое) // Внеочередной XXI съезд КПСС: 27 января — 5 февраля 1959 года: Стеногр. отчет. В 2-х т. — Т. 1. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. — С. 462–479.

105. Обсуждение доклада тов. Н. С. Хрущева: речь тов. Е. А. Фурцевой (Заседание 5-е) // Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза: 27 января — 5 февраля 1959 года: Стеногр. отчет. В 2-х т. — Т. 1. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. — С. 262–275.

106. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Первого секретаря ЦК товарища Л. И. Брежнева // XXIII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта —8 апреля 1966 г. — Стеногр. отчет. В 2-х т. — Т. 1. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1966. — С. 18–110.

107. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК товарища Л. И. Брежнева // КПСС. Съезд XXIV. Стенографический отчет. 30 марта — 9 апреля 1971 г. В 2-х т. — Т. 1. — М.: Политиздат, 1971. — С. 26-132.

108. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII Съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева // XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля — 6 марта 1986 года: Стеногр. отчет. В 2-х т. — Т. 1. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1986. — С. 23–122.

109. Постановление пленума ЦК КПСС 24–29 июня 1959 г. «О работе партийных и советских организаций и Советов Народного хозяйства по выполнению решений XXI съезда КПСС об ускорении технического прогресса в промышленности и строительстве» //

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). — Т. 9. 1956–1960. — Изд. 9-е, доп. и испр. — М.: Политиздат, 1986. — С. 436–466.

110. Постановление Президиума ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему ознаменованию и популяризации первого полета советского человека в космос». 26 апреля 1961 г. // Первый пилотируемый полет. Российская космонавтика в архивных документах: В 2 кн. — Кн. 2. — М.: Родина МЕДИА, 2011. — С. 27–29.

111. Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации». 27 января 1945 г. // Документы и материалы по истории башкирского народа (1941–1985). — Уфа, 2012. — С. 107-110.

112. Постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях (9 января 1960 г.) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). — Т. 9. 1956–1960. — Изд. 9-е, доп. и испр. — М.: Политиздат, 1986. — С. 491–511.

113. Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Госполитиздат, 1961. — 144 с.

114. Программа Коммунистической партии Советского Союза. [1961 г.] // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. — Т. III. — М., 1962. — С. 229-335.

115. Программа коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция // Материалы XXVII съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1986. — С. 554-622.

116. Резолюция XVIII Съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова // XVIII Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) 10–21 марта 1939 г.: Стеногр. отчет. — М.: ОГИЗ: Гос. изд-во полит. лит., 1939. — С. 648–667.

117. Речь Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова на пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 г. // Материалы пленума Центрального комитета КПСС 22 ноября 1982 года. — М.: Гос. изд-во полит. лит. 1982. — С. 6–24.

118. Речь тов. А. И. Микояна (Заседание шестое) // XX съезд Коммунистической партии Советского Союза: 14–25 февраля 1956 года: Стеногр. отчет. В 2-х т. — Т. 1. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. — С. 301–328.

119. Речь тов. Патиашвили Д. И., первого секретаря ЦК Компарии Грузии // XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля — 6 марта 1986 года: Стеногр. отчет. В 2-х т. — Т. 1. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1986. — С. 163–169.

120. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. за 50 лет. — Т. 6.: 1966 — январь–июнь 1968 гг. — М.: Политиздат, 1968. — 816 с.

121. Шестьдесят лет СССР: Доклад [Ю. В. Андропова] на совместном торжественном заседании Центрального комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1982 года // Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1983. —С. 5–19.

Историографические источники

122. 1905 год в Карелии: сборник / Комис. по проведению 20-тилетия 1905 г. при ЦИК АКССР; под ред.: П. И. Буткевича и [др.]. — Петрозаводск: Тип. Каргосиздата им. П. Ф. Анохина, 1926. — 179 с.

123. Алексеев В. А. Панфинско-лютеранский поход финляндцев на православную Карелию. — СПб: Государственная типография, 1910. — 107 с.

124. Балагуров Я. А. Кижское восстание 1769–1771. — Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1969. — 95 с.

125. Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. — Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1962. — 351 с.

126. Балагуров Я. А. Развитие советской исторической науки в Карело-Финской ССР // Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти. — Петрозаводск, 1948. — С. 70–83.

127. Балагуров Я. А. Расслоение Олонецких приписных крестьян в первой половине XIX в. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — Петрозаводск, 1958. — Т. 7. — Вып. 1. — С. 3-23.

128. Балагуров Я. А. Расслоение олонецких приписных крестьян во второй половине XVIII столетия // Вопросы истории Карелии. — Петрозаводск: Госиздат, 1958. — С. 14-34.

129. Богданова Г. Н. К вопросу об имущественном и социальном расслоении крестьянства Карелии во второй половине XVIII века // Вопросы истории Карелии. — Петрозаводск: Госиздат, 1958. — С. 35-49.

130. Борисов А. Д. Освобождение Советской Карелии (1944 год). — М.: Военное изд-во Мин-ва обороны СССР, 1956. — 100 с.

131. Брюсов А. Я. История древней Карелии / Под ред. Г. Г. Бережного. — М.: Изд. гос. истор. музея, 1940. — 320 с.

132. Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. — Петрозаводск.: Гос. изд-во КФССР, 1947. — 52 с.

133. Гардин Е. С. Некоторые вопросы научной разработки истории Карелии // Природные ресурсы и культура Карело-Финской ССР: Труды первой научной сессии Карело-Финского гос.

университета, 12-15 мая 1947 г. — Вып. 1, секция гуманитарных наук. — Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1949. — С. 33-44.

134. Глаголева А. П. Олонецкие горные заводы в первой четверти XVIII в. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 255 с.

135. Гринер Д. А. Из истории Мурмана и Мурманской (Кировской железной дороги) // Летопись Севера. — Т. 1. — М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. — С. 175-188.

136. Гурвич Э. Что такое военно-феодальный империализм в царской России // Исторический журнал. — 1940. — № 2. — С. 131-141.

137. Гурина Н. Н. К вопросу о лабиринтах Беломорья / Н. Н. Гурина // Археологический сборник. — Петрозаводск, 1947. — С. 86–93.

138. Данилова Л. В. К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС: История СССР: Сборник статей. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — С. 37–90.

139. Дружинин Н. О периодизации истории капиталистических отношений в России // Вопросы истории. — 1949. — № 11. — С. 90-106.

140. Иностранцев А. А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера: (с 122 политипажами в тексте, 2 литографиями и 12 таблицами фототипий). — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1882. — XVIII, 241 с.

141. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: В 6 т. — Т. 1, Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. — М.: Воениздат, 1960. — 531 с.

142. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). — М.: Правда, 1938. — 351с.

143. История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века / [А. Я. Брюсов и др.]; под ред. А. Я. Брюсова; Карело-фин. фил. АН СССР, Ин-т истории, яз. и лит. — Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1952. — 481 с.

144. История Коммунистической партии Советского Союза / Сост. Б. Н. Пономарев, И. М. Волков, М. С. Волин и др. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. — 743 с.

145. История Коммунистической партии Советского Союза. — Изд. 2-е, доп. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1963. — 784 с.

146. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги: путевые очерки И. В. Оленева: с многими рисунками. — [Гельсингфорс [Хельсинки]: Финское литературное общество, 1917]. — 172 с.

147. Кафенгауз Б. Б. Внешняя политика России при Петре I. — М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1942. — 88 с.

148. Кафенгауз Б. Б. Реформы Петра I в оценке М. Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского: Сборник статей. — М.; Л.: Акад. наук СССР, 1940. — Ч. 2. — С. 140–176.

149. Кондратьев Ф. Г. Константин Еремеев. — Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1964. — 79 с.

150. Копяткевич А. А. Из революционного прошлого в Олонецкой губернии (1905-1908 гг.). — Петрозаводск: Изд. Карельского Областкома РКП(б), 1922. — 54 с.

151. Куусинен О. В. «Калевала» — неувядаемый эпос карело-финского народа // Калевала / пер. Л. П. Бельского, под ред. В. Казнина и М. Шагинян. — М.: ОГИЗ, 1949. — С. III-XXXII.

152. Кучепатов Н. Г. Школа в дореволюционной Карелии. — Петрозаводск.: Гос. изд-во КАССР, 1956. — 106 с.

153. Левин С. М. История развития больничного дела в Карелии. — Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1957. — 23 с.

154. Линевский А. М. Очерки по истории древней Карелии, ч. 1 / А. М. Линевский; Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР. — Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1940. — 129 с.

155. Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. — СПб., 1910. — [3], IV, 428, 107 с.

156. Машезерский В. И. Великая Октябрьская Социалистическая Революция и победа Советской власти в Карелии // Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти. — Петрозаводск, 1948. — С. 49–69.

157. Машезерский В. И. Карело-Финская ССР / В. Машезерский, Ф. Трофимов. — М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940. — 66 с.

158. Машезерский В. И. Разгром иностранных интервентов и белогвардейцев в Карелии в 1918–1920 годах. — Петрозаводск, 1953. — 29 с.

159. Машезерский В. И. Установление советской власти в Карелии (1917–1918). — Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1957. — 207 с.

160. Михаил Илларионович Кутузов: (к 200-летней годовщине со дня рождения) / Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). — Москва, 1945. — 32 с.

161. Никулин М. Г. Реформа 1861 года на Олонецких горных заводах // Природные ресурсы и культура Карело-Финской ССР: Труды первой научной сессии Карело-Финского государственного университета, 12–15 мая 1947 г. — Вып. 1, секция гуманитарных наук. — Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1949. — С. 15-32.

162. Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР // Вопросы истории. — 1951. — № 3. — С. 53-60.

163. Очерки истории Карелии. Т. 1 / Карельский филиал Академии наук СССР, Институт языка, литературы и истории; под ред. В. Н. Бернадского, И. И. Смирнова, Я. А. Балагурова. — Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1957. — 430 с.

164. Очерки истории Карелии. Т. 2 / А. И. Андриайнен, А. И. Афанасьева, Е. С. Гардин и др.; ред.: С. И. Аввакумов и др.; Карел. фил. АН СССР, Ин-т языка, литературы и истории. — Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1961. — 411 с.

165. Очерки истории СССР: XVIII век: Пособие для учителей / под ред. Б. Б. Кафенгауза. — М.: Учпедгиз, 1962. — 320 с.

166. Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I / под ред. Б. Б. Кафенгауза, Н. И. Павленко. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — 814 с.

167. Панкрушев Г. А. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла / Г. А. Панкрушев; Академия наук СССР, Петрозаводский институт языка, литературы и истории. — М.; Л.: Наука, 1964. — 149 с.

168. Равдоникас В. И. История первобытного общества. — Ч. 1. — Л.: Изд. Ленингр. гос. университета, 1939. — 169 с.

169. Равдоникас В. И. История первобытного общества. — Ч. 2. — Л.: Изд. Ленингр. гос. университета, 1947. — 392 с.

170. Славин С. В. К истории железнодорожного строительства на Севере России в дореволюционной России // Летопись Севера: [ежегодник по вопросам ист. географии, истории геогр.открытий и исследований на Севере / ред. коллегия: И. А. Андреев, А. В. Ефимов (отв. ред.) [и др.]; АН СССР, Комис. по проблемам Севера]. — М.: Географгиз, 1957. — [Т.] 2. — С. 188-205.

171. Советская Карелия: очерки партийного, советского и культурного строительства АКССР / Ленингр. отд-ние Ком. акад., Ин-т сов. стр-ва и права; под ред. Г. С. Ровио, Н. А. Ющиева, Э. А. Гюллинга [и др.]. — М.; Л.: Ленсоцэкгиз, 1933. — 288 с.

172. Социалистическая индустриализация Карельской АССР / Под ред. Я. К. Берзтыса, Г. В. Кашарского. М.; Л.: Соцэкгиз. Ленингр. отд-ние, 1935. 319 с.

173. Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1943. — 218 с.

174. Сюкияйнен И. И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918–1920 годах. — Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1948. — 171 с.

175. Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. — М.: Наука, 1964. — 243 с.

176. Фальсификаторы истории (историческая справка). — Б. м.: ОГИЗ: Гос. изд-во полит. лит., 1948. — 79 с.

177. Филиппов Р. В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии. — Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1961. — 224 с.

178. Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. — Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1965. — 118 с.

179. Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. — Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1968. — 199 с.

180. Шитов Н. Ф. Александровский завод в начале XX в. // Природные ресурсы и культура Карело-Финской ССР: Труды первой научной сессии Карело-Финского государственного университета, 12–15 мая 1947 г. — Вып. 1, секция гуманитарных наук. — Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1949. — С. 44-54.

181. Шумилов М. И. Революционное движение в Карелии в 1905-1907 годах. — Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1955. — 44 с.

Труды по советскому музееведению

182. Вопросы совершенствования музейных экспозиций: Отд. истории СССР дооктябрьского периода. — М.: НИИ культуры, 1981. — 164 с.

183. Вопросы совершенствования научного содержания экспозиций краеведческих музеев. — М., 1987. — 40 с.

184. Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество / Под ред. Н. Н. Соболева. — М.: Гос. архит. изд-во, 1941. — 215 с.

185. Гнедовский Б. Музей ста островов // На рубеже. — 1964. — № 6. — С. 81–84.

186. Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи»: каталог / Авт.-сост.: А. Т. Беляев, Б. А. Гущин, В. А. Гущина. — Петрозаводск, 1973. — 100 с.

187. Государственный историко-краеведческий музей Карело-Финской ССР: Путеводитель по музею / Под ред. И. М. Мулло. — Петрозаводск, 1949. — 66 с.

188. Данилова Л. А. Музеи: итоги и задачи // Музейное дело в СССР. — М.: Советская Россия, 1970. — С. 9–26.

189. Закс А. Б. Методика построения экспозиции по истории СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской соц. революции / М-во культуры РСФСР. Науч.-исслед. ин-т музееведения. — М.: Госкультпросветиздат, 1957. — 122 с.

190. Иваницкий И. П. Методика построения экспозиции краеведческих музеев по истории послевоенных лет (1945–1958 гг.) / И. П. Иваницкий, М. П. Симкин. — М., 1961. — 101 с.

191. Игнатьева В. Н. Музееведение. Советские музеи (учебное пособие). — М., 1968. — 61 с.

192. Каспаринская С. А. Методика построения экспозиции по истории СССР: (Период капитализма 1861–1917 гг.) / С. А. Каспаринская, З. А. Огризко; М–во культуры РСФСР. Науч.–исслед. ин–т музееведения и охраны памятников истории и культуры. — М., 1967. — 142 с.

193. Кижский погост: Путеводитель / [В. П. Орфинский, Л. Ю. Тарлер] и др.; Управление по делам строительства и архитектуры Министерства коммунального хозяйства КАССР. — Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1957. — 49 с.

194. Королева А. С. Роль краеведческих музеев в пропаганде морального кодекса строителя коммунизма // Роль музеев в коммунистическом воспитании трудящихся / М-во культуры РСФСР, Науч.-исслед. ин-т музееведения ; под ред. А. С. Королевой. — Москва, 1966. — С. 34-55.

195. Левыкин К. Г. Роль государственных музеев в расширении и углублении знаний учащихся, развитии их познавательных способностей // Коммунистическое воспитание учащихся музейными средствами: Сборник научных трудов. — М.: НИИК, 1983. — С. 64–68.

196. Маковецкий И. В. Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи // Советская этнография. — 1963. — № 2. — С. 7–18.

197. Методика построения экспозиции в краеведческом музее: (отдел дореволюционного прошлого) / НИИ краеведческой и музейной работы. — М.: Госкульпросветиздат, 1949. — 64 с.

198. Михайловская А. И. Местная история и краеведческий музей: Изучение и показ в краевед. музее социально–экономических отношений второй половины XVIII — первой половины XIX в. / Под ред. К. Г. Митяева; М-во культуры РСФСР, Науч.-исслед. ин-т музееведения. — М., 1960. — 173 с.

199. Михайловская А. И. Музейная экспозиция: (Организация и техника) / Под ред. Ф. Н. Петрова и К. Г. Митяева. — М.: Сов. Россия, 1964. — 518 с.

200. Михайловская А. И. Организация и техника музейной экспозиции / А. И. Михайловская; под ред. Ф. Н. Петрова, К. Г. Митяева; Ком. по делам культ.–просвет. учреждений при Совете министров РСФСР, Науч.–исслед. ин–т краевед. и музейной работы. — М.: Госкультпросветиздат, 1951. — 214 с.

201. Музееведение. Музеи исторического профиля: Учебное пособие для вузов по спец. «История» / Под. ред. К. Г. Левыкина, В. Хербста. — М.: Высш. шк., 1988. — 431 с.

202. Музей и современность: Проблемы совершенствования экспозиций по истории советского общества / Науч. ред. А. Д. Тимрот ; М-во культуры РСФСР; Науч.-исслед. ин-т культуры. — М., 1975. — 295 с.

203. Музейное дело в СССР: Актуальные проблемы совершенствования музейных экспозиций. Сб. науч. тр. / Центр. музей революции СССР. — М., 1982. — 184 с.

204. Огризко З. А. Методика построения экспозиции по истории СССР: (Период феодализма) / М-во культуры РСФСР; Науч.-исслед. ин-т музееведения. — М., 1965. — 88 с.

205. Ополовников А. В. Музеи деревянного зодчества. — М: Изд-во лит. по строительству, 1968. — 116 с.

206. Основы советского музееведения / М-во культуры РСФСР; Науч.-исслед. ин-т музееведения. — М.: Госкультпросветиздат, 1955. — 375 с.

207. Период развернутого строительства коммунизма в экспозиции краеведческого музея: (метод. материалы). — М., 1967. — 181 с.

208. Роль музеев в коммунистическом воспитании трудящихся / М-во культуры РСФСР, Науч.-исслед. ин-т музееведения; под ред. А. С. Королевой, А. М. Разгона, А. С. Ханукова. — М., 1966. — 241 с.

209. Симкин М. П. Великая Отечественная война Светского Союза в экспозиции краеведческого музея / М. П. Симкин; Науч.-исслед. ин-т музееведения. — М.: Госкультпросветиздат, 1957. — 44 с.

210. Филиппова Р. Ф. К вопросу об атеистической направленности экспозиций музеев // Музеи в атеистической пропаганде: Сборник научных трудов. — Л.: Изд. ГМИРиА, 1984. — С. 35-69.

211. Шердаков В. Н. Атеистическая пропаганда на современном этапе и задачи музеев // Музеи в атеистическом воспитании : Сборник статей. — Л., 1974. —С. 3–9.

212. Шердаков В. Н. Нравственный идеал и атеистическое воспитание. — М.: Знание, 1985. — 64 с.

Источники личного происхождения

213. Гущина В. А. Из кижских воспоминаний. 1945–1980–е годы: Вера Брюсова и Никита Федосов // Кижи: газета ФГБУК ГИАМЗ «Кижи». — 2014. — № 8. — С. 3.

214. Еремеев К. С. Сборник воспоминаний и рассказов старого большевика. — М.: Изд-во общества политкаторжан, 1932. — 363 с.

215. Трифонова Л. Романтика семидесятых // Кижи: газета Федерального государственного бюджетного учреждения культуры Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи» (далее — Кижи: газета ФГБУК ГИАМЗ «Кижи»). — 2011. — № 7 (74). — С. 4.

Периодическая печать

216. 10 марта 1953 г. на Красной площади в Москве состоялись похороны Иосифа Виссарионовича Сталина: Речь тов. Г. М. Маленкова // Ленинское знамя. — 1953. — 10 марта (№ 55). — С. 1.

217. Американская авиация продолжает варварские бомбардировки мирных городов и сел Кореи // Ленинское знамя. — 1952. — 9 декабря (№ 242). — С. 4.

218. Американские агрессоры применяют газы против военнопленных // Ленинское знамя. — 1953. — 13 февраля (№ 33). — С. 4.

219. Внешняя политика Советского Союза // Правда. — 1940. — 31 марта (№ 90). — С. 1.

220. Гущина В. Руководитель, который понимал значение культурного достояния: К 100–летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Масленникова, стоявшего у истоков создания музея–заповедника «Кижи» // Кижи: газета ФГБУК ГИАМЗ «Кижи». — 2012. — № 3 (87). — С. 2.

221. Злодеяния американских агрессоров в отношении военнопленных // Ленинское знамя. — 1952. — 22 ноября (№ 231). — С 4.

222. Известия Советов депутатов трудящихся СССР. —1960. — 28 мая (№ 126).

223. Ленинская правда. — 1984. — 9 мая (№ 109).

224. Любарский А. Петрозаводчанин — редактор большевистской «Правды» // На рубеже. — 1961. — № 2. — С. 109-112.

225. Молодой большевик. —1948. — № 29. — С. 1.

226. О внешней политике правительства. Из доклада В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 29 марта 1940 года // Правда. — 1940. — 30 марта (№ 89). — С. 1.

227. Олонецкие губернские ведомости. — 1914. — 25 июля (№ 140). — С. 2.

228. Произвол французских властей в Марокко // Ленинское знамя. — 1953. — 13 февраля (№ 33). — С. 4.

229. Речь товарища Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа гор. Москвы 11 декабря 1937 года в Большом театре // Правда. — 1937. — 12 декабря (№ 340). — С. 1.

230. Улицы «Правды» и К. С. Еремеева в Петрозаводске // Ленинская правда. — 1962. — № 106. — С. 4.

231. Филиппины под гнетом американских империалистов // Ленинское знамя. — 1953. — 3 марта (№ 48). — С. 4.

232. Шитов Н. М. И. Калинин в Карелии // На рубеже. — 1947. — № 4. — С. 38-48.

233. Шутой В. Партизан Иван Окулов // На рубеже. — 1960. — № 6 (ноябрь–декабрь). — С. 110-114.

II. Литература

234. Аброськина Е. В. Между молотом и серпом: Судьба репрезентации культуры корейцев Еврейской автономной области в Государственном музее этнографии в 1937 г. // Музей. Памятник. Наследие. — 2020. — № 2 (8). — С. 92-103.

235. Аброськина Е. В. «Рука помощи братским народам»: История «Славянского вопроса» в экспозициях Государственного музея этнографии в 1930–1950-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2020. — Т. 11. — № 1 (87). — С. 1.

236. Аброськина Е. В. «Свободные женщины Востока»: Репрезентация советской политики в области женского вопроса в экспозициях Государственного музея этнографии в 1920–1930-е гг. // Музей. Памятник. Наследие. — 2022. — № 2 (12). — С. 106–119.

237. Авилкин А. М. Основные аспекты развития Отечественной историографии советско-финляндской воны 1939-1940 гг. // Вестник Военного университета. — 2010. — № 2 (22). — С. 78–83.

238. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально–психологические проблемы. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. — 240 с.

239. Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: РОССПЭН, 2010. — 622 с.

240. Алексеева А. Д. Развитие исторической науки в 60–80-е гг. // Историческая наука России в XX века. — М.: Научно-издат. центр Скрипторий, 1997. — 568 с.

241. Алмакучуков К. Исторический музей и его роль в формировании политики памяти и идентичности в современном Кыргызстане // Muzeum.kz. — 2023. — Т. 1. — № 4. — С. 1–6.

242. Альдибекова Т. Т. Репрезентация истории Казахстана в экспозиции Национального музея // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. Л. И. Бородкин, А. Д. Яновский. — М.: Этерна, 2015. — С. 594–602.

243. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.

244. Андреев Д. А. Пространство памяти: Великая Победа и власть / Д. А. Андреев, Г. А. Бордюгов. — Вып. 19. — М.: АИРО, 2005. — 56 с.

245. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. — М.: Изд–во «Европа», 2007. — 608 с.

246. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. — М.: Прогресс–Традиция, 2003. — 496 с.

247. Апонасенко А. Н. Проблемы отечественной истории: Реформа 19 февраля 1861 г. в Олонецкой губернии: изменение платежей и надельного землепользования крестьян // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования: сборник научных статей. — СПб.: Нестор-История, 2008. — С. 285-300.

248. Апрыщенко В. Ю. Зеркало нации: профессионализация истории и нациестроительство в «долгом» XIX веке // Диалог со временем. — М.: Аквилон, 2022. — Вып. 81. — С. 147–164.

249. Архитектор и его музей / подгот. Е. Добрынина // Кижи: газета ФГБУК ГИАМЗ «Кижи». — 2011. — № 7 (74). — С. 2.

250. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.

251. Ассман А. Забвение истории — одержимость историей / А. Ассман; [пер. с нем. Б. Хлебникова]. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. —552 с.

252. Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Отечественная история. — 1996. — № 5. — С.146–168.

253. Барбашин М.Ю. Советская идентичность в этносоциальном пространстве: институциональные особенности // Теория и практика общественного развития. — 2012. — №7. — С. 45–50.

254. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. — М: ИГ Прогресс, 2000. — С. 196–238.

255. Белянин Д. Н. Столыпинская аграрная реформа в отечественной историографии 1920–1980 гг.: основные тенденции оценок // Вестник Кузбасского государственного технического университета. — 2011. — №4. — С. 102–113.

256. Блинова А. Н. Идентичность через музей: трансляция культурного наследия немцев Омского региона / А. Н. Блинова, Е. А. Шлегель // Кунсткамера. — 2020. — № 2 (8). — С. 7–18.

257. Богатырева Е. А. Музей как фактор формирования духовно–культурной идентичности населения современного российского мегаполиса // Вестник МГУКИ. — 2009. — № 6. — С. 86–91.

258. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. — М.: Изд. дом «Постум», 2015. — 240 с.

259. Болдырева Е. В. Традиции советских художественных музеев: роль в формировании национальной идентичности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2022. — № 61. — С. 58–65.

260. Бордюгов Г. А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества / Г. А.Бордюгов, В. А. Козлов. — М.: Политиздат, 1992. — 352 с.

261. Борисов Ю. С. Политическая реабилитация в СССР (1950–1960-е гг.) в освещении

западной историографии / Ю. С. Борисов, А. В. Голубев // Отечественная история. — 1992. — № 5. — С. 205–209.

262. Буракова А. С. Отражение истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны в экспозициях музеев Витебской области // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. — 2010. — Т. 9. — С. 100–105.

263. Буряк Е. М. Пресса конца 1950-х — начала 1960-х гг. как канал формирования общественного сознания в СССР // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2016. — № 3. — С. 269–277.

264. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание / Пер. с англ. И. Б. Новик, В. Н. Садовский. — М.: Прогресс, 1988. — 506 с.

265. Великая Отечественная война в Карелии: Памятники и памятные места. — Петрозаводск: Кирья, 2015. — 334 с.

266. Виноградов И. С. Основные вехи эволюции и взаимоотношений КНР и СССР (России) // Современная научная мысль. — 2018. — № 4. — С. 143-152.

267. Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. — Хельсинки-СПб: Норма, 2006. — 384 с.

268. Витухновская-Кауппала М. Карелы в 1917 году: Выбор национальной стратегии. От культурной автономии до присоединения к Финляндии // Альманах североевропейских и балтийских исследований. — 2017. — № 2. — С. 403-429.

269. Вихавайнен Т. Национальная политика ВКП(б)/КПСС в 1920–1950-е гг. и судьбы карельской и финской национальностей // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо–Западе России в 1920–1950–е гг. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998.— С. 15–41.

270. Володин С. Ф. Историография периода «оттепели» (1953-1964 гг.) об эффективности труда в годы первых пятилеток // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 12-1 (62). — С. 44-51.

271. Волохова В. В. История памятника воинам, партизанам и подпольщикам Карельского фронта: петрозаводчане в борьбе за собственную память о войне // Россия и мир XXI веке: материалы II научно-практической конференции молодых ученых ПетрГУ. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. — С. 3–11.

272. Ворошин С. Д. Роль университетского музея в формировании культурной идентичности студенчества // Вестник Южно–Уральского государственного университета. Серия: Социально–гуманитарные науки. — 2017. — Т. 17. — №. 1. — С. 89–103.

273. Всесоюзная научная конференция–семинар музейных сотрудников «Задачи

совершенствования выставочной деятельности как одной из важнейших форм работы художественных музеев СССР», ноябрь 1985 г. / Мин-во культуры СССР; Академия художеств СССР. — М., 1985. — 237 с.

274. Гаврилова С. Наследие советских теоретических и экспозиционных методов в современных краеведческих музеях // Политика аффекта: Музей как пространство публичной истории / Под ред. А. Завадского и др. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — С. 174–194.

275. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.

276. Геворгян Л. П. Роль культурно-образовательной деятельности этнографических музеев в формировании национальной идентичности // Артикульт. — 2014. — № 4 (16). — С. 65–74.

277. Герасимов Г. И. Музей как идеальное явление // Вопросы музеологии. — 2020. — Т. 11. — Вып. 1. — С. 119–132.

278. Гнедовский М. Б. Музейная коммуникация как предмет музееведческого исследования / М. Б. Гнедовский, Ю. В. Дукельский // Музейное дело: Музей—культура—общество: Сб. научных трудов. — М., 1992. — С. 16–18.

279. Голов А. Г. Краеведческое движение на европейском Севере России в 1920–1930-е годы (по материалам Республики Карелия и Мурманской области): постановка проблемы // Вестник МГТУ. — 2007. — Т. 10. — № 3. — С. 359–363.

280. Голубев А. А. Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917 гг.): монография. — СПб.: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2011. — 205 с.

281. Гольденберг М. Л. «И времени полет его не сокрушит»: К 275-летию Г. Р. Державина // Север. — 2018. — № 7–8. — С. 202–205.

282. Гольденберг М. Л. Лабиринт Ивана Мулло // Вестник Национального музея Республики Карелия. — Вып. 7. — Петрозаводск, 2016. — С. 1–7.

283. Гончаров Г. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: монография / Г. А. Гончаров, С. А. Баканов, Н. В. Гришина, А. А. Пасс, А. А. Фокин. — Челябинск: Энциклопедия, 2013. —128 с.

284. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. — М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2000. — 304 с.

285. Грицкевич В. П. История музейного дела в новейший период (1918-2000). — СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2009. — 152 с.

286. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4-х кн. — Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 624 с.

287. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4-х кн. — Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева: ч. 2. — М.: Прогресс-Традиция, 2006. — 442 с.

288. Гусаров Н. А. Интерпретация прошлого в экспозициях Артиллерийского исторического музея в 1930-е гг. // Вопросы музеологии. — 2019. — 10 (1). — С. 68–78.

289. Гущин Б. А. Кижи во время оккупации (1941–1944 гг.) // Кижский вестник. — Петрозаводск, 2003. — № 8. — С. 48-66.

290. Гущин Б. А. Первый в СССР, или Зеленая улица и закрытый семафор: К 40–летию издания первого каталога фондового собрания музея–заповедника «Кижи» // Кижи: газета ФГБУК ГИАМЗ «Кижи». — 2013. — № 2 (97). — С. 4.

291. Дзялошинский И. М. Общественная психика и социальный порядок. В 2-х т. — Т. 1. Идеология и идентичность в системе общественного сознания. — М.: Ай Пи Ар Медиа, 2024. — 837 с.

292. Дианова Е. В. Краеведческие музеи и кооперация европейского севера: опыт сотрудничества (первая четверть XX в.) // Вопросы музеологии. — 2015. — № 1 (11). — С. 55–64.

293. Дианова Е. В. Культурно-просветительная деятельность кооперативных организаций Европейского Севера (1900–1920 гг.): монография. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. — 357 с.

294. Дианова Е. В. Музеи в контексте исторического краеведения Карелии: учеб. пос. для студентов-историков. — Ч. 1. Национальный музей Республики Карелия и его филиалы / Е. В. Дианова, К. А. Дианова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. — 68 с.

295. Дианова Е. В. Собрание предметов Карельского областного музея: приобретения и потери 1920-х годов // Вопросы музеологии. — 2018. — Т. 9. — Вып. 2. — С. 242–255.

296. Долак Я. Музейная экспозиция — музейная коммуникация // Вопросы музеологии. — СПб: Санкт–Петербургский гос. университет, 2010. — № 1. — С. 106–117.

297. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). — Брянск: Изд–во Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского, 2005. — 800 с.

298. Дугинец С. М. Деятельность музеев Ставрополья по сохранению наследия Великой Отечественной войны в 1941–1991 гг. // Военно-исторический журнал. — № 8. — 2019. — С. 58–63

299. Дукельский В. В поисках музейной концепции истории // Музейная экспозиция: Теория и практика. Искусство экспозиции. Новые сценарии и концепции: На пути к музею XXI века: Сб. науч. трудов / Отв. ред. М. Т. Майстровская. — М.: Российский институт культурологии,

1997. — С. 33-41.

300. Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. — М.: Наука, 2002. — 524 с.

301. Ефремов С. А. Раскол в Русской Православной церкви: Социальный протест или спор о путях развития России // Вестник Государственного университета просвещения. — Серия: История и политические науки. — 2022. — № 1. — С. 46–50.

302. Жербин А. С. Основные этапы изучения истории Советской Карелии // Историография Советской Карелии. — Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1986. — С. 5–17.

303. Закс А. Б. Из истории Государственного исторического музея (1917–1941 гг.) // Очерки музейного дела в России. — Вып. II. — М.: Советская Россия, 1960. — С. 300–378.

304. Задачи этнографии и этнографического музееведения // Советская этнография. — 1963. — № 2. — С. 1–6.

305. Зандкюлер Х. Й. Репрезентация, или как реальность может быть понята философски // Вопросы философии. — 2002. — № 9. — С. 81–90.

306. Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. — М.: Новое издательство, 2011. — С. 10–29.

307. Златоустова В. И. Государственная политика в области музейного дела (1945-1985 гг.) // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII-XX вв.). — М., 1991. —С. 226–298.

308. Иванов В. В. Коллективизация сельского хозяйства в освещении советской историографии // Социально-экономический и гуманитарный журнал. — 2022. — № 4. — С. 201–210.

309. Ионова О. В. Этнографические материалы в экспозициях отделов истории советского общества краеведческих музеев // Советская этнография. — 1963. — № 2. — С. 30-39.

310. История Карелии с древнейших времен до наших дней / А. И. Афанасьева [и др.]; под общ. ред. Н. А. Кораблева [и др.]; КНЦ РАН, Институт языка, литературы и истории. — Петрозаводск: Периодика, 2001. — 943 с.

311. Карма Ю. Петрозаводск трех веков : становление структуры города на фоне его планирования // Краевед: сборник статей / Петрозав. гор. клуб «Краевед», Нац. б-ка Респ. Карелия. — Петрозаводск, 2007. — С. 32–57.

312. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. —608 с.

313. Каюмова М. Р. Музей-заповедник «Марциальные воды» в 1950–1960-е гг.: проблема профилирования и её влияние на репрезентацию исторического прошлого // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2022. — Т. 9, № 1 (33). — С. 95–106.

314. Каюмова М. Р. Роль музейных репрезентаций Великой Отечественной войны в

формировании идентичности советских граждан // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2023. — Т. 45, № 5. — С. 42–52.

315. Козенко Б. Д. Отечественная историография первой мировой войны // Новая и новейшая история. — 2001. — № 3. — С. 3-27.

316. Козлова Н. Н. Советские люди. — М.: Европа, 2005. — 526 с.

317. Кондратьев В. Г. Карельский государственный музей. 1980-е гг. // Вестник Национального музея Республики Карелия. — Петрозаводск, 2021. — Вып. 8. — С. 38–44.

318. Коновалов В. С. Проблемы крепостного права в отечественной и зарубежной историографии (обзор) // Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права): Сб. обзоров и рефератов. — Сер. «История России» Отдел истории / отв. ред. В. С. Коновалов. — М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 2011. — С. 280–344.

319. Красильникова Е. И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции Омского музея в 1920-е гг. // Вопросы музеологии. — 2011. — № 2 (4). — С. 91-103.

320. Красильникова Е. И. Проблемы репрезентации коллективной памяти о прошлом в музейной экспозиции Государственного Западно-Сибирского краеведческого музея (1920-е — первая половина 1941 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2009. — Т. 8. — № 1. — С. 91–103.

321. Красильникова Е. И. Проблемы репрезентации исторического прошлого в экспозиции Омского краеведческого музея (1929 — первая половина 1941 г.) // Вестник Пермского университета. — 2014. — № 27. — С. 51–58.

322. Красильникова Е. И. Проблемы репрезентации коллективной памяти о прошлом в музейной экспозиции Государственного Западно–Сибирского краеведческого музея (1920-е — первая половина 1941 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2009. — Т. 8. — № 1. — С. 91–103.

323. Краснякова М. С. Проблема соотношения сюжета и мотива как нарративных структурных элементов в современном литературоведении // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно–строительного университета. — 2015. — Вып. 4 (18). — С. 197–200.

324. «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2 ч. / сост. М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер. — Ч. 1: История текста «Краткого курса истории ВКП(б)», 1931–1956. — М.: Политическая энциклопедия: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2014. — 791с.

325. Кузнецов А. А. Проблемы и преобразования в деятельности краеведческих музеев в СССР в 1930-е гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2026. — № 1. — С. 131–137.

326. Куприянов П. С. Историческая экспозиция глазами посетителя: к проблеме музейной реконструкции // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.–сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. Л. И. Бородкин, А. Д. Яновский. — М.: Этерна, 2015. — С. 530–553.

327. Левада Ю. А. Ищем человека: Социологические очерки. 2000–2005. — М.: Новое издательство, 2006. — 384 с.

328. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. — М.: Гноэзис, 2011. — 224 с.

329. Лермонтова Е. Н. Музейная экспозиция в пространстве культуры и истории: границы инвариативности // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. Л. И. Бородкин, А. Д. Яновский. — М.: Этерна, 2015. — С. 587–594.

330. Линков Я. И. История социально–экономического развития России в музейной экспозиции. Вторая половина XVIII — первая половина XIX вв. — М.: Госкультпросветиздат, 1957. — 97 с.

331. Линков Я. И. Революционные и боевые традиции в музейной экспозиции: (научно-методическое пособие). — М., 1960. — 71 с.

332. Линченко А. А. Проблема исторического сознания в философии и теории истории Йорна Рюзена // Известия Саратовского университета. — 2013. — Т. 13. — Вып. 4. — С. 22–27.

333. Логвиненко Е. С. Предметы из Каргопольского уезда в собрании Олонецкого губернского музея // Вестник Национального музея Республики Карелия. — Вып. 8. — Петрозаводск, 2021. — С. 92–106.

334. Майстровская М. Т. Музей как объект культуры. Искусство экспозиционного ансамбля. — М.: Прогресс-Традиция, 2016. — 672 с.

335. Макуров В. Г. Великая Отечественная война в Карелии: Историографический очерк. Изд. 2-е, доп. — Петрозаводск: Карелия, 2013. — 43 с.

336. Маловичко С. И. Национально–государственный нарратив в структуре национальной истории // Историческая память и российская идентичность / Под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. — М.: РАН, 2018. — С. 133–159.

337. Махотина Е. А. Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления memory studies в Германии // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко — М.–СПб: Нестор-История, 2018. — С. 75–92.

338. Маркова С. В. Образ врага в экспозиции провинциального музея (на примере Воронежского областного краеведческого музея). 1943–2013 гг. // Роль музеев в

информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. Л. И. Бородкин, А. Д. Яновский. — М.: Этерна, 2015. — С. 615–624.

339. Менш П. К методологии музеологии // Вопросы музеологии. — 2014. — № 1 (9). — С. 15–291.

340. Монгайт А. Л. Некоторые вопросы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет / А. Л. Монгайт, А. И. Першиц // Вопросы истории. — 1955. — № 1. — С. 135-141.

341. Музей и посетитель / Сост. В. А. Пронин. — Вып. 1. — М., 1975. — 123 с.

342. Музей и посетитель / Сост. В. А. Пронин. — Вып. 2. — 1976. — 175 с.

343. Музей и посетитель / Сост. В. А. Пронин. — Вып. 3. Вопросы социологического исследования в области музееведения. — М., 1978. — 149 с.

344. Музей и посетитель/ Сост. В. А. Пронин. — [Вып. 4.]: Актуальные проблемы музейного строительства / Сост. Д. А. Равикович. — М., 1979. — 158 с.

345. Музей Карелии: Концепция системы основных экспозиций КГКМ / [Д. Н. Кузнецов и др.]. — Петрозаводск: Скандинавия, 2006 — 178 с.

346. Намятова Е. С. Из истории Карельского государственного музея в 1930-е гг. (по материалам НА РК) // Вестник Национального музея Республики Карелия. — Вып. 7. — Петрозаводск, 2016. — С. 10–31.

347. Нахтингаль Р. Мурманская железная дорога (1915-–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. — СПб: Нестор-История, 2011. — 320 с.

348. Немчинов В. М. Проблемы и перспективы музейной репрезентации исторического сознания: опыт творческой коммуникации // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. Л. И. Бородкин, А. Д. Яновский. — М.: Этерна, 2015. — С. 565–587.

349. Нестеренко А. Н. Роль исторической памяти в формировании групповой идентичности воображаемых сообществ // Гуманитарный вестник. —2019. — № 6. — С. 1–15.

350. Никифоров Ю. А. Освещение истории Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в отечественной историографии: К 70-летию окончания Советско-финляндской войны / Ю. А. Никифоров, Р. Ф. Субханкулов // Вестник МГИМО-Университета. 2010. — № 1. — С. 1–14.

351. Никонова А. А. Роль музея в формировании культурной идентичности // Вопросы музеологии. — 2010. — № 2. — С. 119–123.

352. Основы музееведения: [учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 052800 «Музейное дело и охрана памятников»] / М-во культуры и массовых коммуникаций Рос. Федерации, Федер. агентство по культуре и

кинематографии, Гос. ин-т искусствознания, Рос. ин-т культурологии; [Т. В. Абанкина и др.]; отв. ред. Э. А. Шулепова. — М.: Едиториал УРСС, 2005. — 501 с.

353. Павлюченко Э. А. Посетитель музея и история края // Музей и посетитель. —1976. — Вып. 2. — С. 16–39.

354. Пашков А. М. Изучение истории Карелии на рубеже эпох // История, археология, этнография Карелии: Библиогр. Указ. лит. за 1966–1995 гг. / Сост. О. П. Кошкина и др. — Петрозаводск, 2002. — С. 5–10.

355. Петрунина Л. Я. От традиционного музея к социальному институту // Вопросы музеологии. — 2020. — Т. 11. — Вып. 1. — С. 133–140.

356. Пищулин Ю. П. О социально-демографическом составе посетителей краеведческого музея / Ю. П. Пищулин, Д. А. Равикович // Музей и посетитель. — Вып. 2. — М., 1976. — С. 3-15.

357. Пищулин Ю. П. Посетитель и музейная информация // Музей и посетитель: Актуальные проблемы музейного строительства. — М.: НИИК, 1979. — С. 3–19.

358. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало–сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. / Н. Н. Покровский; отв. ред. С. О. Шмидт; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. — Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1974. — 394 с.

359. Политика аффекта: Музей как пространство публичной истории / Под ред. А. Завадского и др. — М.: Новое литературное обозрения, 2019. — 400 с.

360. Поляков Т. П. Музейная экспозиция как художественная модель исторического процесса // Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции) / Под ред. Т. П. Полякова. — М., 1997. — С. 53–65.

361. Поляков Т. П. Семь дней в Святом городе: Сценарная концепция исторической экспозиции Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея (Тюменская область) // Музейные сценарии / Под. ред. Н. А. Никишина. — М., 1997. — С. 4–14.

362. Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX в. — М.: Республика, 1995. — 511 с.

363. Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. — М.: Наука, 2003. — 671 с.

364. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. Под общ. ред. Л. П. Репиной. — М.: Аквилон, 2020. — 464 с.

365. Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. — Изд-е второе, перераб. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 288 с.

366. Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 511 с.

367. Равикович Д. А. Аудитория музеев-заповедников // Актуальные проблемы музейного строительства: Музей и посетитель / НИИК; науч. Ред. Э. А. Павлюченко. — М., 1981. — С. 3-49.

368. Раева Т. В. Советское движение за мир в послевоенной культурной дипломатии: институты, дискурсы, практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2017. — Т. 17. — № 2. — С. 19–25.

369. Разгон А. М. К вопросу об изучении истории музейного дела // Очерки истории музейного дела в СССР. — Вып. VII. — М.: Советская Россия, 1971. —С. 3–8.

370. Разгон А. Кто готовит кадры специалистов // Советский музей. — 1988. — № 2. — С. 9.

371. Рикёр П. Время и рассказ. — Т. 1. Интрига и исторический рассказ. — М.; СПб.: Унив. книга, 1998. — 313 с.

372. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания / Отв. ред, Л. П. Репина. — М.: ИВИ РАН, 2005. — С. 38–62.

373. Салий А. А. Советская историография реализации реформы 1861 года (1945–1961) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. — Сер. 2. — 2008. — Вып. 4. — Ч. 1. — С. 76-85.

374. Самохина Г. А. Советская историография 1930-х — середины 1960-х гг. о роли России в Антанте (к истории тезиса о полуколониальной зависимости России от союзников) // Известия Саратовского университета. — Серия: История. Международные отношения. — 2018. — Т. 18. — Вып. 4. — С. 425-431.

375. Сапсай А. В. Попытка замены православных таинств новой советской обрядностью в 1960–1980-е гг. (на примере Пермской области) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. — Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. — 2024. — Вып. 117. — С. 147–160.

376. Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. — М.: Памятники исторической мысли, 1997. — 288 с.

377. Силантьев И. В. Факт и мотив: об одном существенном отличии литературного нарратива от исторического // Критика и семиотика. — 2013. — № 1 (18). — С. 138–144.

378. Силина М. «Эмоциональное мышление» и «самоговорящие вещи»: к истории аффекта в советских музеях 1920–1930-х гг. // Политика аффекта: Музей как пространство публичной истории / Под ред. А. Завадского и др. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — С. 151–173.

379. Скворцова Л. Г. История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в экспозициях школьных музеев г. Саранска // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. — № 3 (31). — 2015. — С. 38–41.

380. Советская историография. — М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1996. — 592 с.

381. Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев: по материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле. — М: Гос. ист. музей, 2002. — 294 с.

382. Соколова Т. Л. Антиалкогольная кампания в СССР в годы перестройки: к историографии проблемы // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 451. — С. 158–163.

383. Сомов В. А. Советская ментальность: маркеры социально-исторической идентичности / В. А. Сомов, Е. С. Волков // Новейшая история России. — 2022. — Т. 12. — № 4. — С. 1035–1048.

384. Степанова И. Б. «Солдаты культуры», или выставочная работа музея 2010-х гг. // Вестник Национального музея Республики Карелия. — Петрозаводск, 2021. — Вып. 8. — С. 45-51.

385. Сыров В. Н. К вопросу о нарративной природе социальной реальности и эпистемологическом статусе исторического нарратива // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2009. — № 3 (7). — С. 39–52.

386. Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1943. — 218 с.

387. Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России, начало XX в.: советская историография середины 1950-х — 1960-х гг. — М.: Наука, 1990. — 290 с.

388. Татарко А. Н. Взаимосвязь множественных идентичностей и социального капитала на постсоветском пространстве: межпоколенный анализ / А. Н. Татарко, Н. В. Чуйкина // Культурно-историческая психология. — 2021. — Т. 17. — № 4. — С. 65–73.

389. Теребков А. С. К вопросу о трактовке феномена нарратива в современном гуманитарном знании. Сущность и истоки // Омский научный вестник. — 2012. — № 3 (109). — С. 114–117.

390. Тупкин Р. В. Реализация вероисповедной политики советской власти в период хрущёвской антирелигиозной кампании (1954–1964 гг.): многофакторный анализ // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. — 2022. — № 4. — С. 6-26.

391. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ.; под ред. Е. Г. Трубинон и В. В. Харитонова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 528 с.

392. Фадеев П. В. Роль музеев Ханты-Мансийского Автономного округа в формировании идентичности посетителей // Этносоциум и межнациональная культура. — 2019. — № 10 (136). — С. 52–65.

393. Фадеева Л. А. Секьютеризация политики идентичности как аналитический инструмент // Вестник Пермского университета. Политология. — 2023. — Т. 17. — № 2. — С. 101-111.

394. Филимончик С. Н. Деятельность Карельского государственного музея в период социалистической реконструкции 1930-х гг. // Рябининские чтения—2023: материалы IX конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / отв. ред. Т. Г. Иванова. — Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2023. — С. 84–86.

395. Филимончик С. Н. Карелия в период советской модернизации 1920–1930-х гг. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2024. — 903 с.

396. Фромм Э. Личность в современной культуре // Психология личности. — Т. 1. Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ; М., 2000. — С. 233–246.

397. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. — М.: АСТ: АСТ Москва, 2010. — 698 с.

398. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. — М.: АСТ: Транзиткинига, 2004. — 635 с.

399. Хёслер И. Что значит «проработка прошлого»? Об историографии Великой Отечественной войны в СССР и России // Память о войне 60 лет спустя: Россия-Германия. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — С. 56–169.

400. Цыпин В. История Русской Православной Церкви: 1917–1997 гг. // История Русской Церкви. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. — 831 с.

401. Черников М. В. Базовый миф СССР: Сравнительно-концептуальный подход // Вестник Воронежского государственного университета. — Серия: Философия. — 2021. — № 2. — С. 98-117.

402. Шеин И. А. Война 1812 года в отечественной историографии. — М.: Научно-политическая книга, 2013. — 462 с.

403. Шейнин Л. Б. Феодализм в советской историографии: злоупотребление словом // Экономика в переломные эпохи. — История мировой экономики, вып. 6. Сборник статей. — М.: ИЭ РАН, 2017. — С. 54-74.

404. Шелегина О. Н. Роль музеев в формировании и трансляции позитивного имиджа Сибирского региона // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 351. — С. 74–80.

405. Шерман И. Л. Советская историография гражданской войны в СССР (1920–1931). — Харьков: Изд-во Харьк. ун-та., 1964. — 340 с.

406. Шидловская Т. Владимир. Владеющий миром по имени Кижи: [о первом директоре музея-заповедника «Кижи» В. И. Смирнове] // Кижи: газета ФГБУК ГИАМЗ «Кижи». — 2005.

— № 3 (10). — С. 5.

407. Шилов Н. Свидетели былых времен: комплектование фондовых коллекций музея-заповедника «Кижи». 1966–2010 годы // Кижи: газета ФГБУК ГИАМЗ «Кижи». — 2011. — № 1. — С. 6.

408. Шилова Н. Л. Кижи как идиллический локус в русской прозе 1970-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2013. — Т. 2. — №. 7 (136). — С. 78-81.

409. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). — М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общ-во любителей церковной истории, 1999. — 400 с.

410. Шмид В. Нарратология. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.

411. Шнирельман В. А. Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. — 2010. — № 4. — С. 8-25.

412. Шорина Д. Е. Книга отзывов как инструмент исследования и формирования имиджа музея / Д. Е. Шорина, О. В. Шестак // Ценности и смыслы. — 2017. — № 4 (50). — С. 106–113.

413. Шорохова И. В. Карельское отделение общества «СССР—Финляндия» в системе советской культурной дипломатии 1960-х гг.: от межкультурного диалога к межкультурной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. История. — 2025. — № 96. — С. 96–107.

414. Шуматова Т. В. Фактор адресата в речевом жанре «Книга отзывов и предложений» // Вестник Кемеровского государсвтенного университета. — 2011. — № 2 (46). — С. 166–172.

415. Эко У. Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике / Пер. с итал. А. Шурбелева. — СПб.: Академический проект, 2004. — 384 с.

416. Эко У. Роль читателя: исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. — СПб.; М.: Изд-во РГГУ, 2005. — 501 с.

417. Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. В. Большакова, ст., коммент. Е. Строгановой. — М.: Инвест-ППП, 1995. — 238 с.

418. Юдин К. А. «Критический поворот» в отечественной историографии на рубеже 1980–1990-х годов и перспективы организации исторического знания на постсоветском пространстве // На пути к гражданскому обществу. — 2011. — № 1–2. — С. 22–29.

419. Юрганов А. Л. «Оттепель» в СССР: две модели рефлексии после XX съезда КПСС // Философский журнал / Philosophy Journal. — 2021. — Т. 14. — № 3. — С. 131–147.

420. Юренева Т. Ю. СССР: От «храма науки» к «политико–просветительному комбинату» // Музей в мировой культуре / Т. Ю. Юренева. — М.: Русское слово-РС, 2003. — С. 378–392.

421. Юхневич М. Ю. Воздействие экспозиции краеведческого музея на учащуюся молодежь // Музей и посетитель: Актуальные проблемы музейного строительства. — М.: НИИК, 1979. — С. 30–53.

422. Юхневич М. Ю. К проблеме восприятия экспозиционного комплекса // Музей и посетитель. — М., 1976. — Вып. 2. — С. 73–93.

423. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. — 1995. — Т. 4. — № 3–4. — С. 158–182.

424. Якупова Д. В. Советское общество и война в Афганистане в оценках Центрального разведывательного управления / Д. В. Якупова, Р. А. Якупов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. — 2019. — № 2 (50). — С. 84–99.

III. Диссертации

425. Маслов Д. В. Локальные музеи и репрезентация этнической культуры алтайцев: дис. … канд. ист. наук: спец.: 07.00.07 / Д. В. Маслов, РАН ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М., 2017. — 41 с.

426. Шуб М. Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве: диссертация ... доктора культурологи: 24.00.01 / Челябинский гос. ин-т культуры. — Челябинск, 2018. — 491 с.

IV. Литература на иностранных языках

427. Ankersmit F. R. Historical Representation. — Stanford: Stanford/Cambridge, 2001. — 321 p.

428. Ankersmit F. R. Meaning, truth and reference in historical representations. — New York: Cornell University press, 2012. — 264 p.

429. Assmann A. Konstruktion von Geschichte in Museen. // Aus Politik und Zeitgeschichte. — Vol. 49. — 2007. — P. 6–13.

430. Coombes A. E. Museums and Formation of National and Cultural Identities // Grasping the World: The Idea of the Museum / Ed. by D. Preziosi, C. Farago. — London: Routlege, 2004. — P. 57–68.

431. Danto A. C. Narration and Knowledge / A. C. Danto. — N. Y.: Columbia University Press, 1985. — 399 p.

432. Gallie W. B. Philosophy and the historical understanding. — London: Chatto & Windus, 1964. — 236 p.

433. Hein H. S. The museums in transition: A philosophical perspective. — Washington: Smithsonian Institution, 2000. — 220 p.

434. Kisser T. S. Museum and the Russian Germans Identity // Ежегодник Международной

ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. — 2022. — Vol. 1 (11). — P. 102–113.

435. Louch A. R. History as Narrative // History and Theory. — 1969. — Vol. 8 (1). — P. 54–70.

436. McLean F. Constructing the Identity of a Nation: The Tourist Gaze at the Museum of Scotland / F. McLean, S. Cooke // Tourism Culture & Communication. — 2003. — Vol. 4. — No 3. — P. 153–162.

437. McLean F. Introduction: Heritage and Identity // International Journal of Heritage Studies. — 2006. — Vol. 12. — No 1. — P. 3–7.

438. McLean F. The Impact of Museums upon Identity / F. McLean, A. Newman // International Journal of Heritage Studies. — 2006. — Vol. 12. — No. 1. — P. 49–68.

439. Ravasi D. The Stuff of Legend: History, Memory, TB THE Temporality of Organizational Identity Construction / D. Ravasi, V. Rindova, I. Stigliani // Academy of management Journal. — 2019. — Vol. 62. — No. 5. — P. 1523–1555.

440. Zhang C. X. Politics of memories: Identity construction in museums / C. X. Zhang, H. Xiao, N. Morgan, T. P. Ly // Annals of Tourism Research. — 2018. — Vol. 73. — P. 116–130.

VI. Электронные ресурсы

441. Бокова Я. М. Эволюция общественных настроений и массового сознания советского общества в середине 50-х — первой половине 60-х гг. XX века // Исторические исследования : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). — Казань: Бук, 2015. — С. 41–45. — URL: https://moluch.ru/conf/hist/archive/129/7977 (дата обращения: 24.12.2025).

442. Вихаванен Т. Финляндская историография Зимней войны: лекция. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. — [20] с. — URL: http://elibrary.petrsu.ru/books/9813 (дата обращения: 01.03.2026).

443. Горький М. Разрушение личности // Максим Горький: сайт. 2000–2025. ─ URL: https://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-343.htm (дата обращения: 12.06.2025).

444. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Конституция РФ. ─ URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/?ysclid=mm943cn495536097344 (дата обращения: 22.02.2026).

445. Ленин В. И. Задачи пролетариата в данной революции: Апрельские тезисы // Хронос: сайт. ─ URL: https://hrono.ru/libris/lib_l/lenin_apr.php?ysclid=md6b0q7q5p436495107 (дата обращения: 10.06.2025).

446. Мазур Л. Н. Особенности начального этапа историографии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Ноябрьские историко-архивные чтения в Пермском партархиве, 2020:

[сборник]. — Пермь, 2021. — С. 10–19 // Пермский государственный архив социально-политической истории. — URL: https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/november-readings/noyabrskie-istoriko-arhivnye-chteniya-v-permskom-partarhive-v-2020-godu/materialy-nauchnoj-konferentsiii-noyabrskie-istoriko-arhivnye-chteniya-2020-g/osobennosti-nachalnogo-etapa-istoriografii-velikoj-otechestvennoj-vojny-1941-1945-gg.html (дата обращения: 10.06.2025).

447. Мельникова Н. Юрий Линник и Кижи // Книга воспоминаний о Юрии Линнике. — Петрозаводск: Национальная библиотека Республики Карелия, 2019. — С. 53–54. — URL: http://avtor.karelia.ru/elbibl/moskin/o_linnike_new/52/index.html (дата обращения: 20.06.2026).

448. Никонова С. И. Историческая наука в последние десятилетия советской власти (1960–1980-е гг.) // Современные проблемы науки и образования: Сетевое издание. — 2015. — № 2 (Ч. 2). — URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=22850 (дата обращения: 12.07.2025).

449. Общая информация // Национальный музей Республики Карелия: сайт. — Петрозаводск, 2025. — URL: https://kareliamuseum.ru/o-muzee/183/ (дата обращения: 15.03.2025).

450. Сталин И. В. речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // Хронос: сайт. — URL: https://hrono.ru/libris/stalin/13-44.html?ysclid=mc81d1cz7t336283652 (дата обращения: 10.06.2025).

451. Тишков В. А. Диалог истории и антропологии // Валерий Тишков: Институт этнологии и антропологии РАН. — URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/dialog_ist.html (дата обращения: 25.12.2025).

452. Шорохова И. В. Туристическая отрасль Карелии в 1960-е годы (на примере организованного иностранного туризма в крае) // Вестник науки и образования Северо-запада России. 2— 019. — Т. 5. — № 2. — С. 1—14. // Научный рецензируемый электронный журнал. — URL: http://vestnik-nauki.ru/wp-content/uploads/2019/07/2019-N2-Shorohova.pdf (дата обращения: 01.08.2025).